

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2024. Том 51, №1

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2024. Том 51, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 27,5. Дата выхода 30.03.2024. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Черкасов А.И.**
Историческая память о Кавдинской битве 321 г. до н. э. в античной традиции
- 15 **Пашкова А.Ю.**
К истории регионализма на юге античной Малой Азии: Писидия
- 27 **Клименко Р.В.**
Марк Клавдий Марцелл и война римлян с инсубрами
- 34 **Иванова Е.С.**
Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса
- 44 **Ярцев С.В., Шушунова Е.В.**
Культ предков у гуннов как ключевой фактор появления новой волны кочевников в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н. э.
- 54 **Руднева М.А., Дронова Я.А.**
История ранневизантийской Александрии в трудах Захарии Митиленского
- 63 **Веретенникова Е.П.**
К вопросу о влиянии христианства на материальную культуру ранневизантийской Ликии
- 73 **Худавердян А.Ю.**
В.В. Бунак и геноцид армян: приключение одной фотографии
- 83 **Майсам Махди**
Вклад советских ученых в изучение и популяризацию языка пушту в СССР и Афганистане
- 91 **Крыжко Л.А.**
Проект Ассоциации пользователей Суэцкого канала во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: первая Лондонская конференция 1956 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 102 **Жигалов В.М.**
Формирование и периодизация военно-административного управления историческим регионом Белгородской черты в контексте его оборонительного значения
- 116 **Ляпин Д.А., Нечаев В.В.**
Складывание нормативной основы государственной политики «окрестьянивания» однодворцев в России в 1699–1724 гг.
- 127 **Новокрещенова Е.С.**
«Мари сама писала. Я не умею ещё писать»: детские письма, написанные взрослыми, из фондов императорской фамилии (1820–1830 гг.)
- 135 **Козлов К.В., Сергиенко М.А.**
Православные часовни Центрального Черноземья – памятники спасения императорской семьи 17 октября 1888 года
- 148 **Журавлева А.Г.**
Свадебное путешествие П.Е. Щербова в Японию в 1896–1897 гг.
- 162 **Уланов Н.Д., Ситников К.А.**
Профессиональная подготовка сотрудников милиции в период с 1918 по 1942 гг. (на примере Воронежского региона)
- 172 **Прокофьева Е.Ю., Галушко И.Г.**
Задачи электрификации Центрально-Черноземной Области РСФСР в середине – второй половине 1920-х годов
- 182 **Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А.**
Опыт российских железных дорог в борьбе против эпидемий в довоенные годы и в 1941–1945 гг.: специализированные поезда
- 192 **Шаповалова С.П., Истомина И.В.**
Советская женщина и Великая Отечественная война в контексте народных частушек
- 203 **Талтынова Е.В.**
Боевые действия советских войск в ходе освобождения Северо-Восточного Китая от Квантунской армии в августе 1945 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 215 **Спасский Е.Н.**
Специальная военная операция РФ на территории Украины в оценках германских политических партий
- 230 **Бистрина М.Г.**
«Закат» Шенгена как результат неэффективной миграционной политики ЕС
- 240 **Цымбалова А.Е.**
Изменение политической риторики испанской партии «VOX» («Голос») по вопросам миграции и общественной безопасности с марта 2020 по декабрь 2023 года
- 250 **Захаров С.М.**
Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2024. Volume 51, No. 1

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University».

Publisher: Belgorod State National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Political Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Political Sciences (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Political Sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Historical Sciences; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Historical Sciences, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 27,5. Date of publishing: 30.03.2024. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod State National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Cherkasov A.I.**
Historical Memory of the Battle of Caudium 321 B.C. in the Ancient Tradition
- 15 **Pashkova A.Yu.**
On the History of Regionalism in the South of Ancient Asia Minor: Pisidia
- 27 **Klimenko R.V.**
Marcus Claudius Marcellus and the Roman War Against the Insubres
- 34 **Ivanova E.S.**
Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremony of the Salutatio, Imperial Convivium and Entertainment of the Princes
- 44 **Yartsev S.V., Shushunova E.V.**
Cult of Ancestors in the Huns as a Key Factor in the Emergence of a New Wave of Nomads in the Northern Black Sea Region in the Second Half of the 4th Century AD
- 54 **Rudneva M.A., Dronova Ya.A.**
History of Alexandria in Early Byzantine Times in the Works of Zecharias of Mytilene
- 63 **Veretennikova E.P.**
On the Question of the Influence of Christianity on the Material Culture of Early Byzantine Lycia
- 73 **Khudaverdyan A.Yu.**
V.V. Bunak and the Armenian Genocide: The Adventure of a Single Photograph
- 83 **Mahdi Maisam**
Contribution of Soviet Scientists to the Study and Popularization of the Pashto Language in the USSR and Afghanistan
- 91 **Kryzhko L.A.**
Suez Canal Users' Association Project in US Foreign Policy Strategy in the Middle East: First London Conference 1956

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 102 **Zhigalov V.M.**
Formation and Periodization of Military-Administrative Management of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of Its Defensive Significance
- 116 **Lyapin D.A., Nechaev V.V.**
Formation of the Normative Basis of the State Policy of «Peasantization» of the Poor Nobles (Odnodvortsy) in Russia in 1699–1724
- 127 **Novokreshchenova E.S.**
«Marie wrote it herself. I don't know how to write yet»: In Addition to the Question about Children's Letters Written by Adults from the Archive of the Imperial Family (1820–1830s)
- 135 **Kozlov K.V., Sergienko M.A.**
Orthodox Chapels of the Central Chernozem Region as Monuments of the Emperor's Family Rescue on October 17, 1888
- 148 **Zhuravleva A.G.**
P.E. Shcherbov's Wedding Trip to Japan in 1896–1897
- 162 **Ulanov N.D., Sitnikov K.A.**
Professional Training of Militia Officers in the Period from 1918 to 1942 (On the Example of the Voronezh Region)
- 172 **Prokofieva E.Yu., Galushko I.G.**
Tasks of Electrification of the Central Black Earth Region of the RSFSR in the Mid – Second Half of the 1920s
- 182 **Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.A.**
The Experience of Russian Railways in the Fight Against Epidemics in the Pre-War Years and in 1941–1945: Specialized Trains
- 192 **Shapovalova S.P., Istomina I.V.**
The Soviet Woman and the Great Patriotic War in the Context of Folk Ditties
- 203 **Taltynova E.V.**
The Fighting of Soviet Troops During the Liberation of Northeastern China from the Kwantung Army in August 1945

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 215 **Spassky E.N.**
The Special Military Operation of the Russian Federation on the Territory of Ukraine in the Assessments of German Political Parties
- 230 **Bistrina M.G.**
“Sunset” of Schengen as a Result of Ineffective EU Migration Policy
- 240 **Tsymbalova A.E.**
Political Rhetoric Change of the Spanish Party «VOX» Concerning Migration and Public Security from March 2020 to December 2023
- 250 **Zakharov S.M.**
The Media Discourse of Victory Day: Risks for Modern Youth

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 93(37).03

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Оригинальное исследование

Историческая память о Кавдинской битве 321 г. до н. э. в античной традиции

Черкасов А.И.

Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: arteomcherckasov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция исторической памяти в античной историографии и отдельные проблемные вопросы, связанные с Кавдинскими событиями 321 г. до н. э. На основе «синтезного» подхода, объединяющего традиционные позитивистские методы и новые инструменты исторической памяти, выявлены четыре исторические традиции (анналистическая, греческая, родовая, «ливиевая»), определены места консенсусной и конфликтной памяти и прослежены мнемонические стратегии принятия травмы прошлого в трудах древних авторов. Также в результате определения этапов искажения памяти о событии удалось выявить наиболее ранний слой в сохранившихся традициях, который позволяет подтвердить достоверность отказа Рима от Кавдинского договора и пересмотреть ряд доминирующих гиперкритических положений.

Ключевые слова: историческая память, Кавдинская битва, Самнитские войны, анналистическая историография, Ливий, раннереспубликанский Рим, самниты

Для цитирования: Черкасов А.И. 2024. Историческая память о Кавдинской битве 321 г. до н. э. в античной традиции. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 5–14. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Historical Memory of the Battle of Caudium 321 B.C. in the Ancient Tradition

Artem I. Cherkasov

North-Caucasus Federal University,
1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russia

E-mail: arteomcherckasov@mail.ru

Abstract. The article examines the Battle of Caudium 321 B.C. as the traumatic place of memory in the classical ancient intellectual heritage and the number of specific problematic issues of the topic. Based on the «synthetic» approach, which combines the methodology of positivism and historical memory, the work identified annalistic, Greek, family and Livy's traditions, determined places of consensus and conflict memory and traced mnemonic strategies of taking past trauma in classical ancient historiography. The author concludes that in the II century B.C. the annalistic tradition adhered to the strategy of «normalization» of memory, which was also facilitated by the understanding of the past trauma in the Greek

tradition. However, during the same period, the family tradition attempted to change the memory of the event in the direction of «glorification». In I century B.C., the nostalgia factor in the era of crisis of the Republic led to the emergence of the Livy's tradition, which established «glorification» as the dominant mnemonic strategy and almost completely supplanted all other forms of memory of the Caudine battle. Identification of the stages of memory distortion also allowed determining the earliest layer of tradition, which confirms the authenticity of Rome's rejection of the Caudine treaty.

Keywords: historical memory, battle of Caudium, Samnite wars, annalistic historiography, Livy, early republican Rome, Samnites

For citation: Cherkasov A.I. 2024. Historical Memory of the Battle of Caudium 321 B.C. in the Ancient Tradition. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 5–14 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Период Самнитских войн был насыщен множеством ярких побед и тяжёлых поражений римской армии, однако из всех них только Кавдинская битва приобрела особое значение для квиристов. Как это ни парадоксально, но память о военном поражении и позорном мире утвердилась в римской историографии в качестве одного из ключевых событий прошлого и продолжала воспроизводиться в работах различных авторов на протяжении многих веков. Тем не менее неблагоприятный характер события обусловил попытки древних историков видоизменить прошлое, что в итоге привело к появлению множества конфликтующих между собой интерпретаций. Наличие значительного числа противоречий в источниках породило и ряд проблемных вопросов в научной историографии. На протяжении двух последних веков исследователи, опираясь исключительно на традиционные позитивистские методы, приложили немалые усилия для решения существующих проблем, связанных с Кавдинской битвой [Майорова, 1996; Salmon, 1929; De Visscher, 1946; Crawford, 1973; Tullio, 1993; Urso, 1997; Briquel, 2006]. Однако на современном этапе исследований по-прежнему сохраняется множество дискуссионных вопросов, в решении которых требуется привлечение новых методов, в данном случае возникших в рамках направления *Memory studies*. Исследования в ракурсе исторической памяти являются особенно актуальными при изучении ранней римской истории, поскольку без рассмотрения эволюции воспоминаний о прошлом в трудах античных авторов невозможно приблизиться к понимаю объективной реальности. Комплексное изучение различных аспектов Кавдинской битвы также важно для понимания не только истории Рима, но и прошлого самнитов, историческая память о которых сохранилась только во внешних источниках.

«Мемориальный поворот», произошедший в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., актуализировал исследования в русле нового направления [Леонтьева, 2015, с. 59], однако его междисциплинарный подход, синтезировавший методы истории, социологии и психологии, требует краткого предварительного пояснения теоретической основы и терминологического аппарата, используемых в статье. Следуя за определением Л.П. Репиной, «историческую память» в широком смысле можно трактовать как совокупность различных представлений социума об общем прошлом [Репина, 2006, с. 23]. Теоретическая основа нового направления тесно связана с двумя предшествующими концепциями: «коллективного сознания» Э. Дюркгейма, определившего его как совокупность убеждений и чувств, единых для одного общества [Durkheim, 1893, p. 84], и «коллективной памяти» М. Хальбвакса, который под предложенным термином подразумевал общие представления группы людей о событиях прошлого [Halbwachs, 1925, p. 377]. Важное значение также имеет концепция «мест памяти» П. Нора как ключевых свидетельств прошлого, память о которых поддерживается людьми настоя-

щего в материальной или духовной культуре [Nora, 1984, p. 24]. «Героический» или «травматический» характер исторических событий обуславливает различные стратегии принятия прошлого, которых в современной теории исторической памяти выделяется 6 видов – «героизация», «виктимизация», «рессентимент», «ностальгия», «нормализация прошлого» и «проработка прошлого» [см.: Леонтьева, 2015, с. 83].

Объект и методы исследования

В связи с этим объектом исследования является Кавдинская битва как травматическое место памяти в античном интеллектуальном наследии. Хотя древние авторы и представляли собой лишь ограниченную группу интеллигенции, их восприятие прошлого играло важную роль в сохранении и конструировании коллективной памяти, являясь своего рода ориентиром, целостно освещающим историческую действительность. Именно поэтому в силу отсутствия сохранившихся воспоминаний простых квиритов труды древних историков выступают единственной формой изучения памяти о ранних периодах римской истории. Однако в отличие от «классических» исследований исторической памяти мы не будем ограничиваться только изучением субъективных представлений о прошлом, но также обратимся и к проблемам, которые связаны с пониманием объективной реальности. Без изучения вопросов о достоверности сведений различных авторов в данном случае невозможно проследить эволюцию коллективных представлений, поскольку изначальное историческое ядро события остаётся неоднозначным и дискуссионным. Память как субъективное представление о прошлом и история как научное знание об объективной реальности являются двумя взаимосвязанными элементами, которые, по точному выражению Л.П. Репиной, «постоянно подпитывают друг друга» [Репина, 2006, с. 39]. Отделение одного от другого не принесёт столь значимых результатов, как при использовании «синтезного» подхода, объединяющего традиционные позитивистские методы критического анализа источника и «новые» инструменты исторической памяти, нацеленные на изучение эволюции коллективных представлений о прошлом посредством анализа «кейсов», дискурсов и нарративов, выраженных в текстовой или визуальной форме. Только в единстве двух методологических систем через изучение субъективного и объективного прошлого можно познать событие во всей его полноте.

Результаты и их обсуждение

Историческая память о Кавдинском сражении и мире сохранилась во множестве различных источников, которые можно сгруппировать в четыре основные традиции, взяв за критерий выделения общий взгляд нескольких авторов на ключевые детали в описании события. Для дальнейших дискуссий по проблемным вопросам необходимо кратко осветить содержание каждой традиции:

1) «Ливиева» традиция (последняя треть I в. до н. э. – V в.) – представляет собой работу Ливия и совокупность трудов античных авторов, опирающихся на неё в описании Самнитских войн. Данная версия событий стала своего рода «канонической» и практически не подвергалась сомнению в период Империи. Согласно традиции, в 321 г. до н. э. римляне с целью оказать помощь осаждённой Луцерии отправили войска по кратчайшему пути через Самний, однако в результате этого они попали в засаду в Кавдинском ущелье (Liv.IX.2; De vir.ill.XXX.2–3). Самнитский военачальник Понтий, обдумывая как лучше поступить с окружёнными, обратился за советом к своему отцу Гереннию, который предложил либо отпустить римлян невредимыми, либо всех их перебить, однако в итоге он выбрал средний путь (Liv.IX.3.4–11; Val.Max.VII.2.17 ext.; Flor.I.11.10–11; De vir.ill. XXX.3–4; Oros.III.15.3). Понтий потребовал освободить захваченные самнитские земли и возобновить равноправный союз (Liv.IX.4.4), а после согласия консулов Постумия Альбина и Ветурия Кальвина провёл всех захваченных римских воинов под «ярмом» (Liv.IX.6.1–3; Val.Max.V.1.5 ext.;

VII.2.17 ext.; Flor.I.11.11; Gell.XVII.21.36; Amp.XX.10; XXVIII.2; De vir.ill.XXX.4; Eutr.II.9.1; Oros.III.15.5), оставив только 600 всадников в качестве гарантии ратификации мира (Liv.IX.5.1–6; Oros.III.15.6). В описании капитуляции Ливий изображает самнитов как высокомерных, жестоких и бесчестных (Liv.IX.5.12–13; 6.2), противопоставляя им добродетельность союзной Капуи, которая предоставила консулам с армией, возвращавшимся в Рим, оружие, коней, одежду и продовольствие (Liv.IX.6.5–7; Val.Max.V.1.5 ext.). Однако в рамках традиции наблюдаются расхождения в отношении формы соглашения: Ливий пишет о заключении sponsionis («клятвенного поручительства») (Liv.IX.5.2–4), в то время как остальные авторы периода Империи сообщают о подписании foederis («договора») (Val.Max.VI.1.9; Flor.I.11.11; Amp.XX.10; De vir.ill.XXX.4; Oros.III.15.7) либо просто мира (Gell.XVII.21.36). Тем не менее далее все авторы едины во мнении, что по возвращении армии Сенат отказался ратифицировать мир (De vir.ill.XXX.4; Eutr.II.9.2; Oros.III.15.8), выдав самнитам всех причастных к заключению соглашения по предложению самих консулов (Liv.IX.8–10; Val.Max.VI.1.9; Amp.XX.10). Однако Понтий отказался принимать их (Liv.IX.11; Vell.Pat.II.1.5; De vir.ill.XXX.5), в связи с чем война продолжилась, а 600 «кавдинских» заложников были спасены в следующем году после взятия Луцерии (Liv.IX.15.7).

2) Греческая традиция (II в. до н. э. – III в.) – представлена историками эллинистического происхождения, которые писали на греческом языке. Сведения о цели военной кампании не сохранились, однако в рамках традиции упоминается преувеличенная численность римских войск, оцениваемая в 40–50 тыс. воинов (Dion.Hal.XVI.1.4; App.Samn.IV.2). Римляне, оказавшиеся в засаде, вступили в бой с самнитами (P.Оху.XII.10), но потерпели поражение и понесли существенные потери, по сведениям Аппиана, погибла часть командного состава (Samn.IV.6), а по сообщению Аристида Милетского, были разгромлены три легиона и даже сам консул Постумий Альбин получил смертельное ранение, но, несмотря на это, после битвы принёс подношение Юпитеру из щитов мёртвых врагов (FGrH 286 F.3). Консулы в конечном итоге пошли на переговоры с Понтием, который, после беседы с отцом (App.Samn.IV.4), потребовал от римлян освободить захваченные земли и больше не воевать против самнитов (App.Samn.IV.5). Консулы вынуждены были принять требования, скрепив соглашение в форме sponsionis (App.Samn.IV.6; Dio.Cass.Fr.VIII.19), и оставить знатных всадников в заложники (App.Samn.IV.4). Однако в греческой традиции даётся просамнитская трактовка отношения победителей к сдавшимся, в частности Понтий предоставил римлянам «возможность в одном одеянии невредимо пройти под ярмом» и «дал им несколько выючных животных для больных и пищу, чтобы они могли дойти до Рима» (App.Samn.IV.5–6). По возвращении в столицу Сенат отказался признавать мир и выдал виновных самнитам, однако Понтий не принял их, вследствие чего война продолжилась (Plut.Ti.Cracch.7; Dio.Cass.Fr.VIII.36.19–20).

3) Анналистическая традиция (первая половина I в. до н. э.) – представлена фрагментами работы Клавдия Квадригария и отдельными отрывками трудов Цицерона, в которых сохранились сведения анналистов. В рамках традиции упоминается Понтий и его отец (FRHist 24 F.12; De sen.41; De off.II.75), кратко сообщается о битве в Кавдинском ущелье (Cic.De off.III.109; De sen.XII.41), заключении foederis (FRHist 24 F.13; Cic.De inv. II.91), 600 заложниках (FRHist 24 F.14–15), отказе Сената ратифицировать соглашение и выдаче самнитам всех к нему причастных (Cic.De off.III.109; De inv.II.91). Однако в отличие от других традиций во фрагменте работы Клавдия Квадригария косвенно сообщается о казни 600 «кавдинских» заложников: «когда об этом узнали родственники заложников, которые, как отмечалось ранее, были переданы Понтию, то их родители с близкими, распустив волосы, выбежали на дорогу» (FRHist 24 F.14). В данном случае о казни заложников свидетельствует примечание о публично распущенных волосах, что в римском обществе являлось символом женского траура [см.: Сергеенко, 1964, с. 216].

4) Родовая традиция (II в. до н. э.) – представлена денарием Тиберия Ветурия ок. 137 г. до н. э. На аверсе монеты отчеканена голова Марса с легендой TI.VET (Тиберий Ветурий),

а на реверсе изображена сюжетная сцена: в центре находится сидящий человек со свиньёй в руках, к которой приставили ножи две стоящие персоны по краям [Crawford, 1973, p. 4]. Учитывая датировку монеты, можно было бы предположить, что сцена на реверсе изображала заключение Нумантинского мира 137 г. до н. э., поскольку, как отмечает Ливий, свинья приносилась в жертву двумя фециалами во время заключения договора (IX.5.3), а изображение Марса явно указывает на военный контекст. Однако «нумантинская» трактовка вступает в противоречие с родовым характером монеты. Упомянутый денарий представляет собой разрыв с предшествующей нумизматической традицией как на аверсе, где изображён Марс вместо Ромы, так и на реверсе, на котором вместо сюжета общественного характера представлена сцена из семейной истории [Crawford, 1973, p. 4]. Сам же монетарий Тиберий Ветурий никак не был связан с Нумантинскими событиями 137 г. до н. э., в связи с чем сцена ритуального заключения договора должна была относиться к одному из эпизодов родовой истории Ветуриев. При внимательном рассмотрении монеты можно заметить, что два крайних персонажа одеты в доспехи, которые не носили фециалы, следовательно, они являлись полководцами, занимавшими парную консульскую должность. Однако подписание договора консулами вместо фециалов, вопреки римским обычаям, являлось настолько экстраординарной практикой, что в родовой истории Ветуриев происходило лишь единожды – во время заключения Кавдинского мира, с которым, вероятно, и связано изображение на денарии. Большинство исследователей разделяют «кавдинскую» трактовку монеты [Beloch, 1926, s. 397; Crawford, 1973, p. 5; Urso, 1997, p. 243–244], которая к тому же подтверждается Цицероном, сообщая, что при подписании договора 321 г. до н. э. знатный юноша по приказу полководца держал жертвенную свинью (De inv. II.91). Тем не менее сходные по характеру Нумантинские события, по всей видимости, послужили поводом для Тиберия Ветурия вспомнить о своём предке, заключившем Кавдинский договор [Roy, 2023, p. 344].

При рассмотрении четырёх имеющихся традиций можно выявить консенсусную и конфликтную память о Кавдинской битве. К первой относится история беседы Понтия со своим отцом, передача 600 заложников самнитам и отказ Рима от мирного соглашения, которые упоминаются в «ливиевой», греческой и анналистической традициях. Однако многие детали Кавдинских событий носят конфликтный характер, как, например, память о ходе битвы, отношении победителей к сдавшимся, судьба 600 заложников и форма мирного соглашения. Также неоднозначными являются сведения «ливиевой» традиции о целях кампании 321 г. до н. э. и сообщение греческой традиции о численности римской армии. Обозначенные места в конфликтной памяти до сих пор вызывают дискуссии среди исследователей, поэтому стоит подробнее остановиться на некоторых ключевых проблемных вопросах и критически проанализировать имеющиеся традиции.

Первая проблема связана с противоречивым описанием хода битвы между «ливиевой», греческой и анналистической традициями. При сопоставлении различных версий можно увидеть, что только Ливий отрицает факт сражения, и, кроме того, противоречит сам себе, сначала отмечая, что «многие из окружённых попали в плен при тщетных попытках пробиться» (IX.4.1), но далее сообщая, что римляне «в бой не вступали» (IX.5.10). Крайняя противоречивость Ливия при наличии консенсуса в двух других традициях позволяет согласиться, что сражение в Кавдинском ущелье действительно состоялось [De Sanctis, 1907, p. 313; Salmon, 1929, p. 12; Tullio, 1993, p. 7]. Однако несколько странной видится версия Аристида, которая не находит точек соприкосновения ни в одной из имеющихся традиций, кроме того, греческий автор подозрительно акцентирует внимание только на Постумии Альбине, даже не упоминая второго консула. Учитывая время жизни греческого автора (II в. до н. э.) и присутствие деталей, героизирующих действия только одного консула, можно предположить, что первоисточником Аристида являлась работа историка Постумия Альбина, который мог исказить эпизод для того, чтобы снять ответственность со своего предка

за капитуляцию [Engerbeaud, 2017, p. 446], в частности «смертельное ранение» не позволило бы ему участвовать в заключении позорного мира.

Вторая проблема, связанная с формой соглашения, является одной из наиболее противоречивых в описании Кавдинских событий. Ливий и греческие авторы сообщают о заключении *sponsio*, однако в рамках анналистической и родовой традиций, а также «ливиевой» имперского периода приводится версия с подписанием *foederis*. Исследователи, придерживающиеся первой версии [Майорова, 1996, с. 77; Mainardis, Zaccaria, 2004, p. 141; Briquel, 2006, p. 29], акцентируют внимание на сведениях Ливия и Аппиана, которые сообщают, что им известны имена всех клятвенно поручившихся – консулов, легатов, трибунов и квесторов, заключивших мир вместо отсутствовавших фециалов (Liv.IX.5.3–4; App.Samn.IV.6). Однако сведения об участниках соглашения могли сохраниться только при подписании договора, который составлялся в письменном виде, в отличие от клятвенного поручительства, приносившегося в устной форме [см.: Покровский, 1998, с. 397]. Аргумент в пользу противоположной версии *foederis*, как это ни парадоксально, приводит сам Ливий, который выступает против неё, в частности он сообщает о существовании «письменного свидетельства» в работе Клавдия Квадригария и отмечает, что заключение договора в ущелье считалось «общепринятым мнением» в его время (IX.5.2). В связи с этим можно согласиться с группой исследователей, разделяющих вторую версию [Tullio, 1993, p. 8; Oakley, 2005, p. 31–32; Briscoe, 2013, p. 307; Engerbeaud, 2017, p. 432].

Заключение договора консулами в Кавдинском ущелье в отсутствие фециалов являлось прямым нарушением установлений римской *civitatis*, что неизбежно накладывало отпечаток позора на весь род Ветуриев и Постумиев. Однако память о поражении прочно укоренилась в коллективном сознании квиритов, которую было крайне сложно предать забвению, именно поэтому Ветурии выбрали путь «героизации» травмы прошлого, попытавшись оправдать действия своего предка посредством увековечивания Кавдинского договора на монетах. Вероятно, подобным образом они стремились интегрировать в общую историческую память идею о действиях Ветурия Кальвина как самопожертвенном подвиге, в рамках которого он ради спасения своих воинов осознанно нарушил религиозно-правовые установления римской *civitatis*, понимая, что по возвращении домой его постигнет неминуемое наказание. В данном ракурсе Дж. Урсо проводит интересную параллель с событиями в Дюнкерке в 1940 г., когда спасение британской армии из немецкого окружения было воспринято английским обществом в качестве победы [Urso, 1997, p. 247, n. 27]. Возможно, подобным образом Ветурии пытались трактовать Кавдинский договор, однако римское общество в силу своего сурового и воинственного менталитета не восприняло новую версию событий, что видно всего по одной фразе – «женщины горько оплакивали позорно спасённых как умерших» (App.Samn.IV.7).

Третья проблема, связанная с вопросом о ратификации мира и судьбой 600 заложников, является ключевой во всём описании Кавдинских событий. Подавляющее большинство исследователей, начиная с XIX в. и до начала XXI в., последовательно придерживается версии о вступлении в силу мирных соглашений [Niebuhr, 1842, p. 221; Burger, 1898, s. 43; De Sanctis, 1907, p. 314; Beloch, 1926, s. 398; Adcock, 1928, p. 599–600; De Visscher, 1946, p. 83; Crawford, 1973, p. 6–7; Tagliamonte, 1996, p. 144; Forsythe, 2005, p. 301; Oakley, 2005, p. 31; Bleicken, 2012, s. 50; Blösel, 2015, s. 71]. В качестве основного аргумента выдвигается предположение, что версия об отказе от договора была изобретена поздними анналистами на основе сходных Нумантинских событий 137 г. до н. э. с целью смягчить позор поражения [Oakley, 2005, p. 31]. Наряду с этим Г. Де Санктис в качестве аргумента приводит необходимость перерыва для восстановления сил римской армии [De Sanctis, 1907, p. 314], а К.Ю. Белох считает, что у Рима отсутствовали причины отказываться от договора, поскольку условия мира были очень мягкими [Beloch, 1926, s. 398]. Ф. Эдкок, в свою очередь, обращает внимание на невозможность отказа от соглашения в условиях нахождения в за-

ложниках 600 знатных всадников [Adcock, 1928, p. 599–600]. Наконец, Ф. Де Вишер подкрепляет версию религиозным аспектом, согласно которому римляне не могли нарушить договор, поскольку в таком случае нанесли бы оскорбление богам [De Visscher, 1946, p. 88–89].

Несмотря на широкую аргументацию, версия сторонников ратификации мира содержит ряд шатких положений: во-первых, сходство двух событий не обязательно говорит в пользу фальсификации одного из них; во-вторых, Кавдинское поражение не нанесло серьёзного ущерба военным силам Рима, поскольку армия была сохранена; в-третьих, сложно назвать условия мира «мягкими», учитывая, что самниты потребовали от римлян покинуть Фрегеллы, из-за которых началась война; в-четвёртых, заложники действительно являлись проблемой для Сената, но это не означает, что он не мог ими пожертвовать ради Республики, учитывая суровый менталитет ранних квиритов; в-пятых, религиозный аспект не являлся существенным препятствием для Рима, поскольку он неоднократно нарушал договорённости, создавая видимость справедливости, которая использовалась для оправдания не только перед людьми, но и перед богами. И, наконец, самое главное – все античные авторы, упоминающие Кавдинские события, единогласно пишут об отказе от договора, причём в источниках нет ни малейших следов альтернативной традиции, в которой бы мир соблюдался. Особое значение имеет и наиболее раннее упоминание Клавдия Квадригария о казни 600 заложников, чего бы не могло произойти, если бы мирное соглашение вступило в силу. Тем самым можно согласиться с немногочисленными исследователями, разделяющими версию с отказом от договора [Ihne, 1871, p. 399; Briscoe, 2013, p. 307]. Примечательно, что в отличие от многих других деталей в описании Ливия авторы периода Империи не восприняли его патриотическую версию со спасением заложников, но в то же время они и не стали упоминать о суровой реальности, предпочтя просто предать забвению память о судьбе 600 всадников.

Заключение

Кавдинская битва является одним из уникальных примеров, когда травматическое воспоминание превратилось в место памяти в коллективном сознании общества. Опыт изучения нескольких традиций о конкретном событии позволяет выявить различные стратегии принятия травмы прошлого через призму восприятия древних историков, которые в данном случае конструировали «образец» коллективной памяти. Первоначально воспоминания о Кавдинской битве подверглись «нормализации» в анналистической традиции, т. е. военное поражение перестало восприниматься в качестве позорного события, поскольку в конечном итоге римляне одержали победу в войне с самнитами, а травма прошлого превратилась из негативного воспоминания в образцовый пример несокрушимой воли квиритов. Именно поэтому в ней можно встретить неблагоприятные для римлян сведения о заключении и расторжении мирного договора, а также казни 600 заложников. Процессу «нормализации» памяти также способствовало осмысление травмы прошлого в греческой традиции, которая не была подвержена влиянию патриотизма по отношению к римской истории. Однако работы эллинических авторов сохранились по большей части от позднего времени, поэтому их сведения представляют собой смешение «ливиевой» и чистой греческой традиций. С одной стороны, в ней упоминается о заключении sponsionis, но с другой – даётся просамнитская трактовка отношения победителей к сдавшимся legionaribus.

Параллельно формировалась иная мнемоническая стратегия в рамках родовой традиции. Потомки Ветурия Кальвина избрали путь «героизации» прошлого, трактуя действия своего предка в качестве самопожертвенного подвига, возможно, аналогичная стратегия была использована и родом Постумиев, если сведения Аристиды действительно восходят к работе историка Постумия Альбина. Однако в коллективной памяти продолжала преобладать стратегия «нормализации», сформированная анналистами во II в. до н. э., в то время как путь «героизации» в родовой традиции оставался второстепенным.

Изменения в восприятии Кавдинской битвы начали происходить только в I в. до н. э., когда «нормализация» памяти начала вытесняться стратегией «героизации» в античной историографии, что во многом уже было связано не столько с патриотическими устремлениями отдельных авторов или родов, сколько с периодом кризиса Республики. В эпоху гражданских войн, общей политической нестабильности и упадка нравственности многие римляне, разочарованные в современном состоянии государства, стремились найти величие своего народа в деяниях ушедших веков. Фактор ностальгии повлиял на идеализацию прошлого и стал отправной точкой для формирования «ливиевой» традиции, которая впоследствии займёт доминирующие позиции в коллективном сознании римлян. Особенностью «ливиевой» традиции являлась «героизация» прошлого, но в отличие от родовой она применялась в отношении не только отдельных семей, но и всех выдающихся римлян. Одновременно вносились детальные корректировки в историческую память, когда она не соответствовала ностальгическим представлениям Ливия. Так, например, блестяще устроенная самнитская засада в ущелье преподносится не как явный военный просчёт консулов, а как следствие вынужденных действий римлян. Наряду с этим даётся проримская трактовка отношения самнитов к сдавшимся легионерам с целью «демонизировать» образ врага, также создаётся миф о благополучном спасении 600 заложников вместо более ранней версии об их казни. Наконец, изменяется память о форме Кавдинского соглашения, вместо foederis появляется sponsio с целью смягчить тяжесть вины Рима за нарушение мирного договора. Одновременно «героизируются» образы сдавшихся консулов, которые в новых трактовках больше не являются виновниками, а вместо этого предстают спасителями римского войска, т. к. они по личной инициативе самопожертвенно предлагают себя выдать самнитам, чтобы снять ответственность с римской civitatis.

В конечном итоге изучение форм и эволюции исторической памяти позволяет понять не только субъективное восприятие событий прошлого отдельными обществами, но и определить совершенно конкретные факты объективной реальности. В данном случае изучение четырёх традиций о Кавдинской битве позволило выявить наиболее ранний слой исторической памяти, единственный фрагмент которого сохранился в работе Клавдия Квадригария. Сведения о казни 600 заложников также позволяют подтвердить сообщения более поздних традиций и отказаться от преобладающей на сегодняшний день версии о ратификации мира, которая сохранилась в научной историографии как пережиток гиперкритицизма.

Список литературы

- Леонтьева О.Б. 2015. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке. Диалог со временем, 50: 59–96.
- Майорова Н.Г. 1996. Власть трибунов и фециальное право в Риме IV в. до н. э.: к интерпретации Кавдинского эпизода. IVS ANTIQVVM. Древнее право, 1: 76–79.
- Покровский И.А. 1998. История римского права. СПб., Летний сад, 560.
- Репина Л.П. 2006. Память и историописание. В кн.: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., Кругъ: 19–46.
- Сергеенко М.Е. 1964. Жизнь древнего Рима: очерки быта. М., Наука, 335.
- Adcock F.E. 1928. The Conquest of Central Italy. In: The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, Cambridge University Press: 581–616.
- Beloch K.J. 1926. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig, De Ciryter & Co, 664.
- Bleicken J. 2012. Die Römische Republik. München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 127.
- Blösel W. 2015. Die römische Republik: Forum und Expansion. München, C.H. Beck, 304.
- Briquel D. 2006. La guerre à Rome au IVe siècle: une histoire revue et corrigée, remarques sur le livre 9 de Tite-Live. In: Guerre et diplomatie romaines (IV–III siècles). Provence, Université de Provence: 27–40.
- Briscoe J. 2013. Q. Claudius Quadrigarius: Commentary. In: The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary. Oxford, Oxford University Press: 300–329.

- Burger C.P. 1898. Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr. Amsterdam, J. Müller, 80.
- Crawford M.H. 1973. Foedus and Sponsio. Papers of the British School at Rome, 41: 1–7.
- De Sanctis G. 1907. Storia dei Romani. Vol. 2. Torino, Fratelli Bocca, 575.
- De Visscher F. 1946. La deditio internationale et l'affaire des Fourches caudines. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 90 (1): 82–95.
- Durkheim E. 1893. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris, Alcan, 471.
- Engerbeaud M. 2017. Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.). Paris, Les Belles lettres, 590.
- Forsythe G. 2005. A Critical History of Early Rome. Berkeley, University of California Press, 400.
- Halbwachs M. 1925. Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris, Alcan, 404.
- Ihne W. 1871. The History of Rome. Vol. 1. London, Longmans, Green and Co, 575.
- Mainardis F., Zaccaria C. 2004. L'egemonia nell'Italia centro-meridionale. In: Storia di Roma antica. Roma, Newton and Compton: 137–152.
- Niebuhr B.G. 1842. The History of Rome. Vol. 3. London, Taylor and Walton, 717.
- Nora P. 1984. Entre mémoire et histoire. In: Les Lieux de mémoire. T. 1. Paris, Gallimard: 15–42.
- Oakley S. 2005. A Commentary on Livy Books VI–X. Vol. 3: Book IX. Oxford, Clarendon Press, 758.
- Roy A. 2023. Exchanging Memories: Coins, Conquest, and Resistance in Roman Iberia. In: Cultural Memory in Republican and Augustan Rome. Cambridge, Cambridge University Press, 333–354.
- Salmon E.T. 1929. The Pax Caudina. The Journal of Roman Studies, 19: 12–18.
- Tagliamonte G. 1996. I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani. Milano, Longanesi and C., 322.
- Tullio R. 1993. Gavio Ponzio e le Forche Caudine (Commento al libro IX di Tito Livio). Atene e Roma, 38 (1): 1–17.
- Urso G. 1997. Le Forche Caudine, media via tra vendetta e perdono. In: Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico. Milano, Vita e pensiero: 237–251.

References

- Leont'eva O.B. 2015. «Memorial'nyy povorot» v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke [«Memorial Turn» in Modern Russian Historical Science]. Dialogue with time, 50: 59–96.
- Mayorova N.G. 1996. Vlast' tribunov i fetsial'noe pravo v Rime IV v. do n. e.: k interpretatsii Kavdinskogo epizoda [The Power of the Tribunes and Fetial Law in Rome in the IV Century. BC: Towards the Interpretation of the Caudine Episode]. IVS ANTIQVVM. Ancient law, 1: 76–79.
- Pokrovskiy I.A. 1998. Istoriya rimskogo prava [History of Roman Law]. Saint-Petersburg, Letniy sad, 560.
- Repina L.P. 2006. Pamyat' i istoriopisanie [Memory and the Writing of History]. In.: History and memory. Historical Culture of Europe Before the Modern Age. Moscow, Krug": 19–46.
- Sergeenko M.E. 1964. Zhizn' drevnego Rima: ocherki byta [Life of Ancient Rome: Essays on Everyday Life]. Moscow, Nauka, 335.
- Adcock F.E. 1928. The Conquest of Central Italy. In: The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, Cambridge University Press: 581–616.
- Beloch K.J. 1926. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig, De Ciryter & Co, 664.
- Bleicken J. 2012. Die Römische Republik. München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 127.
- Blösel W. 2015. Die römische Republik: Forum und Expansion. München, C.H. Beck, 304.
- Briquel D. 2006. La guerre à Rome au IVe siècle: une histoire revue et corrigée, remarques sur le livre 9 de Tite-Live. In: Guerre et diplomatie romaines (IV–III siècles). Provence, Université de Provence: 27–40.
- Briscoe J. 2013. Q. Claudius Quadrigarius: Commentary. In: The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary. Oxford, Oxford University Press: 300–329.
- Burger C.P. 1898. Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr. Amsterdam, J. Müller, 80.
- Crawford M.H. 1973. Foedus and Sponsio. Papers of the British School at Rome, 41: 1–7.
- De Sanctis G. 1907. Storia dei Romani. Vol. 2. Torino, Fratelli Bocca, 575.
- De Visscher F. 1946. La deditio internationale et l'affaire des Fourches caudines. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 90 (1): 82–95.

- Durkheim E. 1893. *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Paris, Alcan, 471.
- Engerbeaud M. 2017. *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.)*. Paris, Les Belles lettres, 590.
- Forsythe G. 2005. *A Critical History of Early Rome*. Berkeley, University of California Press, 400.
- Halbwachs M. 1925. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris, Alcan, 404.
- Ihne W. 1871. *The History of Rome*. Vol. 1. London, Longmans, Green and Co, 575.
- Mainardis F., Zaccaria C. 2004. *L'egemonia nell'Italia centro-meridionale*. In: *Storia di Roma antica*. Roma, Newton and Compton: 137–152.
- Niebuhr B.G. 1842. *The History of Rome*. Vol. 3. London, Taylor and Walton, 717.
- Nora P. 1984. *Entre mémoire et histoire*. In: *Les Lieux de mémoire*. T. 1. Paris, Gallimard: 15–42.
- Oakley S. 2005. *A Commentary on Livy Books VI–X*. Vol. 3: Book IX. Oxford, Clarendon Press, 758.
- Roy A. 2023. *Exchanging Memories: Coins, Conquest, and Resistance in Roman Iberia*. In: *Cultural Memory in Republican and Augustan Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 333–354.
- Salmon E.T. 1929. *The Pax Caudina*. *The Journal of Roman Studies*, 19: 12–18.
- Tagliamonte G. 1996. *I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani*. Milano, Longanesi and C., 322.
- Tullio R. 1993. *Gavio Ponzio e le Forche Caudine (Commento al libro IX di Tito Livio)*. Atene e Roma, 38 (1): 1–17.
- Urso G. 1997. *Le Forche Caudine, media via tra vendetta e perdono*. In: *Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico*. Milano, Vita e pensiero: 237–251.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2024

Received 19.01.2024

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черкасов Артём Игоревич, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Artem I. Cherkasov, Postgraduate Student of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

 [ORCID: 0000-0002-1030-197X](https://orcid.org/0000-0002-1030-197X)

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26

Оригинальное исследование

К истории регионализма на юге античной Малой Азии: Писидия

Пашкова А.Ю.

Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,

Россия, 308530, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1

E-mail: pashkova_ay@bsaa.edu.ru

Аннотация. Работа посвящена историческому анализу особенностей природно-географической, этнополитической и административной истории Писидии – региона Южной Малой Азии, образующей своеобразный комплекс вместе с Памфилией и Ликией. Эта горная историческая область изначально имела естественные границы с соседними регионами и имела особое малоазийское доантичное население (писидийцы). Осознавая своеобразие Писидии, эллинистические и особенно римские власти не спешили создавать из этой области особую административную единицу. По всей видимости, римляне стремились обеспечить для Писидии выход к морю на юге через Памфилию. На севере подобным же устремлением объясняется административное включение в состав региона города Антиохии, которая географически в состав области не входила. Создание ранневизантийской области Писидия почти в географических границах означало признание специфики региона. Еще одной региональной спецификой, правда, нередкой в поздней античности, было соперничество двух главных городов – Антиохии и Сагаласса. В некоторых иных случаях в империи это приводило к разделению провинции, но в Писидии к тому не было предпосылок. Христианизация и создание епархии закрепили статус Писидии. В работе дается очерк истории региона и краткое описание основных городов.

Ключевые слова: Писидия, регионалистика, область, античный, римский, ранневизантийский, империя, метрополия, археология, город

Для цитирования: Пашкова А.Ю. 2024. К истории регионализма на юге античной Малой Азии: Писидия. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 15–26. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the History of Regionalism in the South of Ancient Asia Minor: Pisidia

Anastasiya Yu. Pashkova

V. Ya. Gorin Belgorod State Agrarian University,

1 Vavilova St., Maysky village 308530, Belgorodsky district, Russia

E-mail: pashkova_ay@bsaa.edu.ru

Abstract. The work is devoted to a historical analysis of the features of the natural-geographical, ethnopolitical and administrative history of Pisidia – a region of Southern Asia Minor, which forms a unique complex together with Pamphylia and Lycia. This mountainous historical region initially had natural borders with neighboring regions and had a distinct pre-antique Asia Minor population (Pisidians). Realizing the uniqueness of Pisidia, the Hellenistic and especially Roman authorities were in no hurry to create a special administrative unit from this area. Apparently, the Romans sought to provide Pisidia with access to the sea in the south through Pamphylia. In the north, a similar aspiration explains the administrative inclusion in the region of the city of Antioch, which was not geographically part

of the region. The creation of the early Byzantine region of Pisidia almost within its geographical boundaries meant recognition of the specificity of the region. Another regional specificity, although not uncommon in late antiquity, was the rivalry between the two main cities – Antioch and Sagalassos. In some other cases in the empire this led to the division of the province, but in Pisidia there were no prerequisites for this. Christianization and the creation of a diocese consolidated the status of Pisidia. The work provides an outline of the history of the region and a brief description of the main cities.

Keywords: Pisidia, regional studies, region, ancient, Roman, early Byzantine, empire, metropolis, archeology, city

For citation: Pashkova A.Yu. 2024. On the History of Regionalism in the South of Ancient Asia Minor: Pisidia. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 15–26 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Писидия – высокогорный регион на юге Малой Азии, простирающийся на север от Памфилии до озерного края. Первоначально «Писидия» была географическим термином, а не этническим или административным [Belke, Mersisch, 1990]. Тем не менее первоначально регион даже географически не мог рассматриваться как единое целое, а представлял собой весьма разнообразные ландшафты: от довольно обширных равнин к северу от озёр Акро-тири (Эгридир), Каралис (Бейшехир) и Полидорион (Бурдур) до диких и отдаленных гор-ных районов, особенно на юго-востоке.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются особенности природно-географической, этнополи-тической и административной истории Писидии.

Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответ-ствии с их хронологией и взаимосвязью), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее рекон-струировать историческое прошлое).

Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобще-ние, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Писидия представляла собой суровую гористую область, перерезанную крайними за-падными отрогами горного хребта Тавр, но в отдельных долинах плодородную. Produk-тами страны были соль, гумми из ароматического дерева стиракса, благовонный корень ириса, амбладское вино, употреблявшееся как медицинское средство, и маслины. На горах были местами прекрасные пастбища и леса [Brandt, 1992, S. 169–199].

Писидия расположена неподалёку от Средиземного моря, но горы препятствуют про-никновению на её территорию морской влаги (рис.). Из-за таких сухих климатических усло-вий в Писидии очень мало лесов. Культурные растения растут в районах, снабжаемых во-дой из гор, среднегодовое количество осадков в которых составляет около 1000 мм на пиках и 500 мм на склонах. Эта вода питает плато. Здесь также часто проходят сильные ливни, приносящие дополнительную влагу.

Писидия
Pisidia

На востоке область граничила с Исаврией, на юге – с Памфилией, на западе – с Карией, на юго-западе – с Ликией, на севере – с Фригией. Северная граница за горами не была устойчивой, и часто южная Фригия носила название Писидийской.

Писидия была достаточно изолированной областью. Даже три основные реки (Кестр, Эвримедон и Мелас), текущие с гор севера на юг – из Писидии в сторону Средиземного моря, не обеспечивали легкого сообщения с побережьем Памфилии. Глубоко изрезанные речные долины представляли собой скорее препятствия, а не пути.

Суровый ландшафт, образованный горами Западного Тавра, благоприятствовал поселениям в естественно хорошо защищенных местах, контролировавших небольшие долины или равнины. Эти географические характеристики также помогают объяснить, почему писидийцев долгое время нельзя было рассматривать как единый народ.

Несмотря на возможное (и даже вероятное) общее происхождение, эту территорию населяли по крайней мере три племени с различными диалектами: доминирующей группой были собственно *писидийцы*, а среди других племен известны *солимь*¹ и *милии* (*милиадцы*), занимавшие западные и юго-западные окраины региона. Последних было трудно отличить от остальных писидийцев. Однако общим для этих племен была их воинственная репутация, которую иногда путали с нецивилизованностью или варварством.

Область (микрорегион) Милиада располагался на юго-западе и всегда был «автономным» в Писидии, как и расположенная к западу от нее Кабалия (на стыке Карики, Ликии, Писидии с городом Кибира), которая, однако, не имела особого этнического компонента.

Без всякого сомнения, писидийцы занимали также и побережье до переселения памфилийцев [Jones, 1971, p. 126–127].

Писидийцы были воинственным и непокорным народом, и если они когда-либо подчинялись персам, то к концу V в. до н. э. перестали им подчиняться. Якобы целью Кира-младшего в привлечении Десяти тысяч была карательная экспедиция против писидийцев, совершивших набег на его сатрапию в Великой Фригии, и Ксенофонт несколько раз упоминал их как печально известный пример успешного восстания против Персии.

О внутренних условиях в Писидии мы практически ничего не знаем до времен Александра и Антигона. Из сообщений об их кампаниях у Арриана и Диодора явствует, что писидийцы, по крайней мере в южной части страны, прилегающей к Памфилии, были организованы в городские общины довольно примитивного типа, несомненно, под влиянием Греции.

¹ От названия горы Солим близ города Термесс.

Страбон для своего времени считает Сельге исключительным городом из-за ее хорошо развитых установлений и заявляет, что другие писидийцы «разделились на тирании». Следовательно, вероятно, что основная масса писидийцев жила в слабо организованных племенных или сельских объединениях, управляемых вождями. Даже о более организованных сообществах часто трудно сказать, следует ли их описывать как города или племена. Б. Левик отмечает, что вряд ли можно сомневаться в том, что вплоть до вмешательства Августа социальная организация этой области была довольно однородной: воинственные племена управлялись мелкими вождями с небольшим количеством поверхностно эллинизированных городов [Levick, 1967, p. 27].

Интересно, что сам Август утверждал, что он основал колонии в Писидии: Комама, Кремна, Ольбаса и Парлаида, а также Антиохия Писидийская. Но в то время Писидия, в отличие от других областей, упомянутых в списке Августа, не была собственно провинцией и фактически не стала ею вплоть до реорганизации, проведенной Диоклетианом. Тем более важно, что Август считал Писидию сложившейся областью, этногеографической реальностью, отличавшей ее от других.

Основные дороги в Писидии были направлены на юг и с юга. Более западный взбирался по крутому подъему к горам Мириады, мимо входа в долину, в которой лежал Термесс, и через перевал на высоте 900 м над уровнем моря шел в равнину Исинды, далее – через горы к равнине к северу от Кибире, а оттуда – в Лаодикею. Второй путь шел на север от Памфилии через горы к Сагалассу, а оттуда важная дорога вела на восток вокруг озера Эгридир, а другая ветвь шла на северо-запад к востоку от озера Бурдур к Апамее [Magie, 1950, p. 260–262].

Вдоль северной границы Писидии проходила дорога, соединявшая Сирию с Малой Азией. Римские колонии, основанные на этом пути, были отчасти признанием трудностей в освоении Писидии. Из этих колоний только одна, Селевкия Сидера, находилась в собственно Писидии. Остальными были Аполлония, Антиохия и Лаодикея Катакавмена, и все они, строго говоря, находились во Фригии, но были отнесены к Писидии для ее «усиления».

В целом на основании как письменных источников, так и данных археологии можно составить следующий список **городов** Писидии античного времени: Антиохия Писидийская, Сагаласс, Термесс, Сельге, Кремна, Кибире, Адада, Педнелисс, Кретополь, Аполлония (Созополь), Ольбаса, Комама, Ариасс, Сия, Полиетта, Амлада, Селевкия Сидера, Филомелий, Анидр (Евдокия), Лаодикея Катакавмена, Неаполь, Таракий, Зарзела, Кормаса, Погла, Барис, Киботис, Каралис, Карилия, Паппа, Омонада, Тальбенда, Этенна, Адриана, Бальбура².

Если попытаться структурировать города региона, то сразу же можно выделить два южных форпоста: на юго-западе – Термесс, на юго-востоке – Сельге [Пашкова, 2021, с. 40–45].

Термесс, расположенный на западной стороне горы Солим в узкой долине высотой более 900 м, доступной только с ее северного конца, занимал положение, которое было столь же неприступным, сколь и великолепным. Первоначально это было поселение солимов, в нем было старое святилище «бога Солима», но до того, как мы знаем, город и бог стали эллинизированными, последний почитался под именем Зевса.

Положение **Сельге** было еще более неприступным высоко над западным берегом Эвримедона [Machatschek, Schwarz, 1981]. Добраться до города можно было только долгим и утомительным подъемом. Но, несмотря на высоту более 900 м, он лежал на равнине, настолько ровной, что ее сравнивали с озером, и настолько плодородной, что вместе с террасами, возвышающимися на его западной стороне, она приносила большое количество зерна и оливок. Сельге была самой цивилизованной писидийской общиной в канун эллинизации; серебряные монеты чеканились с середины IV в. до н. э., а к середине III в. до н. э.

² Нередко помещается в Ликию. Фактически находится на границе Писидии и Ликии [Coulton, Armstrong et al., 2012].

выдвинули претензии на греческое происхождение, утверждая, что они были колонистами лакедемонян и даже основаны Калхантом. Однако греки отказались принять эту легенду, твердо причисляя их к писидийским варварам, и они, безусловно, были правы: Сельге находится слишком далеко от моря, чтобы быть греческой колонией [Nolle, Schindler, 1991].

Столицами и крупнейшими городами региона и позднеантичной провинции были Сагаласс (к северу от центра) и Антиохия Писидийская (на северной границе).

Сагаласс – единственный город на севере Писидии, который, как известно, существовал еще в доантичный период, в IV в. до н. э. (Arr., Anab., I, 28). Один из четырех хребтов Писидии, начинающийся в Ликии, продолжается почти непрерывно до Сагаласса, затем спадает и снова появляется на высотах между Тимандом и Аграми. Сагаласс расположен на одном из главных гребней этого хребта. Последний участок хребта отрезан от остальной части рекой Кестр. Сагаласс бросил вызов Александру, но был захвачен. Позже, как и Сельге, город заявил о лакедемонском происхождении, но с еще меньшими основаниями. В римский период, в течение II – 1-й пол. III в. Сагаласс переживал время наивысшего расцвета, когда были возведены основные памятники материальной культуры, составляющие и сегодня архитектурный облик городища [Lavan, 2008, p. 201–214]. Будучи расположенным в самом центре этнической Писидии, город всегда считался ее неформальной столицей. Со временем этот статус стал и официальным. Почетный титул, признавший Сагаласс «первым городом писидийцев» (*протейя*) в «провинции Ликии и Памфилии», город получил в первые годы правления Адриана [Болгов, Елисеева, с. 579–596].

Местоположение **Антиохии** убедительно свидетельствует о том, что военная целесообразность была основным мотивом для основания колонии. Город был основан, а затем заселен римлянами только ради своей сильной военной позиции на местности [Cowell, Hainsworth et al., 2001]. Антиохия Писидийская расположена на семи холмах на высоте в среднем 1 200 м (высшая точка – 1 236 м) посреди относительно ровного плато, уходящего к северу. Город окружен с востока глубоким ущельем с рекой Анфий, горами Султан-Даг на северо-востоке. Ущелье и река на востоке обеспечивает городу прекрасную защиту [Mitchell, Waelkens, 1998, p. 1–18]. В административном отношении власти всегда продвигали именно Антиохию как столицу провинции [Пашкова, 2022, с. 269–282] в противовес более авторитетному Сагалассу.

Центральную часть страны занимал ряд римских колоний и крепостей. Наиболее важной среди них была Кремна.

Кремна стояла на плато, которое имело форму головы и плеч летящего орла с клювом к востоку. Только с восточной стороны, через шею орла, это место легко доступно. Здесь поверхность обрывается пологим склоном. По всей длине южной стороны пролегают узкие уступы, поддерживаемые крутыми обрывами, и именно на одной из них расположены южные ворота. Плато с доступной западной стороны отсечено линией укреплений, идущей прямо по его ширине. Сегодня добраться до Кремны все еще сложно [Mitchell, 1995]. Эта удаленная, недоступная и изолированная колония не находилась на важных путях. Но Кремна была городом-крепостью, из которой можно было контролировать долину Кестра.

Можно выделить целый ряд средних и небольших городов Писидии, расположение которых обычно дают по отношению к более крупному соседнему городу.

В 19,5 км к западу от Кремны находится **Кретополь**, территория которого отделена от территории Кремны горами. Кретополь, как намекает Полибий, был военной колонией критян, основанной Александром. Однако это лишь случайное сходство: Арриан, подробно описавший колонии, Кретополь не упоминает.

К юго-западу соседом Кремны была **Сия** [Robinson, 2002], а на юге – город, который был отождествлен с **Миладой** Птолемея. Маловероятно, что граница территории Кремны очень близко подходила к Сии: территории двух городов разделены горами.

Адады дают пример среднего города Писидии [Brandt, 2002, S. 385–413]. Город упоминается в «Географии» Страбона. Он располагался к востоку от реки Кестр, отделявшей

владения соседнего города Кремны (к юго-западу от него), и к северо-западу от Термесса. В эпиграфике многие жители упоминаются как ктиторы, с определением «построивший» (κτίστης). На городище сохранилось много памятников [Приходько, 2014, с. 181–219; Приходько, 2015, с. 233–282].

Недалеко был расположен **Ариасс**, построенный на крутом склоне холма примерно в 50 км от Атталии, в южной части Писидии, в III в. до н. э. Он был упомянут Артеמידором Эфесским, которого столетием позже цитировал Страбон. Руины в основном относятся к римским и византийским временам, с небольшими остатками более раннего эллинистического периода. Лучше всего сохранились руины трехарочного входа в город III века, большой нимфейон и бани, а также множество погребальных памятников [Пашкова, 2022b, с. 75–79].

Положение **Ольбасы** также было очень сильным и имело стратегическое значение. Город был расположен на крайних склонах горного хребта сразу к востоку от Макрон Педион, над которым он возвышается. Долина тогда, как и сейчас, была важной линией сообщения, и она была хорошо защищена Ольбасой, которая стояла, кроме того, у входа на путь в горы. С юга колония имеет форму большой соломенной шляпы, покоящейся на земле. На пологих краях установлены основания статуй и фундаменты построек. Наверху представляет собой крутой скалистый акрополь, окаймленный на вершине почти перпендикулярной естественной каменной стеной. Водоснабжение обильное и очень чистое. Город должен был быть ограничен глубоким ущельем с ручьем. На северной стороне акрополя соломенная шляпа совсем теряет поля. Богатая равнина Макрон Педион лишь частично была занята поместьями, императорскими или частными.

На севере границы Ольбасы будут соприкасаться с границами **Кормасы** и **Полиетты**, соответственно, в 24 и в 17 км от колонии.

Более определенный предел в этом направлении дает город **Адрианы**, расположенный в 30,5 км от Ольбасы. Возможно, что город с таким названием был совершенно новым основанием II в., но более вероятно, что он просто изменил свое название в честь императора.

Немногим более чем в 32 км к востоку от Ольбасы, по другую сторону гор, находится **Комама**, римская колония, находившаяся в тесной связи с Ольбасой не только из-за их территориальной близости друг к другу, но и из-за общности культов. К северу от двух колоний есть перевал через горы, и сообщение между ними не составляло труда. В отличие от своего соседа, Комама находится не на краю горного хребта, а прямо посреди плоской равнины в месте, где встречаются две дороги. Одна из них – дорога из Атталии – имела важное значение для Комамы, после чего шла на Макрон Педион через перевал к северу от колонии.

Об этеннях говорят Полибий и Страбон в терминах, предполагающих скорее племя, чем город; они населяют «горную часть Писидии над Сиде». Несомненно, что **Этенна** была скорее укрепленной крепостью и убежищем племени, чем городом.

Особое положение занимает **Кибира** на крайнем юго-западе Писидии, в Кабалии, на стыке с Карией и Ликией. Большой хребет Краг (Баба-Даг) высотой в 2 450 м отделяет район города от Карии на западе. Город расположен в верховьях реки Инд, впадающей в море в западной Ликии, и реки Ксанф. Страбон пишет, что кибираты назывались потомками лидийцев, которые когда-то занимали эти земли, но и писидийцев. Кибираты в его время говорили на четырех языках: писидийском, солимском, лидийском и греческом. В византийские времена по названию этого города будет именоваться фема Киверриотов. Археологический контекст города очень богат и разнообразен. Раскопки начались относительно недавно (2006 г.) и активно продолжаются, уже дав прекрасные результаты.

Самая ранняя история писидийцев остается загадкой. Одно из самых ранних их поселений, датируемое VII–VI веками до н. э., было обнаружено в Панемотихе (Богазичи). Однако недавно на территории Сагаласса были обнаружены памятники раннего железного

века – укрепленные резиденции местных вождей, другие уже приняли характер «городского поселения» [Waelkens, Vandeput, 2007, p. 97].

Постепенное появление более крупных поселений между VIII и IV веками до н. э. также может быть подтверждено фазой вырубки лесов, затронувшей в основном черную сосну, используемую в качестве древесины или вырубаемую для расширения сельскохозяйственных угодий.

В архаический и классический периоды возникла система независимых городов-государств, расположенных на высоких горных склонах или вершинах холмов.

Власть македонских царей (333–189 гг. до н. э.) и Атталидов (189–133 гг. до н. э.) над регионом была далека от эффективности. Фактически ни одному из них не удалось превратить писидийцев в единый народ, включенный в состав сменявших друг друга царств или государств [Waelkens, 2004, p. 435–471].

Тем не менее правление эллинистических царей благоприятствовало определенному объединению различных племен и городов-государств, по крайней мере на культурном уровне.

Селевкиды пытались контролировать область с помощью военных кампаний и создания колоний, таких как Антиохия и Селевкия Сидера, вдоль северных границ региона. Македонские ветераны, возможно, были поселены в Сагалассе [Waelkens, Vandeput, 2007, p. 99].

Контакты с греческим миром быстро привели к довольно высокому уровню эллинизации многих писидийских городов, которые отказались от своих родных диалектов и переняли койне, по крайней мере в своих общественных надписях. Эллинизация поначалу могла оставаться преимущественно городским явлением.

В различных городах Писидии развивалась сходная форма полудемократического правления и эллинизированное общество.

При переходе от среднего к позднему эллинистическому периоду различные поселения Писидии стали настоящими греческими городами как по своим учреждениям, так и по своему внешнему виду.

В целом правление Атталидов, возможно, оказало меньшее влияние на городское развитие Писидии, чем предполагалось ранее. Большая часть общественной архитектуры региона, включая большую часть фортификационных систем, может восходить скорее к римскому республиканскому правлению (после 129 г. до н. э.). До начала I века до н. э., похоже, длился период восстановления и относительного процветания [Waelkens, Vandeput, 2007, p. 100–101].

Несколько общин милийцев объединились в союз во времена Цицерона.

Когда Август включил Писидию в 25 г. до н. э. в свою провинцию Галатию, он обнаружил в основном эллинизированные, иногда уже процветающие общины. Однако римляне еще не воспринимали Писидию как самостоятельное региональное образование. Она будет разделена несколько раз между меняющимися провинциями Галатией, Азией и Ликией-Памфилией.

Расширение территорий некоторых крупных городов, таких как Сагаласс и Кремна, за счет некоторых более мелких общин, а также основание римских колоний и создание хорошей дорожной системы в конечном итоге изменили соотношение между различными писидийскими городскими общинами.

Примером расцвета может служить Сагаласс. Большое разнообразие почетных памятников в Сагалассе в период Юлиев-Клавдиев отражает процветающую муниципальную жизнь и успехи местного эвергетизма. Сагаласс превратился в очень богатый провинциальный город, обладающий впечатляющей общественной (храмовой) архитектурой, выполненной в богатом коринфском ордере, резко контрастирующем с остальной частью Писидии [Talloon, 2014].

Вместе с тем некоторые мелкие общины, такие как Ариасс, Сия, и даже крупные – Кремна (колония Августа) и Адада, похоже, не последовали римскому строительному буму и продолжали демонстрировать более простой тип архитектуры и гражданского общества.

Период Флавиев и начало II в., как кажется, отражают период некоторого застоя в Писидии, возможно, вызванного природными катастрофами, такими как землетрясения и голод. В результате общественная архитектура этого периода практически не документирована и кажется довольно простой даже в Сагалассе [Waelkens, Vandeput, 2007, p. 102].

Однако, начиная с Адриана, Писидия стремительно достигла пика своего процветания, догнав «эру благоденствия» в остальной империи. В большинстве городов идет настоящий строительный бум.

Главные улицы Сагалассы, Сельге и Кремны были обрамлены колоннадами [Waelkens, 2020, p. 861–869]. В целом декоративные схемы также отражали развитие событий в других частях Малой Азии.

В результате крупные писидийские общины со временем приобрели облик, мало отличавший их от других городов Малой Азии. Но в некоторых более мелких общинах, таких как Адада, Сия и Ариасс, архитектура все еще оставалась довольно простой.

Местные или региональные особенности можно выделить в архитектуре. Это прежде всего скальные гробницы типа аркосолиев, а также элементы архитектурного декора: большие фризы с рядом листьев аканфа, с изображением флейт, которые стали популярными в I-й пол. II в. На общественных памятниках продолжало изображаться оружие, например, в римских термах в Сагалассе, герооне в Сии и многих саркофагах в Сагалассе и Термессе.

Идея местного регионализма также была жива в жесткой конкуренции между крупными городами за звание «первого города Писидии» между Сагалассом и Антиохией [Waelkens, 2011, p. 62–71].

К концу III века большинство писидийских городов едва ли можно было отличить от других общин Малой Азии. Таким образом, эллинистическому и римскому правлению в конечном итоге удалось полностью интегрировать различные племена области Писидия в культурную общность, в которой они утратили большую часть своих региональных особенностей и традиций.

В глубинке в римский период все еще могли говорить на писидийских диалектах, но более крупные города были эллинизированы [Kitzinger, 1974, p. 385–395].

Идея создания отдельного региона в основном сохранялась в борьбе за право стать доминирующим городом Писидии. И время для этого пришло в период административного разукрупнения провинций. В Восточном Средиземноморье выделяется две волны этого процесса – при Диоклетиане и в самом начале V в.

Когда Диоклетиан впервые создал провинцию под названием Писидия, это должно было быть прежде всего военным и административным решением, а не официальным признанием существования каких-либо особенностей отдельной области. Однако осознанно или неосознанно, римский император впервые оформил действительно существующую географическую и существовавшую этническую общность [Waelkens, Vandeput, 2007, p. 104].

После легализации христианства императором Константином в 313 г. Антиохия в Писидии играла важную роль в качестве резиденции митрополита, а также была столицей гражданской провинции Писидия [Mitchell, Waelkens etc., 1998]. Однако наибольший авторитет и религиозное первенство по традиции принадлежало скорее Сагалассу [Talloen, 2019, p. 164–201]. Большинство писидийских городов в то время были сильно укреплены из-за гражданских войн и иностранных вторжений.

Этот регион был опустошен землетрясением в 518 г., чумой около 541–543 гг., а также еще одним землетрясением и арабскими набегами в середине VII века.

Согласно «Синекдему» Иерокла [Honigmann, 1939], Писидия принадлежала епархии Азия с митрополиями в **Антиохии и Сельге**, что означает наличие здесь двух епархий. Такое разукрупнение не было необычным – в соседней Памфилии также было два епархиальных центра – Перга и Сиде [Dargrouzes, 1981].

Как и в других местах юга Малой Азии, в позднеантичной Писидии благоденствует сельская округа, появляются новые поселения [Болгов, 2023, с. 10–15]. Основной характеристикой этих поселений является наличие церквей и отсутствие более ранних построек, таких как эллинистические башни или имперские римские храмы [Mitchell, 2000, p. 139–152]. Такая картина расширения видна в Дерекее возле Сагаласса на высотах от 1 000 до 1 600 м. С этим связано повторное заселение мест, занятых в эллинистический период, но не в римский период, например Хачиосманлар возле Педнелисса [Asia Minor, 2019, p. 103].

В Писидии производится ранневизантийская краснолаковая керамика. Точно установленный центр производства CRS был расположен недалеко от Педнелисса на юге Писидии. Он состоит из серии печей, в которых производился почти весь стандартный набор изысканной посуды. Во внутренней Писидии Сагаласс также производил краснолаковую столовую посуду, которая, как и CRS, принадлежит «более широкому социо-культурному и социально-экономическому койне гончарного производства», который помогает определить регионально ограниченное производство и распространение керамики в поздней античности на юго-западе Малой Азии [Asia Minor, 2019, p. 131].

Один из крупнейших религиозных деятелей конца V – начала VI в. – Севир Антиохийский – происходил из Созополя Писидийского (512–518). Он учился в Александрии и Берите (Zach. Schol., Vit. Sev.), жил в Константинополе между 508 и 511 годами, где с ним часто советовались другие епископы.

В Хрониках Псевдо-Дионисия перечислены 54 епископа, отправленных в изгнание в конце правления Анастасия, в том числе из Киликии, Исаврии, Памфилии и Писидии (Ps.-Dyon., Chron., s.a. 517–518; Ioh. Eph, Hist. Eccl. I.10). Не менее 10 из них были из Писидии.

Статус Писидии как особого региона и провинции прочно сохранялся в ранневизантийское время [Mitchell, 2000, p. 139–153] вплоть до упадка, рурализации [Robinson, 2001, p. 87–100], арабских набегов и медиевализации города с середины VII в.

Заключение

Таким образом, Писидия представляет собой своеобразный феномен в плане регионалистики античной Малой Азии. Это была вполне обособленная географическая область с естественными границами. Второй предпосылкой ее обособления был четко выраженный этнический компонент доантичного времени. Наконец, в ранневизантийское время здесь была создана отдельная провинция. Уникальным обстоятельством является то, что большую часть эллинистического и римского времени здесь не было отдельной провинции. Основной причиной этого, по всей видимости, можно считать труднодоступность этой горной и внутренней местности, которую всегда было необходимо административно связывать с морским побережьем на юге или хорошими дорогами с более равнинными местностями на севере (в последнем случае очевидно стремление обеспечить связь с севером через включение в регион Антиохии Писидийской, которая изначально в него не входила).

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2023. Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье. В: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. СПб., Алетейя: 10–15.

- Болгов Н.Н., Елисеева А.Ю. 2021. Сагаласс – «первый город Писидии»: к истории регионального центра римской Малой Азии. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (3): 579–596.
- Пашкова А.Ю. 2022. Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения. *Via in tempore. История. Политология*, 49(2): 269–282.
- Пашкова А.Ю. 2022б. К вопросу о датировке мавзолея в Ариассе (Писидия). *Византийский клуб. Альманах*. 2022. Белгород: 75–79.
- Пашкова А.Ю. 2021. Термесс и Сельге – два форпоста римской Писидии. Классическая и византийская традиция. Белгород: 40–45.
- Приходько Е.В. 2014. Адады – древний город центральной Писидии. *Аристей. Вестник классической филологии и истории*. X: 181–219.
- Приходько Е.В. 2015. Адады – древний город центральной Писидии. Часть II. *Аристей. Вестник классической филологии и истории*. XI: 233–282.
- Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions. 2019. Ed. Ine Jacobs, Hugh Elton. Oxford, Oxbow, 245.
- Belke K., Mersisch N. 1990. Tabula Imperii Byzantini, 7. Phrygien und Pisidien. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 462.
- Brandt H. 2002. Adada – eine pisidische Kleinstadt in hellenistischer und römischer Zeit. In: *Historia*. 51: 385–413.
- Brandt H. 1992. Gesellschaft und Wirtschaft Pamphyliens und Pisidiens im Altertum. In: *Asia Minor Studien*, 7: 169–199.
- Coulton J.J., Armstrong P., Erdentuğ A., French D.H., Kiel M., Milner N.P., Roberts P., Sekunda N., Wagstaff J.M. 2012. The Balbura Survey and Settlement in Highland Southwest Anatolia: Vol. 1. Balbura and the History of Highland Settlement. Ankara, British Institute at Ankara, 248.
- Cowell I., Hainsworth K., Wolf B., Nikolic M. 2001. Pisidian Antioch City Plan. Provided to the Kelsey Museum Archives by John W. Humphrey, 214.
- Darrouzes J. 1981. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, Institut Français d'Etudes Byzantines, 521.
- Honigmann E. 1939. Le Synekdemos d'Hierokles. Brussels, Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.
- Kitzinger E. 1974. A Fourth Century Mosaic Floor in Pisidian Antioch. In: *Mansel'e Armagan (Melanges Mansel) I*. Ankara: 385–395.
- Lavan L. 2008. The Monumental Streets of Sagalassos in Late Antiquity: An Interpretative Study. In: *La rue dans l'Antiquité*. Presses Universitaires de Rennes: 201–214.
- Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, UP, 256.
- Machatschek A., Schwarz M. 1981. Bauforschungen in Selge. Vienna, VOA, 141.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
- Mitchell S. 1995. Cremna in Pisidia. An Ancient City in Peace and in War. London, Duckworth, 244.
- Mitchell S. 2000. The Settlement of Pisidia in Late Antiquity and the Byzantine Period: Methodological Problems. In: *Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften* 283: 139–153.
- Mitchell S., Waelkens M., Burdy J., Byrne M., Öztürk J., Taşlıalan M. 1998. Pisidian Antioch: The Site and its Monuments. London, Duckworth, Classical Press of Wales, 249.
- Nolle J., Schindler F. 1991. Die Inschriften von Selge. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 37. Bonn, Habelt, 151.
- Robinson T. 2001. The Decline of Urban Settlement in Pisidia – from City to Village? In: *The Greek City front Antiquity to the Present*. Leuven, Peeters: 87–100.
- Robinson T. 2002. City and Country in Pisidia from Classical Antiquity to the Middle Ages: Ariassos, Sia and their Territories. Diss. Oxford, 214.
- Talloon P. 2019. The Rise of Christianity at Sagalassus. In: *Early Christianity in Asia Minor and Cyprus: From the Margins to the Mainstream (Early Christianity in Asia Minor 3)*. Leiden, Brill: 164–201.
- Talloon P. 2014. Cult in Pisidia. Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. Leuven, Peeters, 412.

- Waelkens M. 2004. Ein Blick von der Ferne: Seleukiden und Attaliden in Pisidien. *In: Istanbuler Mitteilungen*. Vol. 54: 435–471.
- Waelkens M. 2011. Sagalassos. Erste Stadt Pisidiens, Freund und Bundgenosse der Römer. *In: Antike Welt: Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte (Issue 3)*: 62–71.
- Waelkens M. 2020. Origins of the Colonnaded Streets in the Cities of the Roman East. *In: Journal of Roman Archaeology*. Vol. 33: 861–869.
- Waelkens M., Vandeput M. 2007. Regionalism in Hellenistic and Roman Pisidia. *In: Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Berkeley, Ausonius: 97–105.

References

- Bolgov N.N. 2023. Puti vizantinizacii pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e [Ways of Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean]. V: Vizantiya i vizantijskoe nasledie v Prichernomor'e, Sredizemnomor'e i Vostochnoj Evrope [Byzantium and the Byzantine Legacy in the Black Sea Region, the Mediterranean and Eastern Europe]. SPb., Aletejya: 10–15.
- Bolgov N.N., Eliseeva A.Yu. 2021. Sagalass – «pervyj gorod Pisidii»: k istorii regional'nogo centra rimskoj Maloj Azii [Sagalass – “the First City of Pisidia”: on the History of the Regional Center of Roman Asia Minor]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Story. Political science]. 48(3): 579–596.
- Pashkova A.Yu. 2022. Antiohiya v Pisidii: k istorii goroda i ego izucheniya [Antioch in Pisidia: on the History of the City and its Study]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Story. Political science]. 49(2): 269–282.
- Pashkova A.Yu. 2022b. K voprosu o datirovke mavzoleya v Ariasse (Pisidiya) [On the Issue of Dating the Mausoleum in Ariassa (Pisidia)]. *Vizantijskij klub. Al'manah*. [Byzantine Club. Almanac. 2022.]. Belgorod: 75–79.
- Pashkova A.Yu. 2021. Termess i Sel'ge – dva forposta rimskoj Pisidii [Termessus and Selge – Two Outposts of Roman Pisidia]. *Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. 2021* [Classical and Byzantine tradition. 2021]. Belgorod: 40–45.
- Prihod'ko E.V. 2014. Adady – drevnij gorod central'noj Pisidii [Adada – Ancient City of Central Pisidia]. *Aristej. Vestnik klassicheskoy filologii i istorii* [Aristaeus. Bulletin of Classical Philology and History]. X: 181–219.
- Prihod'ko E.V. 2015. Adady – drevnij gorod central'noj Pisidii [Adada – Ancient City of Central Pisidia]. Chast' II [Part 2]. *Aristej. Vestnik klassicheskoy filologii i istorii* [Aristaeus. Bulletin of Classical Philology and History]. XI: 233–282.
- Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions. 2019. Ed. Ine Jacobs, Hugh Elton. Oxford, Oxbow, 245.
- Belke K., Mersisch N. 1990. Tabula Imperii Byzantini, 7. Phrygien und Pisidien. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 462.
- Brandt H. 2002. Adada – eine pisidische Kleinstadt in hellenistischer und römischer Zeit. *In: Historia*. 51: 385–413.
- Brandt H. 1992. Gesellschaft und Wirtschaft Pamphylens und Pisidiens im Altertum. *In: Asia Minor Studien*, 7: 169–199.
- Coulton J.J., Armstrong P., Erdentuğ A., French D.H., Kiel M., Milner N.P., Roberts P., Sekunda N., Wagstaff J.M. 2012. The Balboura Survey and Settlement in Highland Southwest Anatolia: Vol. 1. Balboura and the History of Highland Settlement. Ankara, British Institute at Ankara, 248.
- Cowell I., Hainsworth K., Wolf B., Nikolic M. 2001. Pisidian Antioch City Plan. Provided to the Kelsey Museum Archives by John W. Humphrey, 214.
- Darrouzes J. 1981. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, Institut Français d'Etudes Byzantines, 521.
- Honigmann E. 1939. Le Synekdemos d'Hierokles. Brussels, Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.
- Kitzinger E. 1974. A Fourth Century Mosaic Floor in Pisidian Antioch. *In: Mansel'e Armagan (Melanges Mansel) I*. Ankara: 385–395.
- Lavan L. 2008. The Monumental Streets of Sagalassos in Late Antiquity: An Interpretative Study. *In: La rue dans l'Antiquité*. Presses Universitaires de Rennes: 201–214.

- Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, UP, 256.
- Machatschek A., Schwarz M. 1981. Bauforschungen in Selge. Vienna, VOA, 141.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
- Mitchell S. 1995. Cremna in Pisidia. An Ancient City in Peace and in War. London, Duckworth, 244.
- Mitchell S. 2000. The Settlement of Pisidia in Late Antiquity and the Byzantine Period: Methodological Problems. In: Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes. *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften* 283: 139–153.
- Mitchell S., Waelkens M., Burdy J., Byrne M., Öztürk J., Taşlıalan M. 1998. Pisidian Antioch: The Site and its Monuments. London, Duckworth, Classical Press of Wales, 249.
- Nolle J., Schindler F. 1991. Die Inschriften von Selge. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 37. Bonn, Habelt, 151.
- Robinson T. 2001. The Decline of Urban Settlement in Pisidia – from City to Village? In: *The Greek City front Antiquity to the Present*. Leuven, Peeters: 87–100.
- Robinson T. 2002. City and Country in Pisidia from Classical Antiquity to the Middle Ages: Ariassos, Sia and their Territories. Diss. Oxford, 214.
- Talloon P. 2019. The Rise of Christianity at Sagalassus. In: *Early Christianity in Asia Minor and Cyprus: From the Margins to the Mainstream (Early Christianity in Asia Minor 3)*. Leiden, Brill: 164–201.
- Talloon P. 2014. Cult in Pisidia. Religious Practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the Rise of Christianity. Leuven, Peeters, 412.
- Waelkens M. 2004. Ein Blick von der Ferne: Seleukiden und Attaliden in Pisidien. In: *Istanbuler Mitteilungen*. Vol. 54: 435–471.
- Waelkens M. 2011. Sagalassos. Erste Stadt Pisidiens, Freund und Bündgenosse der Römer. In: *Antike Welt: Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte (Issue 3)*: 62–71.
- Waelkens M. 2020. Origins of the Colonnaded Streets in the Cities of the Roman East. In: *Journal of Roman Archaeology*. Vol. 33: 861–869.
- Waelkens M., Vandeput M. 2007. Regionalism in Hellenistic and Roman Pisidia. In: *Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Berkeley, Ausonius: 97–105.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.11.2023

Received 20.11.2023

Поступила после рецензирования 22.01.2024

Revised 22.01.2024

Принята к публикации 23.01.2024

Accepted 23.01.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пашкова Анастасия Юрьевна, преподаватель кафедры профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, г. Белгород, Россия

Anastasia Yu. Pashkova, Lecturer at the Department of Vocational Training and Socio-pedagogical Disciplines, V. Ya. Gorin Belgorod State Agrarian University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8556-2162](https://orcid.org/0000-0002-8556-2162)

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-27-33

Оригинальное исследование

Марк Клавдий Марцелл и война римлян с инсубрами

Клименко Р.В.

Воронежский государственный педагогический университет,

Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86

E-mail: romanklimenko1488@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о роли Марка Клавдия Марцелла в войне римлян с инсубрами 222 г. до н. э. За несколько лет до начала Второй Пунической войны в пределы римского влияния вторглись галлы, их давние враги. Начиная с 225 г. до н. э. римляне в ходе борьбы с неприятелем осуществляли экспансию в долине р. По, богатой плодородной землёй. За счёт последнего частично были решены проблемы плебейского малоземелья. В 222 г. до н. э. в консулы был впервые избран Марк Клавдий Марцелл. В войне с галльским племенем инсубров он впервые проявил себя в качестве полководца. В ходе боевых действий Марцелл одолел в личном поединке предводителя противника Вирдумара и снял с него доспехи, позже преподнесённые богам, что до Марка Клавдия удавалось только двум римлянам. Известием о гибели вражеского вождя Марцелл, по заявлению источников, принудил инсубрийский город Медиолан, осаждаемый его коллегой Сципионом Кальвом, к сдаче. Тем самым Марцелл сыграл решающую роль в данной войне.

Ключевые слова: Марк Клавдий Марцелл, инсубры, Паданская долина, Вирдумар, Полибий, Кельтские войны

Для цитирования: Клименко Р.В. 2024. Марк Клавдий Марцелл и война римлян с инсубрами. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 27–33. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-27-33

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Marcus Claudius Marcellus and the Roman War Against the Insubres

Roman V. Klimenko

Voronezh State Pedagogical University,

86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

E-mail: romanklimenko1488@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the role of Marcus Claudius Marcellus in the Roman war against the Insubres in 222 B.C. A few years before the beginning of the Second Punic War the old enemies Gauls invaded the limits of Roman influence. Since 225 B.C. during the struggle with the enemy the Romans carried out expansion in the valley of the Po River, rich in fertile land. Due to the latter the plebeians problems of shortage arable land were partially solved. In 222 B.C. Marcus Claudius Marcellus was elected consul for the first time. In the war with the Gallic tribe of Insubres he first proved himself as a commander. During the fighting Marcellus defeated the leader of the enemy, Viridomarus, in a personal duel and took off his armor, later presented to the gods. By the news of the death of the enemy leader, Marcellus, according to sources, forced the Insubrian city of Mediolan, besieged by his colleague Scipio Calvus, to surrender. Consequently, Marcellus played a decisive role in this war.

Keywords: Marcus Claudius Marcellus, Insubres, Po Valley, Viridomarus, Polybius, Celtic Wars

For citation: Klimenko R.V. 2024. Marcus Claudius Marcellus and the Roman War Against the Insubres. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 27–33 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-27-33

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В истории римского государства было большое количество войн. У Тита Ливия мы читаем, например, что за более чем семьсот лет римской истории Вечный город не вёл ни с кем войны всего три непродолжительных промежутка времени: при царе Нуме Помпилии, при консуле Манлии Торквате и при Октавиане Августе (Liv. I. 19. 3). С разными народами вёл Рим войны; самые известные из них, конечно, Пунические. Однако не стоит забывать, что ещё до столкновений с Карфагеном Римская республика подвергалась бесчисленным нападениям со стороны галльских племён.

В Италии кельтские народы, получившие у римлян названием «галлы», проживали на севере – на территории т. н. Цизальпинской Галлии – и граничили с Этрурией. Впервые римляне столкнулись с галлами ещё в 390 г. до н. э. (Liv. V. 37; Plut. Camil. 19). Войны велись с переменным успехом, но в одно время римляне так сильно уступили, что варвары дошли до самого Капитолия. Здесь, конечно, нельзя не вспомнить историю о священных гусях, спасших Рим, рассказанную Ливием и Плутархом (Liv. V. 47; Plut. Camil. 27). Однако после первой войны с Карфагеном Рим стал крепнуть чрезвычайно быстрыми темпами. В пределах старых границ ему было тесно, что не могло не вылиться в войну с ближайшими соседями и старыми врагами в одном лице. Но, несмотря на притязания римлян, войну начали сами галлы.

Так началось завоевание долины р. По или Кельтские войны – конфликт, растянувшийся на 35 лет (225–190 гг. до н. э.) [Никишин, 2007, с. 231; Нич, 2022, с. 133–138, 141–142, 144]. Нас интересует самый яркий эпизод этого конфликта – *Bellum Gallicum Cisalpinum* (CIL I². I. 17a), столкновение с инсубрами. Именно здесь впервые на поле боя проявил себя римский полководец и герой Второй Пунической войны Марк Клавдий Марцелл. Какова была его роль в той войне? И каково было значение тех событий для дальнейшей истории Рима? На эти вопросы автор и попытается дать ответы.

Объект и методы исследования

В статье предлагается рассмотреть военную деятельность Марка Клавдия Марцелла в период его первого консульства 222 г. до н. э. и её отображение в источниках. Автор пытается дать ответ на вопрос о роли Марцелла в войне с инсубрами накануне Второй Пунической войны. Методология настоящего исследования строится на сравнительном анализе источников.

Результаты и их обсуждение

Первое, о чём стоит сказать, это немногочисленность источников, которые нам дают относительно полную и подробную информацию о войне римлян с инсубрами (*insubri*), или инсомбрами (*οἱ Ἰνσούμβροι*). Части труда Ливия, которые содержали информацию об интересующих нас событиях, не сохранились в полном объёме, только в перифериях. Однако в трудах Плутарха, который, живя в достаточно спокойные времена, непременно мог использовать сообщения не только того же Тита Ливия, но и многих других предшественников в качестве источника информации (Fab. 19. 3; Marc. 1. 1; 9. 4; 20. 7; 30. 4–5 etc), мы находим достаточно много интересующей нас информации. Именно в жизнеописании Марка Клавдия Марцелла Плутарх рисует читателю подробную картину происходившего в 222 г. до н. э. Полибий же описывает войну в своей второй книге «Истории», пишет про неё не так

много, как тот же Плутарх, но достоверность у написанного достаточно высока: историк использовал большой спектр источников [Немировский, 1979, 62; Pédech, 1964, 378], не только общался с очевидцами событий, но и посещал места, где они происходили, беседовал с местными жителями [Тыжов, 1994, с. 13; Авраменко, 2002, с. 31; Кашеев, 2002, с. 23; Бобровникова, 2019, 244–254], часть его произведения и вовсе повествует о событиях, которые происходили при его жизни, – и неудивительно, что иногда сам Ливий следовал труду эллина [Кнабе, 2002, с. 649]. При этом Ливий использовал и многие другие источники (XXV. 39. 12; 14; 15; XXVI. 11. 11, 49. 3 etc.), подвергая их уже сложившейся в тогдашней исторической науке критике [Нич, 2022, с. 16–29].

Касательно историографии, следует отметить, что в отечественной науке галло-римские отношения накануне Второй Пунической войны – тема слабо разработанная. Исследователи в основном её касались в общих трудах по Пуническим войнам, где авторы делали акцент на решении земельных проблем плебеев-колонистов за счёт завоевания благоприятной для земледелия Паданской долины [Ревяко, 1988, 124; Родионов, 2005, 160–161]. Что касается зарубежной историографии, авторы Кембриджской истории Древнего мира, например, придерживаются такой же точки зрения, что и отечественные исследователи, но также заостряют внимание на конфискации земель и вытеснении инсубров и бойев из завоеванных областей [Харрис, 2018, 144–146]. В зарубежной историографии данная тема изучена несколько больше, например, работы Дж. Уильямса [Никишин, 2007, 226–227]. Выводы у всех исследователей примерно одинаковы: начавшиеся в 225 г. до н. э. Кельтские войны позволили укрепить позиции римлян в северной Италии накануне похода Ганнибала [Bagnall, 2002, 45]. Более того, окончательное покорение Паданской долины повлияло в лучшую сторону на «материальное благополучие рядовых земледельцев» [Родионов, 2005, 160–161].

Рассмотрим же теперь основные события этого конфликта и роль в нём Клавдия Марцелла. Последний внёс значительный вклад в победу римлян во Второй Пунической войне. В период после поражения при Каннах и диктатуры Фабия Максима Марцелл был одним из немногих, кто стремился к открытому сражению с Ганнибалом. Более того, Марк Клавдий был единственным, кто одержал над Ганнибалом победу в полевом сражении на территории Италии [Клименко, 2020, с. 6]. Позже, в 214–212 гг. до н. э., Марцелл с успехом осаждал и в итоге захватывает Сиракузы – стратегически важный город на Сицилии. По иронии судьбы гениальный полководец погиб не в большом сражении, а попав в засаду пунийцев. За свои заслуги он получил прозвище «меч Италии» (Plut. Marc. 9). И даже заклятый враг Клавдия Ганнибал испытывал к своему противнику настолько большое уважение, что похоронил Марцелла с почестями (Cic. De senect. 75; Tusc. I. 89; Liv. XXVII. 28; Plut. Marc. 30). Однако начало полководческой карьеры Марцелла пришлось именно на войну с инсубрами.

Полибий датирует начало этой войны консульством Луция Эмилия Папа и Гая Аттилия Регула (Polyb. II. 26. 1; 27. 1), т. е. 225 г. до н. э. или 529 г. ab Urbe condita (CIL I². I. 17a). Инициатива к началу боевых действий исходила от галлов, начавших разорять Тиррению – этрусское побережье. Однако это был конфликт ещё не конкретно с инсубрами. Здесь Полибий перечисляет множество племён Транспаданской Галлии, участвовавших в конфликте: инсубры (*τοὺς Ἰνσομβραῖς*), тавриски (*τοὺς Ταυρίσκους*), бойи (*τοὺς <...> Βοίους*), которых обобщённо называет кельтами (*οἱ Κέλται*) (II. 28. 3–4), хотя правильнее будет именовать их галлами – термином более узким и *прежде всего* относящимся к неиталийскому населению Северной Италии [Никишин, 2007, с. 226]. Также Полибий упоминает альпийских гезатов (*τοὺς μὲν ἐκ τῶν Ἀλπῶν Γαισάτους*) (II. 28. 3), которые участвовали на стороне галлов в решающей битве с римлянами при Теламоне. Отметим, что гезатов не стоит приписывать к родственному кельтам племени. Как отмечали многие исследователи, «гезатами» римляне и греки называли наёмников, вооружённых копьями (*gaesum*) [Kretschmer, 1948, s. 2–3; Delamarre, 2003, p. 174]. Более того, наёмники-гезаты состояли из германцев

[Низе, 1910, с. 147; Кузьменко, 2009, с. 337–338]. Таким образом, можно предположить, что впервые римская армия встретилась с германцами, которых называли гезатами, ещё в конце III в. до н. э. – задолго до кимвров и тевтонов. Однако эти самые гезаты, по замечанию Полибия, не отличались особенной эффективностью в бою (II. 30).

После победы при Теламоне в 225 г. до н. э. галлы были усмирены. Римляне же продолжили пытаться вытеснить кельтов из бассейна р. По (Polyb. II. 31–32). И через три года после начала *Bellum Gallicum Cisalpinum* (CIL I². I. 17a) происходят интересующие нас события. Теперь мы знаем, что противники были уже и знакомы друг другу, и статус зачинателей войны принадлежит галлам. Римляне же после победы при Теламоне поступили крайне разумно, продолжая политику дистанцирования варваров от собственно италийских земель и Рима в частности.

Итак, в 222 г. до н. э. консулами были избраны Марк Клавдий Марцелл и Гней Корнелий Сципион Кальв (дядя Сципиона Африканского) (CIL I². I. 17a). Продолжая завоевательную политику в Паданской долине, они осадили Ацерры. Инсубры же, в чьих землях находился город, осадили уже занятый римлянами до этого Кластидий. Моммзен называет этот манёвр «диверсией» (*einer Diversion*) [Mommsen, 1856, 532], что видится достаточно справедливым: инсубры стремились таким образом разделить вражескую армию. Марцелл направился помогать осаждённым (Polyb. II. 34. 5–6; Plut. Marc. 6. 2–3). Сципион Кальв в отсутствие своего коллеги у Ацерр взял последние и направился к крупному городу инсубров – Медиолану, который также под его натиском пал (Polyb. II. 34. 13–14). Однако Плутарх связывает взятие Медиолана с прибытием Марцелла, огорчившего осаждённых известием об убийстве их вождя Вирдумара в битве при Кластидии (Marc. 6. 5). Так закончилась эта война, и «кельты покорились» [Нич, 2022, с. 137], но достигнута победа была значительными потерями [Низе, 1910, с. 147–148]. В дальнейшем территория Паданской долины подверглась романизации, для чего римляне основали в подчинённых землях две колонии: Кремону и Плаценцию (Polyb. III. 40. 5; Strab. V. 1. 10–11; Liv. ep. XX; Vell. I. 15. 8).

Наиболее интересной и важной частью рассматриваемых событий является битва при Кластидии, а именно эпизод с убийством Марцеллом инсубрийского вождя Вирдумара в рукопашном бою (в разных источниках его имя пишут по-разному: Liv. ep. XX: *Vertomaro*; CIL I². II. 16: *Virдумаро*; Plut. Marc. 6. 2: *Βριτόματος*). Этот эпизод нам интересен следующим. Марцелл был одним из трёх римлян, сразивших предводителя противника в личном поединке: до него таковыми являлись Ромул и Манлий Торкват (Liv. I. 10. 4; VIII. 7; Plut. Rom. 16. 7). Об этом событии повествуется и в триумфальных фастах (CIL I². II. 16: *spolia opima rettulit duce hostium Virдумаро ad Clastidium interfecto*), и у Ливия (Periochae. XX), и у Плутарха (Marc. 6. 6; 7. 3), и у авторов более поздних периодов (Flor. Epit. II. 4. 1–5; Eutr. Brev. III. 6; Oros. IV. 13. 15; Zonaras. VIII. 20; Dio Cass. XII. 51–52). Однако необходимо учитывать, что запись в триумфальных фастах, вероятно, сделана в эпоху Августа [Низе, 1910, с. 147; Кузьменко, 2009, с. 337–338; Collinder, 1944, s. 21; Kretschmer, 1948, s. 4], т. е. ко времени написания «*Ab Urbe condita*» Тита Ливия. Но есть интересное замечание – данного события не упоминает Полибий. Можно предположить, что Полибий ничего об этом не знал, хотя, как мы убедились, событие является далеко не рядовым (Plut. Rom. 16. 7), соответственно, подобный вариант для такого исследователя маловероятен. Также, например, Г. Дельбрюк считает, что события 238–222 гг. до н. э. Полибий взял у Фабия Пиктора, который как современник описываемого и как римлянин не мог не упомянуть (несомненно, реально имеющего место) триумфа Марцелла [Дельбрюк, 2001, с. 586]. Но самый важный аргумент – слова Цицерона в Тускуланских беседах: «Я считаю, что тот самый Торкват, который это прозвище снискал, не в гневе с галла ожерелье снял, и Марцелл около Кластидия не потому был силён, что гневом был объят» (*Ego ne Torquatium quidem illum, qui hoc cognomen invenit, iratum existimo Gallo torquem detraxisse, nec Marcellum apud Clastidium ideo fortem fuisse, quia fuerit iratus*) (IV. 22. 49). Очевидно, что великий мастер ристорики не про-

сто так поместил рядом Манлия Торквата, снявшего с галла ожерелье, и Марцелла, снявшего с поверженного лично галльского вождя доспехи, хотя про последнее Цицерон открыто не говорит. Вероятно, П. Коннолли поддерживает в своей работе Цицерона, т. к. ставит Торквата и Марцелла в один ряд точно в таком же качестве [Коннолли, 2001, с. 114]. Как известно, Цицерон умер до написания работы Тита Ливия. Почему же Полибий не упоминает подвига Марцелла? Этот вопрос, на мой взгляд, заслуживающий отдельного рассмотрения.

Таким образом, можно сделать вывод, что подвиг Марцелла на самом деле имел место и является одним из самых ярких эпизодов его ранней карьеры полководца.

Заключение

Следует заключить, что война римлян с инсубрами 222 г. до н. э. значительно укрепила позиции первых в северной Италии – это факт бесспорный и не новый. Вместе с тем можно говорить о том, что именно в тот период квириты впервые встретились на поле боя с германцами, которых называли гезатами.

Однако нельзя не отметить, что эта война является первой значительной военной кампанией Марка Клавдия Марцелла. Впервые Марцелл был избран в консулы и сразу же получил триумф за победу при Кластидии, где поверг в личном поединке инсубрийского вождя Вирдумара, а его доспехи поднёс Юпитеру-Феретрию. Это ещё один яркий эпизод в биографии великого полководца Второй Пунической войны, так редко упоминаемый и рассматриваемый в историографии и неупоминаемый Полибием по причине, заслуживающей отдельного рассмотрения.

Список литературы

- Авраменко И.Н. 2002. Взятие Сард войсками Антиоха III в освещении Полибия. В кн.: Античный мир и археология, 11. Саратов, Издательство Саратовского Государственного университета: 30–37.
- Бобровникова Т.А. 2019. Полибий и его герои. Москва, Академический проект, 482.
- Дельбрюк Г. 2005. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир. Москва, Директмедиа Паблишинг, 1107.
- Кашеев В.И. 2002. Полибий и его «Прагматическая история». В кн.: Античный мир и археология, 11. Саратов, Издательство Саратовского Государственного университета: 23–30.
- Клименко Р.В. 2020. Битва при Ноле 216 года до нашей эры. Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работ за 2019 год. Воронеж, Изд-во ВГПУ, 5–7.
- Кнабе Г.С. 2002. Рим Тита Ливия – образ, миф и история. В кн.: Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3-х томах. Т. III. Кн. XXXIV–XLV. Москва, «Ладомир»: 647–708.
- Коннолли П. 2001. Греция и Рим: энциклопедия военного искусства. Москва, Эксмо-Пресс, 320.
- Кузьменко Ю.К. 2009. Самоназвание германцев и исконное значение этнонима SUĕBī ‘свебы’. Индоевропейское языкознание и классическая филология, 13: 337–358.
- Моммзен Т. 1997. История Рима. Т. I. Москва, «Наука», «ЮВЕНТА», 731.
- Немировский А.И. 1979. У истоков исторической мысли. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 213.
- Низе Б. 1910. Очерк Римской истории и источниковедения. Санкт-Петербург, Типография товарищества «Общественная польза», 626.
- Никишин О.В. 2007. Рецензия на: Williams J.H.C. Beyond the Rubicon: Romans and Gauls in Republican Italy. Oxford: Oxford University Press, 2001. XV, 264 p. *Studia historica*, VII: 226–232.
- Нич К.-В. 2022. История Римской республики. Москва, Вече, 400.
- Ревяко К.А. 1988. Пунические войны. Минск, «Университетское», 272.
- Родионов Е.А. 2005. Пунические войны. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. университета, 626.
- Тыжов А.Я. 1994. Полибий и его «Всеобщая история». В кн.: Полибий. Всеобщая история. Т. I. Санкт-Петербург, «Наука», «Ювента»: 5–33.

- Харрис У.В. Римская экспансия на Западе. В кн.: Астин А.Э., Уолбэнк Ф.У., Фредериксен М.У., Огилви Р.М. Кембриджская история Древнего мира. Т. VIII. Рим и Средиземноморье до 133 г. до н. э. Москва, «Ладомир»: 138–204.
- Bagnall N. 2002. *The Punic Wars 264–146 B.C.* Oxford, Ousprey Publishing Ltd, 95.
- Collinder B. 1944. The Name Germani. *Arkiv för nordisk filologi*, 59: 19–39.
- Delamarre X., Lambert P.-Y. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise: Une approche linguistique du vieux-celtique continental.* Paris, Editions Errance, 440.
- Kretschmer P. 1948. Die frühesten sprachlichen Spuren von Germanen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 69(1–2): 1–25.
- Mommsen T. 1856. *Römische geschichte.* Bd. I. Berlin, Weidmann, 938.
- Pédech P. 1964. *La méthode historique de Polybe.* Paris, «Les Belles lettres», 644.

References

- Avramenko I.N. 2002. Vzyatie Sard voyskami Antiokha III v osveshchenii Polibiya [The Capture of Sardis by the Troops of Antiochus III in the Coverage of Polybius]. In: *Antichnyy mir i arkeologiya* [The Ancient World and Archeology], 11. Saratov, Saratov State University Publishing House: 30–37.
- Bobrovnikova T.A. 2019. *Polibiy i ego geroi* [Polybius and His Heroes]. Moscow, Akademicheskii proekt, 482.
- Delbrück H. 2005. *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii* [History of Warfare in the Framework of Political History], Vol. 1. *Antichnyy mir* [Ancient Warfare]. Moscow, Directmedia Publishing, 1107.
- Kashcheev V.I. 2002. Polibiy i ego «Pragmaticheskaya istoriya» [Polybius and His «Pragmatic History»]. In: *Antichnyy Mir i Arkheologiya* [The Ancient World and Archeology], 11. Saratov, Saratov State University Publishing House: 23–30.
- Klimenko R.V. 2020. Bitva pri Nole 216 goda do nashey ery [Battle of Nola 216 B.C.]. *Tezisy dokladov studencheskoy nauchnoy koferentsii po itogam rabot za 2019 god* [Abstracts of Reports of the Student Scientific Conference on the Results of the Work for 2019]. Voronezh, Press VSPU: 5–7.
- Knabe G.S. 2002. Rim Tita Liviya – obraz, mif i istoriya [Rome of Titus Livius – Image, Myth and History]. In: *Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda. V 3-kh tomakh* [From the Founding of the City. In 3 volumes]. Vol. III. B. XXXIV–XLV. Moscow, «Ladomir»: 647–708.
- Connolly P. 2001. *Gretsiya i Rim: entsiklopediya voennogo iskusstva* [Greece and Rome at War]. Moscow, Exmo Press, 320.
- Kuzmenko Yu.K. 2009. Self-Designation of the Germanic People and the Original Meaning of the Ethnonym SUĒBĪ. *Indo-European linguistica and Classical Philology*, 13: 337–358.
- Mommsen T. 1997. *Istoriya Rima* [The History of Rome]. Moscow, «Nauka», «YuVENTA», 731.
- Nemirovskiy A.I. 1979. *U istokov istoricheskoy mysli* [At the Origins of Historical Thought]. Voronezh, Voronezh University Publishing House, 213.
- Niese B. 1910. *Ocherk Rimskoy istorii i istochnikovedeniya* [An Essay on Roman History and Source Studies]. Saint-Petersburg, Association «Obshchestvennaya pol'za» Press, 626.
- Nikishin O.V. 2007. Review of: Williams J.H.C. *Beyond the Rubicon: Romans and Gauls in Republican Italy.* Oxford: Oxford University Press, 2001. XV, 264 p. *Studia historica*, VII: 226–232.
- Nietsch K.-W. 2022. *Istoriya Rimskoy respubliki* [The History of Roman Republic]. Moscow, Veche, 400.
- Revyako K.A. 1988. *Punicheskie voyny* [The Punic Wars]. Minsk, «Universitetskoe», 272.
- Rodionov E. *Punicheskie voyny* [The Punic Wars]. Saint-Petersburg, Press of Saint-Petersburg university, 626.
- Tyzhov A.Ya. 1994. Polibiy i ego «Vseobshchaya istoriya» [Polybius and His «Histories»]. In: *Polibiy. Vseobshchaya istoriya* [Polybius. Histories]. Vol. 1. Saint-Petersburg, «Nauka», «Yuventa», 5–33.
- Harris W.V. *Rimskaya ekspansiya na Zapade* [Roman Expansion in the West]. In: Astin A.E., Walbank F.W., Frederiksen M.W., Ogilvie R.M. *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. T. VIII. Rim i Sredizemnomor'e do 133 g. do n. e.* [The Cambridge Ancient History. Vol. VIII. Rome and Mediaterranen to 133 B.C.]. Moscow, «Ladomir»: 138–204.
- Bagnall N. 2002. *The Punic Wars 264–146 B.C.* Oxford, Ousprey Publishing Ltd, 95.
- Collinder B. 1944. The Name Germani. *Arkiv för nordisk filologi*, 59: 19–39.
- Delamarre X., Lambert P.-Y. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise: Une approche linguistique du vieux-celtique continental.* Paris, Editions Errance, 440.

Kretschmer P. 1948. Die frühesten sprachlichen Spuren von Germanen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 69(1–2): 1–25.

Mommsen T. 1856. Römische geschichte. Bd. I. Berlin, Weidmann, 938.

Pédech P. 1964. La méthode historique de Polybe. Paris, «Les Belles lettres», 644.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.12.2023

Received 13.12.2023

Поступила после рецензирования 01.02.2024

Revised 01.02.2024

Принята к публикации 03.02.2024

Accepted 03.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Клименко Роман Владимирович, студент кафедры зарубежной истории, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Roman V. Klimenko, Student of the Department of Foreign History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5664-6527](https://orcid.org/0000-0002-5664-6527)

УДК 94(37).07
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43
Оригинальное исследование

Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса

Иванова Е.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: selenai.ei95@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия преторианской гвардии в жизни императорского двора и в его церемониальных практиках. В историографии отмечалось, что преторианцы играли важную символическую роль в государственно-династических церемониях Рима, присутствуя на которых, гвардейцы служили напоминанием аристократии о военном могуществе и верховной власти императора. Однако, обращаясь к домашним традициям императорского двора, автор данной статьи заключает, что упомянутый выше тезис на них не распространяется. Регулярно приветствуя принцепса и посещая его пиры, преторианцы из простых телохранителей фактически превращались в придворных, военная сила которых позволила им со временем занять при дворе место, практически равное сенаторскому сословию. Хотя эта сила зачастую служила личным интересам гвардейцев как особой статусной группе при дворе принцепса, она не была направлена против аристократии, с которой, благодаря нововведениям Клавдия, офицерский состав гвардейцев постепенно смешивается в едином кругу придворного общества.

Ключевые слова: римский императорский двор, придворное общество, преторианская гвардия, обряд *salutatio*, императорский *convivium*

Для цитирования: Иванова Е.С. 2024. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 34–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremony of the *Salutatio*, Imperial *Convivium* and Entertainment of the Princeps

Elena S. Ivanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: selenai.ei95@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of the participation of the Praetorian Guard in the life of the imperial court and its ceremonial practices. It has been noted that the Praetorians played an important symbolic role in the state dynastic ceremonies of Rome. Actually, the guards served as a reminder to the aristocracy of the military force and supreme power of the emperor. However, this point could not be applied to the domestic ceremonies of the imperial court. Essentially, regularly greeting the princeps and attending his feasts, the Praetorians turned from just bodyguards into courtiers. Military strength of these new courtiers allowed them to become almost equal to the senatorial class in the relationship with the emperor.

Although this strength often served the personal interests of the guards as a special status group at the court, it was not directed against the aristocracy. Moreover, due to the innovations of Claudius, the officer corps of the guards was gradually mixed with the aristocracy into a single circle of court society.

Keywords: Roman imperial court, court society, Praetorian Guard, salutation ceremony, imperial convivium

For citation: Ivanova E.S. 2024. Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremony of the Salutatio, Imperial Convivium and Entertainment of the Princeps. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 34–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-34-43

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Дион Кассий, отмечая нравственное достоинство преторианца Сервия Сульпиция Симилиса, приводит в пример его заслуг случай, когда военный служащий, занимавший в то время пост центуриона, отказался войти к императору Траяну прежде префектов. Симилис объясняет свой отказ от приглашения принцепса следующими словами: «Негоже, Цезарь, что ты будешь разговаривать с центурионом, в то время как префекты стоят снаружи» (Dio Cass. 69. 19)³. Хотя отказ центуриона, вероятно, мотивирован стремлением соблюсти воинскую субординацию, его действия также можно истолковать существованием придворного этикета. Данная интерпретация подводит нас к проблеме участия преторианской гвардии в жизни императорского двора и его церемониальных практиках, что является одним из новых направлений в изучении римский когорт [Rollinger, 2022, p. 225]. Обращение к этим вопросам связано с расширением смысла понятия «римский императорский двор» и попытками создать его критическую историю [Kelly, 2022a, p. 2–4]. Отметим, что вплоть до конца XX в. императорский двор не был специальным объектом исследования в римской историографии. Теодор Моммзен [Mommsen, 1888] и его последователи [Hirschfeld, 1905; Wallace-Hadrill, 2011] изучали отдельные аспекты деятельности приближенных императора (например, их политическую и административную роль), но как особое социокультурное явление императорский двор стали рассматривать только после выхода монографии «Придворное общество» немецкого социолога Н. Элиаса [Elias, 1983]. Под влиянием теоретических идей Н. Элиаса римский императорский двор определяется в современной историографии как группа людей, входившая в непосредственный круг общения императора и/или оказывавшая ему бытовые или охранные услуги. В связи с такой дефиницией в императорский двор входили члены семьи принцепса, часть римской аристократии, представители иностранных правящих династий, домашняя прислуга, телохранители, поэты, актёры, врачи и другие придворные служащие [Kelly, 2022a, p. 7].

Хотя преторианцы и их офицеры во главе с двумя префектами имели возможность регулярного взаимодействия с императором, исполняя охранные и другие функции, что, согласно приведенному выше определению, позволяет считать их частью императорского двора, установить конкретные обязанности гвардейцев при дворе на данный момент затруднительно. Сложности, как отмечает Б. Келли, связаны со скудностью сведений в нарративных источниках [Kelly, 2022b, p. 388]. К этому можно добавить низкую степень разработанности проблемы в историографии. Как в классических [Durry, 1938; Passerini, 1939], так и в новейших работах [Kerr, 1992; Otteley, 2009], посвященных преторианской гвардии, основное внимание уделяется её участию в политической жизни Римской империи. Так, Ги де ла Бедуайер изучает политическую роль гвардии, рассматривая её функции, структуру, опыт и особенности командования в общем контексте истории принципата [de la Bédouyère, 2017]. С. Бингэм также начинает свою работу с краткого очерка политической истории гвардии, но

³ Здесь и далее цитаты из «Римской истории» Диона Кассия приведены в переводе А.В. Махлаюка.

главный акцент делает на обязанностях преторианцев. Исследовательница разбирает такие функции гвардии, как охрана принцепса, политический сыск, устранение опасных для государства лиц, поддержание общественного порядка и помощь вигилам в тушении пожаров [Bingham, 2013]. С. Ричи возражает С. Бингэм, подчеркивая, что основные обязанности преторианцев были связаны с личностью императора: гвардейцы должны были обеспечивать его безопасность и сопровождать во всех поездках. При исполнении второй функции преторианцы не только оберегали принцепса, но и выступали символом его власти [Ricci, 2018, p. 89–104]. Тезис С. Ричи о символической роли гвардии развивает К. Роллингер, рассматривая отдельные церемонии с участием гвардии [Rollinger, 2022, 2023]. Исследователь заключает, что такие регулярные практики, как марш преторианцев через весь город при смене караулов, присутствие гвардейцев в общественных местах Рима, публичные учения преторианцев и др., служили напоминанием простым гражданам и аристократии о том, что контроль над военными силами, а вместе с ним и власть над империей принадлежит исключительно принцепсу [Rollinger, 2022, p. 242–244].

Объект и методы исследования

В данной статье мы продолжим работу К. Роллингера, но обратимся не к государственно-династическим церемониям [Duindam, 1995], а к «домашним» традициям римского двора, таким как обряд утреннего приветствия (*salutatio*) и императорские обеды (*convivia*). Кроме того, мы рассмотрим отдельные эпизоды участия преторианцев в развлечениях принцепса. Названные церемонии примечательны по двум причинам. Во-первых, преторианцы могли присутствовать на них не только как телохранители принцепса, но и как непосредственные участники того или иного мероприятия. Тогда гвардейцы фактически выступали в роли придворных. Во-вторых, в случае если преторианцы на домашних церемониях исполняли функции защиты принцепса, они, согласно представлениям римской аристократии, своей службой свидетельствовали о нарушении принцепсом придворного этикета [Davenport, 2022, p. 290]. Последнее связано с идеей о том, что «хороший» император должен демонстрировать открытость для народа и подчеркивать своё равенство с представителями сенаторского сословия, а не окружать себя толпой телохранителей, запугивая ими аристократов и закрываясь от граждан [Davenport, 2022, p. 290]. Согласно такой модели, «хороший» принцепс может обходиться совсем без охраны. Итак, учитывая особенности восприятия аристократами участия гвардейцев в церемониях императорского двора, мы рассмотрим функции преторианцев как придворных, а также покажем, как эти функции влияли на образ императора в античной историографии.

Сведения по данным вопросам преимущественно происходят из нарративных источников I–IV вв. Это работы Иосифа Флавия, Светония, Тацита, Диона Кассия, Геродиана и других авторов. Отметим, что в этих сочинениях значимые для проблематики статьи эпизоды часто представлены в форме анекдотов или нравоучительных историй. Для работы с подобными фрагментами наиболее эффективными являются методы микроистории, поскольку микроисторический анализ позволяет в совокупности единичных и малозначимых на первый взгляд случаев рассмотреть более общие социальные связи и процессы. Таким образом, изучая отдельные истории из повседневной жизни преторианцев, возможно определить особенности отношений этой социальной группы с императором, а также установить её место в кругу римской аристократии.

Результаты и их обсуждение

Примером «хорошего» императора считается основатель принципата Октавиан Август (Dio Cass. 56. 44; Suet. Aug. 51–60). В историографии отмечается, что уже при нём сформировались те правила и обычаи, которые условно можно назвать придворным церемониалом [Davenport, 2022, 289]. По крайней мере именно Август, следуя республиканским

традициям, стал проводить обряд *salutatio* в императорском доме. По мнению К. Давенпорта, старая церемония при новом политическом строе приобрела иное значение. Приветствуя императора, сенаторы, всадники и все римляне признавали, что теперь у них есть один общий патрон, которому они коллективно выражали свою преданность [Davenport, 2022, p. 294]. Хотя право приветствовать императора было у каждого римлянина, для сенаторского сословия и наиболее выдающихся всадников это являлось обязанностью [Winterling, 1999, p. 123], о чем свидетельствуют античные авторы, приводя примеры уважительных причин для непосещения дома принцепса (Plin. Pan. 48, 2; Fronto. Ad M. Caes. 5. 48 (63)).

При проведении церемонии было важно соблюсти республиканский этикет и принять гостей в соответствии с традиционной иерархией, зависевшей от занимаемой сенатором должности [Winterling, 1999, p. 129]. А. Винтерлинг считает, что Август справился с этой задачей, предоставив сенаторам самим определять порядок входа в его спальню [Winterling, 1999, p. 131]. При таком регламенте префект преторианцев, будучи всадником, должен был приветствовать императора после представителей сенаторского сословия. Однако в источниках не сохранилось упоминаний об участии префектов в обряде *salutatio* при Августе. Также из-за отсутствия сведений сложно установить расположение рядовых преторианцев во время церемонии. С одной стороны, отсутствие прямых указаний в нарративных источниках и образ «восстановителя» республики предполагают, что Август обходился без телохранителей при *salutatio*. С другой стороны, Светоний приводит эпизод, детали которого допускают присутствие солдат. Биограф рассказывает, что Август заподозрил пришедшего к нему с приветствием претора Квинта Галлия в том, что тот прячет под одеждой меч. Хотя у триумвира была возможность обыскать Галлия, он не решился сделать это во время церемонии. Но позже Октавий «с помощью центурионов и солдат стащил его [претора] с судейского кресла и пытал, как раба, а, когда тот [претор] не проронил ни слова, приказал умертвить его» (Suet. Aug. 27. 4)⁴. Отметим, что в данном эпизоде приказ Октавия выполняли ещё не преторианцы, поскольку их подразделение было создано позднее. Тем не менее если в бытность свою триумвиром Октавий размещал телохранителей в непосредственной близости от места, где проходил обряд *salutatio*, то можно предположить, что и став принцепсом, Октавиан продолжал эту практику. Так, невидимое присутствие солдат позволяло Августу обеспечить свою безопасность, не нарушая при этом республиканский этикет.

Соблюдение республиканских традиций требовалось и при организации обедов. По сведениям Светония, пиры Августа представляли собой обычные для представителя сенаторского сословия обеды [Winterling, 1999, p. 148], приглашения на которые принцепс «посылал с большим разбором и званий, и лиц» (Suet. Aug. 74)⁵. Исходя из весьма скудных свидетельств, можно допустить, что пиры проходили либо без участия преторианцев как охранников, либо их присутствие оставалось незаметным для гостей. Тем не менее именно Август стал первым императором, пригласившим на пир преторианца из подразделения *speculatores* как гостя. Но Светоний приводит этот случай как исключительный и объясняет его тем, что принцепс остановился на отдых в доме этого ветерана (Suet. Aug. 74).

Итак, Август создал модель идеального поведения принцепса при дворе, основывавшуюся на республиканских традициях и иерархиях [Sumi, 2011]. В этой модели преторианцы как защитники принцепса оставались невидимыми для представителей аристократии, а преторианцы как придворные ещё не существовали. Что касается префектов претория, то они не играли большой роли при дворе и ни в чем не превосходили сенаторов, занимая отведенное им место в традиционной иерархии. Соблюдение данных принципов считается одним из критериев, по которым римские аристократы относили императоров к «хорошим» или «дурным» правителям [Davenport, 2022, p. 290].

⁴ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – Е. И.

⁵ Перевод М.Л. Гаспарова.

Тиберий в начале правления успешно соблюдал придворный этикет, созданный Августом. Церемония *salutatio* проходила без значительных изменений. Поскольку Август отменил приветствия в своем доме (Dio Cass. 56, 26, 2), Тиберий не стал возрождать эту практику, а «предложил сенаторам приветствовать его всем вместе, чтобы им не приходилось толкаться в толпе» (Dio Cass. 57, 11, 1). Итак, республиканская иерархия при этом обряде не нарушалась. Иным образом ситуация складывалась при организации пиров. Как и Август, Тиберий приглашал ограниченный круг лиц, но его выбор зависел не от социального статуса гостя, а от личных симпатий императора. Более того, Светоний приводит ряд анекдотов о том, как на таких обедах можно было получить назначение не за заслуги, а за угодность императору. Так, должность претора получил «ничтожный» соискатель за то, что по приказу Тиберия выпил целую амфору вина (Suet. Tib. 42.2). Именно на пиру возвысился над сенаторами префект преторианцев Сеян благодаря случайному событию, о чём подробно рассказывает Тацит: «Это произошло на вилле, которая называется “Пещера” и находится... в естественном гроте. Внезапно у входа [в грот] случился обвал и камнями задавило нескольких прислужников. Участники пира в страхе разбежались. Сеян устремился к Цезарю и навис над ним, опираясь на руки и колени, и держался так до тех пор, пока не был найден пришедшими на помощь солдатами. Это его возвеличило. Теперь даже если он [Сеян] давал пагубные советы, [Тиберий] его выслушивал с полным доверием, [помня] о его бесстрашии» (Tac. Ann. IV. 59). Из-за дружбы Тиберия с Сеяном традиционная республиканская иерархия нарушилась настолько, что сенаторы были вынуждены искать покровительства у представителя всаднического сословия и участвовать в обряде *salutatio* в его доме. По свидетельству Диона Кассия, «Сеян дошел до такой степени в своем высокомерии и властном могуществе, что... казалось, будто это он император, а Тиберий – всего лишь правитель острова. <...> У его дверей возникали толчея и давка, так как люди боялись не только остаться не замеченными Сеяном, но и оказаться не в числе самых первых, [кто явился приветствовать его]» (Dio Cass. 58.5.2–5). Так, дом Сеяна стал условно императорским двором, а сам префект – квазиимператором [Davenport, 2022, p. 295]. В ходе этих событий римские аристократы невольно признавали, что отныне иерархия при дворе определяется не республиканскими традициями, а только решением императора. Данная идея получила выражение в речи римского всадника Марка Теренция, который пытался оправдать свою дружбу с попавшим в опалу Сеяном тем, что тот был уважаем самим принцепсом: «Не нам судить, кого ты возвышаешь над прочими и по каким причинам: тебе боги даровали верховную власть, а наша слава осталась в покорности. Мы видим лишь то, что совершается публично, кто от тебя богатства и почести получает, кто властен помочь или навредить; и никто не мог отрицать, что этим кем-то был Сеян». (Tac. Ann. VI. 8). Отметим, что в представлениях римской аристократии вина Тиберия заключалась не в дружбе с Сеяном, а в том, что последний, пользуясь своей близостью к императору, сумел возвыситься над сенаторами и нарушить римскую иерархию. Вторым нарушением традиции при Тиберии стала его демонстративная подозрительность к сенаторскому сословию. Так, вскоре после падения Сеяна принцепс обратился с просьбой к сенату, «...чтобы префект Макрон, несколько трибунов и центурионов входили в курию вместе с ним каждый раз, когда он посещает её» (Tac. Ann. VI. 15. 5). Просьба была исполнена, а впоследствии подобное разрешение было предоставлено Калигуле и Клавдию. Последний оказался ещё более недоверчивым к сенаторам и приказал преторианцам обыскивать всех гостей, в том числе входящих к нему для утреннего приветствия (Dio Cass. 60. 3. 3).

Таким образом, модель Тиберия нарушает все принципы, заложенные Августом. Принцепс не соблюдает республиканские обычаи, не выражает почтения сенату, но, подобно «дурному» правителю, окружает себя телохранителями и подчиняет сенаторское сословие власти префекта претория, переворачивая традиционную иерархию. В целом к до-

машинным церемониям Тиберия применим упоминаемый выше тезис К. Роллингера о символическом использовании преторианцев как напоминания аристократам о военной силе и могуществе принцепса.

Если Тиберий настроил против себя сенаторов, возвысив префекта из всаднического сословия, то поведение Калигулы вызвало неприятие уже у самих преторианских офицеров. Среди придворных мероприятий, в которых приходилось участвовать преторианцам, были и специфичные развлечения принцепса. Так, Светоний рассказывает, что отряд гвардейцев следовал за Калигулой, когда тот «разъезжал туда-сюда» по новому мосту через залив между Байями и Путоланским молем, построенному в подражание Ксерксу для устрашения Британии и Германии (Suet. Cal. 19). Также преторианские офицеры, получая распоряжения от принцепса, были вынуждены принимать и его оскорбления. Яркая история произошла с военным трибуном Кассием Хереей, который из-за своего тонкого нежного голоса подвергался насмешкам со стороны Гая и получал от императора в качестве пароля такие слова, как «Венера» или «Приап» (Dio Cass. 59. 29, 2; Suet. Cal. 56.2; Ios. Ant. lud. XIX. 1. 5). По сведениям Иосифа Флавия, доведенный до крайности скверным юмором Калигулы Кассий Херея несколько раз замыслил убить принцепса на пиру, но в итоге исполнил своё намерение во время театрального представления (Ios. Ant. lud. XIX. 1. 4). В целом при Калигуле отношение к придворным всех сословий было в равной степени уничижительным (Suet. Calig. 56), а поведение императора и на пиру, и во время *salutatio*, и в ходе других повседневных мероприятий оценивалось римской аристократией как недопустимое, «тираническое». Тем не менее именно нарушение этикета в отношении преторианских офицеров стало фатальным для Калигулы: защитники *maiestas principis*, считая Калигулу недостойным императорского величия, убили его и провозгласили императором более подходящего, по их мнению, Клавдия (Dio Cass. 60, 1). В историографии это событие обычно связывается с возрастанием политической силы гвардии, решение которой теперь имеет наибольший вес при выборе принцепса [McIntyre, 2022, p. 209]. Однако примечательно другое: вынужденные участвовать в развлечениях императора и претерпевать особенности личного общения с ним гвардейцы из простых охранников фактически превращаются в придворных, военная сила которых со временем позволяет им занять при дворе место, практически равное сенаторскому сословию.

Превращению гвардейцев из рядовых телохранителей в особую статусную группу при дворе во многом способствовало расположение к ним императора Клавдия [McIntyre, 2022, p. 216–219]. В качестве примера благосклонности принцепса можно привести организацию ежегодных гладиаторских игр в честь гвардейцев, проходивших прямо в их лагере у Виминальских ворот (Suet. Claud. 21). Также выше упоминалось, что гвардейцы сопровождали императора на заседаниях сената и обыскивали гостей, приходящих для исполнения обряда *salutatio*. После удачного британского похода преторианский префект Руфрий Поллион получил новую привилегию от императора, а именно право «сидеть на особом месте в сенате всякий раз, когда он сопровождал императора на сенатских заседаниях» (Dio Cass. 60. 23.2). Примечательно, что Дион Кассий, приводя объяснение Клавдия этому новшеству, указывает, что будто «еще Август поступил таким же образом в отношении некоего Валерия Лигура» (Dio Cass. 60. 23.3). Светоний отмечает, что преторианцы охраняли принцепса и на пирах: «Хотя в первые дни власти... он старался править по-граждански, он не решался выйти на пир, если телохранители с легкими копьями не стояли вокруг и солдаты не прислуживали вместо рабов» (Suet. Claud. 35). Несмотря на явное возвышение гвардии, а также известную трусливость и подозрительность к сенату Клавдия, этому императору, в отличие от Тиберия, удалось поддержать образ *princeps inter pares* [Winterling, 1999, p. 151]. В историографии данное явление объясняется тем, что придворные мероприятия Клавдия носили обезличенный и институциональный характер [Winterling, 1999, p. 151]. Это означает, что приветствие императора и участие в его обедах перестало быть привилегией узкого круга

лиц, а стало распространяться на всю римскую аристократию, включая и сенаторов, и всадников. Таким образом, Клавдий расширяет круг придворных лиц и включает в него офицерский состав гвардии, не нарушая при этом ни прав сенаторов, ни республиканской иерархии.

Первое время придворные мероприятия Нерона проходили в рамках того, что было принято при Клавдии (Dio Cass. 61, 4, 3). Однако в дальнейшем принцепс стал нарушать заветы Августа как на пирах, так и при обряде *salutatio*, о чем упоминает Светоний: «он [Нерон] не отвечал [сенаторам] на их поцелуи и приветствия» (Suet. Nero. 37. 3). Что касается преторианцев, то им, как и при Калигуле, приходилось участвовать в причудливых развлечениях императора. Когда принцепс решил состязаться в конкурсе кифаредов, на сцене вместе с ним присутствовали гвардейцы: «...префекты преторианцев несли кифару, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним – ближайшие друзья (Suet. Nero. 21. 1). Светоний также добавляет, что преторианские трибуны стали сопровождать принцепса во время его ночных походов после того, как неузнанный император был избит одним сенатором «почти до смерти за то, что он приставал к его жене» (Suet. Nero. 26. 2). Поскольку в конце жизни Нерона преторианские трибуны и центурионы отказались поддержать императора и сопровождать его в бегстве (Suet. Nero. 47), можно предположить, что подобные обязанности тяготили гвардейских офицеров. В то же время преторианский префект Тигеллин, наоборот, поддерживал Нерона в его начинаниях. Именно Тигеллин устроил роскошный пир на плоту для Нерона, подробно описанный Тацитом: «На пруду Агриппы был построен плот, на котором проходил пир и который двигался при помощи тяги других кораблей. Корабли были украшены золотом и слоновой костью; а гребцами были распутники, рассажены по возрасту и опытности в разврате. Пернатых и диких зверей из разных стран и морских существ из Океана он [Тигеллин] потребовал [доставить]. На набережной пруда устроили публичные дома, наполненные знатными женщинами...» (Tac. Ann. XV. 37). Пир Тигеллина, по мнению Тацита, может служить образцом придворных мероприятий Нерона. Следует уточнить, что термин «придворный» в данном случае используется в широком смысле [Kelly, 2022a, p. 7], поскольку новшеством Нерона стало проведение пиров в общественных местах: «Он [Нерон], чтобы убедить [римлян], что нигде ему так не бывает весело, [как в Риме], устраивал пиры в общественных местах и всем городом пользовался, как своим домом» (Tac. Ann. XV. 37). Таким образом, если Клавдий приглашал в свой дворец всех представителей римской аристократии, чем заслужил образ открытого и доступного правителя, то Нерон с узким кругом лиц выходил в публичные места, где демонстрировал свою расточительность и развратность, чем оттолкнул от себя не только сенаторов и всадников, но и рядовых римских граждан. Тем не менее новшества Нерона не изменили положения преторианцев при дворе, которые продолжали совмещать охранные функции с участием в придворных мероприятиях.

Победитель гражданской войны и основатель новой династии Веспасиан считается одним из самых открытых императоров. По сведениям Диона Кассия, у дверей Веспасиана не стояло охраны, а друзей он принимал прямо в спальне, лежа в постели (Dio Cass. 65. 10. 5). При этом обыски гостей не проводились (Suet. Vesp. 12). Обеды для друзей и сенаторов он устраивал ежедневно, а иногда и сам трапезничал у ближайших друзей (Dio Cass. 65. 10. 6). Схожие порядки были заведены при дворе императоров династии Антонинов. Плиний Младший рассказывает об этом, описывая традиции Нервы и Траяна: «Величие духа проявил твой родитель, когда перед вами, принцепсами, сделал надпись на вашей резиденции, назвав её общественным зданием. <...> Какой в самом деле форум, какие храмы настолько доступны, [как твой дворец]?» (Plin. Pan. 47). На основе данных свидетельств можно предположить, что преторианцы покинули императорский дворец, перестали исполнять роль придворных и сопровождали принцепса только при посещении общественных мероприятий. Однако, как отмечает А. Винтерлинг, стоит обратить внимание на то, что друзья и сенаторы при Веспасиане не означают одну и ту же группу лиц [Winterling, 1999, p. 154].

Приветствовать Веспасиана в его спальне могли только избранные им аристократы. Причём придворные попадали в узкий круг друзей императора не благодаря социальному статусу, а за счёт личного расположения принцепса. По мнению А. Винтерлинг, практика разделения придворных на неформальный круг друзей и всех остальных сохранялась и при последующих правителях [Winterling, 1999, p. 154]. Примечательно, что префекты претория во многих случаях входили в число избранных лиц. Так, например, известна дружба Адриана с префектами Атианом и Турбоном (SHA. *Hadr.* IV. 1). Кроме того, начиная с правления Марка Аврелия в источниках появляются упоминания о том, что префекты имели право приветствовать императора прежде сенаторов. Например, Юлий Капитолин утверждает, что Марк Аврелий в силу личного расположения целовал (в знак приветствия) философа Юния Рустика «даже раньше, чем префектов претория» (SHA. *M. Aug.* III. 4). Более точные сведения о порядке приветствий относятся только к III в. Весной и летом 216 г. н. э., когда император Каракалла находился в Сирии и готовился к парфянскому походу, он провёл два судебных слушанья в Антиохии. При разборе первого дела, проходившего 27 мая, Каракалле приветствовали сначала преторианские префекты, затем друзья императора, после них – главы имперской канцелярии (AE 1947, 182, II. 2–3). Такой же порядок приветствий был и перед вторым слушаньем в июне/июле, но в источнике (Cod. Iust. 9.51.1) есть приписка, что следом за чиновниками шли представители обоих сословий (сенаторы и всадники). Итак, позиции преторианских префектов при дворе некоторых императоров могли быть выше, чем положение сенаторов, что отражается в порядке приветствий. Однако, по-видимому, данное явление даже в III в. н. э. не становится нормой, поскольку возвысившимся префектам императоры были вынуждены даровать сенатский титул *vir clarissimus*, чтобы не нарушать республиканской иерархии [Davenport, 2022, p. 301].

Таким образом, к началу III в. н. э. наблюдается смешение моделей Августа и Тиберия в организации придворной жизни. С одной стороны, при «хороших» императорах преторианцы как телохранители остаются незаметными для остальных придворных. В связи с этим тезис К. Роллингера о символическом использовании гвардии в домашних церемониях для устрашения аристократии остаётся применимым только к периоду правления Тиберия. С другой стороны, офицерский состав гвардии проникает в круг друзей принцепса, а префект преторианцев зачастую играет большую роль при дворе, чем представители сенаторского сословия. Однако нарушения традиционной иерархии при этом не происходит благодаря установлению Клавдием институциональных придворных мероприятий.

В завершение обзора взаимоотношений императора и преторианцев как придворных рассмотрим судьбы префектов при Коммодe. По-видимому, основным критерием при назначении на эту должность было потворство кандидатов увлечениям принцепса. Так, возвышение Перенния античными авторами связывается с тем, что префект «позволил ему [Коммоду] проводить своё время в наслаждениях и попойках, отстранил его от забот и подбавляющих государю трудов» (Herodian I. 8. 1). Таким же способом должность получил вольноотпущенник Клеандр, возвысившийся настолько, что стал раздавать и продавать «сенаторские звания, командные посты в армии, должности наместников и прокураторов» (Dio Cass. 73. 12. 3). Хотя назначение Клеандра полностью перевернуло традиционную римскую иерархию, и сенаторы были вынуждены искать расположения бывшего раба, в целом положение преторианских префектов при Коммодe было таким же унижительным, как и у самих сенаторов. Примечательно, что девять из одиннадцати префектов, действовавших при Коммодe, были убиты самим императором (SHA. *Comm.* 6. 7)⁶. Префект Юлиан подвергался регулярным издевательствам со стороны принцепса: «Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, [Коммод] в присутствии своих слуг столкнул в пруд для рыбы. Он [Коммод] приказал ему танцевать обнаженным перед своими любовницами и бить в кимвалы, искажая лицо

⁶ Судьба Тита Лонгея Руфа неизвестна.

гримасами» (SHA. Comm. 11. 3). Квинту Эмилию Лету, единственному префекту, пережившему Коммода, приходилось участвовать в гладиаторских боях вместе с принцепсом (Dio Cass. 73 (72). 19. 4). Если об участии преторианцев в развлечениях императора сохранилось несколько ярких сюжетов, то об обряде *salutatio* и императорских пирах этого периода сведений практически нет. По мнению А. Винтерлинг, Коммод отменил установленные Клавдием и ставшие традиционными институциональные обеды для всех представителей благородных сословий и заменил их личными обедами для узкого круга лиц, приглашения на которые получали не самые знатные и достойные, а лишь те, кого выбрал император по своим личным критериям [Winterling, 1999, p. 159]. В качестве примера такого критерия автор жизнеописания Коммода приводит внешнюю привлекательность (SHA. Comm. V. 4). Таким образом, при Коммоде произошел разрыв во взаимодействии императора с представителями аристократии, выразившийся в прекращении традиционных обедов, издевательствах над придворными, а также предпочтении императором «дружбы» с гладиаторами и наложницами вместо добрых отношений с сенаторами и всадниками. Тем не менее после устранения Коммода императорский двор вернулся к своим традиционным практикам.

Заключение

В целом можно заключить, что участие преторианцев (в особенности это касается префектов) в императорских пирах, а также в развлечениях и увлечениях принцепса позволяло им добиться личного расположения императора и заручиться его дружбой. Благоклонность императора нередко возвышала префектов из всаднического сословия над сенаторами, что проявлялось в том числе при исполнении обряда утреннего приветствия, в ходе которого префекты стали приветствовать принцепса раньше сенаторов. Тем не менее вхождение префектов в близкий круг друзей императора автоматически не нарушало традиционную римскую иерархию и не делало правителя «дурным» в представлениях римских сенаторов. В приведенных выше примерах поведение «дурных» императоров нарушает не только придворный этикет, но и римскую мораль, вызывая негодование не только у сенаторов, но и у самих преторианцев, которые зачастую и карают недостойных принцепсов. Таким образом, тезис К. Роллингера о символическом использовании гвардии на государственно-династических церемониях как напоминании о военной силе принцепса не может быть распространен на домашние традиции императорского двора, где начиная с правления Клавдия и сенаторы, и всадники в лице префектов и офицеров гвардии смешались в едином кругу придворных.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект №20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

References

- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces*. London, I.B. Tauris, 240.
- Davenport C. 2022. *The Court and Ceremonial*. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 B.C.–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 288–317.
- de la Bédoyère G. 2017. *Praetorian. The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven, London, Yale University Press, 336.
- Duindam J. 1995. *Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 234.
- Durry M. 1938. *Les cohortes prétoriennes*. Paris, E. de Boccard, 454.
- Elias N. 1983. *The Court Society*. New York, Pantheon Books, 301.

- Hirschfeld O. 1905. *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*, 2nd ed. Berlin, Weidmann, 514.
- Kelly B. 2022a. Introduction. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 1–15.
- Kelly B. 2022b. Violence and Security at Court. In B. Kelly & A. Hug (Eds.), *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC–c. AD 300*. Cambridge, Cambridge University Press, 371–394.
- Kerr J. L. 1992. *The Role and Character of the Praetorian Guard and the Praetorian Prefecture Until the Accession of Vespasian*. PhD diss., University of Glasgow, 279.
- McIntyre G. 2022. Making and Breaking Emperors: The Cohors Praetoria and the Transition of Imperial Power. *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Boston, Brill, 202–222.
- Mommsen, T. 1887–8. *Römische Staatsrecht* (3 vols.), 3rd ed. Leipzig: S. Hirzel.
- Ottley S. 2009. *The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his Historiae*. PhD diss., University of Western Australia, 273.
- Passerini A. 1939. *Le coorti pretorie*. Rome, A. Signorelli, 362.
- Ricci C. 2018. *Security in Roman Times: Rome, Italy and the Emperors*. London, Routledge, 300.
- Rollinger C. 2022. *Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards Under the Principate*. *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Boston, Brill, 223–248.
- Rollinger C. 2023. *Changing the Guard. The Roman Imperial Court in the Principate and Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 56–74.
- Sumi G. 2011. Ceremony and the Emergence of Court Society in the Augustan Principate. *AJPh* 132, 81–102.
- Wallace-Hadrill A. 2011. The Roman Imperial Court: Seen and Unseen in the Performance of Power, in Duindam, Artan, and Kunt, 91–102.
- Winterling A. 1999. *Aula Caesaris: Studien zur Institutionalisierung des römischen Kaiserhofes in der Zeit von Augustus bis Commodus (31 v. Chr.–192 n. Chr.)*. Munich, Oldenbourg, 283.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.11.2023

Received 19.11.2023

Поступила после рецензирования 16.01.2024

Revised 16.01.2024

Принята к публикации 18.01.2024

Accepted 18.01.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Елена Сергеевна, младший научный сотрудник, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-0023-803X](https://orcid.org/0009-0005-0023-803X)

Elena S. Ivanova, Junior Researcher, Graduate Student of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94 (369.1)
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-44-53
Оригинальное исследование

Культ предков у гуннов как ключевой фактор появления новой волны кочевников в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н. э.

Ярцев С.В. , Шушунова Е.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, Тульская область, г. Тула, пр. Ленина, 125
E-mail: s-yartsev@yandex.ru; schuschunova.elena@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме не совсем понятного мирного появления гуннов в Северном Причерноморье в первой половине IV в. н. э. В качестве основных источников авторы используют письменные свидетельства Аммиана Марцеллина и Иордана, а также археологический материал из раскопок поселений и погребений азиатских и европейских гуннов. В первой части работы анализируются источники на предмет доминирования у появившихся в Северном Причерноморье гуннов, культа легендарных героических предков, по-видимому, широко известных на Востоке. Во второй части исследуется происхождение этнонима «алпидзуры» от героического обоженного предка. Авторы приходят к выводу, что мирное появление в Северном Причерноморье кочевников было обусловлено образованием в северопричерноморском регионе нового варварского объединения посредством соединения выходцев из Азии с местными представителями сарматского клана на основе наличия общих предков, по-видимому, хорошо известных по легендам и мифам.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, миграции, гунны, алпидзуры, сарматы, культ предков

Для цитирования: Ярцев С.В., Шушунова Е.В. 2024. Культ предков у гуннов как ключевой фактор появления новой волны кочевников в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 44–53. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-44-53

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н. э.».

Cult of Ancestors in the Huns as a Key Factor in the Emergence of a New Wave of Nomads in the Northern Black Sea Region in the Second Half of the 4th Century AD

Sergey V. Yartsev , Elena V. Shushunova

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Ave., Tula 300026, Russia

E-mail: s-yartsev@yandex.ru; schuschunova.elena@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the vague issue of the peaceful emergence of the Huns in the Northern Black Sea region in the first half of the 4th century AD. As the main sources, the authors use written testimonies of Ammianus Marcellinus and Jordan, as well as archaeological material from excavations of settlements and burials of Asiatic and European Huns. The first part of the paper analyzes, the sources for the dominance legendary heroic ancestors cult, apparently widely known in the East, among the Huns who appeared in the Northern Black Sea region. The second part of the paper investigates the origin

of the ethnonym "alpidzur" from the heroic deified ancestor. The authors conclude that the peaceful appearance of nomads in the Northern Black Sea region was due to the formation of a new barbarian association in the Northern Black Sea region through the combination of natives from Asia with local representatives of the Sarmatian clan on the basis of the presence of common ancestors, apparently well-known from legends and myths.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosphoran Kingdom, migrations, Huns, Alpidzurs, Sarmatians, ancestor cult

For citation: Yartsev S.V., Shushunova E.V. 2024. Cult of Ancestors in the Huns as a Key Factor in the Emergence of a New Wave of Nomads in the Northern Black Sea Region in the Second Half of the 4th Century AD. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 44–53 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-44-53

Funding: The work was funded by the Russian Science Foundation grant 23-28-01665 «Ethno-cultural interaction in the ethno-contact zone of the Eastern Crimea in the first half of the 1st millennium AD».

Введение

Изменения в военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н. э. довольно определенно фиксируются Аммианом Марцеллином, который в своем труде «Римская история» сообщил, что в 362 г. к императору Юлиану прибыли послы боспорян и «других неведомых ранее народов» [Амм. Марс., XXII, 7, 10]. По мнению О.В. Шарова, готы, как, впрочем, и любые другие варвары из тех, которые были хорошо известны к этому времени в греко-римском мире, не могут претендовать на роль указанных «неведомых народов» [Шаров, 2022, с. 123]. По справедливому замечанию Н.Н. Болгова, под таким эпитетом скорее всего скрываются представители племен гуннского союза, к этому времени появившиеся на границе римского мира [Болгов, 2021, с. 71]. Археологические данные самых первых гуннских погребений в Северном Причерноморье действительно указывают по меньшей мере на поздний IV в. как на нижнюю хронологическую рамку захоронений. Однако точнее дату этих памятников определить невозможно [Казанский, 2010, с. 119–127]. При этом обращает на себя внимание, что все эти ранние погребения гуннов странным образом концентрируются в Северном Приазовье, фактически вблизи границ Боспорского царства и там, где до этого позднесарматские памятники полностью отсутствовали, по причине, скорее всего, контроля над данной территорией готов Эрмана-риха [Казанский, 2010, с. 120–121]. Данное обстоятельство, как и то, что следы разрушений в Северном Причерноморье в указанное время полностью отсутствуют, указывают на мирное появление выходцев из Азии в регионе и добрососедские отношения мигрантов с местными народами. Это требует научных объяснений и исторических интерпретаций.

Объект и методы исследования

Настоящая работа является частью комплексного изучения этнокультурного взаимодействия в этноконтактной зоне Восточного Крыма и в целом Северо-Восточного Причерноморья в первой половине I тыс. н. э. Выбор темы появления гуннов в данном регионе обусловлен важностью события, которое послужило началом гуннского этапа Великого переселения народов, в итоге охватившего огромную территории Европы, Азии и даже Северной Африки.

Методология исследования основывается на основополагающих научных принципах объективности, историзма и системности. В исследовании был задействован комплекс общенаучных и специально-исторических методов: источниковый анализ, историко-сравнительный метод, а также историко-генетический метод. Использование данных принципов и методов позволило не только восстановить целостную картину событий в их органической связи, но и сделать вывод о том, что мирное появление алпидзуров на границах римского

мира могло быть обусловлено возможным образованием в Северном Причерноморье нового варварского объединения.

Результаты и их обсуждение

Известно, что гунны проникали в Северное Причерноморье отдельными волнами в качестве небольших групп еще начиная с I в. н. э. [Щукин, 2005, с. 223–224]. Однако из этого может следовать, что у таких групп кочевников, имеющих отношение к хунну, нередко мигрирующих на большие расстояния, должно было сложиться уважительное отношение к такому понятию, как генеалогическая родословная. Коллективная ответственность близких и дальних родственников, постоянно передвигающихся по степи, забота о своем роде, безусловно, помогала мигрировать таким группам на отдаленные территории с относительной безопасностью. Следовательно, у данных кочевников уже изначально мог наблюдаться характерный комплекс верований, в котором культ предков занимал не последнее место.

На то, что у кочевников, особенно у тех, кто первыми проник из глубин Азии в Северное Причерноморье во второй половине IV в. н. э., в духовной жизни преобладали именно такие верования, косвенно указывает одно важное обстоятельство. Дело в том, что Иордан прямо утверждает о том, что племена «алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и босков» [Iord. Get., 126] проникли в северопричерноморский регион еще до подхода основных сил царских гуннов. Несмотря на то, что Иордан, как уже не раз отмечалось, мог взять этот список племен из более позднего источника [Ярцев, Шушунова, Внуков, 2023, с. 451], передвижение таких кочевников, которых, возможно, согнали со своей земли и они были вынуждены уходить вперед от двигавшейся на запад большой орды, полностью соответствует масштабности происходившим событиям. При этом народы, спасающиеся бегством от опасности подчинения власти царских гуннов, в первую очередь стремились обрести безопасность. Однако такую безопасность могли им дать только известные места, про которых они хорошо знали. Более того, они должны были двигаться не только в сторону знакомых земель, но и туда, где находились пускай дальние, но родственники. Скорее всего, поэтому альпидзуры и, возможно, другие племена двигались именно в Северное Причерноморье, а не на другие территории, граничащие с Великой Евразийской степью. Все это ставит проблему наличия у гуннов соответствующих идеологических представлений, связанных с почитанием своих реальных и мифических предков. Только благодаря таким представлениям у кочевников могла сохраняться память о своих далеких предках и, соответственно, близких и дальних родственниках в различных регионах Великой степи.

Вообще на отправление указанных обрядов у гуннов, имеющих отношение к почитанию своих умерших родственников, указывают как отмечаемые исследователями следы заупокойных тризн [Крадин, 2023, с. 54], так и наличие человеческих костей за пределами жилых и хозяйственных сооружений варварских поселений, что следует из материала крупнейшего городища азиатских хунну Иволгинского. В культурном слое здесь были выявлены отдельные фрагменты человеческих костей, а также целые черепа [Давыдова, 1995, с. 14], а непосредственно в жилищах – даже фаланги пальцев [Давыдова, Миняев, 2003, с. 15]. То, что кости взрослых людей присутствуют на городище, не случайно, а в виде необходимого атрибута сложившейся обрядовой практики косвенно подтверждает зафиксированный здесь же обычай захоронения младенцев в домах [Давыдова, 1995, с. 15; Давыдова, Миняев, 2003, с. 17].

В пользу наличия практики религиозных представлений, связанных с культом предков у хунну, безусловно, свидетельствует также и выявленные в ряде случаев и особые конструкции, расположенные на могилах ряда археологических культур, связанных с этой группой варваров. Считается, что они использовались в качестве светильников или куриль-

ниц [Килуновская, Леус, 2018, с. 128]. На доминирование данных религиозных представлений указывает и появление моды у хунну использования зеркал-подвесок, в том числе и в погребальном обряде [Леус, Бельский, 2016, с. 98]. Как и у сармато-аланов, такая практика свидетельствует о повышенной потребности в необходимости неких посредников между живым и мертвым мирами, то есть включая и установление контактов со своими умершими предками. Именно через такие зеркала, которые представлялись в качестве окон в потусторонний мир [Толстая, 1994, с. 14], уходили в потусторонний мир души умерших людей [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, с. 335–336], где, по-видимому, они и соединялись с душами своих обожествленных предков. Именно такая интерпретация одной из важнейших функций зеркал, по нашему мнению, объясняет частое размещение на данных предметах не только магических знаков, содействующих переходу душ между мирами, но и династических тамг, олицетворяющих своих прославленных умерших предков. Применительно к хунну и другим связанным с ними варварам это подтверждает широкое использование китайских зеркал, в том числе и с соответствующими надписями, например, с текстом: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» [Килуновская, Леус, 2018, с. 146].

Однако представляется, что основные обрядовые действия, связанные с почитанием предков у хунну, были сосредоточены в определенных местах-святилищах. В качестве примера приведем выявленный ритуальный комплекс гуннского времени на полуострове Мангышлак в Северо-Восточном Прикаспии, где каменные прямоугольные и подтрапециевидные конструкции с алтарями, в том числе подковообразной, луновидной и даже круглой формы, по-видимому, отражали отправление здесь дозороастрийских индоиранских ритуалов и обрядов с возлиянием жидкости. При этом последние в той или иной форме, возможно, действительно были связаны с ритуалами возрождения и обнаруженными здесь же погребенными людьми [Астафьев, Богданов, 2018, с. 347–368]. Возможно, для решения данной проблемы будет правильнее рассматривать и подобные сакральные комплексы древних тюрков. Ведь здесь необходимо учитывать непосредственное отношение хуннов к древним тюркским народам. Дело здесь даже не в том, что хунну, во всяком случае Центральной и Западной Монголии, были довольно близки к культурам тюркского круга [Tumen, 2011, с. 370]. Ведь трудно отрицать, что именно благодаря хунну, этому сложному по своему этническому составу объединению варваров [Крадин, 2020, с. 15–17], ранние тюрки впервые вышли на историческую арену [Кызласов, 2023, с. 192–194]. В этой связи поминально-погребальные комплексы ранних тюрков (изваяния, балбалы, пристройки и др.) представляют для нас определенный интерес. Особенно когда речь вновь идет о каменных кругах, хотя и выложенных вблизи могил, но непосредственно не связанных с тем или иным конкретным захоронением и обычно интерпретируемых в качестве колец из камней вокруг мест поминовения [Кубарев, 2016, с. 116–123]. Сейчас трудно сказать, насколько такие «околомогильные» памятники имели отношение к так называемым нестандартным захоронениям, «пустым могилам» – кенотафам и ритуальным курганам [Серегин, 2016, с. 175]. Нас они в первую очередь интересуют своей аналогией с подобными античными объектами в Северном Причерноморье того же позднеантичного времени [Шушунова, Ярцев, 2023, с. 432–442]. При этом мы далеки от желания связывать подобные тюркские ритуальные комплексы с похожими объектами далеких дотюркских эпох, которые, например, известны на курганах Пазырыкской культуры [Кубарев, 2016, с. 127]. Однако в гуннский период Великого Переселения народов практика таких конструкций вместе с тюрками могла действительно проникнуть в Северное Причерноморье.

Таким образом, на фоне выраженного акцента в религиозных представлениях обрядовой практики, связанной с культом предков, очередная группа варваров из глубинных районов Азии просто не могла не оказать своего влияния на духовный мир местных народов Северного Причерноморья. Речь в первую очередь, исходя из всего вышесказанного, идет о четко фиксируемой археологическими данными очередной волне кочевников, по-види-

тому, носивших название алпидзуров и проникших в Северное Причерноморье из глубинных районов Азии немного ранее появления здесь основной волны гуннов, скорее всего в годы правления императора Юлиана. М.М. Казанским были детально проанализированы эти первые, самые ранние памятники проникших в регион новых мигрантов. Любопытно, что все указанные погребения расположены в Северном Приазовье, то есть фактически вблизи боспорских границ. Это погребение в пещере «колдуна» в урочище Каменная Могила в бассейне реки Молочная [Михайлов, 1993, с. 109–111], остатки погребения по обряду трупосожжения на этой же реке, на могильнике Новофилипповка [Михайлов, 1977, с. 74–82], а также женская ингумация в грунтовой могиле в Кизиярской Балке (Мелитополь) [Защецкая, 1994, с. 165–166]. По мнению М.М. Казанского, концентрация гуннов в этой части Северного Причерноморья объясняется тем, что именно здесь, на пустующих в позднеантичный период землях (из-за готов?), они закрепились в самом начале своего появления в регионе [Казанский, 2010, с. 119–127]. Не исключено, что в это время некоторые представители варварской знати пришедших сюда кочевников были интегрированы (в рамках договора 369 г. Валента с готами) в состав боспорской аристократии и расселились в древнем Пантикапее. Правда, по смешанному и по большей части давно разграбленному погребальному инвентарю боспорской элиты этого времени вычленишь гуннов, равно как и готов, не представляется возможным [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, с. 253–255].

В этой связи мы хотим обратить внимание исследователей на еще один из аспектов данной научной проблемы, который не может не вызвать интерес. Учитывая то, что Дж. Маркварт установил связь окончания некоторых тюркских этнонимов с титулом *šur* (зур, дур, дзур), те же алпидзуры были интерпретированы в качестве объединения *alp il šur* («герой – народ – *šur*») [Мингазов, 2022, с. 1033; Marquart, 1910, p. 13; Maenchen-Helfen, 1973, p. 403]. Нам представляется это важным, так как такое объяснение явно указывает на происхождение данного этнонима от некоего героического обожествленного предка, который с течением времени трансформировался в указанный ранг или титул. Не случайно тот же термин «бахадур», который, бесспорно, являлся эпитетом и титулом, а не личным именем [Кубатин, 2010, р. 54–55], восходит к древней тэнгрианской религии (Тангра), а также культу Митры, наименование которого связано с названием древнейшего солнечного божества скифо-саков и прототюрков. Именно корнеслово «тур» свидетельствует об общих архаических тотемических корнях имени «Митра» и воинского титула багатур, обозначающее дикого быка, который был обожествленным тотемным предком скифо-ариев и гуннов, а позже стал божеством-покровителем воинской касты, включая представителей военизированных тайных религиозных обществ надэтнического характера [Абаев, 2015, с. 177].

Если это так, то применительно к Северному Причерноморью данное обстоятельство сразу наводит на мысли о достаточно хорошо известной здесь династии центральноазиатского происхождения, с одной стороны связанной с боспорскими правителями Асандром, Аспургом, Митридатом VIII (III), с другой – с пришедшими из Азии кочевниками, которых на этапе появления в регионе возглавляли цари Фарзой и Инисмей [Ярцев, 2022, 187–198]. Дело в том, что именно среди этих людей, судя по анализу источников, доминировал культ каких-то легендарных героических предков, по-видимому, широко известных на Востоке. При этом предков прославленных, так как последние с успехом поднимали престиж даже тех династий, которые, на первый взгляд, непосредственно не имели отношения к Северному Причерноморью.

По нашему мнению, именно на такое развитие событий косвенно указывает анализ археологического материала самых ранних, выявленных здесь гуннских погребений [Казанский, 2010, с. 119–127]. Даже особенности одного из таких гуннских захоронений в северопричерноморском регионе (в пещере «Колдуна»), прямо демонстрируют культ поклонения горам и связь с одним из важнейшим тюркским понятием «гора-предок» [Михайлов, 1993, с. 110], что хорошо соотносится с сакральной функцией одного из сыновей родона-

чальника тюрков из вышеупомянутой нами выше легенды. Более того, похоже, что материал одного из таких ранних гуннских комплексов в северопричерноморском регионе в бассейне реки Молочная (могильник Новофилипповка) происходит как раз из поминального комплекса, которые хорошо известны не только на востоке, но и в понтийских степях [Казанский, 2010, с. 120].

Заключение

В целом полученная нами в ходе тщательного анализа письменных и археологических источников новая информация позволяет сделать важный вывод о доминировании в духовной жизни гуннов особого почитания своих умерших родственников. Алпидзуры, которые появились в Северном Причерноморье во второй половине IV в. н. э., не являлись в этом смысле исключением. Ведь общие прославленные предки с успехом поднимали престиж даже представителей тех родов, которые на первый взгляд напрямую не имели отношения к знаменитым, в том числе и царским династиям. Следовательно, мирное появление алпидзуров на границах римского мира могло быть обусловлено возможным образованием в Северном Причерноморье нового варварского объединения посредством соединения выходцев из Азии с местными представителями сарматского в своей основе клана на основе наличия общих предков, по-видимому, хорошо известных по легендам и мифам.

Список источников

- Iordanes. *Getica*. Tomus V, Volume I, Ed. Th. Mommsen. *Monumenta Germaniae Historica: Auct. Antiquiss.* 1882. Berlin, Apvd Weidmannos, 53–138.
- Ammianus Marcellinus, with an English transl. by J.C. Rolfe. In 3 vols. Vol. 1. 1963. London-Cambridge, Harvard University Press; William Heinemann, 583.

Список литературы

- Абаев Н.В. 2015. Мадарский всадник, митриазм, тэнгрианство и героический эпос народов внутренней Азии. *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 14 А: 176–180.
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С. 2018. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке. *Stratum plus*, 4: 347–368.
- Болгов Н.Н. 2021. Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII в.). Белгород, Издательский дом «БелГУ», 515.
- Давыдова А.В. 1995. Иволгинский археологический комплекс. Археологические памятники сунну. Том. 1. СПб., Фонд «АзиатИКА», 280.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. 2003. Комплекс археологических памятников у села Дурены. Археологические памятники сунну. Вып. 5. СПб, Фонд «АзиатИКА», 163.
- Засецкая И.П. 1984. Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи. *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., Наука: 68–78.
- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н. э.). СПб, АО «Эллипс», 224.
- Казанский М.М. 2010. Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае. В кн.: *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Ч. 2. Тула, Государственный музей-заповедник «Куликово поле»: 119–127.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. 2018. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве. *Археологические вести*, 24: 125–152.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. 2020. СПб., Изд-во Олега Абышко, 304.
- Крадин Н.Н. 2023. Социальная планиграфия Иволгинского могильника. «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020). СПб., ИИМК РАН: 53–56.
- Кубарев Г.В. 2016. Погребальные памятники древних тюрков в долине р. Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия). *Археологические вести*, 22: 115–129.

- Кубатин А.В. 2017. К вопросу о присвоении титулов у древних тюрков. *International Journal of Central Asian Studies*. V. 21: 51–71.
- Кызласов И.Л. 2023. Гунны в Сибири. Взгляд археолога. «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020). СПб., ИИМК РАН: 192–194.
- Леус П.М., Бельский С.В. 2016. Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве. *Археологические вести*, 22: 93–104.
- Мингазов Ш.Р. 2022. К вопросу об этнических и политических взаимосвязях гунно-булгарских народов IV–VI вв. (на материалах анализа группы этнонимов). Ч. 1. *Ориенталистика*, 5: 1029–1042.
- Михайлов Б.Д. 1993. Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, «Таврия»: 109–111.
- Михайлов Б.Д. 1977. Поховання мідника гуннського часу в Північному Приазов'ї. *Археологія*, 24: 74–82.
- Серегин Н.Н. 2016. Проблемы интерпретации «символических» захоронений раннесредневековых тюрков Центральной Азии. Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб, Изд-во ИИМК РАН; Невская книжная типография: 169–178.
- Толстая С.М. 1994. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах. Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал: сб. ст. под ред. Н.И. Толстой. М., Наука: 111–129.
- Шаров О.В. 2022. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н. э.). М., Институт археологии РАН, 304.
- Шушунова Е.В., Ярцев С.В. 2023. К вопросу о типах поминально-погребальных комплексов античного населения Северного Причерноморья. Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья, 15: 432–442.
- Щукин М.Б. 2005. Готский путь: (готы, Рим и черняховская культура). СПб., Филологический факультет СПбГУ, 576.
- Ярцев С.В. 2022. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии. Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. Израиль, Изд-во «Киммерия»: 187–198.
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Андрианополе). Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого: 720.
- Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. 2023. Сообщение Аммиана Марцеллина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во время правления императора Юлиана. Боспорские чтения. Вып. XXIV. Симферополь – Керчь, Изд-во ООО «Соло Рич»: 448–460.
- Guodong S. 2023. Results of the Archaeological Excavations of the Xiongnu Remains of Jihulangtu Cemetery, Sunite Youqi, Inner Mongolia. «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020). СПб., ИИМК РАН: 74–78.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. *The World of The Huns*. Berkeley. Los Angeles. London, University of California Press, 602.
- Marquart J. 1910. Καρυπάλουχ, der “skythische” Name der Maiotis. *Keleti Szemle – Revue Orientale*. V. IX. 1–26.
- Tumen D. 2011. *Anthropology of Xiongnu*. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, Изд-во ИрГТУ: 366–377.

References

- Abayev N.V. 2015. Madarskiy vsadnik, mitriazm, tengrianstvo i geroicheskiy epos narodov vnutrenney Azii [Madara Horseman, Mithraism, Tengrism and a Heroic Epos of the Peoples of Inner Asia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 14 A: 176–180.
- Astaf'yev A.E., Bogdanov E.S. 2018. Ritual'nyye sooruzheniya gunnskogo vremeni na Mangyshlake [Ritual Structures of the Hunnic Period on Mangyshlak]. *Stratum plus*, 4: 347–368.

- Bolgov N.N. 2021. Severnoye Prichernomor'ye ot antichnosti k srednevekov'yu (2-ya pol. III – 1-ya pol. VII v.) [Northern Black Sea Region from Antiquity to the Middle Ages (2nd Half of the 3rd – 1st Half of the 7th Century)]. Belgorod, Izdatel'skiy dom «BelGU» publ, 515.
- Davydova A.V. 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. Arkheologicheskiye pamyatniki syunnu [Ivolginsky Archaeological Complex. Archaeological Sites of the Xiongnu]. Vol. 1. Saint Petersburg, Fond «AziatIKA» publ, 280.
- Davydova A.V., Minyayev S.S. 2003. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u sela Dureny. Arkheologicheskiye pamyatniki syunnu [A Complex of Archaeological Monuments Near the Village of Dureny. Archaeological Sites of the Xiongnu]. No. 5. SPb, Fond «AziatIKA» publ, 163.
- Zasetskaya I.P. 1984. Data melitopol'skogo kompleksa v svete problemy khronologii pamyatnikov gunns'koy epokhi. Drevnosti Yevrazii v skifo-sarmatskoye vremya [The Date of the Melitopol Complex in the Light of the Problem of the Chronology of Monuments of the Hunnic Era. Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka publ: 68–78.
- Zasetskaya I.P. 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv. n.e.) [The Culture of the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic Era (Late 4th – 5th Centuries AD)]. Saint Petersburg, AO «Ellips» publ, 224.
- Kazanskiy M.M. 2010. Ranniye pogrebeniya gunnov v Severnom Prichernomor'ye i na Srednem Dunaye [Early Burials of the Huns in the Northern Black Sea Region and the Middle Danube]. In: Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Ch. 2 [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration. Part 2]. Tula, Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole» publ: 119–127.
- Kilunovskaya M.E., Leus P.M. 2018. Novyye materialy ulug-khems'koy kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. Arkheologicheskiye vesti, 24: 125–152.
- Kradin N.N. Imperiya khunnu [Xiongnu Empire]. 2020. SPb., Izd-vo Olega Abyshko publ, 304.
- Kradin N.N. 2023. Sotsial'naya planigrafiya Ivolginskogo mogil'nika [Social Planigraphy of the Ivolginsky Burial Ground]. «Poyushchiye strely Maodunya»: khunnu ot neizvestnosti do imperii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyayeva (1948–2020) [“The Singing Arrows of Maodun”: the Xiongnu from Obscurity to Empire. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Birthday of Sergei Stepanovich Minyaev (1948–2020)]. Saint Petersburg, IIMK RAN publ: 53–56.
- Kubarev G.V. 2016. Pogrebal'nyye pamyatniki drevnikh tyurok v doline r. Khar-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Mongoliya) [Funeral Monuments of the Ancient Turks in the River Valley. Khar-Yamaatyn-gol (Northwestern Mongolia)]. Arkheologicheskiye vesti, 22: 115–129.
- Kubatin A.V. 2017. K voprosu o prisvoyenii titulov u drevnikh tyurok [On the Issue of Assigning Titles to the Ancient Turks]. International Journal of Central Asian Studies. V. 21: 51–71.
- Kyzlasov I.L. 2023. Gunny v Sibiri. Vzgl'yad arkheologa [Huns in Siberia. An Archaeologist's View]. «Poyushchiye strely Maodunya»: khunnu ot neizvestnosti do imperii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyayeva (1948–2020) [“The Singing Arrows of Maodun”: the Xiongnu from Obscurity to Empire. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Birthday of Sergei Stepanovich Minyaev (1948–2020)]. Saint Petersburg, IIMK RAN publ: 192–194.
- Leus P.M., Bel'skiy S.V. 2016. Terezin I – mogil'nik epokhi khunnu v Tsentral'noy Tuve [Terezin I is a Burial Ground of the Xiongnu Era in Central Tuva]. Arkheologicheskiye vesti, 22: 93–104.
- Mingazov Sh.R. 2022. K voprosu ob etnicheskikh i politicheskikh vzaimosvyazyakh gunno-bulgarskikh narodov IV–VI vv. (na materialakh analiza gruppy etnonimov). Ch. 1. Orientalistika [On the Issue of Ethnic and Political Relationships Between the Hun-Bulgar Peoples of the 4th-6th Centuries (Based on the Analysis of a Group of Ethnonyms). Part 1. Oriental Studies], 5: 1029–1042.
- Mikhaylov B.D. 1993. Pogrebeniye gunnskogo vremeni na Kamennoy mogile v Severnoy Tavrii. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Burial of the Hunnic Period at the Stone Grave in Northern Tauria. Proceedings on Archeology, History and Ethnography of Tauria]. Vol. III. Simferopol, “Tauria”: 109–111.
- Mikhaylov B.D. 1977. Pokhovannya midnika gunns'kogo chasu v Pivnichnomu Priazov'í [The Burial of a Coppersmith of the Hun Period in Northern Azov Region]. Arkheologiya, 24: 74–82.
- Seregin N.N. 2016. Problemy interpretatsii «simvolicheskikh» zakhroneniy rannesrednevekovykh tyurok Tsentral'noy Azii. Drevniye nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nyye ritualy, simvolicheskiye

- zakhoroneniya i ogrableniya [Problems of Interpretation of "Symbolic" Buried Early Medieval Turks of Central Asia. Ancient Necropolises and Settlements: Post-Funeral Rituals, Symbolic Burials and Robberies]. Saint Petersburg, Izd-vo IIMK RAN publ; Nevskaya knizhnaya tipografiya publ: 169–178.
- Tolstaya S.M. 1994. Zerkalo v traditsionnykh slavyanskikh verovaniyakh i obryadakh. Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: verovaniya, tekst, ritual: sb. st. pod red. N. I. Tolstoy [A Mirror in Traditional Slavic Beliefs and Rituals. Slavic and Balkan Folklore: Beliefs, Text, Ritual]. Moscow, Nauka publ: 111–129.
- Sharov O.V. 2022. Bosporskoye tsarstvo i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy v pozdnerimskuyu epokhu (seredina II – sredina IV vv. n. e.) [The Bosphorus Kingdom and the Barbarian Peace of Central and Eastern Europe in the Late Roman Era (Middle of the 2nd – Middle of the 4th Centuries AD)]. Moscow, Institut arkhologii RAN publ, 304.
- Shushunova E.V., Yartsev S.V. 2023. K voprosu o tipakh pominal'no-pogrebal'nykh kompleksov antichnogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya [To the Question of the Types of Funeral and Commemorative Complexes of the North Pontic Area in the Period of Classical Antiquity]. Materialy po istorii i arkhologii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 15: 432–442.
- Shchukin M.B. 2005. Gotskiy put': (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura) [Gothic Way: (Goths, Rome and Chernyakhov Culture)]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU publ, 576.
- Yartsev S.V. 2022. K voprosu o vydelenii tsentral'noaziatskoy dinasticheskoy linii bosporskoy aristokratii [On the Designation of the Central Asian Dynastic Line of the Bosporan Aristocracy]. Materialy po istorii i arkhologii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. Israel, Izd-vo «Kimmeriya» publ: 187–198.
- Yartsev S.V., Zubarev V.G., Butovskiy A.Yu. 2015. Greko-varvarskiy Krym v period Pozdney Antichnosti (III–IV vv. n. e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Andrianopole) [Greco-Barbarian Crimea During the Period of Late Antiquity (3rd–4th Centuries AD: from Sea Campaigns to the Battle of Andrianople)]. Tula: Izd-vo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo publ: 720.
- Yartsev S.V., Shushunova E.V., Vnukov A.A. 2023. Soobshcheniye Ammiana Martsellina i sovremennyye arkhologicheskiye realii v khode rekonstruktsii voyenno-politicheskoy situatsii v Severnom Prichernomor'ye vo vremena pravleniya imperatora Yuliana [Report of Ammianus Marcellinus and Modern Archaeological Realities During the Reconstruction of the Military-Political Situation in the Northern Black Sea Region During the Reign of Emperor Julian]. Bosporskiye chteniya [Bosporan Readings]. No. XXIV. Simferopol – Kerch, Izd-vo OOO «Solo Rich» publ: 448–460.
- Guodong S. 2023. Results of the archaeological excavations of the Xiongnu remains of Jihulangtu cemetery, Sunite Youqi, Inner Mongolia. «Poyushchiye strely Maodunya»: khunnu ot neizvestnosti do imperii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyayeva (1948–2020) [“The Singing Arrows of Maodun”: the Xiongnu from Obscurity to Empire. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Sergei Stepanovich Minyaev (1948–2020)]. Saint Petersburg., IIMK RAN publ: 74–78.
- Maenchen-Helfen O.J. 1973. The World of The Huns. Berkeley. Los Angeles. London, University of California Press, 602.
- Marquart J. 1910. Karpalouch, der “skythische” Name der Maiotis. Keleti Szemle – Revue Orientale. V. IX. 1–26.
- Tumen D. 2011. Anthropology of Xiongnu. Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri [Anthropology of Xiongnu. Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk, Izd-vo IrGTU publ: 366–377.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.01.2024

Received 14.01.2024

Поступила после рецензирования 25.02.2024

Revised 25.02.2024

Принята к публикации 27.02.2024

Accepted 27.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5532-211X](https://orcid.org/0000-0001-5532-211X)

Шушунова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0237-4383](https://orcid.org/0000-0003-0237-4383)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Yartsev, Doctor of Sciences in History (Advanced Doctor), Professor, Chair of History and Archeology, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

Elena V. Shushunova, Candidate of Sciences in History, Lecturer Chair of History and Archeology, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-54-62

Оригинальное исследование

История ранневизантийской Александрии в трудах Захарии Митиленского

Руднева М.А. , Дронова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru; dronova_yaa@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики отражения истории Александрии Египетской ранневизантийского времени в трудах Захарии Ритора (Схоластика) Митиленского (ок. 465 – после 536 гг.). Наследие Захарии включает семь произведений разных жанров, составляющих единый корпус. История Александрии наибольшим образом отражена в таких произведениях Захарии, как христианский полемический труд в форме античного диалога «Аммоний», памфлет «Жизнь Севира», «Церковная история». Труды Захарии представляют оригинальный взгляд автора на многие области исторического развития Александрии – от вопросов образования, до авторской оценки роли Александрийской церкви в религиозно-политической жизни империи. Детальное изучение истории города требует внимательного прочтения трудов Захарии, поскольку его интерпретация событий и личностей «александрийской истории» является уникальной.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Александрия, Захария Митиленский

Для цитирования: Руднева М.А., Дронова Я.А. 2024. История ранневизантийской Александрии в трудах Захарии Митиленского. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 54–62. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-54-62

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

History of Alexandria in Early Byzantine Times in the Works of Zecharias of Mytilene

Maria A. Rudneva , Yana A. Dronova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: rudneva@bsu.edu.ru; dronova_yaa@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the reflection of the history of Alexandria in the early Byzantine period in the works of Zechariah Rhetor (Scholastic) of Mytilene. Zakaria's legacy includes seven works of different genres that form a single corpus. This author is one of the most famous representatives of the Ghaz Christian school of the late 5th – 1st half. VI centuries. The history of Alexandria is most vividly reflected in the works of Zachariah: the Christian polemical work in the form of an ancient dialogue «Ammonius», the pamphlet «Life of Severus», «Church History». The history of Alexandria in Early Byzantine times is of particular interest for studying the picture of regional centers existence in the context of significant changes that took place in state development and social life. Zechariah's works represent a unique synthesis of late antique sophistry, philosophy and the anti-Chalcedonian Christian tradition. A detailed study of the history of the city requires a careful reading of Zechariah's works, since his interpretation of the events and personalities of «Alexandrian history» is unique.

Keywords: Late Roman Empire, Early Byzantium, Alexandria, Zacharias of Mytilene

For citation: Rudneva M.A., Dronova Y.A. 2024. History of Alexandria in Early Byzantine Times in the Works of Zecharias of Mytilene. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 54–62 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-54-62

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

История Александрии Египетской в ранневизантийское время представляет особый интерес для исследования картины существования региональных центров в условиях значительных изменений, происходивших в государственном развитии и общественной жизни. Город, основанный Александром Македонским, к ранневизантийскому времени оставался важным политическим и культурным центром, играл ключевую роль в транзитной торговле [Haas, 1997]. В Александрии были влиятельные образовательные учреждения, прославленные в трудах ранневизантийских авторов – как языческих, так и христианских.

Большой информативностью в отношении истории Александрии обладают труды христианского интеллектуала Захарии Ритора (Схоластика) Митиленского (ок. 465 – после 536 гг.). Автор является одним из самых известных представителей газской христианской школы конца V – 1-й пол. VI вв. [Болгов, Болгова, Денисова, Бузанаков, 2020]. Захария получил разноплановое образование: в Газе и Александрии он обучался риторике, философии – в Александрии, праву – в Берите, приобрел богатый опыт, работая в Константинополе и неся служение епископа на острове Лесбос. В Александрии он в 485–487 гг. обучался у ритора Сопатра Младшего и философа Аммония Гермийского [Грацианский, 2013, с. 702–703]. Захария оставил разножанровые произведения, охватывающие области философии, богословия, агиографии и церковной истории. Труды Захарии представляют своеобразный синтез позднеантичной софистики, философии и антихалкидонской христианской традиции, заметно отличающийся от характерного для многих авторов этого времени тенденции своеобразного перехода от суммы позднеантичных знаний высшей школы к ортодоксальному христианству. К настоящему времени сохранилось семь произведений Захарии. Наибольшим образом история Александрии отражена в следующих трудах:

- философский диалог «Аммоний» («О сотворении мира») – восходит к обстановке обучения Захарии в Александрии у видного философа-неоплатоника Аммония, включает информацию о процессе христианизации философской неоплатонической традиции в Александрии;
- «Жизнь Севира» («Повествование о образе жизни святого Мар Севера, патриарха Антиохийского») – содержание иллюстрирует специфику формы организации образовательного процесса в высших философских и риторических школах империи;
- «Церковная история» («Хроника» Псевдо-Захарии, «Сирийская хроника») – раскрывает историю этноконфессиональных взаимоотношений и религиозной политики в ранневизантийское время. Данный труд сохранился лишь в сирийских переводах, воспроизводящих содержание первоначального текста со значительными дополнениями, расширившими первоначальный текст до 569 г. Имя анонимного переписчика не сохранилось, в историографии он условно именуется как Псевдо-Захария.

Наряду с этим к числу его работ относят «Житие аввы Исаяи», «Житие Петра Иберийского», полемический трактат против манихейства, а также антимианейский трактат «Семь глав» [Дронова, 2023, с. 18].

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступает история Александрии Египетской ранневизантийского времени (IV – пер. пол. VII вв.), получившая отражение в трудах Захарии (Ритора, Схоластика Митиленского). Работа потребовала применения историко-биографического ме-

тогда, используемого с целью выявления ценностных установок и мотивов интерпретации автором излагаемых фактов, событий и явлений, а также, выявления специфики приводимых Захарией характеристик отдельных личностей. Историко-сравнительный метод позволяет выявить существенные сходства и различия содержания трудов Захарии в отношении исследуемого предмета, а также провести сравнение с информацией других источников.

Результаты и их обсуждение

Диалог «Аммоний» [Zacaria Scolastico, 1973; Zacharias Mytilene, 2012, p. 93–176] был составлен в 486–487 гг. [Colonna, 1973, p. 45–54] или в 490-е гг., либо после 512 г., пересмотрен в 520-е гг. [Дронова, 2022]. Основное содержание диалога «Аммоний» концентрируется на критике неоплатонических представлений о вечности мира, выраженных учителем Захарии – Аммонием (ок. 435–445 – 517–526 гг.). В этом отношении произведение Захарии пересекается в части аргументации с более ранним произведением Энея Газского – диалогом «Феофраст» [Positano, 1962, p. 5]. При этом в результате анализа данных произведений исследователи выделили ряд значительных отличий диалога «Аммоний» от произведения Энея, в том числе личное знакомство Захарии с образованными людьми из Александрии, а также цитирование Библии и Святых Отцов, что, наряду с другими составляющими [Манохин, 2018], позволяет говорить о самостоятельности и оригинальности данного произведения. В труде Захарии содержатся небольшие обороты, описывающие природу и верования Египта: «летом, когда западный ветер дует сладко и пронзительно, и великая река полностью затопляет Египет своими ручьями и орошает египетские поля, когда разливается» (Zach. Amm. 90); «Какая же у вас загадка, если вы по своей воле подсовываете нам солнце как бога» (Zach. Amm. 307) и др. Эти детали изложения не удивительны, учитывая факты биографии автора, значительное время проведенного в Александрии.

Произведение состоит из 1 524 строк, организованных в пять бесед, четыре из которых происходят в Александрии и одна в Берите: первая – с Аммонием, вторая – с Гессием и еще две – с Аммонием в Александрии, а затем заключительная – с другим учеником Аммония, студентом-юристом в Берите. Каждая беседа начинается введением и заканчивается заключением. Сюжет связан с тем, что молодой ученик Аммония из семьи куриалов, приверженный аристотелевскому учению, прибывает в Берит обучаться римскому праву и там начинает распространять учение Аммония среди других студентов-юристов. Это вызывает беспокойство его друзей и самого автора, убежденного христианина, также обучавшегося у Аммония год назад, который решает развенчать все доводы языческого учителя, пересказывая свои дискуссии в Александрии с этим философом, а также его учеником Гессием. В диалоге присутствуют реальные исторические личности, игравшие заметную роль в Александрии: Аммоний – крупнейший философ и схолярх, глава школы неоплатонизма; Гессий (конец V – нач. VI вв.) – александрийский врач и ученый (иатрософист) [Болгова, 2020; Watts, 2009]. При этом исследователи отмечают, что в части историчности описания персоналий данный труд Захарии нельзя рассматривать как биографический. Так, далеки от сведений других источников приводимые в диалоге «Аммоний» характеристики Гессия в качестве «высокомерной языческой марионетки» [Болгова, 2020]. В то же время в диалоге Гессий характеризуется и как «старший ученик Аммония» (Zach. Amm. 363), и как человек, обладавший «совершенной мудростью» (Zach. Amm. 941). Наиболее ценной составляющей диалога является непосредственно аргументация сторон, раскрывающая авторскую интерпретацию позднеантичной полемики неоплатоников с христианами, прежде всего по проблеме вечности мира.

«Жизнь Севира» [Vie de Sévère par Zacharie le Scholastique, 1907, p. 5–115; The Life of Severus: by Zachariah of Mytilene, 2008] (ок. 515 г.) – одно из наиболее интересных произведений Захарии, жанр которого находится на стыке биографии, агиографии и памфлета. Первоначальный текст, написанный на греческом языке, не сохранился, сочинение дошло до настоящего времени в сирийской копии. Содержание данного произведения биографично, автор широко обращается к фактам жизни Севира (впоследствии патриарха Антиохийского)

[Грацианский, 2013]. Севир был одним из крупнейших представителей монофизитства в VI в. Он получил классическое образование в Александрии, где с ним познакомился Захария [Болгова, Болгов, 2019, с. 105–136]. К этому времени относится возникновение их дружбы [Грацианский, 2013, с. 702–703].

Структура произведения может быть условно поделена на пять разделов, два из которых наибольшим образом отражают историю Александрии: «Вводный эпизод» – описание ранних лет жизни Севира и начало его обучения в Александрии (Zach. Vit. Sev. 1–12) и «Александрийский эпизод», включающий сведения об обучении Захарии и Севира в Александрийской школе; в центре внимания – личность молодого, обратившегося в христианство язычника Паралия и борьба с язычеством в Александрии (Zach. Vit. Sev. 12–61). В исследовании Эдварда Уоттса присутствует версия, что эта вставка с описанием конфликта христиан и язычников могла быть частью другого самостоятельного произведения Захарии [Watts, 2010, p. 148]. Последующие эпизоды относятся к другим регионам [Дронова, 2023, с. 107].

В труде «Жизнь Севира» содержится информация о содержании образования в христианской общине филопонов, включавшей выходцев из высших сословий александрийского общества. К задачам данной группы относилось посредничество между епископом и прихожанами во 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. Они играли заметную роль во взаимоотношениях между александрийскими церковными иерархами и монастырями Египта, участвовали в христианских праздниках, проводили антиязыческие проповеди и т. д. [Абдулманова, 2022]. В «Жизни Севира» монастырь Энатон представлен как центр образования и развития интеллектуальной жизни филопонов. Захария указал, что в начале Севир попросил поговорить с ним о христианстве, в ответ на эту просьбу Захария рассказал ему о «Писании», познакомил с текстами Василия и Григория (Zach. Vit. Sev. 48). После этого Севир присоединился к группе читателей, образованной филопонами, в деятельность которой входили освоение философии, риторики, науки и теологии (Zach. Vit. Sev. 52–55). Сначала студенты изучали антиязыческие тексты Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова и Кирилла Александрийского, а после читали Шестоднев Василия и богословские труды Григория (Zach. Vit. Sev. 53) [Watts, 2006, p. 214–215; Абдулманова, 2022].

Следует отметить, что основной целью сочинений является опровержение слухов об увлечении Севира язычеством в студенческие годы. Эта проблематика не была безосновательной, поскольку в период обучения Захарии и Севира в Александрии языческие обряды продолжали практиковать как в самом городе, так и за его пределами, например, в пригородах – Канопе и Менуфисе, на что указал и сам Захария (Zach. Vit. Sev. 18. 20–21. 29).

В Александрии в это время (предположительно в 486 г.) схоластическое наказание студента по имени Паралий разрослось в межконфессиональное столкновение, результаты которого оказались плачевными для языческих учителей города. Этот случай достаточно подробно описывается в «Житии Севира» Захарии Митиленского и «Жизни Исидора» Дамаския [Damascius. 1999]. В исследовании Эдварда Уоттса [Watts, 2010] проводится подробное расследование обстоятельств этого эпизода.

Студент Паралий посетил знаменитые места языческого культового поклонения в Менуфисе (Damasc. fr. 100; Zach. Vit. Sev. 18, 20–21, 29). Он был разочарован «молчанием» языческих богов, вернулся в Александрию и произвёл серию нелестных выпадов в сторону языческих богов и своих языческих учителей (Zach. Vit. Sev. 22–23). Реакция, последовавшая со стороны студентов-язычников в адрес Паралия, вынудила его искать защиты у группы студентов-филопонов. Патриарх Петр Монг, воспользовавшись ситуацией, сыграл значительную роль в организации наступления на язычников [Haas, 1997, p. 327]. Христиане разрушили храм Исиды и публично сожгли принесенные в Александрию культовые предметы (Zach. Mutil. V. Sev. 33). Умелая политика патриарха Петра Монга также сыграла роль в процессе преобразования обычного наказания в крупный конфликт на религиозной почве. В отличие от Дамаския, Захария в освещении этой череды событий считает антиязыческие меры оправданными. В описании этих событий он проводит основную канву произведения, призванного

продемонстрировать приверженность студентов-христиан, таких как Севир, своим идеалам и готовым вступить не только в полемику с язычниками, но и в открытое столкновение. Вместе с этим в самом описании религиозной ситуации, сложившейся в образовательной и интеллектуальной среде Александрии, предшествующей описанию конфликта, наметились тенденции к веротерпимости. Антиязыческие выступления не привели к окончательному упразднению языческих практик в городе, они продолжали присутствовать в жизни Александрии на протяжении всего ранневизантийского времени.

«**Церковная история**» Захарии вероятно датируется 492–495 гг. Заказ на написание этой работы он получил во время пребывания в Константинополе от дворцового чиновника Евпраксия (Zach. HE. II. 5) [Кириллов, 2016]. Труд охватывает время от начала правления императора Маркиана (450–457 гг.), а именно открывается событиями Халкидонского Собора (451 г.) [Грацианский, 2013] и доведён до смерти императора Зинона (491 г.) и начала царствования императора Анастасия (491–518 гг.) [Дронова, 2023, с. 19]. Произведение, первоначально написанное на греческом языке, сохранилось лишь в сирийской версии, составленной анонимным монахом из Амиды [The Syriac Chronicle, 1899]. Переработанный вариант на сирийском языке включил период до 569 г. Он состоит из 12 книг, однако книга XI, большая часть книги I и ряд глав книг X и XII утрачены. Первые шесть книг преимущественно сосредоточены на вопросах церковной истории, где автор занимает промонофизитскую позицию. Последующие шесть книг, особенно последние, включают обширный материал светской истории, в том числе материалы по ситуации на восточных границах империи, римско-персидским войнам, в то же время освещается религиозная борьба при Анастасии, Юстине и Юстиниане. В книгах продолжателя значительное внимание играет город Амиды. Тем не менее книги анонимного сирийского переписчика включают значительный пласт разноплановых источников, в том числе информацию из «Жизни Севира» Захарии.

«Церковная история» представляет собой один из важных источников в исследовании истории Александрии ранневизантийского времени. Данный труд Захарии содержит информацию о преемственности иерархов на престоле Александрийской церкви. Например, в его работе указано: «а в Александрии после Кирилла епископом был Диоскор восемь лет и три месяца» (Zach. HE. II. 4). Архиепископы Александрии получили в данном труде достаточно развернутые характеристики. Захария отметил, что Диоскор получил престол Александрийской церкви в качестве преемника Кирилла (Zach. HE. III. 1). Относительно Кирилла Александрийского Захария отметил, что тот «вел борьбу со многими развращенными учениями и обличал их» (Ibid.). Согласно характеристике Захарии, Диоскор «был миролюбивым человеком», однако принимал участие в борьбе против лжеучений, «хотя он не обладал такой быстротой и смелостью, как Кирилл» (Ibid.).

Анализируя текст «Церковной истории» Захарии, можно отметить, что в нём присутствует негативное отношение к решениям Халкидонского Собора. Вскоре после его проведения с престола Александрийской церкви был свергнут монофизитский патриарх Диоскор и возведён халкидонит Протерий. В изложении Захарии, начиная с самого установления власти Протерия, архиепископ представлен «подобным Иуде» предателем и «хищным волком среди стада» (Zach. HE. II. 2). В 452–453 гг. в Александрии в связи с недовольством деятельностью Протерия возникли сильные волнения (Evagr. HE. II. 5) [Evagrius Scholasticus, 1865]. В изложении Захарии сообщается, что «священники, и монахи, и многие из народа», видя несправедливое низложение Диоскора и притеснения со стороны Протерия, «собрались сами по себе в монастырях и отлучились от его общения» (Zach. HE. II. 2). В 457 г. умер император Маркиан, покровительствовавший халкидонитам. В Александрии снова начались волнения, в ходе которых Протерий был убит (Zach. IV. 2), а на его место был возведен Тимофей II Элур (Zach. HE. IV. 1). Евагрий Схоластик обвинил в убийстве разбушевавшуюся александрийскую чернь (Evagr. HE., II.8). Также он привел и противоречащее своему мнению сообщение Захарии Митиленского о том, что «всё случилось большей частью так, но виноват был Протерий, поскольку возбудил в Александрии столь великое смятение и, основываясь на письме

Тимофея к Льву, утверждает, что этот дерзкий поступок позволила себе не чернь, а кто-то из воинов» (Ibid.). Захария Митиленский указал в качестве причины убийства Протерия недостойное поведение патриарха (Zach. HE., IV. 2). Другие авторы, например, Федор Чтец [Theodorus Lector. 1864] и Феофан Исповедник [Theophanus. Chronica. 1839; The Chronicle of Theophanes Confessor. 1997], обвинили в случившемся Тимофея Элур (Theod. Lec., HE., I. 8; Theoph. Chron., 5950). Таким образом, на оценку этого инцидента авторами источников повлияло их отношение к Халкидонскому собору [Кириллов, 2016; Руднева, 2022], и данный эпизод демонстрирует позицию Захарии.

Значительное внимание автора «Церковной истории» в IV–VI книгах сосредоточено на деятельности александрийских патриархов Тимофея Элур и Петра Монга. Филипп Блодо при анализе наследия и идей Захарии отметил, что именно Александрия, поддерживаемая палестинской церковью, должна играть главенствующую роль как образец функционирования религиозной политики, чьи (антихалкидонские) патриархи изображаются стойкими защитниками ортодоксии (в их понимании), готовыми пойти на компромисс со своими оппонентами, когда это необходимо [Blaudeau, 2006, p. 147]. В то же время антихалкидонские выражения Захарии далеки от радикализма, например, подчеркивая положительное отношение к деятельности Петра Монга, он критикует более радикальных монофизитов, которые подтолкнули патриарха к выходу за пределы «Энотикона» и недвусмысленному осуждению решений Халкидонского Собора [Дронова, 2023, с. 161]. Примечательно, что VII книга, составленная уже Псевдо-Захарией, частично совпадает с константинопольским блоком «Жизни Севира» (Zach. Vit. Sev. 146–160) и содержит упоминание сочинения Севира «Филалет» (Zach. HE. VII. 10; Vit. Sev. 147), что может свидетельствовать о том, что данная книга была частично написана самим Захарией [Дронова, 2023, с. 180].

Выводы

Христианское сочинение в классической форме диалога «Аммоний» может рассматриваться как одно из последних произведений подобного жанра. Сочинение Захарии написано под влиянием диалога «Феофраст» Энея Газского, при этом является оригинальным по своему содержанию. Прототипами участников диалога послужили персоналии из истории Александрии – неоплатоник, схолярх Аммоний и его ученик иатрософист Гессий. Наиболее ценной составляющей диалога является непосредственно аргументация сторон, приведенная в нём, раскрывающая авторскую интерпретацию позднеантичной полемики неоплатоников с христианами, прежде всего по проблеме вечности мира.

«Жизнь Севира» носит целью отвести подозрения от Севира Антиохийского, обвиненного в симпатии язычеству, якобы проявленной им в студенческие годы. Захария представил в этом труде особенности поликонфессиональной образовательной и интеллектуальной среды Александрии ранневизантийского времени, а также продемонстрировал своё отношение к развернувшейся религиозно-политической конфронтации между христианами и язычниками. Сопоставление этой работы с другими источниками, прежде всего трудом «Жизнь Исидора» Дамаския, позволяет детализировать процесс перерастания схоластического наказания в межконфессиональный конфликт.

«Церковная история» Захарии, сохранившаяся в сирийской переработке анонимного продолжателя из Амиды, называемого в историографии Псевдо-Захария, представляет во многом уникальный промонофизитский взгляд на деятельность иерархов Александрийской церкви и роль Александрии в религиозной политике империи. При этом взгляды автора в части антихалкидонизма можно считать достаточно умеренными. Даже обзорный анализ содержащейся в работе информации об истории ранневизантийской Александрии позволяет характеризовать этот труд как один из наиболее информативных источников, в котором автор широко обращается к региональному контексту описываемых событий.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н. и участникам научного направления «Классическая и византийская традиция».

Список литературы

- Абдулманова И.В. 2022. Община филопонов в контексте христианизации интеллектуальной традиции Александрии конца V в. Кондаковские чтения – VII. Античность – Византия – Древняя Русь: Материалы VII Международной научной конференции. Белгород, 14–15 октября 2022 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр: 54–59.
- Болгова А.М. 2020. Гессий Иатрософист – интеллектуал в центре социальной сети. Византийский клуб. Альманах по итогам научной работы в 2020 г. Белгород: БелГУ: 48–51.
- Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2019. Александрийские школы V в. по «Философской истории» Дамаския. Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород. Вып. VI.: 105–136.
- Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В., Бузанаков Ю.В. 2020. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа). *Via in tempore. История. Политология*, 47 (4): 714–726.
- Грацианский М.В. 2013. Захария Ритор. Православная энциклопедия. Т. 19: 702–703.
- Дронова Я.А. 2022. «Аммоний» – последний диалог в античной традиции. *Via in tempore. История. Политология*, 49 (1): 64–69.
- Дронова Я.А. 2023. Захария Схоластик (Ритор) в контексте ранневизантийской культуры. Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 232.
- Кириллов В.М. 2016. Захария Митиленский о событиях 457 г. в Александрии. Классическая и византийская традиция. 2016. Материалы X научной конференции. Белгород, 101–105.
- Манохин Я.В. 2018. «Феофраст» и «Аммоний». Отражение ранневизантийской полемики между христианством и античным язычеством в литературном наследии риторской школы Газы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 45 (1): 29–34.
- Руднева М.А. 2022. Волнения в ранневизантийской Александрии: убийство Протерия. Византийский «круг земель». *Orbis terrarum Byzantinus...*: Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 года. Отв. редактор С.П. Карпов, редколлегия М.В. Грацианский, В.В. Майко. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал»: 153–155.
- Aeneas of Gaza, Theophrastus, with Zacharias of Mytilene, Ammonius. 2012. Ed. J. Dillon, D. Russell, S. Gertz. London, Bristol Classical Press, 180.
- Aeneas of Gaza. 1962. Epistole. Ed. by L.M. Positano. Collana di studi greci 19. Napoli, Libreria scientifica editrice, 132.
- Blaudeau P. 2006. Alexandrie et Constantinople (451–491). De l'histoire a la geoecclésiologie. Roma: Ecole française de Rome, 147.
- Colonna M.M. 1973. Zacaria Scolastico, Ammonia: Introduxione, testo critico, traduzione, commentario. Napoli, Tipolitografia La Buona Stampa, 380.
- Damascius. 1999. The Philosophical History. Ed. P. Athanassiadi. Apameia, 404.
- Evagrius Scholasticus. 1865. Historia Ecclesiastica. Patrologia Graeca. LXXXVIb. Paris: Migne. Col. 2415–2913.
- Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. Baltimore, London, Johns Hopkins University Press, 494.
- The Chronicle of Theophanes Confessor. 1997. Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Ed. C. Mango, R. Scott. Oxford, 744.
- The Life of Severus: by Zachariah of Mytilene. 2008. Ed. by L. Ambjorn. Texts from Christian Antiquity. 9. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 123.
- The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene. 1899. Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London: Methuen & CO, 362.
- Theodorus Lector. 1864. Ed. Migne J.-P. In: Patrologia Graeca. T. 65. Paris: 165–230.
- Theophanus. Chronica. 1839. Ed. J. Classen. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, 786.

- Vie de Sévère par Zacharie le Scholastique. 1907. Ed. M.-A. Kugener. *Patrologia Orientalis*. T. 2. Fasc. 1. Paris: Firmin Didot et CIE Imprimeurs Éditeurs: 5–115.
- Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria. The Transformation of the Classical Heritage* 41. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 302.
- Watts E.J. 2009. The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 49: 113–131.
- Watts E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*. Berkeley, 290.

References

- Abdulmanova I.V. 2022. Obshhina filoponov v kontekste hristianizacii intelektual'noj tradicii Aleksandrii konca V v. [Community of Philopons in the Context of the Christianization of the Intellectual Tradition of Alexandria in the End of 5th Century AD]. *Kondakovskie chtenija – VII. Antichnost' – Vizantija – Drevnjaja Rus': Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Belgorod, 14–15 oktjabrja 2022 goda [Kondakov Readings – VII. Antiquity – Byzantium – Ancient Rus': Materials of the VII International Scientific Conference. Belgorod, October 14–15, 2022]. Belgorod: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Jepicentr: 54–59.
- Bolgova A.M. 2020. Gessij Iatrosofist – intelektual v centre social'noj seti [Gessius Iatrosophist – an Intellectual at the Center of Social Networks]. *Vizantijskij klub. Al'manah po itogam nauchnoj raboty v 2020 g.* [Byzantine Club. Almanac Based on the Results of Scientific Work in 2020]. Belgorod: BelGU: 48–51.
- Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2019. Aleksandrijskie shkoly V v. po «Filosofskoj istorii» Damaskiya [Alexandrian Schools of the 5th Century on the «Philosophical History» of Damascius]. *Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie* [Iresione. Ancient World and its Heritage]. Vyp. VI. Belgorod: 105–136.
- Bolgov N.N., Bolgova A.M., Denisova I.V., Buzanakov Ju.V. 2020. Obrazovannost', shkoly, knizhnaja kul'tura v Vostochnom Sredizemnomor'e v IV–VII vv. (Antiohija, Berit, Kesarija, Gaza) [Education, Schools, Book Culture in the East Mediterranean in the 4th-7th Cent. A. D. (Antioch, Berit, Caesaria, Gaza)]. *Via in tempore. Istorija. Politologija*, 47(4): 714–726.
- Gracianskij M.V. 2013. Zaharija Ritor [Zachariah Ritor]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. T. 19: 702–703.
- Dronova A.Ya. 2022. «Ammonij» – poslednij dialog v antichnoj tradicii [«Ammonium» – the Last Dialogue in the Ancient Tradition]. In: *Via in tempore. Istorija. Politologija*. 49(1): 64–69.
- Dronova Ja.A. 2023. Zaharija Sholastik (Ritor) v kontekste rannevizantijskoj kul'tury [Zechariah Scholasticus (Rhetor) in the Context of Early Byzantine Culture]. *Diss. ... kand. ist. n.* Belgorod, 232.
- Kirillov V.M. 2016. Zaharija Mitilenskij o sobytjah 457 g. v Aleksandrii [Zachariah of Mitilena about the Events of 457 in Alexandria]. *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija*. 2016. *Materialy X nauchnoj konferencii* [Classical and Byzantine Tradition. 2016. Materials of the X Scientific Conference]. Belgorod, 101–105.
- Manohin Ja.V. 2018. «Feofrast» i «Ammonij». Otrazhenie rannevizantijskoj polemiki mezhdru hristianstvom i antichnym jazychestvom v literaturnom nasledii ritorskoj shkoly Gazy [«Theophrastus» and «Ammonius». Reflection of Early Byzantine Polimics between the Christianity and Ancient Paganism in the Literary Heritage of the Rhetoric Schools of Gaza]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. 45(1): 29–34.
- Rudneva M.A. 2022. Volnenija v rannevizantijskoj Aleksandrii: ubijstvo Proterija [Unrest in Early Byzantine Alexandria: the Murder of Proterius]. *Vizantijskij «krug zemel'». Orbis terrarum Byzantinus... : Tezisy dokladov XXIII Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov RF, Sudak, 24–30 oktjabrja 2022 goda* [Byzantine «Circle of Lands». Orbis terrarum Byzantinus...: Abstracts of the XXIII All-Russian Scientific Session of Byzantinists of the Russian Federation, Sudak, October 24–30, 2022. Otv. redaktor S.P. Karpov, redkollegija M.V. Gracianskij, V.V. Majko. Simferopol': Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Izdatel'stvo Tipografija «Arial»: 153–155.
- Aeneas of Gaza, Theophrastus, with Zacharias of Mytilene, Ammonius. 2012. Ed. J. Dillon, D. Russell, S. Gertz. London, Bristol Classical Press, 180.
- Aeneas of Gaza. 1962. *Epistole*. Ed. by L.M. Positano. *Collana di studi greci* 19. Napoli, Libreria scientifica editrice, 132.

- Blaudeau P. 2006. *Alexandrie et Constantinople (451–491). De l'histoire a la geoecclésiologie*. Roma: Ecole française de Rome, 147.
- Colonna M.M. 1973. *Zacaria Scolastico, Ammonia: Introdutione, testo critico, traduzione, commentario*. Napoli, Tipolitografia La Buona Stampa, 380.
- Damascius. 1999. *The Philosophical History*. Ed. P. Athanassiadi. Apameia, 404.
- Evagrius Scholasticus. 1865. *Historia Ecclesiastica*. Patrologia Graeca. LXXXVIb. Paris: Migne. Col. 2415–2913.
- Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict*. Baltimore, London, Johns Hopkins University Press, 494.
- The Chronicle of Theophanes Confessor. 1997. *Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Ed. C. Mango, R. Scott*. Oxford, 744.
- The Life of Severus: by Zachariah of Mytilene. 2008. Ed. by L. Ambjorn. *Texts from Christian Antiquity*. 9. Piscataway, NJ: Gorgias Press, 123.
- The Syriac Chronicle Known as that of Zachariach of Mitylene. 1899. Ed. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London: Methuen & CO, 362.
- Theodorus Lector. 1864. Ed. Migne J.-P. In: *Patrologia Graeca*. T. 65. Paris: 165–230.
- Theophanus. *Chronica*. 1839. Ed. J. Classen. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn, 786.
- Vie de Sévère par Zacharie le Scholastique. 1907. Ed. M.-A. Kugener. *Patrologia Orientalis*. T. 2. Fasc. 1. Paris: Firmin Didot et CIE Imprimeurs Éditeurs: 5–115.
- Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria. The Transformation of the Classical Heritage* 41. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 302.
- Watts E.J. 2009. *The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius*. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 49: 113–131.
- Watts E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities*. Berkeley, 290.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.12.2023

Received 23.12.2023

Поступила после рецензирования 16.01.2024

Revised 16.01.2024

Принята к публикации 18.01.2024

Accepted 18.01.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Руднева Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0113-5084](https://orcid.org/0000-0002-0113-5084)

Maria A. Rudneva, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Дронова Яна Алексеевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1518-9902](https://orcid.org/0000-0003-1518-9902)

Yana A. Dronova, Candidate of Sciences in History, Assistant of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-63-72

Оригинальное исследование

К вопросу о влиянии христианства на материальную культуру ранневизантийской Ликии

Веретенникова Е.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: 1336443@bsu.edu.ru

Аннотация. Распространение новой религии – христианства – на территории Малой Азии оказало значительное влияние на состояние и эволюцию архитектурных сооружений Ликии. Целью статьи является анализ влияния христианства на материальную культуру Ликии. Очевидно, что основное влияние распространения религиозного культа в области материальной культуры можно проследить по изменениям в сакральной архитектуре. Оно чаще всего выражается в пересвящении храмов и в строительстве новых, уже христианских. Как и в других районах Малой Азии и всего Восточного Средиземноморья, в Ликии выделяются базилики в городах. Кроме того, некоторое количество базилик известно в сельской местности. Спецификой археологии Ликии является большое количество городов (не менее 30) на относительно малой, труднодоступной горной местности. Следы христианизации можно усмотреть и на изменениях в погребальном обряде и в других общественных зданиях ликийского города, прежде всего в термах. Стадионы оставались религиозно нейтральны, а театры, как правило, закрывались. В работе приводятся некоторые конкретные примеры в области храмовой архитектуры и общественных зданий региона из отдельных городов (Ксанф, Патара, Пинара, Мира, Тлос, Олимп).

Ключевые слова: Малая Азия, Ликия, христианство, религиозный культ, гробницы, базилика, баня, стадион

Для цитирования: Веретенникова Е.П. 2024. К вопросу о влиянии христианства на материальную культуру ранневизантийской Ликии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 63–72. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-63-72

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Question of the Influence of Christianity on the Material Culture of Early Byzantine Lycia

Ekaterina P. Veretennikova

Belgorod State National Research University,
14 Studencheskaya St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1336443@bsu.edu.ru

Abstract. The spread of a new religion of Christianity in the territory of Asia Minor had a significant impact on the state and evolution of architectural structures in Lycia. The purpose of the article is to analyze the influence of Christianity on the material culture of Lycia. Obviously, the main influence of the spread of religious cult in the field of material culture can be traced through changes in sacred architecture. It is most often expressed in the re-consecration of churches and in the construction of new, already Christian ones. As in other regions of Asia Minor and the entire Eastern Mediterranean, basilicas in cities stand out in Lycia. In addition, a number of basils are known in rural areas. The specificity of the archeology of Lycia is the large number of cities (at least 30) in a relatively small, inaccessible mountainous area. Traces of Christianization

can also be seen in changes in the funeral rite and in other public buildings of the Lycian city, primarily in the bathhouses. Stadiums remained religiously neutral, theaters were generally closed. The work provides some specific examples in the field of temple architecture and public buildings of the region from individual cities.

Keywords: Asia Minor, Lycia, Christianity, religious cult, tombs, basilica, bathhouse, stadium

For citation: Veretennikova E.P. 2024. On the Question of the Influence of Christianity on the Material Culture of Early Byzantine Lycia. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 63–72 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-63-72

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Ликия – историческая область, расположенная на территории юго-запада Малой Азии. С одной стороны, она была более прочно интегрирована в античный мир начиная с мифологических времен, в отличие от соседних Писидии, Исаврии, Ликаонии и др. Но, с другой стороны, отдалённость от основных центров Эгеиды способствовала формированию особой культуры, которая восходила к доэллинистической ликийской, а в дальнейшем претерпевала изменения под влиянием эллинизма, римской власти [Levick, 1967] и, наконец, распространяющегося христианства [Le Roy, 2004, p. 263–274].

В многочисленных городах Ликии, разместившихся на относительно небольшой и труднодоступной территории [Ramsay, 1908], мы можем выявить специфические общие черты, которые формировались на протяжении длительного времени.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является материальная культура позднеантичной (ранневизантийской) Ликии и ее изменения под влиянием процесса христианизации.

Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности, принципу историзма, принципу объективности. Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация. Многие храмы Ликии строились на месте языческих храмов или недалеко от них. Именно их строительство способствовало сосредоточению социально-экономической и духовной жизни общества в регионе.

Результаты и их обсуждение

Римская Ликия была одним из наиболее урбанизированных регионов Восточного Средиземноморья [Magie, 1950; Jones, 1971]. В ней, как сообщает Иерокл в «Синекдеме» (VI в.), насчитывалось более 30 городов [Honigmann, 1939], причем большинство из них вели свою историю еще с доэллинистических времен. Таким образом, степень континуитета городской традиции здесь – одна из наиболее высоких. Страбон называет 23 города, обладавших правом голоса в Ликийском койноне/союзе (Geogr., XIV.3.3). Из них шесть городов имели первый ранг – Ксанф, Патара, Пинара, Мира, Тлос и Олимп. При этом целый ряд прочих городов также дает интересный материал по изучаемой теме (Родиаполь [Веретенникова, 2022a], Фаселида, Бальбура, Тельмесс, Лимира и др.).

Ликия процветала как в римский период, так и в поздней античности. В целом в регионе поддерживался мир, процветала городская жизнь, особенно в портах, которые получали прибыль от местной и международной торговли. Архитектура IV–VI вв. отражает тесный контакт между Ликией, Египтом и Святой Землей своим стилем, а также процветание городов и страны за счет их изобилия и разнообразия [Foss, 1996, p. 6].

Города и поселения не только процветали, но и возникали вновь вдоль побережья; церкви и монастыри были основаны по всей стране. Наиболее впечатляющими свидетельствами являются прибрежные районы вокруг Тельмесса и Аперл, где возникла целая сеть новых и, очевидно, успешных городов и деревень.

Активность населения была особенно интенсивной во время Юстиниана, когда был перестроен столичный город (метрополия провинции) Миры и на сельской территории города был основан знаменитый великолепный монастырь св. Сион (св. Николая Сионского).

Важнейшим элементом материальной культуры, по которому можно судить о христианизации, в том числе и в городах Ликии, являются культовые сооружения. Языческие храмы, построенные, как правило, до н. э. или в эпоху принципата, претерпевали существенные изменения, обращались в церкви, иногда на их месте или рядом строились новые христианские храмы.

В целом наиболее ярко христианизация в области материальной культуры может быть прослежена именно по сакральной архитектуре.

Вполне вероятно, что многие церкви в Ликии могли быть возведены в то время, когда языческие верования были еще вполне живы и сильны [Le Roy, 2004, p. 263–278]. С середины IV в. при Констанции (337–361 гг.) имперское законодательство стало поощрять снос языческих храмов [Barnes, 1968, p. 50], что продолжилось и в дальнейшем. Тем не менее многие языческие храмы того периода еще находятся в таком же хорошем состоянии, если не лучше, чем большинство остальных зданий, и, безусловно, в лучшем состоянии, чем церкви. Часто церкви строились рядом с языческими храмами, вероятно, для того, чтобы как бы переключить язычников на новую веру.

В позднеантичное время в данных сооружениях порой находятся как языческие, так и христианские элементы. В Ликии, например, в Тлосе, находится храм, двери которого украшены изображением льва и Пегаса, но внутри храма находятся христианские кресты [Foss, 1994, p. 23].

Письменные источники почти ничего не сообщают о **Ксанфе**, упоминая лишь его связь с самым известным его уроженцем – философом Проклом (из города происходила семья великого неоплатоника).

Акрополь города претерпел большие изменения в поздней античности, когда древние памятники и здания были снесены, чтобы освободить место для сложного комплекса, который, по-видимому, был жилым комплексом, возможно, для местного епископа.

Главное здание комплекса напоминает базилику с нартексом, экзонартексом и атриумом, но его апсида обращена на юг, а атриум, в который ведет лестница из нартекса, стоит на более высоком уровне, чем остальные. Три сводчатых зала соединены центральным нефом; у лестницы стоят умывальники для ритуальных омовений. Стиль этого здания, отражающий влияние Востока, предполагает датировку V в. [Foss, 1996, p. 99]. В южной части акрополя ряд современных комнат, возможно, связанных с одним и тем же комплексом, были украшены достаточно грубой мозаикой на классические темы, изображающей Фетиду, погружающую младенца Ахилла в Стикс, Аталанту и Мелеагра, а также медальоны с олицетворениями Мира и Красоты.

Остальная часть города и ее состояние характеризуются расширением жилых кварталов и строительством церквей. Непосредственно к северу от акрополя на углу агоры располагалась трехнефная базилика с баптистерием и другими помещениями, вымощенными мозаикой. Еще одна церковь была перестроена из римской гражданской базилики в центральной части города.

Самым впечатляющим и наиболее изученным памятником позднеантичного Ксанфа является большая базиликальная церковь, построенная в процветающем жилом районе к востоку от акрополя. Она стояла прямо над цистерной и развалинами построек с оштукатуренными стенами жилых домов II–III вв. Они были уничтожены огнем, а их руины засы-

паны обломками, чтобы создать террасу, на которой стояла церковь. Новая церковь отличалась размерами 74×30 м – необычно большими для этого региона – и богатым декором. У нее был обычный план с тремя проходами, атриумом и нартексом, но с новизной в виде четырехконхового баптистерия и прилегающих комнат, вход в которые велся с северного прохода. Апсида, содержащая синтрон, была вымощена мрамором, неф и проходы – мозаикой, а нартекс – мрамором и мозаикой. Атриум, центральный мощеный двор которого был окружен колоннадами с расписными стенами и мощением геометрической мозаики, вел к впечатляющим въездным воротам на главной улице квартала.

Расположенный рядом храмовый языческий комплекс **Летоон** был разрушен в IV в. в процессе христианизации. Но при Юстиниане здесь возник монастырь, несмотря на постепенное заиливание и заболачивание местности. Видимо, это языческое культовое место надо было переосвятить. Находки монет и керамики указывают на то, что церковь была построена в середине VI в. и заброшена в начале VII в. Базилика размером примерно 30×20 м была построена сразу к востоку от заброшенного нимфея, возможно, чтобы воспользоваться священным источником, который вытекал из нее. В церкви был атриум, но не было притвора; его апсида содержала синтрон и алтарный стол, поддерживаемый повторно использованной рифленой колонной. Листы мрамора покрывали синтрон, неф вымощен *opus sectile*, а проходы – мозаикой. Южный проход был соединен с триконхальной часовней, мозаичная надпись которой предполагает, что она (и, возможно, вся церковь) была посвящена ангелам. Многочисленные боковые постройки, в том числе погребальная камера и комнаты с апсидой, которые, возможно, были часовнями, позволяют предположить, что это был монастырь.

Патара была одной из самых важных гаваней Ликии, эллинистической военно-морской базой и административным центром римского времени. В Патаре была защищенная гавань, на которой император Адриан построил огромное зернохранилище, свидетельство обширной торговли города и всей Ликии. Но сейчас гавань представляет собой болото, развалины в значительной степени засыпаны песком. Поэтому исследования крайне ограничены [Веретенникова, 2021b, с. 36–40]. На обширной территории города к рассматриваемому периоду, безусловно, можно отнести только новые постройки – большую базиликальную церковь в западной части города и меньшую церковь на акрополе. Базилика имеет замечательный план, единственный в Ликии. Это широкое здание 33×43 м, его внутренняя часть разделена на пять нефов, из которых самый южный занимал ряд помещений. Двухэтажная центральная колоннада оканчивалась колоннами, напоминавшими о том, что перед апсидой стоял купол. Такой план встречается в зданиях времен Юстиниана; дата подтверждена обнаружением капителей в характерном стиле. Стены были из щелка, мозаика покрывала, по крайней мере, центральный неф. Эта церковь может рассматриваться как необычный местный образец архитектурных новшеств. Это говорит о том, что и здесь в VI в. была значительная активность.

Регион **Миры** дает самые большие возможности в Ликии, если не во всей Малой Азии, для изучения города вместе с его территорией. Мира была гражданской и церковной столицей Ликии (она была сделана метрополией Феодосием II в 408–450 гг.), и ее порт процветал благодаря своему расположению на основных морских путях между столицей, Египтом и Востоком. Биография св. Николая дает подробные сведения о топографии и общественных зданиях, упоминая дворцы губернатора и епископа, соборную церковь Ирины, площадь Диоскуров, место (или квартал), называемое Львом, и церкви св. Каллиники и местных мучеников Кресцента и Диоскорида. Эта информация дополняется сведениями из жития св. Николая Сионского (VI в.), где упоминаются три здания в городе: собор, посвященный св. Ирине (или св. Миру), дворец епископа и знаменитая церковь св. Николая Мирликийского. Дворцы губернатора и архиепископа отражают новую административную роль Миры – столицы небольшой, но сложной провинции. Археологический контекст самого города сохра-

нился не очень хорошо [Веретенникова, 2021а, с. 182–186], но прекрасно изучена процветавшая гавань Андриаке [Веретенникова, 2022, с. 79–80] и сельская округа, показывающая как экономическую активность, так и глубокую христианизацию. Храм св. Николая в Мирах, сохранившийся до наших дней, на раннем этапе был пятинефной ранневизантийской церковью.

Руины **Пинары** были идентифицированы Чарльзом Феллоузом в XIX в. [Ramsay, 1908]. Археологическое исследование на современном уровне началось в XX в. Среди гордища возвышается необычная круглая скалистая скала, сплошь усеянная гробницами (собственно «пинара»). Некоторые из скальных гробниц украшены прекрасными и богатыми скульптурами. Под этой скалой лежат руины значительного и великолепного города. Театр находится в идеальном состоянии; сохранились все сиденья, наклоненными сторонами к сцене, а также несколько ее дверных проемов. В 1978 г. были опубликованы материалы небольшой однонефной церкви с полукруглой апсидой на 30-метровом скалистом холме на востоке долины, посреди жилых домов и улиц [Wurster, Wörrle, 1978, S. 74–101]. Примеры таких однонефных, апсидальных, сводчатых построек в виде часовен широко известны в Ликии в ранневизантийский период. На западном краю террасы находится римская гробница. В 9,5 м к западу от этого здания находится большая городская базилика. Здание представляет собой трехнефную базилику прямоугольной формы в направлении восток – запад размерами 19,35×14,4 м. Длина здания – 16,65 м до начала апсидного круга и 19,35 м, включая апсидный круг. Ширина базилики в направлении север – юг составляет 14,4 м. Территория, где расположено здание, ныне покрыта густой растительностью. Амвон расположен почти в центре. Лестницы являются единственными образцами такого рода в регионе, сохранившимися до наших дней. Можно также увидеть повторно использованные каменные блоки (сполии). Здание расположено в южной части долины, где расположены общественные и коммерческие помещения, на западе мощеной территории, образующей центр города [Duggan, 2019, p. 32–39].

Тлос имеет типовые общественные здания: это стадион, агора, нимфей, театр, храм, бани и базилика. Они образуют уникальную амальгаму с каменными гробницами на скале акрополя, возвышающейся в центре города, который действует как естественный щит. Форма саркофагов этого комплекса уникальна для ликийского региона. Можно выделить участок монументальных гробниц и усыпальниц городской элиты. Рядом расположены стадион и театр, в котором заметны римское влияние на архитектуру. Здесь же находятся языческие храмы и базилика.

Христианство проникло в **Олимп** в восточной части Ликии относительно рано по сравнению с другими ликийскими городами. Мефодий Патарский (Олимпский), гражданин Олимпа, в конце III в. был первым известным епископом Ликии и участвовал в доктринальных спорах о воскресении (Анастасия).

На территории Олимпа открыто девять церквей. Из них четыре находятся на северной стороне и пять на южной стороне. Две из четырех церквей Северного города представляют собой трансептные базилики [Evcim, Öztaşkın, 2019, p. 130].

Соотношение церквей с городской планировкой, планировочные характеристики, приемы строительства и элементы декора показывают, что церковное строительство в Олимпе началось в середине V в. и продолжалось до 2-й пол. VI в. Не случайно этот диапазон дат совпадает с периодом, когда имена епископов Олимпа известны из актов соборов; это также указывает на период, когда Олимп был центром епархии.

Большой комплекс на северной стороне в центре города определен как Епископский дворец. Он занимает бывший теменос языческого храма римского периода и включает в себя стены храмовой целлы. В состав комплекса входят церковь с баптистерием (церковь 2 – Епископальная церковь), часовня-реликварий, жилые постройки. Внутри перистилия открыты фонтан и бассейн, украшенные крестами, встроенными в кирпичную кладку и вырезанными на мраморных плитах и колоннах. Раскопки, проведенные в наосе храма, в боковых комнатах и

вокруг пронаоса, который находится между храмом и церковью, показывают, что храм стоял и даже использовался вместе с епископальной церковью по крайней мере до VII в.

Улица, соединяющая Епископский дворец с некрополем на западе, окружена двух- и трехэтажными зданиями, которые, согласно небольшим находкам, использовались в течение V–VI вв. и разделены на множество небольших помещений (комнат).

Другая трансептная базилика (Церковь 4) расположена на берегу, за пределами центра города. Она была построена рядом с пещерой; непосредственно к северу от нее сохранилось большое римское здание, что позволяет предположить, что церковь 4 была построена на месте святилища или храма языческого культа, как и церковь 2.

Церковь 3 расположена на важном месте в античной планировке города. Ее северная экседра была перестроена из прежней постройки. Функция этой экседры пока не ясна, но, вероятно, она использовалась как гробница или помещение для реликвии.

Примечательная церковь 1 в форме трехнефной базилики стояла на некрополе к северо-западу от города. Ныне сохранился только северный проход. В нем было пять колонн и мозаичный пол, включающий квадратные панели с узлами ленты меандра, а также цветы. Возможно, она была построена в начале VI в.

Среди всех церквей Олимпа церковь 1 – единственная, которая была построена на пустыре, и в настоящее время здесь нет никаких находок предшествующего времени. Исходя из ее непосредственной близости к некрополям, римского и ранневизантийского периодов, церковь 1 можно рассматривать как часть культового здания, которое эволюционировало от языческого к христианскому в северной части города [Evcim, Öztaşkın, 2019, p. 140–145].

Церкви 1, 2 и 3 на северной стороне Олимпа укрепляют мнение о важном религиозном ландшафте Северной части города.

Три из пяти церквей Южного города находятся в гавани или вдоль главной улицы, ведущей к ней (Гаванной Южной). Церковь 7 находится в гавани, рядом с римскими термами, в отличном месте с точки зрения изучения процесса христианизации портовых городов. «Базилика гавани» прямоугольной формы с широкими сводчатыми окнами. Интерьер ее разделен на три нефа с двумя рядами по восемь колонн в каждом. Апсида полукруглая в плане как внутри, так и снаружи, с четырьмя арочными окнами. Она построена из больших тесаных плит, которые представляют собой споллии; некоторые фрагментированные колонны и капители, вероятно, также являются споллиями; внутренняя часть облицована мраморной облицовкой, от которой остались только отверстия для штырей. Горизонтальные полосы плинфы, видимые в стене апсиды, обычны для Олимпа [Evcim, Öztaşkın, 2019, p. 146–150].

Церковь 8 находится сразу к западу от гавани. Материал споллий в церкви указывает на то, что на этом месте ранее существовало монументальное античное здание. Как церковь с самым большим наосом в городе, церковь 8 не только обслуживала религиозные нужды местного населения и посетителей на южной стороне, которая была центром коммерческой деятельности и повседневной жизни, но также выполняла функцию монументального здания, которое имело значение для всего города. Церковь является южным окончанием Гаванной Южной улицы.

Церковь 9 расположена на той же улице, но доступ к ней есть и с Мостовой улицы. Это небольшая церковь, немонументального характера. Несмотря на то, что на первый взгляд она напоминает домовую церковь, тот факт, что в нее можно попасть только с улицы, говорит о том, что это был приходской храм.

Расположенные на границе городища, в восточной части Южного города, церкви 5 и 6 были построены на террасах, образованных в процессе планировки склона холма, вероятно, в поздней античности, что обеспечивало хорошую видимость с моря. Церковь 5 была построена на месте, где раньше стояло здание, возможно, вилла с террасами, частично с использованием существующих стен. Поэтому это приходская церковь, окруженная жилыми домами, подобными церкви № 9. Расположенная на более верхней террасе церковь

№ 6 либо была построена путем частичного использования бывшего здания, либо имела два строительных периода. Важной ее особенностью является то, что она имеет смежные помещения с западной стороны. Эта площадь еще не раскопана, но, судя по сводчатым потолкам, они, скорее всего, являются гробницами.

В большинстве городов Ликии в целом характерной чертой материальной культуры римского времени являются языческие *гробницы*, которые принадлежали богатым и знатым людям. Также возможно встретить захоронения, которые принадлежали и простым людям, торговцам. Некоторые из них, в связи со сложившимися природно-климатическими условиями, являются скальными захоронениями [Foss, 1994, p. 31]. Чаще всего данные захоронения располагаются на вершинах скал, украшены различными колоннами, имеют различные резные узоры. С высоты открывается прекрасный вид на расположенный внизу город. Возможна связь захоронений с языческими традициями.

Гробницы, как правило, имеют четырёхугольную форму. Важно то, чтобы погребения располагались не на скале, а на земле [Çevik, 2000, p. 37–50]. Они разделялись на две комнаты – женскую и мужскую. В женской (верхней) располагалась жена с родственниками. В мужской (нижней) – муж и его родственники. Можно определить то, кому принадлежали данные захоронения, по атрибутам (надписям, украшениям), частично сохранившимся до наших дней.

Такие погребения можно встретить в ликийских городах Глосе, Мире [Foss, 1994, p. 11–12]. В результате археологического изучения данной категории памятников в некоторых из них были найдены элементы христианского культа. Чаще всего это кресты. Можно предположить, что это связано с тем, что на месте языческих захоронений осуществлялись перезахоронения во время распространения христианства.

В ликийском городке Китанавра к югу от ранневизантийского кастрона находятся остатки важной и монументальной гробницы у дороги. Из разбросанных вокруг фрагментов понятно, что это гробница важного человека, представителя муниципальной элиты, с арочной надстройкой с открытым фасадом и архитектурными элементами. На одном из надгробных блоков был вырезан крест. Вокруг мавзолея и через дорогу есть другие могилы. Единственная гробница на акрополе была вырыта в скалах на юго-западном углу. Маленькая комната была вырезана из скалы, а покрытие свода построено из камней. Это подземная гробница, в которую ведет дромос. Других примеров такого рода в регионе не известно. Других могил этого типа на поселении не обнаружено. Учитывая, что это единственная гробница на акрополе, предполагается, что ее владельцем был член правящей в городе семьи [Gül Öztürk, 2017, p. 158].

Еще одним не менее важным сооружением является феномен перепрофилирования под потребности христианского культа *городских бань (терм)*, обеспеченных водоснабжением. Их расположение и близость к кладбищам наталкивает на мысль, что при распространении христианства они могли быть использованы для религиозных обрядов, например, для омовения покойника или крещения. В Ликии сохранилось немало таких комплексов перепрофилированных терм. Здание ранневизантийских терм обычно состоит из семи частей. Ориентация – в направлении север – юг. Первая часть представляет собой небольшую прямоугольную палестру. Вход в палестру находится с северной стороны. Вход с запада южной стены палестры открывается в служебную зону. Это традиционная ликийская баня, в которой основные секции выстроены бок о бок. Своими средними размерами среди ликийских бань она дает представление о качестве поселения в изучаемый период.

Во время новейшего цикла раскопок, начатых в 2005 г. Хавва Ишканом Ишиком в Глосе, были обнаружены остатки Больших терм, построенных во II веке. Раскопки показали, что после того, как это сооружение, состоявшее из трех помещений, было снесено и утратило свою функцию, на месте бывшего здания тепидария была построена церковь, а расположенный рядом с этим участком бывший фригидарий использовался как кладбище. Погребения вокруг церкви относятся к тому времени, в котором было построено церковное здание.

Обязательным местом, которое посещала большая часть общества в римское время, был *стадион*. Они были построены практически во всех крупных городах Ликии, а ныне открыты в Тлосе и Кавне. Данные сооружения были достаточно большими – более чем на 2 500 мест каждое. Специально языческих религиозных коннотаций такие сооружения не несли.

Ещё одной постройкой, которая заслуживает внимания в топографии малоазийского города, был *театр*. Чаще всего это одно из самых монументальных зданий античных городов. Театр на юге Малой Азии был обычно ступенчатый, полукруглой формы. Вместимость чаще всего – около 10 000 зрителей. Располагался он в наиболее живописных местах на возвышенности. Он использовался в языческие времена для различных представлений. Возможно, в них осуществлялись и языческие жертвоприношения [Bennett, 2015, p. 21]. С христианизацией театр, как правило, прекращал выполнять свои основные функции, а статуи с него снимались и иногда целенаправленно складировались в закрытом месте.

Таким образом, христианизация театра показывает, что это был единственный крупный общественный объект позднеантичного города, который не пережил эпоху в прежнем качестве. Лишившись предметов культа, театр, как правило, забрасывался и постепенно превращался в каменоломню для спойлий во вторичном использовании.

Выводы

Можно сделать общий вывод о том, что распространение христианства оказало значительное влияние на состояние материальной культуры Ликии. Многие языческие архитектурные сооружения стали использоваться для проведения христианских обрядов. На территории еще разрешенных языческих храмов часто строились христианские, которые имели в архитектуре немало языческих черт. Языческие храмы переосвящались в христианские. Строились новые, уже христианские храмы.

Традиционная культовая христианская архитектура ранневизантийской Ликии, как и положено приморским районам Малой Азии, представляет собой трехнефное сооружение базиликальной планировки с деревянной крышей, единственной выступающей наружу апсидой, атриумом и нартексом [Акуүрек, 2016, p. 520]. В VI веке из стран Восточного Средиземноморья были заимствованы трехнефные церкви плана триконх, закрытые планы в виде греческого креста, массивная кладка и цилиндрические своды, которые можно объяснить сирийским влиянием [Asia Minor, 2019]. Намного позже можно будет увидеть примеры зданий с кирпичными куполами, например, в Мире и Дерагзы [Doğan, 2006, p. 209]. Действительно, среди христианских сооружений Ликийского региона, дифференцированных по широкому диапазону и различной детализации, сооружения, расположенные в одном хронологическом диапазоне, имеют схожие особенности плана.

Также происходили трансформация и изменения погребального обряда. Из общественных зданий города христианизации подверглись термы. Стадионы не несли в себе языческого контекста и специально не разрушались. Лишь театры, связанные с языческими культурами, целенаправленно закрывались.

Процесс византинизации города в Ликии охватывает середину IV–VI вв. [Болгов, 2023, с. 10–15; Веретенникова, 2021, с. 208–212], как и в целом в Восточном Средиземноморье.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2023. Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье. В: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. СПб., Алетейя: 10–15.
- Веретенникова Е.П. 2022. Андриаке – главный портовый город Ликии. В: Византийский клуб. Альманах. 2022. Белгород: 79–80.
- Веретенникова Е.П. 2021. Византинизация городов Ликии в V–VII вв. В: К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность: материалы ежегодных Митрофановских

церковно-исторических чтений (г. Борисоглебск, 7 декабря 2021 г.). Вып. VI. Воронеж, ВГУ: 208–212.

- Веретенникова Е.П. 2021а. Мира Ликийская в ранневизантийское время. В: Византийский клуб. Альманах. 2021. Белгород: 182–186.
- Веретенникова Е.П. 2021б. Патара – город в античной Ликии: географическое положение, население, хозяйство. В: Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород: 36–40.
- Веретенникова Е.П. 2022а. Родиополь и внутренняя Ликия в римско-ранневизантийское время. *Via in tempore. История. Политология*, 49(2): 292–301.
- Akyürek E. 2016. 'Likiya'da Bizans Dönemi Mimarlığı. In: Lukka'dan Likiya'ya Sarpedon ve Aziz Nikolaos'un Ülkesi. İstanbul: 520–533.
- Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions. 2019. Oxford, Oxbow, 245.
- Barnes T.D. 1968. Legislation Against Christians. In: The Journal of Roman Studies. Vol. 58: 32–50.
- Bennett T.J. 2015. Christianity in Lycia: From its Beginnings to the «Triumph of Orthodoxy». In: Adalya. Vol. 18: 1–30.
- Doğan S. 2006. 'Likiya'da Bizans Taş Yapıtları. In: III. Uluslararası Likiya Sempozyum Bildirileri. Sunan-İnan Kırış Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, Antalya: 209–224.
- Duggan C. 2019. Pinara Kenti Bazilikasi. Antalya, 59.
- Evcim S., Öztaşkın G. 2019. Early Byzantine Churches in Olympos. In: Arkeoloji ve sanat. 161: Mayıs-Ağustos: 129–162.
- Foss C. 1996. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Norfolk, Variorum, 356.
- Foss C. 1994. The Lycian Coast in Byzantine Age. In: Dumbarton Oaks Papers. Vol. 48: 1–52.
- Gül Öztürk F. 2017. Rock-Cut Architecture. In: The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity Until the Coming of the Turks. Oxford, UP: 148–159.
- Honigmann E. 1939. Le Synekdemios d'Hierokles. Brussels, Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.
- Le Roy C. 2004. Dieux anatoliens et dieux grecs en Lycie. In: Les cultes locaux dans les mondes grec et romain: Actes du colloque de Lyon, 7–8 juin 2001. Lyon: 263–274.
- Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, UP, 256.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
- Ramsay W.M. 1908. Cities of St. Paul: Their Influence on His Life and Thought. New York, A.C. Armstrong, 506.
- Wurster W.W., Wörrle M. 1978. Die Stadt Pinara. In: Archäologischer Anzeiger: 74–101.

References

- Bolgov N.N. 2023. Puti vizantinizacii pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e [Ways of Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean]. V: Vizantijskoe nasledie v Prichernomor'e, Sredizemnomor'e i Vostochnoj Evrope [Byzantium and the Byzantine Legacy in the Black Sea Region, the Mediterranean and Eastern Europe]. SPb., Aletejja: 10–15.
- Veretennikova E.P. 2022. Andriake – glavnyj portovyj gorod Likii [Andriake – the Main Port City of Lycia]. V: Vizantijskij klub. Al'manah. 2022 [Byzantine Club. Almanac. 2022]. Belgorod: 79–80.
- Veretennikova E.P. 2021. Vizantinizacija gorodov Likii v V–VII vv. [Byzantinization of the Cities of Lycia in the 5th–7th Centuries.]. V: K 350-letiju so dnja rozhdenija Petra I: sekuljarnyj mir i religioznost': materialy ezhegodnyh Mitrofanovskih cerkovno-istoricheskikh chtenij (g. Borisoglebsk, 7 dekabrja 2021 g.) [To the 350th Anniversary of the Birth of Peter I: the Secular World and Religiosity: Materials of the Annual Mitrofan Church-Historical Readings (Borisoglebsk, December 7, 2021)]. Vyp. VI. Voronezh, VGU: 208–212.
- Veretennikova E.P. 2021a. Mira Likijskaja v rannevizantijskoe vremja [Myra Lycian in Early Byzantine Times]. V: Vizantijskij klub: al'manah. 2021 [Byzantine Club. Almanac. 2021]. Belgorod: 182–186.
- Veretennikova E.P. 2021b. Patara – gorod v antichnoj Likii: geograficheskoe polozenie, naselenie, hozjajstvo [Patara – a City in Ancient Lycia: Geographical Location, Population, Economy]. V: Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2021 [Classical and Byzantine Tradition. 2021]. Belgorod: 36–40.
- Veretennikova E.P. 2022a. Rodiapol' i vnutrennjaja Likija v rimsko-rannevizantijskoe vremja [Rodiapolis and Inner Lycia in Roman-Early Byzantine Times]. *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. Story. Political science]. 49(2): 292–301.

- Akyürek E. 2016. 'Lıkyā'da Bizans Dönemi Mimarlığı. In: Lukka'dan Lıkyā'ya Sarpedon ve Aziz Nikolaos'un Ülkesi. İstanbul: 520–533.
- Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions. 2019. Oxford, Oxbow, 245.
- Barnes T.D. 1968. Legislation Against Christians. In: The Journal of Roman Studies. Vol. 58: 32–50.
- Bennett T.J. 2015. Christianity in Lycia: From its Beginnings to the «Triumph of Orthodoxy». In: Adalya. Vol. 18: 1–30.
- Doğan S. 2006. 'Lıkyā'da Bizans Taş Yapıtları. In: III. Uluslararası Lıkyā Sempozyum Bildirileri. Sunan-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, Antalya: 209–224.
- Duggan C. 2019. Pinara Kenti Bazilikası. Antalya, 59.
- Evcim S., Öztaşkın G. 2019. Early Byzantine Churches in Olympos. In: Arkeoloji ve sanat. 161: Mayıs-Ağustos: 129–162.
- Foss C. 1996. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Norfolk, Variorum, 356.
- Foss C. 1994. The Lycian Coast in Byzantine Age. In: Dumbarton Oaks Papers. Vol. 48: 1–52.
- Gül Öztürk F. 2017. Rock-Cut Architecture. In: The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity Until the Coming of the Turks. Oxford, UP: 148–159.
- Honigmann E. 1939. Le Synekdemos d'Hierokles. Brussels, Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 88.
- Jones A.H.M. 1971. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, UP, 595.
- Le Roy C. 2004. Dieux anatoliens et dieux grecs en Lycie. In: Les cultes locaux dans les mondes grec et romain: Actes du colloque de Lyon, 7–8 juin 2001. Lyon: 263–274.
- Levick B. 1967. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxford, UP, 256.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, UP, 1662.
- Ramsay W.M. 1908. Cities of St. Paul: Their Influence on His Life and Thought. New York, A.C. Armstrong, 506.
- Wurster W.W., Wörrle M. 1978. Die Stadt Pinara. In: Archäologischer Anzeiger: 74–101.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.01.2024

Received 07.01.2024

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Веретенникова Екатерина Павловна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ekaterina P. Veretennikova, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5688-7056](https://orcid.org/0000-0002-5688-7056)

УДК 902.3; 94(395.5): 393–057.36

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-73-82

Оригинальное исследование

В.В. Бунак и геноцид армян: приключение одной фотографии

Худавердян А.Ю.

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Информация, которой я хочу поделиться, связана с фотографией одного из основоположников русской, советской школы антропологии – В.В. Бунака. Рассматривать старые фотографии – дело интересное и увлекательное, ведь они в некоторых случаях дают возможность прикоснуться к прошлому, проследить различные эпизоды жизни людей и истории страны, однако для этого необходима как уверенность в достоверности фотографии, даты ее производства, так и правильная интерпретация изображенного на ней. Так, например, долгие годы считалось, что известная фотография В.В. Бунака сделана на фоне останков армян – жертв геноцида. В статье говорится о монографии В.В. Бунака «Crania Armenica» и приведены характерные особенности арменоидных черепов. По мнению автора, исследование разных источников, многолетний стаж в области антропологии дают основание заключить, что кости скелетов на фотографии не могут принадлежать истребленному армянскому населению.

Ключевые слова: Армения, В.В. Бунак, геноцид армян, Crania Armenica, арменоидный тип

Для цитирования: Худавердян А.Ю. 2024. В.В. Бунак и геноцид армян: приключение одной фотографии. *Via in tempore. История. Политология.* 51(1): 73–82. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-73-82

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

V.V. Bunak and the Armenian Genocide: The Adventure of a Single Photograph

Anahit Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Science of Republic of Armenia,
15 Charenci St., Yerevan 0025, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Abstract. The information I want to share relates to a photograph of one of the founders of the Russian, Soviet school of anthropology – V.V. Bunak. It is interesting and fascinating to look at old photographs because, in some cases, it is possible to touch the past, to trace various episodes of people's lives and the history of the country, but this requires both the authenticity of the photograph, the date of its production, and the correct interpretation of what it depicts. For example, for many years it was believed that the famous photograph of V.V. Bunak was taken against the backdrop of the remains of Armenian genocide victims. The article refers to V.V. Bunak's monograph «Crania Armenica» and gives characteristic features of Armenoid skulls. In the author's opinion, the study of various sources and many years of experience in the field of anthropology lead to the conclusion that the skeletal bones in the photograph cannot belong to the exterminated Armenian population.

Keywords: Armenia, V.V. Bunak, Armenian genocide, Crania Armenica, Armenoid type

For citation: Khudaverdyan A.Yu. 2024. V.V. Bunak and the Armenian Genocide: The Adventure of a Single Photograph. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 73–82 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-73-82

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Каждая фотография – это небольшой кусочек истории, она вводит нас в самую гущу событий и является «человеческим документом» прошлого и настоящего. По ней мы узнаем об определенных моментах жизни и нам как бы брошена «ниточка» из прошлого. Это всегда фиксация чего-то, а для нас в особенности – это память, взгляд назад. Возможно, именно оттого мы ощущаем необычные чувства, когда берем в руки старую фотографию. Не секрет, что мир старых фотографий обладает притягивающей силой. Особый интерес представляют фотографии неординарных личностей, которые имели влияние на различные ключевые события, касающиеся жизни людей, их быта, культуры, истории, а также ученых, сделавших прорывы в науке и технике. На фотографии, представленной вашему вниманию (рис. 1), изображен один из основоположников русской, советской школы антропологии – Виктор Валерианович Бунак. Говоря о выдающемся антропологе, умершем сорок пять лет назад, мы пытаемся восстановить небольшой эпизод из его жизни.

Рис. 1. В.В. Бунак со своим помощником с человеческими костями скелета
Fig. 1. V.V. Bunak with his assistant with human skeleton bones

В.В. Бунак окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1912). В университете он увлекся антропологией, который читал Дмитрий Николаевич Анучин – русский географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед,

основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в Московском университете. Для молодого студента встреча с Д.Н. Анучиным оказалась судьбоносной. Д.Н. Анучин привлек молодого В.В. Бунака к научной работе и оставил его при кафедре. Д.Н. Анучин совместно с В.В. Бунаком создали Антропологический Музей Московского Университета (1922). После смерти своего учителя В.В. Бунак занял должность директора Антропологического Музея Московского Университета (ныне НИИ антропологии МГУ) и возглавил кафедру антропологии Московского университета (1923). С 1943 по 1948 гг. В.В. Бунак заведовал отделом антропологии Института этнографии АН СССР. Далее был уволен из всех должностей за отказ от борьбы против учёных-генетиков.

Объект и методы исследования

У подножия перевала В.В. Бунак сфотографировался вместе со своим помощником с многочисленными человеческими костями (рис. 1). По мнению старшего поколения российских коллег, костные останки на фотографии принадлежат жертвам геноцида армян из Мушского санджака Битлисского вилайета. Я сама была уверена, что черепа и кости посткраниального скелета принадлежат жертвам геноцида⁷.

Выдающийся ученый с мировым именем, талантливый лектор, неутомимый пропагандист науки В.В. Бунак был не только крупным ученым-исследователем, но и создателем целой научной школы. Его первая крупная монография была посвящена изучению армян. Как известно, антропологическое изучение армян давно приобрело значение одной из центральных проблем общей антропологии. Каждый генофонд неповторим и своеобразен, как индивидуальны геномы отдельных людей. Степень изученности армянского генофонда была неудовлетворительной. В антропологической литературе ощущался заметный пробел именно в области краниологии армян, в которой было сделано еще меньше исследований, нежели в общей соматологии. Это обстоятельство было отмечено немецким проф. Лушаном в письме к Виктору Валериановичу [Бунак, 1927, с. 8], который указывал особую важность обстоятельной работы по краниологии арменоидного типа.

Для характеристики арменоидного краниологического типа Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии снабдило В.В. Бунака командировочным свидетельством для поездки в Закавказье, а представители губернской и уездной администрации Закавказья и военные власти представили возможность производить исследования в различных районах Армении в прифронтовой полосе и в лагерях военнопленных.

Основная коллекция, собранная В.В. Бунаком, – это останки армян из Мушского санджака Битлисского вилайета. В 1920 г. в хронике «Научных Известий» Д.Н. Анучин опубликовал отчет В.В. Бунака о происхождении этой коллекции [Бунак, 1927, с. 8]. Воспроизведу это описание без всяких изменений: «В 1915–16 годах при наступлении русских войск на турецком фронте оттоманские власти приступили к принудительной эвакуации населения прифронтовой полосы во внутренние округа Малой Азии, и в первую очередь армян, русофильские симпатии которых были хорошо известны туркам. Когда русские войска стали приближаться к Вану и Мушу, последовал приказ о поголовном выселении армян ближних к фронту “каз”. Ходатайства, жалобы и протекции армянских представителей перед местными константинопольскими властями остались безрезультатными, и всех, кому не удалось укрыться заблаговременно и перейти за линию русского фронта, собирали в большие партии и вместе со скотом и прочим имуществом, под конвоем аскеров, отправляли внутрь Малой Азии. Передвижение этих армянских беженцев происходило в убийственной обстановке. По ужасным турецким горным дорогам, под лучами июльского солнца, через опустелые, безлюдные селения, в которых уже давно не собирались

⁷ Фотография (рис. 1) была передана в 2023 г. С. Васильевым (заведующий центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН) археологу Акопу Симоняну. А. Симонян, в свою очередь, передал директору Музей-института Геноцида армян Арютюну Марутяну эту фотографию В.В. Бунака. Директор Музей-института Геноцида армян попросил меня написать статью об этой фотографии.

урожаи, шли толпы стариков и женщин с детьми, испытывая на себе озлобление голодных аскеров и турецких и германских офицеров, не только не заботившихся об их удобствах, но даже отнимавших у беззащитной толпы ее скудные запасы продовольствия. С каждым шагом, удалявшимся беженцев от родных пепелищ, положение их становилось все отчаяннее, и они чувствовали, что их ждет неминуемая гибель от лишений и мрачного фанатизма турок. Они стремились всячески задержать продвижение вперед, ожидая спасения от русских войск или заступничества властей. На каждом привале ценой подношений начальникам конвоя они оттягивали дальнейшее движение – когда на день, когда на два. Таким образом, в конце августа 1915 года армянское население прифронтовой полосы Эрзерумской и Яганской, Хныской и Гюндамирской каз Мушского санджака Битлисского вилайета в числе около 4 тысяч человек было собрано в селении Кюм-Кюм, отмеченном на русских картах под турецким названием Гемь-Гемь, откуда им предстояло отправиться в Диарбекир. Последний их привал был в селении Баксан у подножия Бингел-Дага, в 15 км от Кюм-Кюм. Рано утром партия вышла из Баксана в горы. Постепенно конвой рассеялся и, видимо, по заранее намеченному плану беженцев окружили кизилбаши и курды из соседних селений и открыли по беззащитной толпе ружейный огонь. Это был один из самых кровавых эпизодов в истории армянского народа. Из 4-тысячной толпы уцелело, может быть, три-четыре сотни, остальные кончили свой путь на склонах Бингел-Дага. Овраги и ущелья, по которым разбегались несчастные, были сплошь усеяны их трупами, и еще год спустя представляли жуткую картину невероятной жестокости. Можно было видеть трупы женщин, пораженных сзади острым оружием, закрывавших собой тела четырех-пятилетних детей, тела людей, крепко охвативших глыбу гранита, за которым они искали своего спасения. Когда кровавая расправа была кончена и разбойники поделили скудное имущество и скот своих жертв, подоспел турецкий конвой, который собрал остатки партии и возвратился с ними на ночлег в Баксан для того, чтобы через несколько дней снова отправить их в путь и покончить с ними на первом же перевале, у одного из озер этого хребта, куда их загоняли ружейными прикладами и где все они были утоплены» [Бунак, 1927, с. 47–48].

Тела погибших армян полтора года пролежали неубранными у подножия Бингел-Дага. Солнце, дожди и снега уничтожали трупы, мягкие части лица оказались истлевшими или высохшими, и кожа легко снималась с костей. В августе 1917 г. Виктор Валерианович собрал и эвакуировал костные останки 178 армян (26 детей, 152 взрослых) в Московский Университет, а в дальнейшем передал в собственность Антропологическому Музею Московского Университета. Останки принадлежали армянскому населению прилежащих к озеру Ван районов, преимущественно населению юго-восточной части Эрзерумского и северо-западной Битлисского вилайетов, особенно Мушского санджака.

Как уже было сказано, изучение останков армян стало основой первой крупной монографии В.В. Бунака «*Станія Арменіса*», вышедшего в 1927 году. Материалы, которые легли в основу монографии, многочисленные методы оценки характеристик с использованием историко-археологических и этнографических данных позволили изучить проблему происхождения арменоидного типа. В.В. Бунак определил их место в ряду антропологических рас и отметил сочетание морфологических признаков, характеризующих этот тип.

Итак, арменоидный (переднеазиатский, ассироидный, понто-загросский, средиземноморский) антропологический тип – вариант балкано-кавказской расы, входящий в большую европеоидную расу [Рогинский, Левин, 1978]. Арменоидный антропологический тип «известен с самых древних времен и имеет широкое распространение во всех областях Двуречья, начиная с его южной части до верховьев Тигра и Евфрата и далее, до западного конца Анатолийского полуострова, с одной стороны, и до внутренних областей Ирана – с другой. Никаких других расовых элементов в древнейшем населении Передней Азии констатировать нельзя» [Бунак, 1927, с. 206]. Следовательно, формирование арменоидного антропологического типа происходило на территории Армянского нагорья и Южного Кавказа [Абдушелишвили, 2003; Худавердян, 2009]. Основной переднеазиатский субстрат, вариант которого

представлен у древних представителей Армении, лежит в основе дальнейшего развития основных антропологических комплексов современного населения Армении. Как справедливо отмечает Г.Ф. Дебец [1951, с. 336–337], «данные о современном распространении переднеазиатской группы позволяют утверждать, что ее формирование происходило примерно на той же территории, на которой она распространена в настоящее время».

Арменоидная группа популяций отличается смуглой кожей, темными глазами и слегка волнистыми волосами, сильно развитым третичным волосяным покровом, с обильной растительностью на лице, высокими и широкими крыльями носа, умеренно толстыми губами, средней ширины и довольно высоким лицом, очень высокой головой, брахикранией, нередко с сильно наклонным лбом и плоским затылком [Абдушелишвили, 1966]. Феликс фон Люшан считал, что арменоидный тип отличается своеобразной формой носа [Luschan, 1911]. Однако соматологические материалы, собранные М.Г. Абдушелишвили [1966], показывают, что никаких специфических отличий от других народов Кавказа армяне не имеют ни в форме ноздрей, ни в положении кончика носа. Правда, армяне занимают на Кавказе крайнее место по исключительно сильному выступанию носовых костей [Алексеев, 1974].

Другим характерным признаком арменоидного типа считается резко выраженная брахикефалия. В монографии В.В. Бунака «Crania Armenica» предложено обоснование реальному существованию в составе древнего населения Передней Азии четырех генетически независимых морфологических комплексов – трех долихокраних и одного брахикранно-мезокраних. Мезобрахикраних вариант – арменоидный, долихокраних прогнатный тип с высоким сводом, установленный в Эль-Убейда, – евроафриканский, а остальные два образуют разные территориальные и хронологические модификации средиземноморского типа. Как известно, в палеоантропологических материалах древнего населения Армении представлены долихокраних варианты (за исключением позднеэнеолитического черепа из Арени I) [Худавердян и др., 2017], брахикраниа появляется на территории Армении только с эпохи поздней античности [Худавердян, 2000]. Следовательно, невозможно ориентироваться на величину черепного индекса при поисках истоков этого типа в палеоантропологических материалах – брахикефалия представляет собой позднее явление. На наш взгляд, нет оснований искать древних представителей арменоидного типа исключительно в брахикраних сериях и не нужно забывать заслуживающего серьезного внимания наблюдения Л.В. Ошанина, согласно которому характерный для арменоидов комплекс признаков и в настоящее время сочетается иногда с длинной формой черепа [Ошанин, 1957]. Мы разделяем мнение Г.Ф. Дебца о том, что «значение головного указателя для классификации европеоидных типов Передней Азии оказывается значительно меньшим, чем это обычно предполагается. Нельзя считать арменоидными все брахикраних черепа, а главное, нельзя отделять от арменоидного типа все долихокраних черепа» [Дебец, 1951]. В.П. Алексеев и И.И. Гохман [1984] также солидарны с мнением вышеперечисленных исследователей. Брахикефализация является важнейшим критерием армянского краниологического комплекса, и нет основания отрицать связь брахикраних вариантов Армянского нагорья с долихокраних узколицыми сериями древнего населения Армении, их долихокраниа не является препятствием для установления генетической связи из-за позднего развития брахикефализации.

Еще один признак, выделяющий арменоидов из других типов средиземноморской ветви европеоидов, это исключительно сильное развитие волосяного покрова на лице и особенно на теле. По этому признаку отличаются некоторые этнические группы Ближнего Востока [Field, 1939, 1956], и, в противоположность балкано-кавказской группе, они более темнопигментированы и характеризуются гораздо более сильным развитием третичного волосяного покрова.

В монографии В.В. Бунака «Crania Armenica» большое место также было уделено анатомическим (краниоскопические, дискретно-варьирующие признаки) особенностям арменоидного типа. Анализ дискретно-варьирующих признаков прямо связан с популяционными изысканиями, занимающими значительное место в исследованиях этнической антро-

пологии. Они способствуют решению как этногенетических проблем, так и попытке построения генетической классификации [Мовсесян, 2005; Christensen, 1998; Saunders, Rainey, 2008; Sherwood et al., 2008]. У представителей арменоидного типа сложное строение затылочного (ламбдовидного) шва, особенно в области ламбды и астириона, где наблюдается часто большое количество разных размеров вставных костей; обильные вставные кости в области птериона; сравнительно частое сохранение мендозного шва и весьма высокий процент метопизма (фронтального шва) [Бунак, 1927, с. 53–54].

В.В. Бунак указывает для арменоидов два основных типа черепа: эурипентагоноидный и сфеноидный, последний, найденный примерно у 90 % индивидов [Бунак, 1927, с. 55]. Характерную особенность изученной серии составляет в большей или меньшей степени выраженная затылочная асимметрия, чаще всего правосторонняя [Бунак, 1927, с. 63–64]. Асимметрия у армян связана с механическим воздействием на головку младенца в колыбели (непреднамеренная деформация черепа). Если уложить ребенка в жесткую колыбель (оророц) надолго, то затылочная часть черепа становится плоской. Уплотненность образуется на первом году жизни под влиянием колыбельной стенки, касающейся темени и затылка.

Следующие характерные особенности арменоидного черепа, зафиксированные Виктором Валериановичем, это средние для брахиодных групп выступания теменных бугров, почти вертикальные или слегка расширяющиеся кверху боковые стенки черепной коробки, округлое или угловатое темя, сравнительно редко плоское. Лоб по большей части наклонный, чаще средней, иногда в сильной степени, особенно в верхнем отделе. Вертикальный профиль лицевого скелета обнаруживает смещение двух форм: малого выступания и среднего выступания. Глазницы также обнаруживают смещение двух форм: более высокой и сравнительно невысокой. Носовое отверстие типичной грушевидной формы. Вертикальный профиль спинки носа обнаруживает выпуклость чаще в нижнем, иногда в среднем отделе.

Книга В.В. Бунака «Crania Armenica» написана 97 лет назад, но она не потеряла своего значения и по сей день, остается настольной книгой для любого антрополога. Очень важна монография «Crania Armenica» и в методическом плане. Виктор Валерианович использовал для подсчетов передовые по тем временам математико-статистические методы анализа.

Цель данной работы уточнить происхождение фотографии В.В. Бунака у подножия пещеры с многочисленными черепами и костями посткраниального скелета и определить, принадлежат ли они жертвам геноцида армян из Мушского санджака Битлисского вилайета.

Результаты и их обсуждение

К вопросу о предполагаемых останках армян на фотографии можно лишь сказать, что В.В. Бунак родился 23 сентября 1891 года, а костный материал Бингел-Дага, по известным данным, собирал в августе 1917 года. Соответственно, тогда ему было всего 26 лет, тогда как на фотографии ему – за пятьдесят. Впоследствии, в 1918 году, собранный им материал был перевезен из Армении в Москву, где и представилась возможность дальнейшего изучения. Исследование других архивных фотографий В.В. Бунака⁸ выявило, что среди участников Танно-Тувинской экспедиции 1926 года был и молодой Виктор Валерианович (рис. 2); на ней, по сравнению с фотографией 1917 года (рис. 1), В.В. Бунак выглядит намного моложе. Отсюда нетрудно заключить, что и материал совершенно другой, не имеющий отношения к армянам. Хочется еще добавить, что искренне и трепетно относящийся к трагедии армянского народа, Виктор Валерианович, исходя из морально-этических соображений, не стал бы фотографироваться на фоне такой трагедии. Ведь черепа принадлежали не просто древнему населению. Совершенно бесспорно, что потомок древнего дворянского рода [Дубов, 2001, с. 119] не способен был бы на такое кощунство.

⁸ Выражаю искреннюю благодарность Дмитрию Ивановичу Ражеву за действенную помощь в поиске архивных документов В.В. Бунака.

Рис. 2. 1926 г. участники Танно-Тувинской экспедиции: второй ряд слева – В.В. Бунак
Fig. 2. 1926 participants of the Tanno-Tuva expedition: second row from left V.V. Bunak

В.В. Бунак поддерживал тесные связи с представителями армянской интеллигенции, в частности с основоположником армянской этнографической школы проф. С.Д. Лисицианом. С.Д. Лисициан с готовностью откликнулся на просьбы В.В. Бунака устроить экспедиции в Армении и прилагал максимум усилий для их наиболее результативной работы на месте. Им было предпринято с 1913 по 1917 г. несколько поездок в Армению и собран редкостный материал (к сожалению, данный материал до сих пор не опубликован) [Варданян, 2015]. Двух гигантов связывала бескорыстная преданность науке, разносторонние интересы и тот колоссальный вклад, который каждый из них привнес в свою отрасль научного знания.

Относительно другой фотографии, где Виктор Валерианович запечатлён с мобилизованными солдатами во время медосмотра (рис. 3), можно отметить следующее: заметно, что фотография сделана приблизительно в те же годы, что и фотография у подножия перевала (рис. 1). Соответственно, можно и тут заключить, что это вовсе не костный материал армян – жертв геноцида.

Напоследок хочется сказать, что из-за актуальности исследований В.В. Бунака к его книгам продолжают обращаться все новые и новые поколения ученых-антропологов и кавказоведов, особенно к жемчужине его исследований – «Crania Armenica». И неспроста все, что касается его научной деятельности, вызывает неподдельный интерес. Собственно, этим и было обусловлено желание установить некоторую точность в его биографических и библиографических данных и внести определенную ясность.

Я закончу это сообщение словами известного российского антрополога М.И. Урысона: «Пройдут десятилетия, вырастут новые поколения антропологов, но труды В.В. Бунака, его глубокие идеи и теоретические концепции будут служить путеводной звездой для будущих исследователей во всех областях науки о человеке» [Дубов, 2001, с. 129–130].

Рис. 3. В.В. Бунак с мобилизованными солдатами
Fig. 3. V.V. Bunak with mobilized soldiers

Список литературы

- Абдушелишвили М.Г. 1966. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 134.
- Абдушелишвили М.Г. 2003. Антропология древних и современных народов Кавказа. В. Горизонты антропологии. М., Наука: 248–265.
- Алексеев В.П. 1974. Происхождение народов Кавказа. М., Наука, 317.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. Антропология азиатской части СССР. М., Наука, 208.
- Бунак В.В. 1927. *Crania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды Антропологического НИИ при МГУ. Вып. 2. М., 264.
- Варданян Л.М. 2015. К 150-летию С.Д. Лисициана: из истории антропологической науки в Армении. *Вестник антропологии*. 1(29): 101–121.
- Дебец Г.Ф. 1951. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. Труды института этнографии АН СССР. Н.С. XVI: 335–370.
- Дубов А.И. 2001. Профессор В.В. Бунак – выдающийся антрополог XX в. (к 110-летию со дня рождения). *Этнографическое обозрение*. 5: 188–131.
- Мовсеян А.А. 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М., Университетская книга, 272.
- Ошанин Л.В. 1957. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. В 3-х частях. Ч. I. Ереван, из-во ЕГУ, 139.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. 1978. Антропология. Москва, Высшая школа, 528.
- Худавердян А.Ю. 2000. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван, Тигран Мец, 140.
- Худавердян А.Ю. 2009. Происхождение армянского народа в свете данных палеоантропологии. *Этнографическое обозрение*. 5: 99–119.
- Худавердян А.Ю., Гаспарян Б.З., Пинхаси Р., Канаян А.С., Ованесян Н.А. 2017. Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2(37): 72–93.
- Christensen A.F. 1998. Odontometric Microevolution in the Valley of Oaxaca, Mexico. *Journal of Human Evolution*. 34: 333–360.
- Field H. 1939. Contributions to the Anthropology of Iran. Chicago: Field Museum of Natural. *History: Publications of Field Museum of Natural History*. 29(1): 152–176.

- Field H. 1956. *Ancient and Modern Man in Southwestern Asia*. University of Miami Press, 364.
- Luschan F. Von. 1911. *The Early Inhabitants of Western Asia (the Huxley Memorial Lecture for 1911)*. London, 556.
- Saunders S.R., Rainey D.L. 2008. Nonmetric Trait Variation in the Skeleton: Abnormalities, Anomalies and Atavisms. In: *Biological Anthropology of the Human Skeleton* (2nd ed.). Katzenberg M.A., Saunders S.R. (Eds.). New Jersey, John Wiley and Sons, Inc: 533–560.
- Sherwood R.J., Duren D.L., Demerath E.W., Czerwinski S.A., Siervogel R.M., Towne B. 2008. Quantitative Genetics of Modern Human Cranial Variation. *Journal of Human Evolution*. 54(6): 909–914.

References

- Abdushelishvili M.G. 1966. К краниологии древнего и современного населения Кавказа [On the Craniology of the Ancient and Modern Population of the Caucasus]. Tbilisi, 134.
- Abdushelishvili M.G. 2003. Антропология древних и современных народов Кавказа [Anthropology of Ancient and Modern Peoples of the Caucasus]. *Horizons of Anthropology*. М., Nauka, 248–265.
- Alekseev V.P. 1974. Proiskhozhdeniye narodov Kavkaza [Origin of the Peoples of the Caucasus]. М., Nauka, 317.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. 1984. Антропология азиатской части СССР [Anthropology of the Asian Part of the USSR]. М., Nauka, 208.
- Bunak V.V. 1927. *Crania Armenica. Issledovaniye po antropologii Peredney Azii* [Crania Armenica. Research on Anthropology of Western Asia]. *Trudy Antropologicheskogo NII pri MGU* [Proceedings of the Anthropological Research Institute at Moscow State University]. Vol. 2. М., 264.
- Vardanyan L.M. 2015. К 150-летию С.Д. Лиситяна: из истории антропологической науки в Армении [To the 150th Anniversary of S.D. Lisitsian: From the History of Anthropological Science in Armenia]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 1(29): 101–121.
- Debets G.F. 1951. Zaseleniye Yuzhnoy Peredney Azii po dannym antropologii [Settlement of South and Western Asia According to Anthropological Data]. *Trudy instituta etnografii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, N. S.]. XVI: 335–370.
- Dubov A.I. 2001. Professor V.V. Bunak – vydayushchiysya antropolog XX v. (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor V.V. Bunak, the Great Anthropologist of the 20th Century (110th Anniversary)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. 5: 188–131.
- Movsesyan A.A. 2005. Feneticheskii analiz v paleoantropologii [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. М., University Book, 272.
- Oshanin L.V. 1957. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенезы ее народов [Anthropological Composition of the Population of Central Asia and the Ethnogenesis of Its Peoples]. In 3 parts. Part I. Yerevan, Yerevan State University, 139.
- Roginsky Ya.Ya., Levin M.G. 1978. Антропология [Anthropology]. Moscow, Higher School, 528.
- Khudaverdyan A.Yu. 2000. Naseleniye Armyanskogo nagor'ya v antichnuyu epokhu (po antropologicheskim dannym Beniaminskogo mogil'nika) [Population of the Armenian Highlands in Ancient Times (According to Anthropological Data from the Benjamin Burial Ground)]. Yerevan, Tigran Mets, 140.
- Khudaverdyan A.Yu. 2009. Proiskhozhdeniye armyanskogo naroda v svete dannykh paleoantropologii [The Origin of the Armenian People in the Light of Paleoanthropology]. *Etnograficheskoye obozrenie* [Ethnographic Reviews]. 5: 99–119.
- Khudaverdyan A.Yu., Gasparyan B.Z., Pinhasi R., Kanayan A.S., Hovanesyan N.A. 2017. Kompleksnoye issledovaniye antropologicheskikh materialov pozdnego eneolita iz peshchery Areni 1 [Comprehensive Study of Anthropological Materials of the Late Eneolithic from the Areni 1 Cave]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2(37): 72–93.
- Christensen A.F. 1998. Odontometric Microevolution in the Valley of Oaxaca, Mexico. *Journal of Human Evolution*. 34: 333–360.
- Field H. 1939. Contributions to the Anthropology of Iran. Chicago: Field Museum of Natural. *History: Publications of Field Museum of Natural History*. 29(1): 152–176.
- Field H. 1956. *Ancient and Modern Man in Southwestern Asia*. University of Miami Press, 364.

- Luschan F. Von. 1911. The Early Inhabitants of Western Azia (the Huxley Memorial Lecture for 1911). London, 556.
- Saunders S.R., Rainey D.L. 2008. Nonmetric Trait Variation in the Skeleton: Abnormalities, Anomalies and Atavisms. In: *Biological Anthropology of the Human Skeleton* (2nd ed.). Katzenberg M.A., Saunders S.R. (Eds.). New Jersey, John Wiley and Sons, Inc: 533–560.
- Sherwood R.J., Duren D.L., Demerath E.W., Czerwinski S.A., Siervogel R.M., Towne B. 2008. Quantitative Genetics of Modern Human Cranial Variation. *Journal of Human Evolution*. 54(6): 909–914.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Received 08.02.2024

Поступила после рецензирования 28.02.2024

Revised 28.02.2024

Принята к публикации 01.03.2024

Accepted 01.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, Армения

Anahit Yu. Khudaverdyan, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

 [ORCID: 0000-0002-1458-783X](https://orcid.org/0000-0002-1458-783X)

УДК 930.85.008

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-83-90

Оригинальное исследование

Вклад советских ученых в изучение и популяризацию языка пушту в СССР и Афганистане

Майсам Махди

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Mahdimaisam2020@gmail.com

Аннотация: Научные исследования афганского языка и литературы в СССР развивались в рамках Ленинградской школы афганистики. Видные представители этой школы М.Г. Асланов, П.Б. Зудинов, К.А. Лебедев, В.А. Ромодин и другие опубликовали научные труды, связанные с пуштунским языком и литературой Афганистана, выступили популяризаторами этого языка в СССР. Плодотворно изучал эволюцию пуштунского языка в ракурсе своих этнических исследований В.В. Басов. Возможности научных исследований в области афганистики и потенциал популяризации пуштунского языка в иноязычной среде значительно возросли с началом преподавания языка пушту в Институте востоковедения в Москве в 1939 году. С этого времени трансляции на московском радио стали вестись на языке пушту, а произведения русской литературы в Афганистане начали переводиться и издаваться на этом языке, что привело к росту числа заинтересованных пользователей языка по обе стороны государственной границы. В целях укрепления своих позиций в Афганистане Советский Союз на своей территории стал создавать центры обучения языку пушту для советских специалистов, что также способствовало языковой экспансии пушту в самом Афганистане. Автор статьи осуществил попытку проследить внутреннюю и пространственную динамику укрепления позиций пуштунского языка в афганской среде в новейшее время и определить роль и место СССР в этом процессе.

Ключевые слова: язык пушту, Афганистан, СССР, Ленинградская школа афганистики, языковая экспансия, гуманитарное сотрудничество

Для цитирования: Майсам Махди. 2024. Вклад советских ученых в изучение и популяризацию языка пушту в СССР и Афганистане. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 83–90. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-83-90

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Contribution of Soviet Scientists to the Study and Popularization of the Pashto Language in the USSR and Afghanistan

Mahdi Maisam

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: Mahdimaisam2020@gmail.com

Abstract. Scientific research into the Afghan language and literature in the USSR were developed within the framework of the Leningrad School of Afghan Studies. Prominent representatives of this school M.G. Aslanov, P.B. Zudinov, K.A. Lebedev, V.A. Romodin and others published scientific works related to the Pashtun language and literature of Afghanistan. They also popularized Pashtun language in the USSR. V.V. Basov fruitfully studied the evolution of the Pashtun language from the perspective of his ethnic studies. The possibilities of scientific research in the field of Afghan studies and the potential

© Майсам Махди, 2024

for popularization of the Pashtun language in foreign-language environments increased significantly with the beginning of teaching the Pashto language at the Institute of Oriental Studies in Moscow in 1939. Since that time, broadcasts on Moscow radio began to be conducted in Pashto, and works of Russian literature in Afghanistan began to be translated and published in this language. This led to an increase in the number of interested users of the language on both sides of the state border. In order to strengthen its position in Afghanistan, the Soviet Union began to establish Pashto language training centers on its territory for its specialists, which also contributed to the expansion of Pashto language in Afghanistan itself. The author of the article made an attempt to trace the internal and spatial dynamics of the development of the Pashto language in modern times in the Afghan location and determine the role and place of the USSR in this process.

Keywords: Pashto language, Afghanistan, USSR, Leningrad School of Afghan Studies, language expansion, humanitarian cooperation

For citation: Mahdi Maisam. 2024. Contribution of Soviet Scientists to the Study and Popularization of the Pashto Language in the USSR and Afghanistan. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 83–90 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-83-90

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Афганистановедение как раздел российского востоковедения возникло в конце XIX века. Царская Россия начала исследование пуштунского языка по геополитическим соображениям, чтобы сдерживать Великобританию от расширения колониальных границ на Афганистан и Центральную Азию. С началом советского периода Институт исследования языка пушту в Петрограде был преобразован, а связанные с ним структуры стали оказывать всестороннюю поддержку в развитии пуштунского языка в самом Афганистане. Использование литературных и археологических источников явилось одним из примеров сотрудничества учреждений образования и культуры двух стран в области совершенствования и распространения языка пушту.

Объект и методы исследования

Объект исследования в статье: язык пушту. Предмет исследования в статье: популяризация языка пушту в Афганистане и СССР посредством вклада советских ученых. Методы исследования в статье: проблемно-исторический метод, историко-генетический метод, метод контент-анализа, метод анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Советские люди с большим уважением относились к культурным образцам, созданным талантливым народом Афганистана, проявляли глубокий интерес к его культуре и языку. Но из-за частых разрывов контактов между соседними странами информация о науке, культуре, искусстве и языке Афганистана была ограничена на протяжении нескольких десятилетий [Теплинский, 1971, с. 168].

Научные исследования афганского языка и литературы в СССР развивались в рамках Ленинградской школы афганистики и его предшественника Петербургского университета, где с 1856 г. российский академик Б.А. Дорн начинал преподавать пуштунский язык на факультете восточных языков. Борис Андреевич Дорн – пионер в изучении языка и литературы пуштунов – доминирующей этнической группы Афганистана [Бойко, с. 11]. Изучение афганского языка пушту в Советском Союзе способствовало развитию и эволюции этого языка в Афганистане: роль советских исследователей особенно заметна в формировании и создании образовательных центров пуштунского языка и литературы в обеих странах [Теплинский, 1988, с. 195]. В тридцатых годах XX века впервые были опубликованы статьи Л.Н. Толстого и А.М. Горького, переведенные с русского на пушту. В начале 40-х годов

афганцы познакомились с произведениями русских классиков, таких как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов. Художественные сюжеты этих писателей использовались в произведениях афганских пуштунских писателей [Гирс, 1960, с. 54–59].

Создание современных учебных заведений, где преподавание дисциплин велось на языке пушту, началось в Афганистане с приходом к власти Надир-шаха (1929–1933). В 1930-е годы значение языка пушту в общественной жизни афганского народа возросло, поскольку политика правительства была основана на укреплении этого местного языка. В 1933 г. в Кабуле открылось учебное заведение для пуштунской молодежи [Шарифов, 2018, с. 56]. Это учебное заведение было создано на основе исследовательской модели, созданной в Москве. Проект был признан успешным, и в целях развития языка пушту король Захир Шах в 1936 г. издал указ, согласно которому изучение языка пушту стало обязательным для государственных служащих. Одновременно по всей стране были открыты образовательные курсы для изучения и популяризации пушту.

Этот язык включили как самостоятельный предмет в программу начальной школы [Гирс, 1958, с. 38–39]. В 1938 г. афганское правительство основало специальный образовательно-методический центр для продвижения языка пушту, причем подготовка учителей велась советскими специалистами в качестве одного из ее приоритетов [Бабаходжаев, 1971, с. 69]. Почти одновременно афганское правительство при помощи советских специалистов в 1939 г. учредило в Кабуле краткосрочные шестимесячные и девятимесячные учебные колледжи. Эти учебные центры были созданы по аналогии с центрами преподавания и изучения пуштунского языка и литературы в СССР. В том же году в г. Пагман был создан экспериментальный педагогический колледж, имевший два отделения: подготовки учителей для начальных и средних школ, где обучение велось на пушту [Фарханг, 1995, с. 731].

Академия Пушту Толана, созданная в Кабуле в 1937 г., сыграла важную роль в развитии языка пушту. Издание грамматики и учебников на афганском языке пушту, перевод пособий на язык пушту были одной из его основных задач, и советские ученые активно сотрудничали в этой области. Активно осуществлялся перевод русских и советских классических литературных произведений. Проза и стихи были опубликованы на языке пушту в журналах, связанных с Академией пушту Толана. Ознакомившись с квалифицированными переводами этих произведений, народ Афганистана проявил к ним интерес, побуждая власти Афганистана распространять их по всей стране [Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, 1956, с. 300]. Вклад Советского Союза в укрепление пуштунского языка с этого периода возрастал, поскольку исследователи афганского языка и литературы искали возможности включения этого языка в образовательную систему в школах. Советские исследователи оказали большую помощь в решении этих задач.

Значительный вклад в развитие языка, культурных контактов СССР и Афганистана внес ряд советских ученых-лингвистов и культурологов. М.Г. Асланов (1897–1977) является основателем советской Московской школы пуштунистики. В 30-х годах прошлого столетия он работал в посольстве Советского Союза в Афганистане, а затем организовал преподавание пуштунского языка в Московском институте востоковедения (1939–1942). Им был составлен первый пуштунско-русский словарь (1966), который до сих пор используется изучающими этот язык в Афганистане и России. Издание содержит 50 000 слов языка пушту, включая повседневные, общественно-политические и часто используемые специальные термины. В словарь вошли устойчивые фразы, идиомы, пословицы. Слова пушту составлены на основе русской графики и грамматических пояснений. Словарь основан на лексике западного диалекта пушту с включением лексики и фразеологии восточного диалекта и региональных лингвистических форм. Второе издание пуштунско-русского словаря вышло в 1983 году с приложением новых слов (более 600 статей, включая актуальные общественно-политические термины и выражения). Этот словарь предназначен для русских и афганских специалистов, переводчиков, преподавателей и студентов. М.Г. Асланов вместе с П.Б. Зудиным и К.А. Лебедевым подготовили и опубликовали несколько трудов, связанных

с пуштунским языком и литературой Афганистана. Наиболее важными из этих работ являются «Афганско-русская учебная лексика», «Учебник пушту», «Вводный фонетический курс», «Афганская лексикография», докторская диссертация «Фольклор Афганистана» (рассказы, песни, пословицы), «Заимствования из турецкого языка на пушту», «Народное движение и его отражение в афганской литературе XVI–XVII вв.», «Афганский фольклор и его анализ в Советском Союзе», раздел «Афган» в коллективной монографии «Народы Западной Азии», повествующий о формировании национального языка Афганистана и пуштунов, сборники статей Московского института востоковедения, публикации и рассказы афганских писателей [Ромодин, 1983, с. 186]. Благодаря этим начинаниям Советский Союз с 40-х годов прошлого столетия стал центром научного и практического изучения языка пушту за рубежом [Лебедев, 1983, с. 6].

Еще одной известной и заслуженной фигурой пуштуноведения стал Б.А. Ромодин (1907–1983). Он являлся представителем советской Ленинградской школы афганистики. В своих научных трудах по культурологии и этнографии ему удалось раскрыть культурное богатство афганского народа. Б.А. Ромодин писал на пуштунском языке и стал популяризатором этого языка в СССР. Его перу принадлежат «История и этнография пуштунских народов», разделы нескольких монографий, посвященные афганскому языку пушту [Ромодин, 1990, с. 101]. Взгляд писателя на историю языка и литературы пушту в Афганистане изменил способ письма исследователей этого языка в Афганистане, поскольку он доказал, что господство таких крупных империй, как Тимуриды и Монголы, сделало этот язык слабым.

Плодотворная работа отдельных энтузиастов в СССР по модернизации и популяризации языка пушту сталкивалась с рядом объективных трудностей. Одна из них – это отсутствие в самом Афганистане профессиональных переводчиков с русского на пушту и наоборот. Из-за дефицита таких специалистов переводы в стране первоначально были некачественными. В Академии наук Афганистана, созданной в Кабуле в 1937 г. по примеру СССР, начал работать специальный отдел, одной из основных задач которого была организация перевода русских научных и художественных произведений на язык пушту [Размухаммад Виш, 1957, с. 8]. Кабульский ежегодный социально-политический журнал «Ди Афганистан Калани» включил в свою программу публикацию русских научных и литературных произведений, переведенных на пушту, и использовал для этого метод русских переводчиков [Пикулин, 1961, с. 111]. С середины 1940-х годов русская классика издавалась в переводах на пушту. Произведения А.С. Пушкина, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова были представлены на суд афганских читателей [Переводы и издания русской и советской литературы за рубежом, 2023]. Русские и советские литературные произведения в Афганистане обычно публиковались на пушту. Следует отметить, что большая часть населения Афганистана не имела доступа к оригиналам произведений на русском языке, но имела возможность активно использовать опубликованные переводы русских произведений и литературы [Теплинский, 1988, с. 194]. К концу 50-х годов прошлого столетия на пушту были переведены многие произведения русских авторов. В том числе: из произведений А.П. Чехова: «Каштанка», «Брожение умов», «Смерть чиновника», «Пари», «Страшная ночь», «Солнцепоклонник», «Хирургия», «Человек в футляре» (Перевод Г.А. Рахми, Голбата, М. Аязи, М.С. Тарзи); из произведений Л.Н. Толстого: «Сколько земли нужно человеку?», «Камень», «Илья», «Бог видит истину, но не скоро скажет» (Перевод Х.А. Харути, А. Сейфи); из произведений А.М. Горького: «Мать», «Моя спутница» (перевод А. Васей, А.Н. Мунавара) [Современный Афганистан, 1960, с. 343–344].

В целях популяризации языка пушту в Афганистане и распространения влияния советской культуры в афганской среде активно использовались технические средства вещания. В 1956 г. Абдул Рауф Бинва, руководитель кабульского радио, посетил Советский Союз в составе правительственной делегации для решения вопроса об организации вещания СССР на Афганистан, а сотрудник Московского радио был командирован в Кабул для

передачи своего опыта афганским специалистам. Большое значение для укрепления позиций пушту в Афганистане имело обустройство студии кабельного радио и филиала Московского радио, организовавших трансляции на языке пушту [Головин, 1962, с. 153]. Программы Радио Москвы для Афганистана стартовали в 1957 г. Эти программы были только на языке пушту длительностью 15 минут в день. В первые годы вещания в Афганистане программы в основном содержали последние новости. Первыми дикторами этого радио были Абдул Латиф Джалали и Фахим [Мерганов, 1973, с. 30]. Литературные программы на языке пушту были организованы позднее, но имели не меньше слушателей, чем у новостных сводок. В частности, среди востребованных программ были знакомящие с русской и советской литературной классикой, произведениями современных советских и афганских авторов [Бабаходжаев, 1971, с. 69].

В помощь «Радио Москва» и «Радио Афганистан» с 1957 г. «Радио Таджикистан» начало регулярное вещание на пушту и дари для афганских и таджикских слушателей. Большую помощь кабульскому радио оказали его таджикские коллеги, которые неоднократно предоставляли записи своих литературных и музыкальных программ. Наибольшую популярность у слушателей имели вещательные программы культурного характера, афганский фольклор, классические произведения на языке пушту и музыкальные передачи [Ибрахим Наоваф, 2011]. Переводы афганских литературных произведений выходили в советском Таджикистане отдельными изданиями. В 1958 г. в Сталинграде на таджикском языке был издан первый сборник афганских пуштунских стихов [Пикулин, 1961, с. 148].

В 1957 г. Советский Союз посетила делегация во главе с руководителем Афганской академии языка и литературы пушту Толана Гуль Пача Альфатом. В ходе этого визита афганские гости посетили советские школы, консерватории и институты, чтобы воспроизвести структуру этих учреждений на основе преподавания пушту в Кабуле [Газета «Коммунист Таджикистана», 3 июня 1960 г.]. После возвращения делегации из Советского Союза в Кабуле прошли конференции, посвященные достижениям советской науки и образования. В выступлениях и докладах афганских ученых и практиков содержалась высокая оценка вклада советской стороны в укреплении позиций языка пушту [Газета реформ 1958 г., 28 страниц, первая страница, 21 Афганистан, Кабул, с. 28].

Научные контакты между Академией наук СССР и Академией пушту Тулана в Афганистане дополнили и обогатили культурное сотрудничество. В 1962 г. афганские ученые посетили ряд советских научных центров и библиотек, встретились с коллегами из Москвы, Ленинграда, Ташкента и Тбилиси. В ходе этих контактов представители афганской науки смогли получить много полезной информации о развитии ориентализма, пуштунского языка и литературы в Советском Союзе [Теплинский, 1988, с. 232]. О пользе научных контактов между СССР и Афганистаном определенно высказался один из членов афганской делегации Джей Салими: «Мы были счастливы, что во всех этих городах с нами говорили на нашем родном языке» [Искандаров, 2004, с. 352]. Ответный визит советской делегации ученых в Афганистан состоялся в том же году. Возглавлявший делегацию советский востоковед О.Д. Якимов в своей блестящей речи в Кабульском университете рассказал о новейших достижениях советской антропологии, этнографии и пуштуноведения. Лекция прошла в присутствии преподавателей и студентов Кабульского университета, сотрудников Академии пушту Толана. Важно заметить, что советские ученые, прибывавшие в Афганистан для участия в научно-представительских мероприятиях, наряду с расширением научных и образовательных контактов попутно выполняли важные правительственные задания стратегического плана – решали задачи по подготовке условий для реализации крупных советских инфраструктурных проектов в Афганистане. Советскому Союзу необходимо было создать центры обучения пуштунскому языку для своих специалистов, особенно в районах, населенных пуштунами, где было запланировано создание объектов. И эти образовательные программы успешно реализовывались, укрепляя одновременно позиции пуштунского языка в самом Афганистане [Кухтина, 1960, с. 72].

Заключение

Деятельность советской стороны в развитии языка пушту как в СССР, так и в самом Афганистане можно считать одним из проявлений стратегии лингвистического строительства, активно продвигавшейся властями Советского Союза в 30–50-е годы. Эта стратегия, помимо собственной территории, охватывала некоторые сопредельные с СССР страны Востока. Со своей стороны, правящие круги Афганистана были заинтересованы в закреплении пушту в качестве официального языка межнационального общения, но для его продвижения в массы не имелось достаточных организационных, технических и методических возможностей. Советский Союз, обладавший такими ресурсами и имевший прямую заинтересованность в укреплении своих позиций в соседней стране, оказал всестороннюю поддержку усилиям Афганистана по распространению языка пушту среди афганцев. Одновременно с задачей закрепления языка пушту в качестве официального в Афганистане советские специалисты помогали развивать научные, образовательные и культурно-просветительские контакты между советской и афганской сторонами. Язык пушту по мере его распространения среди населения Афганистана стал проводником русской и советской культуры в афганском обществе. Вынося за скобки данной статьи геополитические интересы СССР в Афганистане, важно отметить, что многолетняя и планомерная деятельность Советского Союза по развитию и укреплению позиций пушту на афганской территории сыграла значительную роль в литературном обогащении и популяризации этого языка. Благодаря усилиям двух сторон в области языковой политики стало возможным приобщение народов Афганистана и СССР к богатому наследию русской, советской и афганской культуры.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю Лобанову К.Н., доктору исторических наук, профессору НИУ «БелГУ».

Список источников

- Газета «Коммунист Таджикистана», 1960. 3 июня.
Газета реформ. 1958. 28 страница, первая страница, 21 Афганистан, Кабул. С. 28.
Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. 1956. Под ред. д-ра юрид. наук И.Д. Левина. Москва, Изд-во иностр, с. 300.
Современный Афганистан [Ред. коллегия: Н.А. Дворянков (отв.ред.) и др. 1960. Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. Москва, Изд-во вост. лит, 344 с.
Переводы и издания русской и советской литературы за рубежом. URL: <http://www.bookposter.ru/en-cliteratura/289749.htm/16.10.2023-14:10>

Список литературы

- Бабаходжаев А.Х. 1971. Очерки по истории советско-афганских отношений. Ташкент, «Фан», 91 с.
Бойко В.С. 2016. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв: учебное пособие. Барнаул, АлтГПУ, 136 с.
Гирс Г.Ф. 1958. Современная художественная проза на пушту в Афганистане. наук СССР. Ин-т востоковедения. Москва, Изд-во вост. лит, 183 с.
Гирс Г.Ф. 1960. Переводы произведений русской и советской литературы в Афганистане. «Краткие сообщения института востоковедения АН СССР». Вып. XXXVII. Москва, 139 с.
Головин Ю.М. 1962. Афганистан: экономика и внешняя торговля. Москва: Внешторгиздат, 168 с.
Ибрахим Наоваф. 2011. Вещание «Московского радио» на страны Ближнего и Среднего востока в советский период. *Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика.* № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veschanie-moskovskogo-radio-na-strany-blizhnego-i-srednego-vostoka-v-sovetskiy-period>
Искандаров К. 2004. Политические партии и движения Афганистана во второй половине XX в. Душанбе, Ватанпарас. 499 с.

- Кухтина Т.И. 1960. Просвещение в независимом Афганистане. Наука СССР. Ин-т народов Азии. Москва, Изд-во вост. лит., 131 с.
- Лебедев К.А., Яцевич Л.С., Калинина З.М. 1983. Русско-пушту словарь: Ок. 32 000 слов. с прил. новых слов. – 2-е изд., стереотип. Москва, Рус. яз., 880 с.
- Мерганов С. 1973. Язык и поэтика афганских (пашто) пословиц и поговорок: Автореферат дис. канд. филологических наук. Москва, 30 с.
- Пикулин М.Г. 1961. Развитие национальной экономики и культуры Афганистана. 1955–1960. Наука УзССР. Ин-т востоковедения. Ташкент, Изд-во Акад. наук УзССР, 151 с.
- Размухаммад Виш. 1957. Содержание органа пушту толана. Кабул, Публикации Миванд. Том 1: 8.
- Ромодин В.А. 1990. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в: офиц. история и историография; АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва, Наука, 143 с.
- Ромодин В.А. 1983. Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX – первая треть XX в. Москва, Наука, 191 с.
- Теплинский Л.Б. 1971. 50 лет советско-афганских отношений. 1919–1969; АН СССР, Институт востоковедения. Москва, Наука, 236 с.
- Теплинский Л.Б. 1988. История советско-афганских отношений. 1919–1987 гг. Москва, Наука, 380 с.
- Фарханг Мохаммад Садик. 1995. Афганистан за последние пять столетий (персидский язык). Иран, Публикации Кума, 731 с.
- Шарифов Р.Я. 2018. История современного образования в Афганистане (1919–1978 гг.): автореферат дис. ... доктора исторических наук. Душанбе, 56 с.

References

- Babakhodzhaev A.Kh. 1971. Ocherki po istorii sovetско-afganskikh otnoshenii [Essays on the History of Soviet-Afghan Relations]. Tashkent, «Fan», 91 p.
- Boiko V.S. 2016. Mirovaya afganistika mezhdru naukoj i politikoi: problemy istorii i modernizatsii Afganistana v XX – nachale XXI vv: uchebnoe posobie [World Afghan Studies between Science and Politics: Problems of History and Modernization of Afghanistan in the 20th – Early 21st Centuries: Textbook]. Barnaul, AltGPU, 136 p.
- Girs G.F. 1958. Sovremennaya khudozhestvennaya proza na pushtu v Afganistane. Nauka SSSR [Contemporary Pashto Fiction in Afghanistan]. In-t vostokovedeniya. Moskva, Izd-vo vost. lit., 183 p.
- Girs G.F. 1960. Perevody proizvedenii russkoj i sovetскоj literatury v Afganistane. «Kratkie soobshcheniya instituta vostokovedeniya AN SSSR» [Translations of Works of Russian and Soviet Literature in Afghanistan. "Brief Reports of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences"]. Вып. XXXVII. Moskva, 139 p.
- Golovin Yu.M. 1962. Afganistan: ekonomika i vneshnyaya trgovlya [Afghanistan: Economics and Foreign Trade]. Moskva, Vneshtorgizdat, 168 p.
- Ibrakhim Naovaf. 2011. Veshchanie «Moskovskogo radio» na strany Blizhnego i Srednego vostoka v sovetskii period [Broadcasting of “Moscow Radio” to the Countries of the Near and Middle East During the Soviet Period]. *Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika.* № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veschanie-moskovskogo-radio-na-strany-blizhnego-i-srednego-vostoka-v-sovetskiiy-period>
- Iskandarov K. 2004. Politicheskie partii i dvizheniya Afganistana vo vtoroi polovine XX v. [Political Parties and Movements of Afghanistan in the Second Half of the 20th Century] Dushanbe, Vatanparas. 499 p.
- Kukhtina T.I. 1960. Prosveshchenie v nezavisimom Afganistane. Nauka SSSR. In-t narodov Azii [Enlightenment in Independent Afghanistan. Sciences of the USSR. Institute of Asian Peoples]. Moskva, Izd-vo vost. lit., 131 p.
- Lebedev K.A., Yatsevich L.S., Kalinina Z.M. 1983. Russko-pushtu slovar': ok. 32 000 slov. s pril. novykh slov [Russian-Pashto Dictionary: about 32,000 Words. with adj. New Words]. 2-e izd., stereotip. Moskva, Rus. yaz., 880 s.
- Merganov S. 1973. Yazyk i poetika afganskikh (pashto) poslovits i pogovorok [Language and Poetics of Afghan (Pashto) Proverbs and Sayings]: Avtoreferat dis. kand. filologicheskikh nauk. Moskva, 30 p.
- Pikulin M.G. 1961. Razvitie natsional'noi ekonomiki i kul'tury Afganistana. 1955–1960 [Development of the National Economy and Culture of Afghanistan. 1955–1960]. Tashkent, Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 151 p.

- Razmukhammad Vish. 1957. Soderzhanie organa pushtu tolana [Contents of the Pashto Tolan Organ]. Kabul, Publikatsii Mivand. Tom 1: 8.
- Romodina V.A. 1990. Afganistan vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v: Ofits. istoriya i istoriografiya [Afghanistan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Official History and Historiography]. AN SSSR, In-t vostokovedeniya. Moskva, Nauka, 143 p.
- Romodina V.A. 1983. Ocherki po istorii i istorii kul'tury Afganistana. Seredina XIX pervaya tret' XX v. [Essays on the History and Cultural History of Afghanistan]. Moskva, Nauka, 191 p.
- Teplinskii L.B. 1971. 50 let sovetsko-afganskikh otnoshenii. 1919–1969 [50 Years of Soviet-Afghan Relations. 1919–1969]; AN SSSR, Institut vostokovedeniya. Moskva, Nauka, 236 p.
- Teplinskii L.B. 1988. Istoriya sovetsko-afganskikh otnoshenii. 1919–1987 gg. [History of Soviet-Afghan Relations. 1919–1987] Moskva, Nauka, 380 p.
- Farkhang Mokhammad Sadik. 1995. Afganistan za poslednie pyat' stoletii (persidskii yazyk) [Afghanistan over the Last Five Centuries (Persian Language)]. Iran, Publikatsii Kuma, 731 p.
- Sharifov R.Ya. 2018. Istoriya sovremennogo obrazovaniya v Afganistane (1919–1978 gg.) [History of Modern Education in Afghanistan (1919–1978)]: avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk. Dushanbe, 56 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.10.2023

Received 17.10.2023

Поступила после рецензирования 22.12.2023

Revised 22.12.2023

Принята к публикации 26.12.2023

Accepted 26.12.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майсам Махди, аспирант кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Mahdi Maisam, Postgraduate Student of the Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9071-8144](https://orcid.org/0000-0001-9071-8144)

УДК 94:327

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-91-101

Оригинальное исследование

Проект Ассоциации пользователей Суэцкого канала во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: первая Лондонская конференция 1956 г.

Крыжко Л.А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Россия, 295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4

E-mail: lidochka12345@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается борьба США за контроль над одним из важнейших мировых торгово-транспортных и стратегических путей – Суэцким каналом. Суэцкий кризис открывал широкие возможности для дипломатии США в отношении попыток вытеснения конкурентов и формирования новой формы взаимодействия с государствами региона. В результате исследования показано, что инициированная госсекретарем США программа международной ассоциации пользователей канала предлагала формат, который позволял не только координировать работу канала, но и доходов, поступающих от его использования, а также внутри- и внешнеполитические действия Египта. Установлено, что проект оказался нереализованным в связи с твердой позицией президента Г. А. Насера, подкрепляемой дипломатической и военно-стратегической поддержкой со стороны СССР. Представляется, что, несмотря на отказ от прямого участия в вооруженной акции против Египта, США были заинтересованы в военном сценарии как способе приведения Г. А. Насера к сотрудничеству по реализации предлагаемого проекта.

Ключевые слова: США, СССР, Египет, Ближний Восток, Суэцкий канал, Суэцкий кризис, Лондонская конференция 1956 г., внешняя политика, международные отношения

Для цитирования: Крыжко Л.А. 2024. Проект Ассоциации пользователей Суэцкого канала во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: первая Лондонская конференция 1956 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 91–101. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-91-101

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Suez Canal Users' Association Project in US Foreign Policy Strategy in the Middle East: First London Conference 1956

Lidiya A. Kryzhko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russia

E-mail: lidochka12345@mail.ru

Abstract. The Suez Canal is one of the world's most important trade, transport and strategic routes connecting the countries of the Near and Middle East, South Asia and East Africa with Western countries. After the Second World War, the position of European leaders who exercised control over the canal collapsed in the region. The United States is trying to take their place, entering into a confrontation with the Soviet Union and pushing the building of relations with Egypt to the forefront. The purpose of the article is to explore the format for solving the tasks set by the United States for the implementation of the Suez Canal Users' Association project. The author comes to the conclusion that the program of the international association of channel users proposed by the US Secretary of State offered a format that made it possible

to implement the tasks of coordinating the work of the channel itself, the income generated from its use, as well as the internal political situation and foreign policy of Egypt. However, this initiative turned out to be unrealized due to the firm position of President G. A. Nasser, supported by diplomatic and military-strategic support from the Soviet Union. Subsequently, the United States was interested in carrying out military action against Egypt, since they considered it as a way to bring G. A. Nasser to cooperate on the project.

Keywords: USA, USSR, Egypt, Middle East, Suez Canal, Suez Crisis, London Conference 1956, foreign policy, international relations

For citation: Kryzhko L.A. 2024. Suez Canal Users' Association Project in US Foreign Policy Strategy in the Middle East: First London Conference 1956. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 91–101 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-91-101

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Накануне Суэцкого кризиса 1956 г., одного из самых острых конфликтов времен «холодной войны», перед Соединенными Штатами были поставлены две основные стратегические задачи по продвижению своих интересов на Ближнем Востоке – вытеснение позиций Великобритании и Франции и недопущение усиления Советского Союза. США отказались от поддержки своих европейских союзников и Израиля в вопросе применения силы против Египта, что имело ряд обоснований [Крыжко, 2022; Крыжко и др., 2022], в том числе борьбу за контроль над Суэцким каналом. Называя проект Ассоциации пользователей Суэцкого канала (АПСК) «хитроумным маневром» госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса [Lloyd, 1978, p. 131–132], министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд объяснял его как проявление сдержанности в условиях преддверия президентских выборов. Г. Киссинджер обозначил это предложение как начало путанного и «выводящего из себя и в итоге чреватого унижением процесса» для Великобритании и Франции [Киссинджер, 1997, с. 479]. Актуальность данного исследования обосновывается необходимостью ретроспективного анализа специфики, постановки и реализации внешнеполитических задач американской администрации на Ближнем Востоке в условиях обострения арабо-израильского конфликта.

В отечественной и зарубежной историографии политика администрации президента Д. Эйзенхауэра на Ближнем Востоке накануне Суэцкого кризиса получила широкое освещение и имеет противоположные оценки. В ряде работ акцентируется внимание на отказе США от участия в военной акции трансатлантических европейских союзников, что в итоге привело к необходимости сотрудничества с Советским Союзом по вопросу об осуждении агрессоров и прекращении военных действий [McDermott, 1998; Lahav, 2015; McLaughlin, 2016]. С другой стороны, исследователи [Медведко, 1980; Киссинджер, 1997; Примаков, 2016; Белоусова, 2019; Румянцев, 2021; Крыжко, 2023; McLaughlin, 2016] обосновывают целесообразность действий американской дипломатии реализацией задач по укреплению позиций в регионе в целом и в отношении Египта в частности. Однако их работы фрагментарно касаются вопроса механизма реализации представленных американских интересов на Ближнем Востоке, одним из которых выступала АПСК. Стратегическое значение, содержание и формат реализации проекта международного управления Суэцким каналом требуют детального исследования для обозначения подходов США в выстраивании взаимоотношений с Египтом, их проецировании на регион в целом, а также для объективного представления американской роли в развитии Суэцкого кризиса и ближневосточного конфликта.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает корреляция миротворческой деятельности и интересов США на Ближнем Востоке в период Суэцкого кризиса 1956 г. Предметом является

дипломатическая инициатива США, связанная с проектом Ассоциации пользователей Суэцкого канала.

Методологическая база исследования включает историко-сравнительный метод, способствовавший выявлению основных стратегических задач США на Ближнем Востоке и формата их реализации посредством АПСК. Историко-типологический метод позволил показать однородность методических подходов дипломатии США к союзникам и оппонентам в переговорных процессах. Историко-генетический метод дал возможность установить последовательность выстраиваемой дипломатической линии по реализации проекта США.

Результаты и их обсуждение

Администрация США проявила стремление использовать развивающийся конфликт стран Запада с Египтом для решения задач по управлению Суэцким каналом сразу же после его национализации правительством Египта. Так, вступая в обсуждение суэцкого вопроса в Лондоне 29 июля – 2 августа 1956 г. с представителями Великобритании и Франции, США инициировали идею конференции пользователей канала. Проявленная позиция администрации Д. Эйзенхауэра представлялась как стратегия сдерживания и объяснялась нежеланием открытого конфликта с президентом Г. А. Насером и, как следствие, возможности сближения Египта с СССР [McLaughlin, 2016, p. 51–53].

Задачи, связанные с реализацией проекта АПСК, предстояло осуществить усилиями дипломатии в лице госсекретаря Дж. Ф. Даллеса. Ему удалось убедить британских и французских коллег в необходимости созвать международную конференцию пользователей Суэцким каналом. Искренне отстаивая интересы Соединенных Штатов на протяжении всего кризиса, Дж. Ф. Даллес продемонстрировал прямолинейный и жесткий стиль, во многом характеризовавший превосходство США над их союзниками. В итоге позиция госсекретаря по сдерживанию союзников спровоцировала их оппозицию, но, с другой стороны, продемонстрировала поддержку деколонизации [McLaughlin, 2016, p. 52].

Решение о проведении международной конференции для дальнейшего определения статуса канала было инициировано США и принято совместно с Великобританией и Францией [Заявление по вопросу..., 1959; The Suez..., 1956, p. 34–36]. В трехстороннем заявлении, опубликованном в Лондоне 2 августа 1956 г., отмечалось, что национализация Суэцкого канала расценивается как «произвольный и односторонний захват», который «явно был совершен с целью дать правительству Египта возможность заставить канал служить национальным интересам египетского правительства, а не международным целям, установленным Конвенцией 1888 года» [FRUS, doc. 53]. В этой связи страны Запада обозначили намерение предпринять шаги для создания оперативных механизмов в рамках международной системы для обеспечения непрерывности работы канала и предложили провести конференцию участников Конвенции 1888 г. и других стран, заинтересованных в использовании канала.

12 августа правительство Египта выступило с заявлением об отказе от участия в конференции [Заявление египетского правительства..., 1959]. В нем было обозначено, что конференция не может считаться международной и принимать компетентные решения, поскольку в ней нет представительства всех заинтересованных в использовании канала государств. Указывалось, что Великобритания в одностороннем порядке определила 24 государства, при этом в 1955 г. каналом пользовалось не менее 45 стран [FRUS, doc. 53].

Необходимо отметить, что отсутствие Египта на конференции ставило под сомнение правомочность принимаемых ее участниками решений. В этой ситуации США, Великобритания и Франция вынуждены были согласиться, что конференция не будет принимать никаких решений и ограничится обменом мнениями по суэцкому вопросу [Ковтун, 2008, с. 38].

Относительно состава участников конференции выражала негодование и советская сторона, указывая, что неприглашенными оказались такие государства, как Австрия, Вен-

грия, Чехословакия, Югославия (правопреемники Австро-Венгрии, подписавшей Конвенцию 1888 г. – *Л. К.*); страны Арабского Востока; Китай как великая сухопутная и морская держава; Восточная Германия. «Создается впечатление, – отмечал министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов, – что состав участников конференции подбирался предвзято» [Запись беседы министра..., 2003, с. 470–471]. Отсутствие объективного подхода при подборе участников конференции по статусу канала, а также отказ Египта участвовать в ней осложняло позиции США по продвижению проекта. С другой стороны, формируемая площадка была призвана исследовать возможность приемлемости АПСК рядом стран, солидарных с политикой стран Запада на Ближнем Востоке. Для США важно было присутствие СССР как альтернативного центра силы. Что касается Египта, то в сложившейся ситуации первоочередной задачей для США являлась выработка проекта, который будет представлен египетской стороне как решение международной общественности.

16 августа 1956 г. конференция начала работу. В ходе обсуждений США настаивали на том, что канал нельзя оставлять под исключительным контролем Египта, поскольку нет уверенности в его политической стабильности. Ссылаясь на большие трудности, с которыми сталкиваются корабли, доставляющие продовольствие в Израиль, американская сторона высказала сомнение, что канал не будет использоваться в качестве инструмента египетской политики [FRUS, doc. 93].

Поддерживая проект международного контроля Суэцкого канала, президент Д. Эйзенхауэр видел необходимость выделения особой роли США в его реализации и функционировании: «я не вижу возражений против согласования совета с надзорными, а не с оперативными полномочиями. Конечно, полномочия по надзору должны быть ясными <...> вроде одного из наших корпоративных советов директоров, с операционной ответственностью, принадлежащим кому-то, назначенному Насером, при условии одобрения Совета, мы создадим организацию, которая сможет достичь тех целей, к которым мы стремимся» [FRUS, doc. 98].

Администрация США желала получить роль лидера по использованию канала, пытается продвинуть концепцию «надзорного органа», а не «оперативного органа». Так, госсекретарь сообщал президенту: «Как вы говорите, настоящая разница не в названии, которое можно подогнать под Насера, а в том, каковы на самом деле обязанности» [FRUS, doc. 100]. Д. Эйзенхауэр рассчитывал, что «любое международное правление должно иметь неоспоримое право назначать генерального менеджера операции или, по крайней мере, иметь право вето на назначение любого, кого Совет не устраивает. Эти полномочия должны включать также увольнение генерального менеджера, который оказался неспособным управлять делами канала...» [FRUS, doc. 103]. Д. Эйзенхауэр рассчитывал на получение конкретных полномочий в формируемой системе управления каналом.

Советскую делегацию на Лондонской конференции возглавил министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов. 12 августа 1956 г. он передал послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву телеграмму, к которой был приложен предварительный проект предложений об основных принципах судоходства по Суэцкому каналу [Проект..., 2003]. В соответствии с ним, каналом должны владеть и управлять египтяне, а международный орган играть лишь совещательную (консультативную) роль по вопросам, касающимся обеспечения свободы судоходства [Телеграмма..., 2003]. Подчеркивалась необходимость учитывать как заинтересованность государств в свободе судоходства по каналу, так и суверенные права Египта как владельца канала.

Комментируя проект США об АПСК, Д.Т. Шепилов отмечал, что предложенная форма его реализации не дает основы для компромисса: египетским народом проект Дж. Ф. Даллеса будет рассматриваться как попытка на неравной основе навязать колониальную форму взаимоотношений [FRUS, doc. 102]. СССР не отвергал идею международного органа по управлению каналом, но настаивал на том, чтобы он контролировался политически нейтральными странами. Подчеркивалось, новая конвенция не должна содержать никаких следов колониализма. Советская сторона обращала внимание на нецелесообразность разработки механизма

эксплуатации канала без участия Египта. Принципиальная позиция Москвы по составу участников и формату обсуждения проблемы указывала на скрытые задачи Вашингтона по реализации продвигаемого им проекта, чем и предопределила его провал.

Существенные сомнения в быстром успехе проекта Дж. Ф. Даллеса создавала также общая позиция Великобритании и Франции. В рамках работы Лондонской конференции эти государства продемонстрировали настрой на исключительно военный сценарий. Так, министр иностранных дел Франции К. Пино был «убежден, что военные действия будут неизбежны в Суэцком конфликте», при этом «призвал в течение нескольких дней после начала военных действий рассмотреть будущий международный статус канала» [FRUS, doc. 107]. То есть формат показательной военной акции против Египта рассматривался западноевропейскими союзниками США вне зависимости от обсуждения вопроса о международном управлении Суэцким каналом.

Параллельно с ходом дискуссий вокруг АПСК британской и французской сторонами было разработано несколько вариантов военных операций по возвращению канала «под международный контроль» [Lloyd, 1978, p. 134]. Еще до начала переговоров в Лондоне советскому руководству было известно о мерах, предпринимаемых Францией и Великобританией по мобилизации флота и частичному призыву резервистов, что происходило на фоне угрожающего тона английской и французской печати [Запись беседы министра..., 2003, с. 470–471].

Реакция британской стороны на попытки США отодвинуть военный сценарий отличалась крайней несдержанностью. В одном из донесений советников делегации США на конференции госсекретарю о намерениях Великобритании и Франции не в первый раз указывалось на то, что британцы, как и французы, уверены, что сила – единственный ответ. При этом британская сторона отмежеввалась от аргументов со стороны США и настаивала: «что касается общественного мнения, то дело информированных лидеров – вести свои страны в том направлении, которое они считают правильным, а не просто следовать общественному мнению» [FRUS, doc. 109]. Администрация США, будучи чувствительной в разгар избирательной кампании к реакции электората, настаивала на необходимости предметного обоснования применения силы против Египта. Однако ни попытки обозначения аргументов, оправдывающих в лице международного сообщества прямое участие в военной акции против Египта, ни огромное дипломатическое давление, оказанное на Д. Эйзенхауэра, не заставили США прийти к желаемому западноевропейскими лидерами решению.

Американские предложения по созданию АПСК поддержали 18 из 22 участвовавших в конференции стран [The Suez..., 1956, p. 289–293]. Для США определяющее значение в представлении и голосовании по проекту на конференции имела поддержка со стороны азиатско-африканских стран. В донесении президенту Дж. Ф. Даллес обращал внимание на впечатляющий результат заседания, где Эфиопия, Иран, Пакистан и Турция представили как свои собственные предложения Соединенных Штатов. Против проекта выступили 4 страны – СССР, Индия, Индонезия и Цейлон [FRUS, doc. 111].

В ходе конференции США пытались замаскировать собственную инициативу по выдвигаемым предложениям. Исследуя формат представления Египту достигнутых договоренностей по АПСК, Дж. Ф. Даллес утверждал, что ему не следует участвовать в переговорах с египетской стороной лично, а рассматривал необходимость сформировать комитет из трех членов – представителей Австралии, Норвегии или Швеции и Пакистана. Нервозную для американской дипломатии обстановку в этом отношении создавал министр иностранных дел СССР, который в своих речах неоднократно называл план США «маневром колониализма». США опасались, что это заявление будет широко распространено по всему арабскому миру, что, в свою очередь, создаст такие условия, при которых «Насеру будет трудно принять нашу программу, если она не будет сильно замаскирована» [FRUS, doc. 111].

По настоянию США от имени пяти держав к правительству Египта обратился премьер-министр Австралии Р. Мензис с документом конференции № 12, разъясняющим цели

и задачи проекта АПСК [FRUS, doc. 110]. В соответствии с резолюцией по Суэцкому каналу, принятой по итогам Лондонской конференции 22 августа 1956 г., управление, обслуживание и развитие канала, работы по его расширению поручались Правлению Суэцкого канала, которому Египет предоставит все права, возможности и услуги, необходимые для его работы. Членами Совета, помимо Египта, будут другие государства, выбранные в соответствии с процедурой и с учетом важности и характера их коммерческого оборота через канал, а также их географическим расположением. Состав правления будет спланирован в соответствии с гарантиями условий эффективности работы канала, а любое нарушение условий Конвенции будет рассматриваться как угроза миру и нарушение целей и принципов Устава ООН [Resolution..., 1956]. В общем, инициаторы проекта разработали такие условия навигации, которые лишили бы Египет доходов от канала: «Египет увидит, как деньги уплывают у него из-под рук. Это будет лучше, чем угроза силой или применение силы» [Медведко, 1980, с. 25].

Советский Союз выступил против текста совместного заявления западных стран и высказался в поддержку решения Суэцкого кризиса с учетом интересов Египта [Выступление..., 1961]. Советскую точку зрения активно поддерживал представитель индийской дипломатии К. Менон, убеждая, что египетское правительство не может и не будет вести переговоры на основе предложения пяти держав, поскольку это противоречит национальным интересам Египта и представляется как посягательство на суверенитет [FRUS, doc. 112]. Вся ответственность за мирное разрешение кризиса американской стороной была возложена на позицию СССР и Индии. Так, Дж. Ф. Даллес докладывал Д. Эйзенхауэру 22 августа, что московская риторика по-прежнему носит характер, мешающий египетскому правительству принять какое-либо иное решение, кроме полного отказа [FRUS, doc. 117]. Советско-индийская группа на Лондонской конференции выступала противовесом плану, разработанному США, и способствовала стойкости позиции Г. А. Насера.

После окончания конференции, итоги которой не привели к реализации АПСК, Вашингтон не прекращал попыток влияния на египетскую сторону. Так, исследовались возможности по использованию экономических рычагов воздействия на Египет [FRUS, doc. 123, 137]. Лондон стал площадкой для проведения второй конференции по вопросу о статуте Суэцкого канала, в ходе которой дипломатия США проявила стремление убедить представителей стран Азии и Африки поддержать проект [Румянцев, 2002, с. 61].

Отдельное значение в вопросе реализации иницируемого США проекта АПСК имели решения, принятые в рамках ООН накануне англо-франко-израильской вооруженной акции против Египта. Статус канала обсуждался на 9 заседаниях СБ ООН (шесть открытых и трех секретных), проходивших 5–13 октября 1956 г. [United Nations..., 743rd meeting: 13 October, 1956]. 5 октября на 735-м открытом заседании представители Франции и Великобритании представили Совету Безопасности проект резолюции, предусматривавший рекомендовать Египту провести переговоры на основе предложений восемнадцати держав и начать сотрудничать с Ассоциацией пользователей Суэцкого канала [United Nations..., 735th meeting: 5 October, 1956]. Фактически Великобритания и Франция представили предложения по использованию канала, полностью повторяющие план Дж. Ф. Даллеса. Этот проект резолюции, претерпев несколько изменений, получил активную поддержку со стороны США: «Я считаю, что Совет может не колеблясь принять принципы, сформулированные восемнадцатью государствами, как справедливые принципы», – заключил Дж. Ф. Даллес, выступая в поддержку проекта АПСК на заседании СБ ООН 9 октября 1956 г. [United Nations..., 738th meeting: 9 October, 1956, p. 6]. Позиция Советского Союза на площадке СБ ООН была представлена министром иностранных дел Д.Т. Шепиловым, высказавшим предложение о создании отдельного комитета по Суэцкому вопросу при соблюдении условия сбалансированного и уравновешенного его состава, с тем чтобы заранее предотвратить преобладание какой-либо одной точки зрения [United Nations..., 736th meeting: 8 October, 1956, p. 26].

Шесть из одиннадцати стран-членов Совета Безопасности были представлены своими министрами иностранных дел – Бельгия, Великобритания, Советский Союз, Франция, США, Югославия. Египетскую сторону на дебатах представлял министр иностранных дел М. Фавзи. Представитель Советского Союза наложил вето на резолюцию, призывающую Египет сотрудничать с АПСК. В результате переговоров генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда с министрами иностранных дел заинтересованных стран было синтезировано шесть принципов управления Суэцким каналом: проход через канал должен быть свободен и открыт, без явной или скрытой дискриминации; суверенитет Египта уважаться; эксплуатация канала должна быть изъята из политики какой бы то ни было страны; порядок установления сборов и пошлин должен определяться по соглашению между Египтом и пользователями канала; справедливая доля взимаемых сумм должна предназначаться для целей развития; в случае споров неразрешенные дела должны разрешаться арбитражным судом [United Nations..., 743rd meeting: 13 October, 1956]. В целом большинство членов СБ ООН были настроены на мирное урегулирование вопроса. Египет выразил согласие на продолжение переговоров под патронажем генерального секретаря ООН. При этом активная поддержка представителей Франции и Великобритании на заседаниях СБ ООН проекта Дж. Ф. Даллеса как решения, не имеющего альтернативы, создавала ситуацию дипломатического тупика, стремясь найти обоснование в пользу исключительно силового воздействия на Египет.

Решения Лондонской конференции и формат их реализации не только не были превращены в жизнь, но и предопределили неизбежность подключения Израиля к военной акции против Египта. Так, премьер-министр Израиля Г. Меир обозначила: «никто не позаботился ни о приглашении Израиля на эту конференцию, ни о включении справедливой претензии Израиля в повестку дня конференции. <...> Мы будем добиваться осуществления своего права транзита через Суэц» [Запись беседы посла..., 2003, с. 487]. Миссия по принуждению Египта к сотрудничеству с АПСК проводилась параллельно с разработкой Великобританией, Францией и Израилем тайного плана по военному вторжению в Египет, получившего известность как Севрский протокол [Secrets ..., 2006]. Для реализации плана вторжения в Египет Израиль выделил половину бюджета 1956 г., но ключевое значение для усиления вооружённых сил Израиля имели поставки вооружения и подготовка офицеров странами НАТО (в том числе США): 229 тыс. солдат и офицеров трех стран, 650 самолетов и свыше 130 боевых кораблей [Государства НАТО..., 1987, с. 169–171]. Вооруженная помощь США Израилю была призвана усилить его боевой потенциал, повышая уверенность в военно-стратегическом превосходстве над Египтом. Дж. Ф. Даллес отмечал: «Следует также признать, что даже при том, что США могут не соглашаться с определенными взглядами Великобритании и Франции, если эти страны в конечном итоге будут вовлечены, они могут рассчитывать на моральную поддержку США и, возможно, больше, чем на моральную поддержку» [FRUS, doc. 93]. Несомненно, тройственная агрессия против Египта во многом была спровоцирована американской дипломатией: «Неоднозначные, противоречивые, двусмысленные высказывания Даллеса по поводу применения силы в Египте явились одной из причин, подтолкнувших Англию, Францию и Израиль к открытому нападению» [Белоусова, 2019, с. 7]. Представляется, что заинтересованность США в повышении боеспособности Израиля, а также вопрос о возможности непосредственного их участия в военных действиях были призваны оказать воздействие на Египет, склоняя его к необходимости пересмотреть свое решение в отношении проекта АПСК, а также способствовали активизации военно-стратегических действий союзников.

Заключение

Иницилируемый США на первой Лондонской конференции 1956 г. проект АПСК в целом был провальным для американской дипломатии. Несмотря на то, что Дж. Ф. Даллесу

удалось добиться большинства голосов за проект, среди которых обозначился и ряд азиатско-африканских государств, идея международного контроля канала с преимущественным американским «надзором» не была претворена в жизнь. Но при этом, как представляется, США, приложив максимум усилий для эффекта нейтральной позиции по формату управления АПСК и привлечения к согласию Г. А. Насера, оставили для себя широкие возможности для маневра в вопросе заполнения геополитического вакуума в регионе после потери в нем позиций Великобритании и Франции, учитывая аналогичные амбиции стратегического соперника в «холодной войне». Голосование за проект США в ходе конференции в Лондоне был призван также провести некую «переключку» сторонников и противников политики США на Ближнем Востоке как внутри региона, так и в общемировом масштабе. При этом стоит отметить, что значительные сложности в переговорах для дипломатии США создавала позиция СССР, представители которого стремились указать на неокOLONIALНЫЕ устремления оппонентов, нивелируя возможность принятия предложений по АПСК Египтом.

В ходе первой Лондонской конференции 1956 г. о статусе Суэцкого канала дипломатия США продемонстрировала желание оставить открытым вопрос о возможном их участии в военных действиях против Египта. Такая позиция создавала угрозу применения силы и могла способствовать продвижению проекта АПСК. К тому же США получили перспективу усиления экономических рычагов давления на Египет, не упуская потенциального лидера арабского мира из сферы своего влияния.

Таким образом, в условиях активизации египетско-израильских пограничных столкновений позиция Израиля стала определяющей в вопросе разработки тайного англо-франко-израильского плана вторжения в Египет, а настойчивость и бескомпромиссность позиции США по продвижению проекта АПСК не только не привела к мирному разрешению конфликта, но и способствовала эскалации арабо-израильского противостояния в 1956 г. Усилия международной общественности по поддержанию мира в рамках ООН не предотвратили формат военного сценария, поскольку не приняли выдвигаемого Вашингтоном решения. Вопрос о статусе Суэцкого канала оставался открытым, создавая основания для агрессивных действий участников Севрского протокола.

Список источников

- Выступление министра иностранных дел СССР на Лондонской конференции по вопросу о Суэцком канале 23 августа 1956 г. 1961. В кн.: СССР и арабские страны, 1917–1960 гг.: документы и материалы. Ред. колл. В.Я. Сиполс, И.И. Тугаринов, Н.П. Фирюбин, М.А. Харламов. М., [Б.и.]: 185–189.
- Запись беседы министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова с послом Франции в СССР М. Дежаном. 7 августа 1956 г. 2003. В кн.: Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М., МФД: 470–472.
- Запись беседы посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова с министром иностранных дел Израиля Г. Меир. 24 августа 1956 г. 2003. В кн.: Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., МФД: 487–488.
- Заявление египетского правительства. 12 августа 1956 г. 1959. В кн.: Суэцкий канал. (Факты и документы). Сборник статей. Пер. с арабского Е.С. Евсеева и Ю.С. Селиверстова. Под общ. ред. А.Ф. Султанова. М., Изд.-во иностр. литературы: 237–244.
- Заявление по вопросу о Суэцком канале, опубликованное в Лондоне 2 августа 1956 г. правительствами Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. 1959. В кн.: Суэцкий канал. (Факты и документы). Сборник статей. Пер. с арабского Е.С. Евсеева и Ю.С. Селиверстова. Под общ. ред. А.Ф. Султанова. М., Изд.-во иностр. литературы: 234–236.
- Проект предложений советской делегации на Лондонской конференции по вопросу о Суэцком канале – «Основные принципы свободы судоходства по Суэцкому каналу». 2003. В кн.:

- Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., МФД: 479–481.
- Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву. 13 августа 1956 г. 2003. В кн.: Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956. Отв. ред. В.В. Наумкин. М., МФД: 781.
- Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 53. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d53#fnref:1.5.4.4.8.12.100.8.2>. (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 93. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d93> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 98. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d98> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 100. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d100> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 102. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d102> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 103. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d103> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 107. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d107> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 109. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d109> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 110. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d110> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 111. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d111> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 112. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d112> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 117. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d117> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 123. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d123> (accessed 21 October 2023).
- FRUS. 1955–1957. Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. Doc. 137. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d137> (accessed 21 October 2023).
- Lloyd S. 1978. Suez 1956: A Personal Account. London, Jonathan Cape, 282.
- Resolution Adopted by Majority Vote at the London Conference on the Suez Canal (22 August 1956). Available at: https://www.cvce.eu/en/obj/resolution_adopted_by_majority_vote_at_the_london_conference_on_the_suez_canal_22_august_1956-en-88c86d4f-fffd-4945-b66d-397bebbb8b4c.html (accessed 21 October 2023).
- Secrets and Lies at the Heart of Britain’s Middle Eastern Folly. The Guardian, Tuesday 11 July 2006. Available at: <https://www.theguardian.com/uk/2006/jul/11/egypt.past> (accessed 23 January 2024).
- The Suez Canal Problem. July 26 – September 22, 1956. A Documentary Publication. Washington, 1956, 370.
- United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 735th meeting: 5 October. New York: UN, 1956, 26.
- United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 736th meeting: 8 October. New York: UN, 1956, 27.
- United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 738th meeting: 9 October. New York: UN, 1956, 14.
- United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 743rd meeting: 13 October. New York: UN, 1956, 19.

Список литературы

- Белюсова К.А. 2019. Роль Джона Фостера Даллеса в эскалации Суэцкого кризиса. В кн.: Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. М.: 4–12.

- Государства НАТО и военные конфликты. Военно-исторический очерк. 1987. М., Наука, 312.
- Киссинджер Г. 1997. Дипломатия. Пер. с англ. В.В. Львова. Послесл. Г.А. Арбатова. М., Научно-издательский центр «Ладомир», 848.
- Ковтун О.И. 2008. Позиция Франции на Лондонской конференции по проблеме судоходства по Суэцкому каналу в августе 1956 г. В кн.: Арабский мир и сопредельные страны: история и современность: Межвузовский сборник. Ответственный редактор В.П. Румянцев. Томск, Издательство Томского университета: 34–40.
- Крыжко Л.А. 2023. Суэцкий кризис во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: риски и перспективы. *Конфликтология / nota bene*, 1: 44–58. doi: 10.7256/2454-0617.2023.1.39816.
- Крыжко Л.А. 2022. Формирование позиции США в отношении военной операции против Египта накануне Суэцкого кризиса 1956 года. Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, 1(74): 86–94. doi: 10.37724/RSU.2022.74.1.008.
- Крыжко Л.А., Крыжко Е.В., Пашковский П.И. 2022. Египет в политике США на Ближнем Востоке в начале 1950-х гг. *Конфликтология / nota bene*, 2: 40–50. doi: 10.7256/2454-0617.2022.2.38065.
- Медведко Л.И. 1980. К востоку и западу от Суэца: (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М., Политиздат, 368.
- Примаков Е.М. 2016. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., «Российская газета», 384.
- Румянцев В.П. 2021. Линдон Б. Джонсон и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 71: 87–96.
- Румянцев В.П. 2002. Вопрос о судоходстве по Суэцкому каналу после его национализации правительством Египта в 1956 г. и позиция США. В кн.: Американские исследования в Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции «Молодая американистика Западной Сибири» (Томск, 4–6 апреля 2002 г.). Ответственный редактор М.Н. Пелипась. Томск, Издательство Томского университета: 47–68.
- Lahav P. 2015. The Suez Crisis of 1956 and its Aftermath. A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations. *Boston University Law Review*, 95(4): 1297–1354.
- McDermott R. 1998. Risk-Taking in International Politics: Prospect Theory in American Foreign Policy. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 133.
- McLaughlin C. 2016. The Suez Crisis: Security Implications for the Transatlantic Relationship and the Shift in Global Power. In: *Review of International Studies*. Carlisle, Dickinson College: 47–65.

References

- Belousova K.A. 2019. Rol' Dzhona Fostera Dallesa v jeskalacii Sujeckogo krizisa [The Role of John Foster Dulles in the Escalation of the Suez Crisis]. V kn.: Aktual'nye problemy novoj i novejshej istorii zarubezhnyh stran. Materialy ezhegodnoj nauchnoj sessii kafedry novoj i novejshej istorii MPGU [Current Problems of Modern and Contemporary History of Foreign Countries. Materials of the Annual Scientific Session of the Department of New and Contemporary History of MPSU]. М.: 4–12.
- Gosudarstva NATO i voennye konflikty. Voenno-istoricheskij ocherk. 1987 [NATO States and Military Conflicts. Military Historical Essay]. М., Nauka, 312.
- Kissindzher G. 1997. Diplomacija. Per. s angl. V.V. L'vova [Diplomacy. Transl. from English by V.V. Lvov]. Poslesl. G.A. Arbatova. М., Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 848.
- Kovtun O.I. 2008. Pozicija Francii na Londonskoj konferencii po probleme sudohodstva po Sujeckomu kanalu v avguste 1956 g. [France's Position at the London Conference on the Problem of Navigation on the Suez Canal in August 1956]. V kn.: Arabskij mir i sopredel'nye strany: istorija i sovremennost': Mezhvuzovskij sbornik [The Arab World and Neighboring Countries: History and Modernity: Interuniversity Collection]. Otvetstvennyj redaktor V.P. Rumjancev. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta: 34–40.
- Kryzhko L.A. 2023. Sujeckij krizis vo vneshnepolitcheskoj strategii SShA na Blizhnem Vostoke: riski i perspektivy [The Suez Crisis in US Foreign Policy Strategy in the Middle East: Risks and Prospects]. *Konfliktologija / nota bene*, 1: 44–58. doi: 10.7256/2454-0617.2023.1.39816.
- Kryzhko L.A. 2022. Formirovanie pozicii SShA v otnoshenii voennoj operacii protiv Egipta nakanune Sujeckogo krizisa 1956 goda [Formation of the US Position Regarding the Military Operation

- Against Egypt on the Eve of the Suez Crisis of 1956.]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 1(74): 86–94. doi: 10.37724/RSU.2022.74.1.008.
- Kryzhko L.A., Kryzhko E.V., Pashkovskij P.I. 2022. Egipet v politike SShA na Blizhnem Vostoke v nachale 1950-h gg. [Egypt in US Policy in the Middle East in the Early 1950s.]. *Konfliktologija / nota bene*, 2: 40–50. doi: 10.7256/2454-0617.2022.2.38065.
- Medvedko L.I. 1980. K vostoku i zapadu ot Sujeca: (Zakat kolonializma i manevry neokolonializma na Arabskom Vostoke) [East and West of Suez: (The Decline of Colonialism and the Maneuvers of Neocolonialism in the Arab East)]. M., Politizdat, 368.
- Primakov E.M. 2016. Konfidental'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraja polovina XX – nachalo XXI veka) [Confidential: The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)]. M., «Rossijskaja gazeta», 384.
- Rumjancev V.P. 2021. Lindon B. Dzhonson i Sujeckij krizis, 1956–1957 gg. [Lyndon B. Johnson and the Suez Crisis, 1956–1957]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 71: 87–96.
- Rumjancev V.P. 2002. Vopros o sudohodstve po Sujeckomu kanalu posle ego nacionalizacii pravitel'stvom Egipta v 1956 g. i pozicija SShA [The Issue of Navigation through the Suez Canal after Its Nationalization by the Egyptian Government in 1956 and the Position of the United States]. V kn.: *Amerikanskije issledovanija v Sibiri: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Molodaja amerikanistika Zapadnoj Sibiri» (Tomsk, 4–6 aprelja 2002 g.)* [American Studies in Siberia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “Young American Studies of Western Siberia” (Tomsk, April 4–6, 2002)]. *Otvetstvennyj redaktor M.N. Pelipas'*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta: 47–68.
- Lahav P. 2015. The Suez Crisis of 1956 and its Aftermath. A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations. *Boston University Law Review*, 95(4): 1297–1354.
- McDermott R. 1998. Risk-Taking in International Politics: Prospect Theory in American Foreign Policy. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 133.
- McLaughlin C. 2016. The Suez Crisis: Security Implications for the Transatlantic Relationship and the Shift in Global Power. In: *Review of International Studies*. Carlisle, Dickinson College: 47–65.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крыжко Лидия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9215-7969](https://orcid.org/0000-0001-9215-7969)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lidiya A. Kryzhko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Archeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.24

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-102-115

Оригинальное исследование

Формирование и периодизация военно-административного управления историческим регионом Белгородской черты в контексте его оборонительного значения

Жигалов В.М.

Белгородская Региональная Общественная Организация «Историческое Общество «РАТНИК»,
Россия, 308025, г. Белгород, ул. Сумская, д. 381
E-mail: vladimir.zhigalov@inbox.ru

Аннотация. В данной статье предлагается рассмотреть формирование одного из регионов Белгородской черты, ставшего ключевым в создании оборонительной системы в южном направлении – Днепро-Донского междуречья. На основе сохранившейся документации автору удалось проследить основные этапы становления военно-административного управления в регионе и в целом городах Белгородского разряда, а также рассмотреть обстоятельства, влиявшие на эти процессы в XVI–XVII веках. В ходе исследования установлено, что России удалось выстроить наиболее эффективную систему обороны, результатом которой стало активное освоение новых территорий через военно-административный аспект. События и результаты, достигнутые Россией в XVI и XVII вв., подтвердили эффективность выбранной системы управления регионами: территория страны значительно увеличилась, были открыты новые возможности для ее развития.

Ключевые слова: Днепро-Донское междуречье, Поле, Белгородская черта, Белгородский разряд, военное строительство, Разрядный приказ, служилые люди

Для цитирования: Жигалов В.М. 2024. Формирование и периодизация военно-административного управления историческим регионом Белгородской черты в контексте его оборонительного значения. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 102–115. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-102-115

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Formation and Periodization of Military-Administrative Management of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of Its Defensive Significance

Vladimir M. Zhigalov

Belgorod Regional Public Organization «Historical Society «RATNIK»,
381 Sumskaya St., Belgorod 308025, Russia
E-mail: vladimir.zhigalov@inbox.ru

Abstract. This article proposes to consider the formation of one of the regions of the Belgorod region, which became a key in creating a defense system in the southern direction – the Dnieper-Don interfluvium. Based on the preserved documentation, the author is able to trace the main stages of the formation

of military administrative management in the region and in the cities of the Belgorod region as a whole, as well as to consider the circumstances that influenced these processes in the XVI–XVII centuries. At the same time, the greatest influence on the development of the region was exerted by the relationship between two emerging states – Moscow and the Crimean Khanate under the permanent influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The study found that Russia managed to build the most effective defense system, which resulted in the active development of new territories through the military-administrative aspect. The events and results achieved by Russia in the XVI and XVII centuries have confirmed the effectiveness of the chosen regional management system: the country's territory has significantly increased, new opportunities for its development have been opened.

Keywords: Dnieper-Don interfluve, Field, Belgorod line, Belgorod discharge, military construction, Discharge order, service people

For citation: Zhigalov V.M. 2024. Formation and Periodization of Military-Administrative Management of the Historical Region of the Belgorod Line in the Context of Its Defensive Significance. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 102–115 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-102-115

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Формирование региона городов-крепостей Белгородской черты происходило в контексте политики России по защите своих южных рубежей путем своеобразной наступательной тактики в сторону Крымского ханства [Загоровский, 1969, с. 290]. Следствием этого было неизбежное противостояние с Крымом и Османской империей заинтересованных в сохранении территории «Поля» (обширного региона между Окой и Крымом) как пространства для кочевий и своеобразной буферной зоны.

Географические рамки настоящего исследования определены междуречьем Днепра и Дона, где предпосылки организации оборонительных мероприятий были заложены еще в начале XVI в., когда южнорусские земли впервые подверглись нападению крымских татар [Загоровский, 1991, с. 50–53]. Тогда же перед Москвой стал вопрос об организации защиты южных рубежей, примыкавших к территории Поля [Сб. РИО. Т. 41. СПб. 1884, с. 15, 73]. По этим обширным пустым водоразделам Днепровского и Донского бассейнов пролегли основные сухопутные пути крымских татар на Русь – Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи. Именно на стыке южной части Среднерусской возвышенности со степной зоной было решено возвести оборонительную линию, известную как Белгородская черта.

Выбор места под строительство укреплений был напрямую связан с орографией региона, особенностями местности южной части возвышенности. Маршрут оборонительной линии был выбран оптимально с учетом рек, лесов, оврагов и полевых пространств. В итоге «Черта» – термин сложившийся и применяемый на то время в военно-оборонительном зодчестве – представляла собой кривую ломаную линию. От особенностей местности зависели также расстояния между опорными точками обороны – городами, протяженность и виды укреплений на их рубежах, конфигурация границ уездов, в том числе и организация службы оповещения об угрозах нападения.

Современные географические рамки всего комплекса городов Белгородской черты XVII в., а именно самой оборонительной линии и сформированного впоследствии на этой базе Белгородского разряда как военно-административной единицы, в период своего функционирования включали от 15 до 60 и более городов. В настоящее время это территории ряда областей России: Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Курской, Орловской, Тульской, частично ДНР, а также Украины (Харьковская, Полтавская и Сумская области).

История территории Поля, в частности междуречья Днепра и Дона, в контексте его военно-оборонительного значения для всей территории городов Белгородской черты в основной массе опубликованных исследований имеет либо высокий уровень обобщения, либо локальный характер, затрагивающий только часть территории.

В историографии дореволюционного периода территория междуречья затрагивалась Д.И. Багалеем при публикации материалов по истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежских губерний. Приведенные материалы архивных дел по ряду городов имеют разноплановый характер, при этом автор делает акцент, часто выделяя «слободскую» тему черкасско-украинской направленности [Багалей, 1890, с. 222]. Экономико-статистический формат имеет работа И.Н. Миклашевского [Миклашевский, 1894, с. 209]. Тема городов Белгородской черты отражена также в работах А.И. Яковлева «Засечная черта Московского государства» [Яковлев, 1916, с. 321] и др.

В ретроспективе опубликованных исследований советского периода стоит отметить работу В.Е. Сыроечковского «Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в.», представленную довольно широкой исторической топографией территории Поля, дающей характеристику ее использования в течение нескольких столетий [Сыроечковский, 1932, с. 193–237]. В работах А.А. Новосельского интересующий нас регион рассматривается через борьбу Московского государства с татарами в первой половине XVII в. [Новосельский, 1948, с. 294].

Наиболее известными работами по нашей теме являются монографии В.П. Загоровского: «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке», «Белгородская черта» и «Изюмская черта». В первом случае ученый в хронологическом порядке разбирает события, развивавшиеся на территории Поля в XVI в., с акцентом на центрально-черноземный регион рассматриваются исторические процессы как в междуречье Днепра и Дона, так и на левобережной части Дона на Окско-Донской равнине и на территориях Рязанских земель и городов Тульской украины. При этом автор поднимает вопрос о недостаточности изученности историками южных окраин России в XVI в. [Загоровский, 1991, с. 10–11].

Во втором случае ученый акцентируется на регионе всей Белгородской черты, современных Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей в целом. При этом в разделе периодизации строительства рубежей автор предлагает рассматривать этапы строительства не в контексте основных путей татарских вторжений и масштабных строительных работ, характерных для Днепро-Донского междуречья, а в хронологическом порядке строительства отдельных рубежей, начиная с восточного фланга города Козлова и укреплений в его уезде [Загоровский, 1969, с. 17–18, 70–74], что указывает на необходимость подробнее разобрать ряд тезисов, связанных с периодизацией.

В отличие от вышеприведенных работ Загоровского монография «Изюмская черта» посвящена именно территории междуречья Днепра и Дона, событиям строительства городов и оборонительной линии, известной в источниках XVII в. как Новая черта; автор связывает ее строительство с одной из первых русско-турецких войн. При этом он пишет, что «Изюмская черта» была построена «в основном в 1679–1680 гг.» [Загоровский, 1980, с. 5, 208–210], и далее приводит примеры строительства городов этой черты в последующие годы. Например, город Изюм, по которому в историографии закрепилось название оборонительной линии, был построен в 1681 г. Такие обстоятельства существенно отличают государственный подход при строительстве укреплений и требуют корректировки в определенном периоде строительства «Изюмской черты» как единого комплекса сооружений.

В монографии А.И. Папкова «Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой» [Папков, 2004, 352] рассматриваются процессы освоения лесостепных пространств на Юге России в XVI–XVII вв., где к концу XVI в. свои притязания за господ-

ство в Днепро-Донской лесостепи заявляет еще и Речь Посполитая. При этом рассматриваются особенности миграционных процессов, боестолкновения и разрешение пограничных проблем вплоть до Переяславской рады 1654 г.

Среди работ, посвященных системе военно-административного управления городами региона Белгородской черты, охватывающих в том числе и рассматриваемую нами территорию, необходимо привести ряд опубликованных исследований за последние десять лет: В.С. Великанова, В.Н. Глазьева, О.В. Дудиной, В.М. Жигалова, О.А. Курбатова, Ю.А. Мизиса, Н.Н. Петрухинцева, Е.В. Шварева и др.

В этой связи интересующие нас вопросы, не отраженные в приведенном историографическом перечне, стали определяющими при подготовке данной статьи. Основным акцентом нами был сделан на изучении неопубликованных материалов Российского государственного архива древних актов, охватывающих интересующий нас период и содержащих исковую информацию, а также на обращении к работам, затрагивающим рассматриваемую территорию в интересующем нас контексте. Комплексный анализ источников позволил нам выделить пять основных этапов, связанных с формированием и функционированием рассматриваемого региона Белгородской черты.

1. В конце XV в. – начале XVI в. Москва и Крым находились в союзнических отношениях [Загорский, 1991, 39–46], что позволяло России решать свои территориальные задачи на западе в Северских землях и юго-западе в «Предполье» – междуречье Сейма, Псла и Ворсклы и организовать дополнительный контроль над татарскими сакмами на территории Поля.

2. К 1507 г. укрепившееся Крымское ханство вышло из союзнических отношений с Россией и стало проводить агрессивную политику, вторгаясь при этом в ее пределы. Это побудило Москву заниматься организацией безопасности своих южных границ. С 1520-х годов отрабатывается системный подход к организации обороны по берегу Оки [Володихин, 2016], вводятся новые города, что постепенно продвигает рубежи в сторону Поля.

3. На следующем этапе в первой половине XVII в. в междуречье Днепра и Дона правительство реализует новый масштабный подход по организации обороны на этом направлении. Были проведены работы по учету, «дозору» земель в период выхода из Смуты в 1615–1616 гг. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 75]. В 1620-х – начале 30-х гг. в междуречье проводилось валовое описание земель [Веселовский, 1915, 88–89, 165–168, 417–419]. В 1636 г. – специальный досмотр территории на предмет строительства новых крепостей [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 73. Л. 1 – 58].

4. Четвертый этап можно назвать основным периодом формирования региона, когда с 1636 по 1654 гг. возводится комплекс оборонительных сооружений черты, определяется административный центр, строятся и заселяются новые города, в том числе южнее Белгородской черты, в регион включаются некоторые «новоотдаточные» города [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 304. Л. 249–250], формируется структура управления. Во второй половине XVII в. проходит процесс административно-территориального устройства, образуется и преобразуется военно-административная единица – Белгородский разряд.

5. Заключительный этап преобразования региона относится к началу XVIII в., когда сложившаяся в XVII в. структура территориального управления в ходе Петровских реформ претерпела существенные изменения.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс изучения формирования и периодизации военно-административного управления историческим регионом Белгородской черты в контексте его оборонительного значения. Методологическая база исследования основана на стремлении соответствия принципу системности (предполагающему комплексное рассмотрение фактов с учетом их развития, опору на структурные и функциональные особенности

предмета), принципу историзма (в основе которого лежит изучение исторических явлений, событий и процессов в соответствии и их хронологией и взаимосвязи), принципу объективности (основанному на том основании, что источники и факты имеют объективное содержание, позволяющее реконструировать историческое прошлое). Исследование опирается на такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Поэтапное рассмотрение в хронологическом порядке истории обозначенного региона позволяет составить более емкое представление, почему регион междуречья Днепра и Дона был ключевым в организации обороны на южном направлении.

Первые упоминания территории Поля в письменных источниках относятся к последней четверти XV в., связаны они с установлением дипломатических отношений России с Турцией – Османской Портой – и Крымом, стороны обменивались своими послами. В XVI в. по территории Поля, кроме посольств, по специальным маршрутам доставляется корреспонденция и специальные грузы⁹.

Источники сообщают нам о существовании Старых и Новых посольских дорог [Бурцев, Дедук, 2023, с. 82–109], маршрут которых менялся в зависимости от внешнеполитической ситуации, в основном от состояния отношений с Крымским ханством. Так, в конце XV – начале XVI вв. существовало два основных известных пути Посольских дорог из Москвы в Крым [Сыроечковский, 1932]. Одна шла в Путивль, а затем по Муравскому шляху до Перекопа; вторая – из Москвы в Тулу, Ливны, Оскол и далее по Кальмиусскому шляху в Азов. В последующем после разрыва союзнических отношений с Крымом по Днепровскому и Донскому водоразделам пути посольских дорог старались устраивать в стороне или параллельно от основных шляхов, где существовала опасность от крымско-ногайских отрядов и «воровских людей». В XVII в. основной маршрут Посольской дороги из Москвы вел в Тулу через Ливны к Валуйкам и далее в Крым или Азов (рис. «Пути между Москвой и Крымом»).

С прекращением союзнических отношений России с Крымом ханское войско в 1507 г. совершает первое вторжение в пределы Московских земель [Загорский, 1991, с. 46–50]. Ситуация на Поле кардинально меняется, с этого времени шляхи становятся основными трассами, по которым в южные и центральные уезды Российского государства стали совершаться походы и набеги крымских царей и царевичей со своими отрядами.

Вследствие начавшегося противостояния двух разных этнокультурных зон в 1530–1550 гг. российское правительство активизирует свои действия, не только организуя оборону на берегах Оки, но и совершая превентивные удары по крымским владениям [Каргалов, 1974, с. 133–139]. На следующем этапе южнее, уже за Окой, в лесной зоне сооружается комплекс оборонительных сооружений Засечной черты.

Постепенное движение на юг в сторону Поля путем строительства новых городов как опорных укрепленных точек в середине XVI в. положило начало своеобразной наступательной тактике Русского государства, которую оно будет применять на протяжении нескольких столетий.

Во второй половине XVI в. реформируется сторожевая и станичная служба, базой для которой были Путивль и Рыльск, отсюда для контроля за передвижением по территории Поля и шляхам в юго-западном направлении в район Северского Донца и другие места посылались сторожи. Вначале 1570-х гг. эта служба утверждается как общегосударственная и

⁹ Стоит отметить, что в задачи нашего исследования не входил глубокий и всесторонний анализ вопросов, связанных с территорией Поля. Вместе с тем в ряде известных публикаций, касающихся термина Поля и определения территории, зачастую перемеживаются с термином Степь или Дикое поле, что не соответствует исторической действительности. Поэтому акцентированное изучение этого исторического региона может дать новые результаты, способные существенно дополнить знания по исторической топографии России позднего средневековья.

масштабно охватывает практически всю территорию Поля. Контроль осуществлялся сразу из нескольких городов: Карачева, Орла, Мценска, Новосиля, Деилова, Епифани, Данкова и Рязька [Папков, 2004, с. 342]. Станицы и сторожи также выдвигались далеко на юг к местам своего временного базирования.

В обоих случаях такую службу можно классифицировать как оперативную, имеющую сезонный характер, призванную действовать в связке с такими же сезонными полками, базирующимися в районе Оки. Этот проект дал определенные результаты, но все же не решил вопрос защищенности: нападения крымских отрядов продолжились.

Следующий этап стал первым шагом российского правительства в освоении Поля путем строительства новых городов-крепостей, призванных решить вопросы безопасности на отдельных его участках. Этому предшествовал масштабный досмотр территорий, в результате которого в течение 14 лет – с 1585 по 1599 гг. – построено и заселено семь городов-крепостей: Ливны, Воронеж, Белгород, Оскол, Курск, Валуйки и Царев-Борисов.

Как показали события последующих лет, строительство этих городов, так же как и проект со сторожевой службой, не возымело должного эффекта. Кроме татарских набегов, в первой половине XVII в. города подверглись нападениям и разрушительным осадам черкасских и польско-литовских отрядов. Обороноспособность таких городов определялась собственным периметром укреплений, устройством их отдельных видов в границах собственных уездов. Они не имели какой-либо общей линии оборонительных сооружений. Концепция обороны этих моногородов заключалась в том, чтобы при получении вестей об опасности подготвиться к осаде. Воеводам предписывалось сходиться «меж собой» со своими ратными людьми для «промысла» над татарами и прочими воинскими людьми.

Учитывая сложившуюся ранее практику комплексного подхода в устройстве Засечной черты, когда несколько городов соединяли засеками, надолбами и другими сооружениями, еще в период выхода страны из Смуты правительство приступает к реализации нового проекта. Первым делом с 1615 по 1630-е гг. были проведены работы по инвентаризации всех земель [Веселовский, 1915, с. 88–89, 165–168, 417–419]. Переписывается все население, проводятся реформы в армии, определяется людской потенциал и финансовые возможности государства.

К середине 1630-х гг. правительство пришло к выводу о необходимости перекрытия земляным валом трех основных путей татарских вторжений: Муравского, Изюмского и Кальмиусского шляхов. Для решения этой задачи планировалось возвести линию укреплений по южному краю лесостепной зоны от Дона на востоке до Ворсклы на западе.

В 1636 г. в рамках этого проекта было реализовано два масштабных мероприятия. Во-первых, на Ногайской дороге в правобережной части Дона между рекой Польшый Воронеж и притоком Цны (рекой Челновая) сооружается земляной вал с двумя жилыми городками, «пригородными» к Козлову – Бельским и Челновым [Загоровский, 1969, с. 238]. Во-вторых, в междуречье Дона и Ворсклы была отправлена экспедиция во главе с горододельцем Ф.В. Сухотиным, в задачи которой входило определить маршрут для возведения линии укреплений на данной территории. В результате коллективного досмотра территории с привлечением знающих местность людей были определены места для строительства городов и маршрут будущей линии укреплений. В общей сложности обследованию подверглась территория протяженностью более 300 км. По итогам экспедиции было принято решение о строительстве трех городов, что, конечно, не решало полностью проблему с татарскими набегам, но позволяло перекрыть земляным валом Изюмский шлях и одно из ответвлений Кальмиусской сакмы.

В последующем строительство городов и оборонительных сооружений на территории от Дона до Ворсклы было реализовано в несколько этапов, а подготовленный план по созданию укреплений в этом регионе в дальнейшем имел существенное значение для освоения территории Поля и защиты от грабительских набегов.

Вероятно, что поэтапное строительство городов не было заранее продуманным на долгие годы планом и велось в зависимости от перманентной опасности, финансовых возможностей и людских ресурсов.

В 1637 г. были построены города Яблонов, Короча и Усерд, соединенные земляным валом и специальными оборонительными конструкциями на нем: стоялыми городками, засеками, острожками и естественными природными препятствиями. Строительство этих городов позволяет нам говорить о начале формирования единого оборонительного комплекса в формате возведения рубежей, объединенных со временем в общую линию укреплений.

В 1640 г. возводятся города Хотмыжск и Вольный [РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Д. 4. Л. 1 – 4 об., РГАДА. Оп. 12. Д. 117. Л. 61–63]. Эти два города также были соединены линией укреплений. В отличие от сооружений 1637 г., когда Изюмский шлях был перекрыт земляным валом между Яблоновым и Корочей, оборонительные линии между этими городами состояли в основном из лесных засек, устроенных в поросшей лесами правобережной части реки Ворскла, которая к тому же имела крутые берега. Лишь на отдельных участках были возведены стоялые острожки с небольшими участками дерево-земляных укреплений. Создание этого рубежа позволило перекрыть татарские перелазы, ведущие в Северские земли к Путивлю, Рыльску и Курску.

Результатом экспедиции Сухотина в 1636 г. стало строительство города Ольшанска. Основанный на высоком берегу реки Тихой Сосны в 1644 г., город был предназначен для контроля за татарским перелазом. Его полевые укрепления в виде земляного вала тянулись в сторону Усерда, что также позволяло перекрыть опасное направление между двумя городами.

Одним из знаковых и масштабных по своей организации и объему фортификационных мероприятий XVII в. можно считать возведение 30-километрового земляного вала между реками Северский Донец и Ворскла, в результате чего был перекрыт Муравский шлях и образован рубеж, состоящий из трех городов – Белгорода, Болховца и Карпова. Устройство этого рубежа закрыло последнюю дорогу, по которой вглубь страны могли бы пройти крупные отряды татарской конницы.

В 1647 г. строительство городов Царева-Алексеева (с 1655 г. – Новый Оскол) и Верхососенска позволило пересечь земляным валом одно из ответвлений Кальмиусского шляха между городами Яблонов и Усерд. Перестроенный в этом же году Нежегольский стоялый острог должен был взять под контроль одно из оставшихся мест, где татары могли пройти бродом. Острог был поставлен южнее городов Белгород и Короча в районе слияния трех рек: Северского Донца, Корочи и Нежеголи.

Организация в 1647–1648 гг. еще одного рубежа между городами Коротожк и Урыв, поставленных на правом высоком берегу Дона в районах татарских перелазов, значительно усилила восточный фланг черты.

В 1652 г. был построен Острогжск, земляной вал от которого тянулся до Коротожского рубежа. Строительство в 1654 г. жилого города Нежегольск позволило взять под контроль одно из оставшихся мест, где татары могли пройти бродом. Строительство этого города стало завершающим этапом в возведении крепостей на территории Поля в междуречье Днепра и Дона.

В результате к 1654 г. на юге России закончилось формирование одной из наиболее протяженных на то время оборонительных линий. Продуманное строительство городов и укрепленных участков от Дона до Ворсклы, включая междуречье бассейнов рек Тихая Сосна, Оскол, Короча и Северский Донец, стало основным проектом, объединившим в последующие годы города и укрепления на правом и левом флангах в одну общую линию обороны, за которой в дальнейшем закрепилось название Белгородская черта.

Термин «Черта», применявшийся для определения линии укреплений от Дона до Ворсклы, в 1650-е гг. постепенно исчезает из документов, так же как и термины «полевые» и «украинные» города. К концу 1660-х гг. термин «Белгородская черта» или «города Белгородской черты» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 701, 705] закрепляется в делопроизводстве государственных учреждений и объединяет в себе города правобережной части Дона и левобережной от Костенска до Козлова.

В период строительства городов с 1637 по 1650 гг. управление в регионе осуществлялось как городскими воеводами, так и разрядными – полковыми, имеющими более высокий статус. Но их управление, как правило, ограничивалось периодом нахождения в регионе, их местонахождение зависело от поставленной задачи организовать строительство того или иного рубежа, что являлось существенным недостатком в управлении формирующимся регионом.

В 1647 г. указом из Москвы была сделана попытка определить Белгород и белгородского воеводу главным субъектом управления, определив к нему «в сход» не только воевод соседних городов, но и тех городов, что ранее были сходны к большим воеводам на Оке. Эта попытка не удалась, воеводы отказались идти к нему «в сход» [ОДИБ МАМЮ. Кн. 12. Столбцы Белгородского стола. С. 290–292. Д. 203]. Поэтому практику назначения воевод в Москве решили продолжить, назначая специальных разрядных воевод.

С 1648–1653 гг. разрядные воеводы перманентно находятся как в Белгороде, так и в Яблонице и даже в Цареве-Алексееве, откуда управляют делами городов, проводят смотры ратных людей, в том числе и определенных на время служилых людей из других регионов, ориентируясь на организацию обороны на южном направлении.

Тревожные события на гетманщине в 1653 г. побудили российское правительство приступить к формированию полков солдатского строя на Изюмском шляхе в Яблонице для участия в боевых действиях, выдвинув их затем в западном направлении в сторону Путивля. В то же время с юга оставалась угроза от сюзерена Османской империи – Крымского ханства. В результате вышедшие в 1653 г. из Яблоницы полковой воевода с полками в 1654 г. вынуждены были вернуться в Белгород, откуда воевода руководил мероприятиями, связанными с усилением обороны в городах Белгородской черты [Курбатов, 2019, с. 33]. В последующие годы разрядные воеводы осуществляли управление регионом, назначаясь в Белгород.

В период с 1656 по 1658 гг. Белгород окончательно определяется военно-административным центром нового формирующегося региона. В результате было создано постоянное воинское соединение – Белгородский полк с административным центром в Белгороде. В состав военно-территориальной единицы на 1660 г. входило 44 города: Белев, Мценск, Новосиль, Ливны, Старый Оскол, Чернавск, Епифань, Ефремов, Ахтырской, Вольной, Карпов, Белгород, Яблонь, Верхососенской, Усерд, Коротояк, Воронеж, Костенской, Добрый, Козлов, Бельский, Волуйки, Болхов, Орёл, Чернь, Елец, Курск, Талецкий, Лебединь, Данков, Обоянь, Олешня, Хотмыжск, Болховой, Короча, Новый Оскол, Острогжск, Ольшанск, Урыв, Усмань, Орлов, Сокольск, Челновой, Чугуев [Акты Московского государства..., 1901, с. 194].

Назначаемые в Белгород разрядные – полковые воеводы были ответственны как за решение задач, связанных с ведением боевых действий, так и за состояние укреплений, сохранность имущества, смотр личного состава и т. д.

Утверждение Белгорода как административного центра черты повлекло за собой классификацию городов по территориальному признаку их размещения относительно Белгорода и самой черты. Материалы Разрядного приказа, отложившиеся в столбцах и книгах Белгородского стола, подразделяли города на три категории:

1) «города по черте», то есть расположенные по линии прохождения оборонительного комплекса;

2) «города в черте», находившиеся севернее «с русской» тыловой стороны;

3) «города за чертой», располагавшиеся с южной «крымской» или полевой стороны.

Города по черте делились на две «стороны». При этом левая и правая стороны определялись не по сторонам света, а относительно административного центра – Белгорода.

1) «От Белагорода направо по черте к малороссийским городам» – Болховой, Карпов, Хотмыжск, Вольный, Боровля, Алешня, Ахтырка (по росписи на 1685–86 г.)¹⁰ [РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Д. 132. Л. 5].

¹⁰ Список приводится по росписи городов, представивших переписные книги на (194) 1685–86 г.

2) «По черте налево» – Нежегольск, Короча, Яблонь, Новый Оскол (Царев-Алексеев), Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогжск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколоцк, Романов, Сокольск, Добрый, Козлов, Бельский и Челновой городки (по росписи на 1687 г.)¹¹ [РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Д. 147. 614].

Города «в черте» – Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Чернь, Епифань, Данков, Лебедянь, Талецкий, Чернавский, Ефремов, Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумин, Лебедин, Мирополье, Краснополье, Белополье (по росписи 1676–77 г) [Новохватко, 2007, с. 75–76].

Города «за чертою» – Валуйки, Палатов, Волчьи воды, Харьков, Салтов, Чугуев, Золочев, Богодухов, Тор, Маяцкий, Солёный и др.¹²

Подразделение городов на три типа по размещению относительно черты и деление городов по черте на два фланга позволяло иметь четкое представление об их географическом расположении и более эффективно управлять в целом территорией городов Белгородского полка.

Процесс административно-территориального устройства, соподчиненность городов, получение бывшими селами или стоялыми острожками статусов города носил постоянный характер. Выше для наглядности мы привели выборочные списки городов, приведенные примеры связаны с тем, что количество городов неоднократно менялось, что было связано с построением наиболее эффективного управления городами при постоянной задаче укрепления обороны.

На восточном участке Белгородской черты, располагавшимся на левом берегу Дона и до Тамбовского рубежа, процесс строительства крепостей и формирования военно-оборонительных укреплений имел свою специфику. Некоторые опорные точки обороны в этом регионе так и оставались в ведении старших воевод или владельцев земель. На западном фланге практически все города имели статус «заказных», где московским чинам запрещалось скупать земли. Если появление нового города проходило в пределах крупных уездных центров, то он мог какое-то время находиться в ведении «старшего» воеводы [Жигалов, 2023, 86]. Города, построенные в пределах Белгородского и Оскольского уездов, в течение одного-двух лет окончательно оформлялись в уездные центры и становились самостоятельными административными субъектами со всей атрибутикой управления, свойственной городам.

Таким образом, формирование уездных центров и система управления территориями в пределах городов (уездов), основанных в конце XVI в. в левобережной и правобережной территориях Дона, отличались. Это было обусловлено нахождением в западной части региона Белгородской черты основного противника, постоянно угрожающего России, – Крымского ханства. На западном – проходили три основных шляха, а на восточном – преобладали речные перелазы.

В 1660–1670-е гг. в связи с претензиями крымского вассала Турции, заявлявшей свои права на территорию Малороссии, российское правительство решает усилить южное направление новыми городами, для чего на Поле за Чертой возводятся новые укрепления.

Стоит отметить, что, в отличие от западного фланга черты, южнее восточного фланга, в междуречье Дона, реки Битюг и Хопра до Тамбова на территории Окско-Донской равнины, строительство практически не велось. Зато на территории Поля в междуречье Днепра и Дона практически весь XVII в. строились и заселялись новые города и рубежи. В 1679–1682 гг. возводятся города и укрепления Новой черты, насыпается Палатовский вал, названный по одноименному городу, его укрепления были соединены с Белгородской чертой в районе рубежа города Усерд.

¹¹ Список приводится по росписи городов, представивших переписные книги на 1687 г.

¹² За чертой находились также некоторые города, являвшиеся вотчинами. Так, например, Водолага относилась к полковнику Г. Донцу. На территории существовали самостоятельные слободы и населенные пункты, иногда называвшиеся городами, но по своему административно-социальному статусу к городам черты их отнести нельзя.

Согласно сметной книге 1684 г., к Новой черте (Изюмской) относилось 20 крепостей: Полатов, Валуйки, слобода Каменка, Двуречная слобода, Купянская слобода, Острополье, Царев Борисов, Изюм, Савинск, Балаклея, Андреевы Лозы, Лиман, Бишкин, Змиев, Соколов, Водолага, Валки, Новый Перекоп, Высокополье, Коломак¹³ [Скобелкин, 2022, с. 223].

Российское правительство активно реализует удачный подход в освоении и закреплении за собой новых территорий. Параллельно со строительством новых городов в регионе к юрисдикции Белгородского разряда определяются территории Сумского, Ахтырского, Харьковского, Изюмского и Острогожского полков. Границы территории этих полков имели условный характер, обусловленный принадлежностью определенной части населения к полковой службе. Название полки получили по территориальным признакам – одноименным городам. При этом на большей части так называемых территорий «слободских полков» существовала местная городская служба, состоящая из тех же пушкарей или стрельцов, подьячих и воевод по такому же типу управления, что и в подавляющей части городов Белгородского разряда [Музейный вестник, 2017, с. 327–328]. Территориально все эти полки размещались в междуречье Днепра и Дона. Все они входили в состав Белгородского разряда и, соответственно, были такими же подразделениями, как Карповский, Яблоновский воеводские полки, с той только разницей, что имели некоторые льготы. Почти до конца XVII в. в составе полков были в основном выходцы из Речи Посполитой – черкасы, а уже в XVIII в. в этих подразделениях служили сотни великороссов [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 18. Л. 430 об.]. В состав Острогожского полка входили корочанцы, а вот в сметной книге 1687 г. сообщается уже, что черкасы города Нежегольска служат в Харьковском полку Григория Донца [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 147. Л. 627 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что территории полков, известных еще как Слободские, имели в этническом составе большой процент выходцев черкас, в то же время состояли из великоросского населения городов междуречья.

Все города региона были центрами организации локальной обороны, обеспечивали безопасность города и уезда, влияли на развитие территории и обеспечивали освоение окружающего пространства, сохраняя при этом зависимость от центральных учреждений государственной власти и являясь субъектом территориального управления разрядных воевод, находившихся в Белгороде, под руководством которых участвовали в различных воинских компаниях за пределами Разряда.

Совершенствование административно-территориального устройства – это непрерывный процесс, связанный в первую очередь с необходимостью оперативного и эффективного управления территориями. Так, из сформированного в 1658 г. на территории междуречья Белгородского разряда в середине 1660-х гг. в новообразованный Севский разряд отошли несколько новоотдаточных городов, вошедших в состав России в 1647 г. В 1668 г. была предпринята попытка коррекции в управления городами черты. Рассматривался проект разделения управления между Белгородом и Воронежем. Но в силу внешне политических обстоятельств этого не произошло [Шварев, 2017, с. 20–21].

Отдельным периодом стали временные перемены в управлении городами в конце 1670-х гг. Так, после восшествия на престол сына Алексея Михайловича Федора Алексеевича проводится ряд мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности на юге страны. Почти во всех городах проводится ревизия состояния крепостей и укреплений, ремонтируются и перестраиваются ветхие строения, в то же время происходят изменения в системе управления. Разрядный воевода с частью приказной администрации переезжает в Курск, где руководит смотром войск и занимается вопросами, связанными с войной с Польшей. Согласно перечневой росписи 1680 г., разряд разделили на Белгородский и Тамбовский, но это была временная мера. На восточном фланге черты необходимо было решать

¹³ «Города Изюмской черты» – понятие отчасти условное, архивными источниками не подтвержденное, введенное в XX столетии А.А. Новосельским.

вопрос с угрозой со стороны Азова, и уже в 1682 г. Тамбовский разряд был упразднен, и управление городами снова отошло к воеводе Белгородского полка. В 1687 г. с назначением Б.П. Шереметева командовать Белгородским разрядом управление снова возвращается в Белгород из Курска [Жигалов, 2021, с. 8].

С восшествием на престол Петра I в России было введено много новшеств и реализован ряд реформ, затронули реформы и регион Белгородской черты.

В начале XVIII в. в восточной части Белгородского разряда формируются два территориальных округа, основными задачами которых является кораблестроение: Воронежский и Азовский.

В результате переподчинения ряда городов Белгородского разряда для решения задач со строительством Азовского флота с 1705 г. и губернской реформы 1708–1709 г. большинство городов Днепро-Донского междуречья были включены в состав Азовской и Киевской губерний.

К Азовской губернии отошли 18 городов: Валуйки, Полатов, Новый Оскол, Тор, Изюм, Маяцкий, Царев Борисов, Каменка, Лиман, Савинский, Острополье, Двуречное, Чугуев, Змиев, Андреевы Лозы, Балаклея. Шесть городов вошли в состав Воронежского Адмиралтейского ведомства: Урыв, Коротояк, Острогжск, Верхососенск, Ольшанск, Усерд [Камолов, 2009, с. 13–21].

В 1707 г. белгородскому – разрядному воеводе Д.М. Голицыну было указано находиться в Киеве и оттуда управлять разрядом, при этом ему предписывалось приписать «Киев и прочие замки» к Белгороду [РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 130. Ч. 16. Д. 7. Л. 12–14].

Но уже в 1708 г. в состав Киевской губернии было решено включить 15 городов междуречья: Старый Оскол, Ливны, Нежегольск, Корочу, Яблонов, Салтов, Валки, Харьков, Обоянь, Колонтаев, Красный Кут, Карпов, Хотмыжск, Вольный и Олешня, в итоге к 1709 г. Белгородский разряд упраздняется и в 1711 г. окончательно перестает функционировать [Лисейцев, Рогожкин, Эскин, 2015, 157].

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что формирование территориально-административных структур рассматриваемого региона было неразрывно связано с природными особенностями территории. В то же время наибольшее влияние на развитие региона оказывали взаимоотношения двух набирающих силу государств – Москвы и Крымского ханства при перманентном влиянии Речи Посполитой. В результате России удалось выстроить наиболее эффективную систему обороны, результатом которой стало активное освоение новых территорий через военно-административный аспект. События и результаты, достигнутые Россией в XVI и XVII вв., подтвердили эффективность выбранной системы управления регионами: территория страны значительно увеличилась, были открыты новые возможности для ее развития.

Список источников

- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук под ред. Н.А. Попова. Т. 3. № 215. Разрядный приказ. Московский стол, 1660–1664. СПб. 1901. 194 с.
- Багaley Д.И. Материалы по истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков. 1890. Т. II. - XV. 222 с.
- Миклашевский И.Н. 1894. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Москва, тип. Д.И. Иноземцева, 25 с.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (ОДИБ МАМЮ). Кн. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 203. С. 290–292.
- Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. Оп. 12. Д. 117. Л. 61–63.
- РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 130. Ч. 16. Д. 7. Л. 12–14.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 304. Л. 249–250.

- РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 701, 705.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 73. Л. 1–58.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 132. Л. 5.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 147. 614.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 147. Л. 627 об.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 4. Л. 1–4 об.
РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 18. Л. 430 об.
Сб. РИО. Т. 41. СПб. 1884. С. 15, 73.
Яковлев А.И. 1916. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. Москва, тип. Г. Лиснера и Д. Собко, IX. 312 с.

Список литературы

- Бурцев И.Г., Дедук А.В. 2023. Два описания южных земель Русского государства конца XVI в. *Историко-географический журнал*. 3: 82–109.
- Великанов В.С. 2018. К вопросу о создании Тамбовского разряда в 1680–1681 гг. Белгородская черта. Белгород, Вып. 3: 9–13.
- Веселовский С.Б. 1915. Сошное письмо. Т. 1. Москва, [б. и.]: 88–89, 165–168, 417–419.
- Володихин Д.М. 2016. «Царев приход» на Оку 1541 года [Электронный ресурс]. История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II: 483, примечание 1. URL: http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3. (дата обращения: 22. 01. 2024).
- Глазьев В.Н. 2023. Освоение центрального Черноземья в конце XVI – первой половине XVII века: государственное воздействие. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 4: 62–65.
- Дудина О.В. 2019. Создание и функционирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы России второй половины XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 199 с.
- Жигалов В.М. 2023. Вестовые колокола в системе оповещения о военных угрозах в городах Белгородского полка. *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», вып. 8: 86.
- Жигалов В.М., Евсюков Д.Е. 2021. Именные списки служилых людей городов Белгородского полка 1687 г. *Белгородская черта: Крепости и гарнизоны*. Т. 2. Белгород, ООО «Константа»: 8.
- Жигалов В.М. 2020. Роль Белгорода и Яблонова в системе управления городами Белгородской черты (40-е – 50-е годы XVII в.). *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», Вып. 5: 167–189.
- Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 290 с.
- Загоровский В.П. 1980. Изюмская черта. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 238 с.
- Загоровский В.П. 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 269 с.
- Камолов Н.А. 2009. Азовская губерния (1709–1725гг.). Территория и высшие администраторы. Ростов на Дону, Ростиздат, 257 с.
- Курбатов О.А. 2019. Русско-польская война 1654–1667 гг. Москва, Руниверс, 388 с.
- Лисейцев Д.В., Рогожкин Н.М., Эскин Ю.М. 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 301 с.
- Мизис Ю.А. 2018. Белгородская и Тамбовская черта как часть территории южнорусского фронта. *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», Вып. 3: 83–87.
- Музейный вестник Республики. № 1. 2017. Донецк, РА ДОН: 327–328.
- Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. Москва, Ленинград, Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 448 с.
- Новохатко О.В. 2007. Разряд в 185 году. Москва, Памятники исторической мысли: 75–76.
- Папков А.И. 2004. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, Константа. – 351 с.
- Петрухинцев Н.Н. 2018. Структура военных формирований Белгородской черты на начальном этапе военных реформ Алексея Михайловича. *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», вып. 3: 103–113.

- Скобелкин О.В. 2022. Артиллерия и боеприпасы Изюмской черты в 1684 г. *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», Вып. 7: 223.
- Сыроечковский В.Е. 1932. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. *Известия академии наук СССР*. Вып. 3: 193–237.
- Сыроечковский В.Е. 1932. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. *Известия академии наук СССР*. Вып. 3: (Приложение карта путей между Москвой и Крымом в XVI и XVII вв.).
- Шварев Е.В. 2017. Белгородский разряд в разрядной системе Российского государства XVII в. *Белгородская черта*. Белгород, ООО «Константа», Вып. 2: 20–21.

References

- Burtsev I.G., Deduk A.V. 2023. Dva opisaniya yuzhnykh zemel' Russkogo gosudarstva kontsa XVI v. [Two Descriptions of the Southern Lands of the Russian State at the End of the XVI Century] *Istoriko-geograficheskii zhurnal*. 3: 82–109.
- Velikanov V.S. 2018. K voprosu o sozdanii Tambovskogo razryada v 1680–1681 gg. [On the Issue of the Creation of the Tambov Category in 1680–1681. Belgorod Line. Belgorod] *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, ООО «Konstanta», Vyp. 3: 9–13.
- Veselovskii S.B. 1915. Soshnoe pis'mo [Soshny Letter]. Т. 1. Moskva, [b. i.]: 88–89, 165–168, 417–419.
- Volodikhin D.M. 2016. «Tsarev prikhod» na Oku 1541 goda ["Tsarev Parish" on the Oka of 1541] [Elektronnyi resurs]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Spetsial'nyi vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015. Ch. II: 483, primechanie 1. URL: http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3. (data obrashcheniya: 22. 01. 2024).
- Glaz'ev V.N. 2023. Osvoenie tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XVI – pervoi polovine XVII veka: gosudarstvennoe vozdeistvie [The Development of the Central Chernozem Region at the End of the XVI – First Half of the XVII Century: State Influence.]. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 4: 62–65.
- Dudina O.V. 2019. Sozдание i funktsionirovanie Belgorodskogo razryada kak administrativno-territorial'noi edinitsy Rossii vtoroi poloviny XVII v. [Creation and Functioning of the Belgorod Discharge as an Administrative-Territorial Unit of Russia in the Second Half of the XVII Century]: dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 199 s.
- Zhigalov V.M. 2023. Vestovye kolokola v sisteme opoveshcheniya o voennykh ugrozakh v gorodakh Belgorodskogo polka [Alarm Bells in the Warning System for Military Threats in the Cities of the Belgorod Regiment]. *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, ООО «Konstanta», Vyp. 8: 86.
- Zhigalov V.M., Evsyukov D.E. 2021. Imennye spiski sluzhilykh lyudei gorodov Belgorodskogo polka 1687 g. [Personal Lists of Serving People of the Cities of the Belgorod Regiment in 1687]. *Belgorodskaya cherta: Kreposti i garnizony*. Т. 2. Belgorod, ООО «Konstanta»: 8.
- Zhigalov V.M. 2020. Rol' Belgoroda i Yablonova v sisteme upravleniya gorodami Belgorodskoi cherty (40-e – 50-e gody XVII v.) [The Role of Belgorod and Yablonov in the City Management System of the Belgorod Region (40s – 50s of the XVII Century)]. *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, ООО «Konstanta», Vyp. 5: 167–189.
- Zagorovskii V.P. 1969. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 290 s.
- Zagorovskii V.P. 1980. *Izyumskaya cherta* [The Raisin Feature]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 238 s.
- Zagorovskii V.P. 1991. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI v.* [The History of the Entry of the Central Chernozem Region into the Russian State in the XVI Century.]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 269 s.
- Kamolov N.A. 2009. *Azovskaya guberniya (1709–1725gg.)*. Territoriya i vysshie administratory [Azov Province (1709–1725). Territory and Top Administrators]. Rostov na Donu, Rostizdat, 257 s.
- Kurbatov O.A. 2019. *Russko-pol'skaya voina 1654–1667 gg.* [Русско-польская война 1654–1667 гг.] Moskva, Runivers, 388 s.
- Liseitsev D.V., Rogozhkin N.M., Eskin Yu.M. 2015. *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: slovar'-spravochnik* [Orders of the Moscow state of the XVI–XVII Centuries: Dictionary-Reference]. Moskva, Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 301 s.
- Mizis Yu.A. 2018. *Belgorodskaya i Tambovskaya cherta kak chast' territorii yuzhnorusskogo frontira*. Belgorodskaya cherta [Belgorod and Tambov Lines as Part of the Territory of the South Russian Frontier. Belgorod Line]. Belgorod, ООО «Konstanta», Vyp. 3: 83–87.

- Muzeyni vestnik Respubliki [Museum Bulletin of the Republic]. № 1. 2017. Donetsk, RA DON: 327–328.
- Novosel'skii A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v XVII veke [The Struggle of the Moscow State against the Tatars in the XVII Century] Moskva, Leningrad, Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 448 s.
- Novokhatko O.V. 2007. Razryad v 185 godu [The Discharge Was in 185.]. Moskva, Pamyatniki istoricheskoi mysli: 75–76.
- Papkov A.I. 2004. Porubezh'e Rossiiskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi (konets XVI – pervaya polovina XVII veka) [Borderland of the Russian Empire and the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Late 16th – First Half of the 17th Century)]. Belgorod, Konstanta. – 351 s.
- Petrukhintsev N.N. 2018. Struktura voennykh formirovaniy Belgorodskoi cherty na nachal'nom etape voennykh reform Alekseya Mikhailovicha [The Structure of the Military Formations of the Belgorod Region at the Initial Stage of Alexei Mikhailovich's Military Reforms]. *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, OOO «Konstanta», Vyp. 3: 103–113.
- Skobelkin O.V. 2022. Artilleriya i boeprirasy Izyumskoi cherty v 1684 g. Belgorodskaya cherta [Artillery and Ammunition of the Izyumsky Line in 1684]. Belgorod, OOO «Konstanta», Vyp. 7: 223.
- Syroechkovskii V.E. 1932. Puti i usloviya snoshenii Moskvy s Krymom na rubezhe XVI v. [Ways and Conditions of Moscow's Relations with Crimea at the Turn of the XVI Century.] *Izvestiya akademii nauk SSSR*. Vyp. 3: 193–237.
- Shvarev E.V. 2017. Belgorodskii razryad v razryadnoi sisteme Rossiiskogo gosudarstva XVII v. [Belgorod Discharge in the Discharge System of the Russian State of the XVII Century] *Belgorodskaya cherta*. Belgorod, OOO «Konstanta», Vyp. 2: 20–21.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.01.2024

Received 31.01.2024

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жигалов Владимир Михайлович, председатель, Белгородская Региональная Общественная Организация «Историческое Общество «РАТНИК», г. Белгород, Россия

Vladimir M. Zhigalov, Chairman of the Belgorod Regional Public Organization «Historical Society «RATNIK», Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0007-5939-0006](https://orcid.org/0009-0007-5939-0006)

УДК 930+929.53
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-116-126
Оригинальное исследование

Складывание нормативной основы государственной политики «окрестьянивания» однодворцев в России в 1699–1724 гг.

Ляпин Д.А.^{1,2} , Нечаев В.В.¹

¹⁾ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru; nechaevvasilich@mail.ru

Аннотация. Реформы Петра I затронули все русское общество и имели большие последствия для всех социальных категорий Российского государства. В исторической науке до сих пор не сложилось представление о влиянии петровских реформ на сословную группу однодворцев, которые составляли большинство населения в Азовской и Киевской губерниях, главным образом в регионе бывшей Белгородской черты. Авторы статьи рассматривают наиболее значимые указы, которые напрямую затрагивали судьбу однодворцев и отмечают важные тенденции, направленные на понижение их статуса до уровня государственных крестьян. Делаются выводы, что процесс «окрестьянивания» однодворцев Петр I запустил под давлением постоянного недостатка денег в казне, а сам процесс втягивания однодворцев в податную часть населения растянулся на полтора десятка лет (1710–1724).

Ключевые слова: Петр I, однодворцы, государственные крестьяне, Юг России, налоговая политика

Для цитирования: Ляпин Д.А., Нечаев В.В. 2024. Складывание нормативной основы государственной политики «окрестьянивания» однодворцев в России в 1699–1724 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 116–126. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-116-126

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Formation of the Normative Basis of the State Policy of «Peasantization» of the Poor Nobles (Odnodvortsy) in Russia in 1699–1724

Denis A. Lyapin^{1,2} , Vladimir V. Nechaev¹

¹⁾ Bunin Yelets State University,

28 Kommunarov St., Yelets 399770, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru; nechaevvasilich@mail.ru

Abstract. The reforms of Peter the Great affected the entire Russian society and had major consequences for all social groups of the Russian population. In historical science, there is still no idea of the impact of Peter's reforms on the class group of one-courtyard people, who made up the majority of the population in the Azov and Kyiv provinces. This was the military region of the Belgorod Line. The authors of the article examine the most significant decrees that directly affected the fate of the smallholders (odnodvortsy) and note trends towards lowering their status to the level of peasants. The policy of Peter the Great was associated with the search for finances for reforms and war. This played an important role for many social groups

of the population. Peter launched the mechanism for including members of the same household in the state peasants under the pressure of a constant lack of money in the treasury. The process of including *odnodvortsy* in the taxable part of the population lasted for a long time (1710–1724).

Keywords: Peter the Great, *odnodvortsy*, state peasants, South of Russia, tax policy

For Citation: Lyapin D.A., Nechaev V.V. 2024. Formation of the Normative Basis of the State Policy of «Peasantization» of the Poor Nobles (*Odnodvortsy*) in Russia in 1699–1724. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 116–126 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-116-126

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Целью настоящей статьи является изучение политики государства в отношении социальной группы *одnodворцев* Юга России по средствам анализа законодательных актов Петра I. Работа продолжает наши исследования в данном направлении [Ляпин, 2006; Ляпин 2021а; Ляпин 2021б; Нечаев, 2022; Ляпин 2023].

Под *одnodворцами* в рассматриваемое время понимаются мелкие помещики, служилые люди, в большинстве своем не имевшие крестьянских дворов. Эти потомки первых поселенцев Юга России, «детей боярских», заселявших данные земли с конца XVI в., участвовали в обороне границы от татарских нападений и поэтому не могли полноценно использовать свои хозяйственные ресурсы. Их военная пригодность для участия в дальней полковой службе была небольшой, но они защищали южные уезды от татарских нападений и занимались хозяйственным освоением «диких» черноземных земель. К концу XVII в. эта категория населения не являлась внутренне однородной и не имела четкого юридического статуса. В официальных документах мелкие служивые люди (копейщики, рейтары, солдаты) и собственно *одnodворцы* (дети боярские) чаще всего записывались отдельно.

Объект и методы исследования

Объектом исследования данной статьи являются законодательные акты Петровской эпохи, повлиявшие на судьбу *одnodворцев*, изданные с 1699 по 1724 гг. До настоящего времени остаются в тени причины появления большинства этих документов, условия, в которых они принимались, процедура принятия, результаты применения. Но нет сомнений, что на практике их итогом стало начало процесса «окрестьянивания» *одnodворцев*, т. е. искусственное понижение их статуса до уровня государственных крестьян. В этой связи законодательные акты, регулирующие формирование корпорации *одnodворцев*, требуют более глубокого исследования и осмысления. Рассмотренная группа актов не является полной, но ограниченный объем статьи не позволяет нам рассмотреть все законодательные инициативы правительства в этом направлении. В итоге мы исследовали только наиболее значимые, судьбоносные для *одnodворцев* решения властей.

Методика работы была связана, прежде всего, с применением формулярного анализа, позволяющего определить тип и структуру исследуемого законодательного акта. При сопоставлении документации применялся сравнительный анализ текста. Важное место занимал также метод историзма, с помощью которого происходит понимание условий появления определенного документа. Принцип индукции позволил сделать обобщения, необходимые для учета реалий общей законодательной практики Петровской эпохи.

Результаты и их обсуждение

В хронологическом порядке следует начать с указа от 30 октября 1699 г., посвященного сбору денег со служилых людей Белгородского полка взамен полковой службы. Закон предполагал, что полученные средства пойдут на жалование другим военным категориям,

для которых главной задачей остается участие в военных походах. Указ предписывал с копейщиков и рейтар брать по 1 руб. 50 коп., с солдат, стрельцов, казаков и людей пушкарского чина – по 1 руб. Кроме того, с местных крестьян надлежало брать по 50 коп. с двора¹⁴. Вероятно, речь шла только о тех крестьянах, которые проживали на землях служилых людей.

По мнению М.Д. Рабиновича [Рабинович, 1971, с. 299–300] и В.М. Важинского [Важинский, 1983, с. 71–72], указ от 30 октября 1699 г. положил начало введению в отношении служилых людей Юга России подушной денежной подати. Однако известно, что Петр I вопрос обложения служилого населения податями еще не поднимал, денежные и натуральные сборы носили не постоянный, а временный, чрезвычайный характер. Распространялись они на все служилое сословие, не исключая и высшие чины. Примером могут служить указы от 30 октября 1699 г. о крупных денежных сборах вместо службы со стольников, стряпчих и прочих московских дворян и от 6 марта 1710 г. о переписи дворян, годных в драгуны, и взимании денежного сбора с неспособных к службе¹⁵. Сосредоточившись на фискальной стороне указа, М.Д. Рабинович и В.М. Важинский оставили в тени его вторую часть, где была определена в перспективе судьба служилых людей. Указ закреплял за ними службу, соразмерную их экономическому положению, которое на деле было довольно тяжелым. В Белгородском разряде в 1695 г. один крестьянский двор приходился в среднем на восемь рейтар и копейщиков [Семевский, 1994]. Поэтому правительство стремилось использовать служилое население южных уездов на службе «по силам». Оттесняя от участия в военных действиях по причине бедности, государство ограничивало их социальную мобильность, но вопрос об «окрестьянивании» пока не ставился.

Перейдем теперь к указу, изданному 11 декабря 1707 г. Этот законодательный акт появился в трудное время Северной войны, когда армия особенно нуждалась в финансах. Согласно его тексту, денежными сборами обоглались «приказные люди» (чиновники), а также мелкие служилые люди городской службы «по пропорции доходов их»¹⁶. Существуют косвенные указания на то, что до него исполнялся аналогичный указ, который исследователями не найден¹⁷. Данные законодательные акты использовались в качестве прецедента. По данным А. Жуковской, в условиях финансового кризиса в войне со Швецией Петр I поручил предоставить сведения о размерах доходов чиновников приказов, но четкого ответа не получил. Тогда решение проблемы обложения налогами чиновников Белгородского и Севского разрядов было поручено А.Д. Меншикову, который, в свою очередь, ответственность за перепись и сбор подати возложил на воеводу Козлова полковника Г.И. Волконского. Собранные в течение 1706 и 1707 гг. деньги были потрачены на комплектование двух драгунских и одного пехотного полка [Жуковская, 2014]. Успешно проведенное Г.И. Волконским фискальное мероприятие повлекло последствия и для столичных чиновников. Указом от 11 декабря 1707 г. городские подьячие и приказные чины приказов были обложены денежными сборами «по пропорции доходов их», а с 1709 г. сборы стали постоянными

¹⁴ Указ от 30 октября 1699 г. «О сборе с ратных людей Белгородского полка вместо службы на жалованье с копейщиков и рейтар по 1 руб. 50 коп., с детей их по 70 коп., с солдат, с стрельцов, с казаков и людей пушкарского чина по 1 руб., с детей и свойственников их по 50 коп. с человека, а с крестьян по 50 коп. с двора». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 3. 1689–1699 гг. № 1710. СПб., 1830. С. 655–656.

¹⁵ Указ от 30 октября 1699 г. «О крупных денежных сборах вместо службы со стольников, стряпчих и прочих московских дворян». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 3. 1689–1699 гг. № 1729. СПб., 1830. С. 677, Указ от 6 марта 1710 г. «О переписи дворян годных в драгунскую службу и взимании денежного сбора с неспособных к службе» Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2257. СПб., 1830. С. 470.

¹⁶ Указ от 11 декабря 1707 г. «Об обложении денежными сборами приказных чинов людей по приказам, а городских по городам по пропорции доходов их». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2171. СПб., 1830. С. 394.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6 (июль–декабрь 1707). Приложения СПб., 1912. С. 184, 527–528; ПСЗРИ. Т. 4. № 2130. С. 361–362.

вплоть до введения коллежской системы (1717–1718)¹⁸. Этот указ важен для нас потому, что в дальнейшем способы взимания налога с гражданских чиновников по аналогии были использованы правительством и в отношении однодворцев.

Большую роль в процессе «окрестьянивания» однодворцев сыграли указы от 17 января 1707 г. и 12 февраля 1710 г.¹⁹. Первый был адресован ландрихтеру Я.Н. Римскому-Корсакову, ему поручалось проведение подробной переписи в Ингерманландской губернии, а второй предписывал начать перепись крестьянских дворов в каждой губернии. Сами губернии были созданы накануне этих указов, в 1708–1709 гг. Во главе новых административных единиц Петр I поставил доверенных людей из ближайшего окружения, но в связи с занятостью военными делами к управлению губерниями они смогли приступить в начале 1710 г. До этого времени генерал-губернаторы и губернаторы управляли путем дачи письменных указаний [Клочков, 2011, с. 24].

Кому принадлежала идея переписать в фискальных интересах служилое население, достоверно не установлено. Вероятно, на эту мысль правительство натолкнуло успешно проведенное в 1705–1706 гг. Г.И. Волконским обложение податями церковников, подьячих и дьяков. Полученный опыт использовал генерал-губернатор Ингерманландской губернии А.Д. Меншиков, по инициативе которого в указе Я.Н. Римскому-Корсакову отдельным пунктом было написано: «Во всех Ингерманландской губернии городах всяких чинов людей, а особливо царедворцев, дворян и приказных людей и посадских и захребетников, также и посадские и в уездах дворцовые и патриаршие и архирейские и помещиковы и вотчинниковы, крестьянские и бобыльские дворы имянно переписать и сделать подлинные и перечневые по городам списки». Основной целью переписи являлось увеличение в губернии податного населения, хотя Я.Н. Римскому-Корсакову надлежало «...непристанно смотреть, чтобы... народу излишней тягости не было»²⁰.

Перепись в Ингерманландской губернии дала хороший результат. Надеясь на прирост податной части населения, с которого можно получать дополнительные финансовые средства, Петр I указом от 12 февраля 1710 г. обязал губернаторов «...переписать всякому в своей губернии дворы крестьянские и деловых людей и во дворах по головам людей обох полов порознь и оныя росписки привезть к будущему 1711 г., закрепя своими руками»²¹. Как видим, царь ставил задачу переписать крестьянские дворы и проживающих в них крестьян и работников независимо от пола. Перепись служилых людей по указу не предусматривалась.

Организационные вопросы предстоящей переписи в конце февраля того же года обсуждались на «консилиуме министров», где внимание было сосредоточено в основном на «пунктах» указа Я.Н. Римскому-Корсакову, которые с некоторыми дополнениями были приняты за основу [Клочков, 1911, с. 29]. Пункты и пометки исследовалось П.Н. Милюковым, который следов обсуждения на «консилиуме» не обнаружил [Милюков, 1905, с. 280–283], хотя, судя по наказу Я.Н. Римскому-Корсакову, их перепись была обязательной. Воз-

¹⁸ Указ от 11 декабря 1707 г. «Об обложении денежными сборами приказных чинов людей по приказам, а городовых по городам по пропорции доходов их». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2171. СПб., 1830. С. 394.

¹⁹ Указ от 17 января 1707 г. «О назначении ландрихтера Я. Римского-Корсакова в Ингерманландской губернии земским судьей, проведении в ней переписи». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2135. СПб., 1830. С. 364–366; Указ от 12 февраля 1710 г. «О переписи губернаторам всякому в своей Губернии крестьянских дворы и деловых людей». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2253. СПб., 1830. С. 478.

²⁰ Указ от 17 января 1707 г. «О назначении ландрихтера Я. Римского-Корсакова в Ингерманландской губернии земским судьей, проведении в ней переписи». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2135. СПб., 1830. С. 366.

²¹ Указ от 12 февраля 1710 г. «О переписи губернаторам всякому в своей Губернии крестьянских дворы и деловых людей». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2253. СПб., 1830. С. 478.

можно, этот вопрос был решен на высшем уровне и обсуждению не подлежал. После успешного обложения денежными сборами церковников, дьяков, подьячих, правительство намеревалось получать регулярно средства и со служилых людей. Успешное решение проблемы сулило увеличение податного населения на 6 % [Лазарев, 2014]. Исполнение задуманного было начато с Азовской губернии.

В условиях финансового кризиса способности чиновников определялись в основном умением добывать деньги. В этих целях нередко принимались сиюминутные решения, о последствиях которых правительство не задумывалось. По этому поводу М.В. Клочков писал: «Еще более значительной была роль администрации при распределении податного бремени на юге, в губерниях Киевской и Азовской, где население было более пестрым и жило в особых исключительных условиях, некоторые слои его в начале XVIII в. лишь впервые втягивались в общую податную массу, а потому местной власти приходилось действовать самостоятельно, в пределах широких полномочий и применяться не только к целой группе населения, но нередко и к отдельному плательщику» [Клочков, 1911, с. 185].

В отсутствие генерал-губернатора Ф.М. Апраксина Азовской губернией со штатом помощников управлял губернатор И.А. Толстой. В одном из посланий Ф.М. Апраксин приказывал ему: «Во всей Азовской губернии извольте переписать все наличные дворы и в них людей подушно, посемейно, как и в прочих губерниях учинено, и чтоб у вас сие конечно к предбудущему году было исправлено, дабы вам в том не исправлении не ответствовать» [Клочков, 1911, с. 29]. Приказ переписать «всех до последнего младенца» генерал-губернатор подтверждал неоднократно. Таким образом, в Азовской губернии вопреки указу от 12 февраля 1710 г., помимо дворов посадских, крестьянских, бобыльских, задворных и деловых людей, под перепись попали однодворцы, пушкари, затинщики, воротники и другие служилые люди нижних разрядов. В дальнейшем, проявляя усердие, чиновники Азовской губернии в развитие идеи увеличения средств за счет служилого населения нашли более эффективные способы их получения. Губернатор И.А. Толстой докладывал, что в губернии вошло в практику «со служилых людей всякие денежные и хлебные поборы, окладные и неокладные, что каких поборов по раскладке имеется и рекрут собирать и работных людей на работу высылать по тяглам, а не с дворов...», а сборы в губернии взимаются «по числу людей мужска и женска обоих полов по переписным книгам 1710 г., считая людей по 8 человек во дворе, а семьями по 4 семьи во дворе» [Клочков, 1911, с. 188]. Возраст тяглецов был определен от 15 до 60 лет. Замену подворной разверстки повинностей «потяглой» чиновники обосновали «немалым прибором» для казны. Раскладка повинностей в губернии некоторое время являлась дворово-подушной. Возможно, эта мера диктовалась социальным составом населения. В уездах Азовской губернии служилые люди составляли большинство и освобождение их от налогов лишало казну существенных финансовых поступлений. Таким образом, вопрос об обложении мелких служилых людей был решен на консилиуме министров в феврале 1710 г., а новый способ подворно-душевой раскладки был впервые опробован в Азовской губернии.

«Новшества» провинциальных чиновников были одобрены сенатским указом от 6 ноября 1712 г. о сборе податей в Азовской губернии со служилых людей по переписным книгам 1710 г.²² По этому указу копейщики, рейтары, драгуны, солдаты, стрельцы, казаки, станичники, пушкари, воротники, казенные кузнецы при сохранении обязанностей нести городскую службу облагались податями на уровне помещичьих крестьян. Однодворцы в данном указе упомянуты не были. Под этой категорией служилых людей переписчики пока еще подразумевали обедневших «детей боярских», проживающих в основной массе в поместьях в сельской местности, несших взамен полковой службы разного рода повинности.

²² Указ от 6 ноября 1712 г. «О сборе податей в Азовской губернии с служилых людей по переписным книгам 1710 г. с наличных дворов и о бытии им на службе по-прежнему». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2603. СПб., 1830. С. 874.

В лестнице чинов власти продолжали относить их к служилым людям. Например, в учетных документах переписи в соседней Киевской губернии однодворцы учитывались в одной графе вместе с царедворцами и городовыми дворянами [Клочков, 1911, с. 51–52].

Результаты подворной переписи разочаровали власти. По подсчетам П.Н. Милюкова, к 1710 г. в сравнении с 1678 г. тяглое население России сократилось на 19,5 %, а по Азовской губернии – на 13,7 %. [Милюков, 1905, с. 200–202]. Скоро был изменен управленческий состав губерний, появились ландарты – помощники губернаторов из числа местной служилой элиты. Им было поручено проведение новой подворной переписи с 1716 г. Но первые ее результаты подтвердили факт сокращения населения, обязанного выплачивать подать [Ляпин, 2021]. С этого времени правительство стало последовательно принимать меры по увеличению числа податных лиц, чем и положило начало процессу включения однодворцев и прочих служилых людей в податную массу населения.

Следующий интересующий нас указ относится к 26 ноября 1718 г. Он хорошо известен, потому что положил начало новой системе налогообложения в России – подушевой. Согласно новым правилам, в губерниях проводились ревизии с целью обложения налогом населения (ревизских душ) для содержания армии. Затем 19 и 22 января 1719 г. последовали указы о развертывании подушного оклада на рейтар, копейщиков, пушкарей и «протчих, которые счисляются с однодворцами» и о начале новой подушевой переписи и подаче ревизских сказок²³. Данные законодательные акты подлежат исследованию в комплексе, поскольку посвящены одному и тому же вопросу – созданию корпорации однодворцев нового формата с обложением их податями.

Указом от 26 ноября 1718 г. Петр I содержание войск намеревался возложить исключительно на крестьян, в связи с чем обязал Сенат в течение года переписать их по душам. По его мнению, крестьянство было способно содержать войска и подключать к этому служилых людей, в том числе однодворцев, необходимости не было. Однако крестьянство находилось в столь бедственном положении, что полностью содержать армию было не в состоянии. Изысканием дополнительных средств занималась Камер-коллегия, где и было предложено, помимо крестьян, подушным окладом обложить однодворцев, а также рейтар, копейщиков, пушкарей и «протчих, которые с ними счисляются»²⁴. По сути, было принято важное политическое решение. Служилые люди Азовской и Киевской губерний, за исключением дворян, служивших по московскому списку и нарядам Разрядного приказа, в фискальных целях «счислялись» (объединялись) в единую группу под наименованием «однодворцы», с которых получать средства на содержание армии было легче и проще. Изменился характер повинности. Если ранее с копейщиков, рейтар, драгун, солдат, стрельцов, казаков, станичников, пушкарей, с воротников, казенных кузнецов взымались сборы (указ от 6 ноября 1712 г.), то, в соответствии с докладом Камер-коллегии, они подлежали обложению податями. Сборы носили временный или разовый характер, а подати являлись постоянной повинностью.

Таким образом, после утверждения царем доклад Камер-коллегии стал иметь силу закона, по которому служилые люди за немногими исключениями подлежали переписи с последующим обложением налогами в пользу армии [34, с. 138]. Следует заметить, что понятие «однодворцы» с этого времени было расширено за счет включения в эту социальную группу различных категорий мелких служилых людей.

²³ Указ от 26 ноября 1718 г. «О введении ревизии, распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании Земских Комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска, и о счете Земских Комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3245. СПб., 1830. С. 597; Указ от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взыскании за утайку душ». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3287. СПб., 1830. С. 618–620.

²⁴ Высочайшая резолюция на доношение Князя Голицына от 11 декабря Т. 5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3468. СПб., 1830. С. 770.

Указ о переписи крестьян от 26 ноября 1718 г. был «поправлен» законодательным актом от 22 января 1719 г., в котором, помимо подлежащих переписи крестьян, татар, ясачников, Петр указал: «також однодворцев». Исполнение указа о переписи было поручено Сенату, где идея подушного обложения служилых людей нижних разрядов вынашивалась давно. Позднее рядом указов перепись была отменена в отношении стариков и младенцев, отставных солдат, духовенства, дворян и некоторых других категорий, что еще более подчеркивало ее фискальный характер [32, с. 130].

Контроль за переписью и раскладкой податей на содержание полков Петр возложил на военных, действовавших на основании разработанной для них Инструкции от 5 февраля 1722 г. За достоверность сведений о крестьянах отвечали помещики, а у однодворцев – главы семей [21]. Данным актом руководствовался и ответственный по Азовской губернии полковник А.А. Мякинин, который учитывал однодворцев, как и крестьян, по душам мужского пола поголовно – «...от старого до самого последнего младенца с летами их». Он же, вторя сенаторам, в 1724 г. сообщал, что «однодворцев причесть к помещикам невозможно, ибо оне хотя и имеют по стольку дворовых людей, но только самое мизерство, понеже они и сами земледельцы, и потому положены в подушный оклад и равны они тем своим людям» [2, с. 252]. Перечисленными законодательными актами Петр I приобщил служилых людей к податной массе населения, хотя и сохранил за ними военно-служилое состояние и некоторые привилегии.

В июне 1724 г. были изданы Плакат о сборе подушных денег и инструкция земскому комиссару²⁵. М.О. Акишин относит эти законы к важнейшим шагам податной реформы [Акишин, 2009, с. 105]. Некоторые историки полагают, что данными актами Петр окончательно включил однодворцев и прочих служилых людей нижних разрядов в число государственных крестьян. Интересно отметить, что, согласно тексту именного указа от 17 апреля 1722 г., издавать, публиковать и применять указы, иные правовые акты без утверждения императором запрещалось под страхом смерти²⁶. Этот запрет распространялся и на Сенат, за которым оставалось право законодательной инициативы, подготовки законопроектов [Рабинович, 1971, с. 246]. Однако и Плакат, и инструкция земскому комиссару были приняты Сенатом 26 июня 1724 г. в отсутствие государя. После издания оба акта немедленно были направлены для исполнения, хотя Петр подписал их только 6 ноября 1724 г. Сложившаяся ситуация может быть объяснена как занятостью Петра личными делами (делом о любовной связи царицы Екатерины с В. Монсом), так и нежеланием монарха брать на себя ответственность за явно непопулярные решения.

Заключение

Политика Петра в отношении мелкого служилого населения носила двойственный характер. С одной стороны, он придерживался принципа «служебной годности» независимо от происхождения, что было закреплено в «Табели о рангах», с другой, с целью увеличения количества налогоплательщиков он отсек однодворцев от дворян, лишил их дворянской привилегии – освобождения от податей [Петровский, 1876, с. 170]. Формирование дворян «петровского формата» было впервые начато в ходе подготовки полков к войне со Швецией [Ляпин, 2006, с. 284]. «Не способные» по разным причинам к полковой службе переводились в однодворцы, которых вместе с служилыми людьми нижних разрядов Петр к 1719 г.

²⁵ Плакат от 26 июня 1724 г. «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующихся войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемыми». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4533. СПб., 1830. С. 310–330; Инструкция земскому комиссару от 25 июня 1724 г. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4536. СПб., 1830. С. 327–329.

²⁶ Указ от 17 апреля 1722 г. «О донесении Генерал-Рекетмейстеру Егор Императорскому Величеству о челобитчиках не получающих никакого решения по поданным ими просьбам». Т. 6. 1720–1722 гг. № 3970. СПб., 1830. С. 656–657.

объединил в единое социально-фискальное сообщество («однодворцы»), обязав их платить налоги, нести службу в ландмилиции. По сути, однодворцы и служилые люди прежних (старых) служб стали заложниками попыток правительства пополнить бюджет за счет увеличения податной части населения страны. Этот процесс был долгим и под воздействием различных обстоятельств растянулся на полтора десятка лет (1710–1724).

Но окончательное «окрестьянение» мелких служилых людей произошло позднее, путем лишения их каких бы то ни было военных обязанностей. В Петровское время однодворцы были приобщены к крестьянству только в части фиска, с сохранением особого военно-служилого состояния. Этим Петр завершил формирование корпорации однодворцев нового формата. Однако Анна Иоанновна преобразований не одобрила и обязала однодворцев нести пограничную службу с сохранением небольших налоговых выплат. Денежный оклад по крестьянскому типу был возложен на однодворцев только в 1764 г. императрицей Екатериной II²⁷.

Список источников

- Высочайшая резолюция на доношение Князя Голицына от 11 декабря Т. 5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3468. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 770.
- Инструкция земскому комиссару от 25 июня 1724 г. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4536. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 327–329.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6 (июль–декабрь 1707). Приложения. СПб.: Государственная типография, 1912. 750 с.
- Указ от 30 октября 1699 г. «О сборе с ратных людей Белгородского полка вместо службы на жалованье с копейщиков и рейтар по 1 руб. 50 коп., с детей их по 70 коп., с солдат, с стрельцов, с казаков и людей пушкарского чина по 1 руб., с детей и свойственников их по 50 коп. с человека, а с крестьян по 50 коп. с двора». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 3. 1689–1699 гг. № 1710. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 655–656.
- Указ от 30 октября 1699 г. «О крупных денежных сборах вместо службы со стольников, стряпчих и прочих московских дворян». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 3. 1689–1699 гг. № 1729. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 677.
- Указ от 17 января 1707 г. «О назначении ландрихтера Я. Римского-Корсакова в Ингерманландской губернии земским судьей, проведении в ней переписи». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2135. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 364–366.
- Указ от 6 марта 1710 г. «О переписи дворян годных в драгунскую службу и взимании денежного сбора с неспособных к службе». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2257. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 470.
- Указ от 11 декабря 1707 г. «Об обложении денежными сборами приказных чинов людей по приказам, а городских по городам по пропорции доходов их». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2171. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 394.
- Указ от 12 февраля 1710 г. «О переписи губернаторам всякому в своей Губернии крестьянских дворов и деловых людей». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2253. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 478.

²⁷ Указ от 16 июня «О положении однодворцев в равный против всех Государственных хлебопашцев денежный оклад». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 16. 1762–1765 гг. № 12.185. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 802–806.

- Указ от 6 ноября 1712 г. «О сборе податей в Азовской губернии с служилых людей по переписным книгам 1710 г. с наличных дворов и о бытии им на службе по-прежнему». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4. 1700–1712 гг. № 2603. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 874.
- Указ от 26 ноября 1718 г. «О введении ревизии, распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании Земских Комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска, и о счете Земских Комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3245. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 597.
- Указ от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взыскании за утайку душ». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 5. 1713–1719 гг. № 3287. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 618–620.
- Указ от 17 апреля 1722 г. «О донесении Генерал-Рекетмейстеру Егор Императорскому Величеству о челобитчиках не получающих никакого решения по поданным ими просьбам». Т. 6. 1720–1722 гг. № 3970. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 656–657.
- Указ от 21 сентября 1724 г. «Об оставлении в подушном окладе однодворцев Севского и Белгородского разрядов, хотя они явились у Герольдмейстера и писаны в валовой список, за исключением тех, которые служили в Московских и городских дворянах». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4570. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 349–350.
- Указ от 16 июня «О положении однодворцев в равный против всех Государственных хлебопашцев денежный оклад». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 16. 1762–1765 гг. № 12.185. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 802–806.
- Плакат от 26 июня 1724 г. «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующихся войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемыми». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4533. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 310–330.
- Плакат от 26 июня 1724 г. «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующихся войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемыми». Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. 1723–1727 гг. № 4533. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 310–330.

Список литературы

- Акишин М.О. 2010. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого. Ленинградский юридический журнал, 3(21): 95–117.
- Важинский В.М. 1983. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, ВГПУ, 83 с.
- Ерошкин Н.П. 1968. История государственных учреждений дореволюционной России. М., Высшая школа, 369 с.
- Жуковская А. 2014. Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия. *Cahiers du monde russe*. 55: 31–49.
- Клочков М.В. 1911. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., Сенатская типография, 435 с.
- Лазарев Я. 2014. Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени. *Cahiers du monde russe*, 55/3–4: 215–234.
- Ляпин Д.А. 2006. Дети боярские Юга России в XVII в. (по материалам Елецкого уезда). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2(2): 273–284.
- Ляпин Д.А. 2021. Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал. *Quaestio Rossica*, 9(1): 254–264.

- Ляпин Д.А. 2021. Опыт изучения ландратских книг Петровского времени. *Российская история*, 1: 37–45.
- Ляпин Д.А. 2023. Переписные книги и вопрос о колебании численности населения в Петровскую эпоху. *Былые годы*, 3: 1103–1109.
- Милюков П.Н. 1905. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 1. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 678 с.
- Нечаев В.В. 2022. Непризнанное сословие (однодворцы центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.). *История: факты и символы*. 2(31): 92–107.
- Петровский С.А. 1876. Участие Сената в деле законодательства. М., Университетская типография, 576 с.
- Рабинович М.Д. 1956. Стрельцы в первой четверти XVIII в. *Исторические записки*. 58: 299–300.
- Рабинович М.Д. 1971. Однодворцы в первой половине XVIII в. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 137–145.
- Семевский М.И. 1994. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. М., Пресса., 416 с.

References

- Akishin M.O. 2010. «Obshhee blago» i gosudarev ukaz v jepohu Petra Velikogo [“The Common Good” and the Sovereign’s Decree in the Era of Peter the Great]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*, 3(21): 95–117.
- Vazhinskij V.M. 1983. Sel'skoe hozjajstvo v chernozemnom centre Rossii v XVII veke [Agriculture in the Black Earth Center of Russia in the 17th Century]. *Voronezh, VGPU*, 83 p.
- Eroshkin N.P. 1968. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. М., Vysshaja shkola, 369 p.
- Zhukovskaja A. 2014. Peremeny v fiskal'nom statuse d'jakov i pod'jachih v carstvovanie Petra I i ih social'nye posledstvija [Changes in the Fiscal Status of Clerks and Clerks During the Reign of Peter I and their Social Consequences]. *Cahiers du monde russe*. 55: 31–49.
- Klochkov M.V. 1911. Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisjam togo vremeni. Т. 1. Perepisi dvorov i naselenija (1678–1721) [Population of Russia under Peter the Great According to Censuses of that Time. Т. 1. Census of Households and Population (1678–1721)]. СПб., Senatskaja tipografija, 435 p.
- Lazarev Ja. 2014. Odnodvorcy v sisteme prjamoogo nalogooblozhenija Rossii XVIII v. K voprosu o roli nekoronnyh agentov v upravlenii gosudarstvom rannego Novogo vremeni [Odnodvortsy in the System of Direct Taxation in Russia in the 18th Century. On the Question of the Role of Non-Crown Agents in State Governance in the Early Modern Period]. *Cahiers du monde russe*, 55/3–4: 215–234.
- Ljapin D.A. 2006. Deti bojarskie Juga Rossii v XVII v. (po materialam Eleckogo uezda) [Boyar Children of the South of Russia in the 17th Century (Based on Materials from Yelets District)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2(2): 273–284.
- Ljapin D.A. 2021. Landratskie knigi: harakteristika istochnika i ego informacionnyj potencial [Landrat Books: Characteristics of the Source and its Information Potential]. *Quaestio Rossica*, 9 (1): 254–264.
- Ljapin D.A. 2021. Opyt izuchenija landratskih knig Petrovskogo vremeni [Experience in Studying Landrat Books of Peter’s Time]. *Rossijskaja istorija*, 1: 37–45.
- Ljapin D.A. 2023. Perepisnye knigi i vopros o kolebanii chislennosti naselenija v Petrovskuju jepohu [Census Books and the Question of Population Fluctuations in the Petrine Era]. *Bylye gody*, 3: 1103–1109.
- Nechaev V.V. 2022. Nepriznanное soslovie (odnodvorcy central'nogo Chernozem'ja v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized Class (Single-Palace Dwellers of the Central Black Earth Region in the 18th – Early 19th Centuries)]. *История: факты и символы*. 2(31): 92–107.
- Miljukov P.N. 1905. Gosudarstvennoe hozjajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletija i reforma Petra Velikogo [State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 1. СПб., Tipografija M.M. Stasjulevicha, 678 p.
- Petrovskij S.A. 1876. Uchastie Senata v dele zakonodatel'stva [Participation of the Senate in Legislation]. М., Universitetskaja tipografija, 576 p.
- Rabinovich M.D. 1956. Strel'cy v pervoj chetverti XVIII v. [Sagittarius in the First Quarter of the 18th Century]. *Исторические записки*. 58: 299–300.

- Rabinovich M.D. 1971. Odnodvorcy v pervoj polovine XVIII v. [Odnodvortsy in the First Half of the 18th Century. Yearbook of Agrarian History of Eastern Europe]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy, 137–145.
- Semevskij M.I. 1994. Carica Katerina Alekseevna, Anna i Villim Mons. 1692–1724 [Tsarina Katerina Alekseevna, Anna and Willim Mons. 1692–1724]. M., Pressa., 416 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.12.2023

Received 28.12.2023

Поступила после рецензирования 15.02.2024

Revised 15.02.2024

Принята к публикации 17.02.2024

Accepted 17.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ляпин Денис Александрович, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия; научный сотрудник, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2078-2404](https://orcid.org/0000-0002-2078-2404)

Denis A. Lyapin, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia; Researcher, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Нечаев Владимир Васильевич, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

 [ORCID: 0009-0001-1493-7238](https://orcid.org/0009-0001-1493-7238)

Vladimir V. Nechaev, Researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

УДК 94(47).073"182/183"(044.2)-053.4-058.232.3

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-127-134

Оригинальное исследование

«Мари сама писала. Я не умею ещё писать»: детские письма, написанные взрослыми, из фондов императорской фамилии (1820–1830 гг.)

Новокрещенова Е.С.

Российский государственный архив древних актов,

Россия, 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),

Россия, 105066, Москва, улица Старая Басманная, 21/4, стр. 1

E-mail: esnovokreschenova@edu.hse.ru

Аннотация. Childhood studies – одно из междисциплинарных направлений, в рамках которого исследователи обращаются к анализу детских писем. В данной статье производится анализ детских писем из фондов императорской фамилии Государственного архива Российской Федерации. Авторство этих писем приписывается великим княжнам Марии, Елизавете, Екатерине Михайловнам и Александре Николаевне, однако в ходе источниковедческого анализа было выявлено, что великие княжны были слишком малы и не умели самостоятельно писать. Эти письма были созданы взрослыми. Данная статья исследует вопрос о том, почему взрослые прибегали к такой практике. В ходе исследования выявлено, что, помимо образовательной функции, эти письма служили фиксацией развития ребёнка, поэтому в них осознанно допускались атрибуты детскости.

Ключевые слова: Великие княжны, Романовы, императорская фамилия, детские письма, переписка, Childhood studies, великая княжна Мария Михайловна, великая княжна Елизавета Михайловна, великая княжна Екатерина Михайловна, великая княжна Александра Николаевна

Для цитирования: Новокрещенова Е.С. 2024. «Мари сама писала. Я не умею ещё писать»: детские письма, написанные взрослыми, из фондов императорской фамилии (1820–1830 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 127–134. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-127-134

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

«Marie wrote it herself. I don't know how to write yet»: In Addition to the Question about Children's Letters Written by Adults from the Archive of the Imperial Family (1820–1830s)

Elizaveta S. Novokreshchenova

Russian State Archive of Ancient Documents Russia,

17 Bol'shaya Pirogovskaya St., Moscow 119435, Russia;

HSE University,

Building 1, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russia

E-mail: esnovokreschenova@edu.hse.ru

Abstract. Childhood studies is one of the interdisciplinary fields studying children's letters. This article analyzes certain children's letters from the collections of the Imperial family of the State Archive of the Russian Federation. It is believed that Grand Duchesses Maria, Elizabeth, Ekaterina Mikhailovnas and Alexandra Nikolaevna wrote these letters by themselves, however, during a source analysis it was revealed that since the Grand Duchesses could not write, these letters were created by adults. This article

explores why adults resorted to such practices. First of all, the importance of letters` educational function which is provided by existence of children inside the writing culture. It was important to teach young grand duchesses to write at young age. Secondly, these letters also recorded certain stages of growing up of the child. In such letters, the attributes of "childish" were deliberately admitted by adults, because it has become important for them to memorize these moments of personal development.

Keywords: Childhood-studies, Romanovs, Grand Duchesses, The imperial family, children's letters, correspondence, the Grand Duchess Maria Mikhailovna, the Grand Duchess Elizabeth Mikhailovna, the Grand Duchess Ekaterina Mikhailovna, the Grand Duchess Alexandra Nikolaevna

For citation: Novokreshchenova E.S. 2024. «Marie wrote it herself. I don't know how to write yet»: In Addition to the Question about Children`s Letters Written by Adults from the Archive of the Imperial Family (1820–1830s). *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 127–134 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-127-134

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Историки детства крайне зависимы от круга доступных им источников. Если о начале XX века исследователи располагают сохранившимися фотографиями, рисунками, материальными свидетельствами и текстами (как воспоминаниями, так и письмами, записками и другими письменными источниками), то исследователи детства представительниц дома Романовых второй четверти XIX столетия опираются в основном либо на очень сложные для интерпретации рисунки великих княжон [Урок рисования..., 2006], либо на уже опубликованные тексты. Число их невелико [Окулова, 1896, с. 606–613; Александра Николаевна (вел. Княжна)..., 2007, с. 181–184; Ольга Николаевна (вел. княгиня)..., 2017; Grimm, 1870, V. 1–2], наверное, самый популярный из них – это «Сон юности» великой княжны Ольги Николаевны [Сидорова, 2009, с. 95–97]. Несомненно, эти воспоминания дают общее представление о детстве в императорской семье, но у них есть свои ограничения: индивидуальность личного опыта, временная дистанция, избирательность памяти. К примеру, о своей младшей сестре Александре (1825–1845) Ольга Николаевна оставила пространные воспоминания, а о своих кузинах, дочерях её дяди великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, великих княжнах Марии (1825–1846), Елизаветы (1826–1845) и Екатерины (1827–1894) едва ли наберётся несколько предложений. Рассказ Ольги об Александре и сейчас хорошо тиражируется [Высочков, 2028, с. 723, 818–819], в то время как опубликованные источники о детстве Марии, Елизаветы и Екатерины практически отсутствуют [Новокрещенова, 2023, с. 70–72]. По этой причине изучение их детства следует начинать с фонда императорской фамилии Государственного архива Российской Федерации. Там отложился значительный корпус детских писем той эпохи, который позволяет отойти от широкого нарратива, построенного на воспоминаниях и обратиться к свидетельствам самих детей императорской фамилии. Среди этих документов я выделила письма упомянутых четырёх великих княжон: Александры, Марии, Елизаветы и Екатерины. Это короткие детские письма, которые, на первый взгляд, информационно крайне скудны, но именно они позволяют детальнее рассмотреть отношения между «взрослым» и «детским».

Объект и методы исследования

Осознание уникальности детского опыта определило направление «childhood studies» в отдельную область исследований, что, в свою очередь, обратило внимание специалистов разных областей гуманитарных наук на документы, созданные детьми. Феномен детских писем отличается многосложностью, масштабом и разнообразием причин их появления. Изучая детство советского времени, А.А. Сальникова отмечала, что следует соотносить «детское» и «взрослое» в таких письмах и то, как «детское», выражающееся в тяготении к устной речи, постепенно переходит к взрослому письменному канону [Сальникова, 2011,

с. 116]. Сложность изучения детских писем заключается в проницаемости и нечёткости таких границ. При этом очевидно, что «взрослое» всегда довлеет над «детским» и стремится подтянуть его до своего уровня. Попытаемся апробировать эти исследовательские разработки на детских письмах великих княжон.

В возрасте трёх лет в 1828 году великая княжна Мария Михайловна отправилась со своей матерью, великой княгиней Еленой Павловной, в заграничное путешествие. Во время поездки по Европе Елена Павловна вела переписку со своим мужем великим князем Михаилом Павловичем, участвовавшим в это время в Русско-турецкой войне [Лалаев, 1898, с. 20–21; Ольга Николаевна (вел. княгиня), 2017, с. 17]. Казалось бы, о том, как она проводит время с дочерью, он мог узнать из писем жены. Но в архиве великого князя сохранились три листа (три письма) на русском языке с подписью «Мария»²⁸. О том, что эти письма были написаны в период этой поездки, указывают упомянутые географические подробности – город Эмс, храм (собор?) святого Петра. Поскольку эти детские письма впервые вводятся в научный оборот, их датировка будет исходить из их содержания. Если соотнести эти детские письма с маршрутом поездки [Soroka, 2015, p. 81–96], то выясняется, что лист 12 относится к зиме-лету, а лист 11 – к лету-осени 1829 года. Построив связь между упомянутыми в них событиями, можно датировать лист 9 между 12 и 11 листами²⁹. На то, что это были письма из поездки 1828–1829 гг. указывает упоминание, что Мария в это время только училась читать. Факт создания этих писем может показаться парадоксальным, потому что обучение письму обычно начиналось после обучения чтению. Однако стоит присмотреться к записке на французском языке, отправленной тогда же великой княгиней Еленой Павловной. Она указывает, что одно из писем дочери всё-таки было отправлено и что при его создании Марии водили руку³⁰. Из чего следует, что Мария написала это письмо не самостоятельно и автором выступал другой человек. Обнаружив подобное начертание букв в более поздних письмах сестёр Марии (например, Елизаветы 1830 года³¹), можно предположить, что этим человеком мог быть кто-то из штата Елены Павловны, если, конечно же, автором не была сама великая княгиня³².

Пока старшая дочь Мария путешествовала вместе с матерью, её младшие сёстры, великие княжны Елизавета и Екатерина Михайловны остались в Петербурге. Сначала они находились на попечении их бабушки императрицы Марии Федоровны [Ольга Николаевна (вел. княгиня), 2017, с. 17], а после её смерти заботу о них взяла императорская чета. В отчётах Ефросиньи Евстафьевны Стакельберг – гувернантки-полковницы при великих княжнах – есть упоминание об их переписке с матерью³³, хотя сами письма, вероятно, не сохранились. Зато сохранилось несколько писем к отцу³⁴. Из этих отчётов известно, что некоторые письма гувернантка вывела рукой Елизаветы под диктовку великой княжны³⁵. Выходит, и они также не были написаны великими княжнами самостоятельно. Как и их старшая сестра, они еще не умели писать. Елизавете тогда было 3 года, а Екатерине – 2 годика. Письма написаны на французском, на котором великие княжны осваивали письмо, как правило, только научившись писать на русском, однако они могли говорить на французском. Так, например, Ольга Николаевна утверждала, что уже в пять лет умела и читать, и писать на трёх языках [Ольга Николаевна (вел. княгиня), 2017, с. 18]. Три письма содержат в себе исключительно призывы отцу

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 666. Оп. 1. Д. 226. Лл. 9, 11, 12.

²⁹ Точную датировку их следует искать в переписке Елены Павловны и Михаила Павловича. Она до сих пор не обратила на себя должного внимания исследователей.

³⁰ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 226. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 239. Л. 3, 5.

³² Сравнение с почерком великой княгини Елены Павловны 20-х годов может помочь решить этот вопрос, но на данный момент мне не известны тексты этого периода, написанные ею на русском языке. Вдобавок не стоит исключать искажение начертания букв из-за того, что взрослый не пишет самостоятельно, а водит руку ребёнка, из-за чего должна была исчезнуть быстрота написания букв, появились криво-проведённые линии и т. п.

³³ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 478. Л. 24 об.

³⁴ Там же. Д. 239. Лл. 17–19; Там же. Д. 222. Лл. 2, 4, 6, 8.

³⁵ Там же. Д. 479. Л. 52.

вернуться к ним: в двух упоминается только «Рапа»³⁶, но в одном, написанном Екатериной, приводится список из трёх человек: «душинька Рапа. Мама. Marie Michailovna. Пади суда»³⁷. Может показаться странным, что она не упомянула свою старшую сестру, Елизавету. Вероятно, письмо было отправлено в тот момент, когда Михаил Павлович был рядом со своей женой и старшей дочерью. Такой момент был в июле 1829 года [Soroka, 2015, p. 93]. Во всех остальных письмах они повествуют об их ежедневных занятиях или интересных событиях: о катании с горы на коврике³⁸, отправленном от Дяди бриллианте³⁹, игре «petit boy» на скрипке⁴⁰. В одном из них Елизавета описывала отцу, как, прогуливаясь по Таврическому саду, она встретила с Мирзой Якубом⁴¹, прибывшим с извинительной миссией из Тегерана, что позволяет датировать письмо концом лета – осенью 1829 года.

Три письма великой княжны Александры Николаевны⁴² позволяют провести параллели с техникой создания детских писем во всей императорской фамилии. На первый взгляд может показаться, что эти письма написаны рукой великой княжны, однако это не совсем так. Подпись «Адина» на всех трёх листах очень сильно похожа на подпись под её портретом кисти Петра Фёдоровича Соколова из Государственного Исторического Музея, что свидетельствует о том, что тогда у Александры был совершенно другой почерк, ведь в то время она тоже только училась писать. А значит, и эти письма были написаны не ею, а взрослым человеком. Судя по ровным линиям и строкам, скорее всего, руку ей не водили. Опираясь на упоминания поездки императорской четы, листьев на деревьях, бабочек, а также «тёти Жанетт и дяди Константина», можно отнести их ко времени польской коронации Николая I, то есть к весне-лету 1829 года. При этом письма на листах 128 и 129 были написаны раньше, чем письмо на листе 93, так как в нём Александра указывает, что её мать должна скоро вернуться после коронации.

После возвращения Елены Павловны в октябре 1829 года в Петербург семья великого князя Михаила Павловича наконец-то воссоединилась. Новое расставание случилось через несколько месяцев в связи с отъездом отца в Варшаву весной⁴³, а затем – в Москву в июле 1830 года [Булгаков, 1901, с. 485]. К этому времени относятся ещё два письма Марии и Елизаветы⁴⁴, потому как в них упоминается великий князь Константин Павлович и путешествие Михаила Павловича в Варшаву. Примерно тогда началось обучение Марии Михайловны письму. Почерк на листе 13 пусть и сохранил начертание подобное письмам из поездки по Европе в 1828–29 годах, стал ещё небрежнее: теперь его отличают корявые линии, переменчивый нажим пера. Это можно объяснить тем, что она пыталась писать самостоятельно поверх написанного карандашом шаблона⁴⁵. Похожие следы от карандаша есть в другом письме⁴⁶, что вкупе с упоминанием работ в саду также позволяет датировать его весной-летом 1830 года⁴⁷. Письмо Елизаветы, скорее всего, также было выведено её рукой. Неясной остаётся датировка ещё двух писем⁴⁸. Схожее начертание букв позволяет отнести их к тому же периоду, уточнив, что упоминание пребывания Михаила Павловича в Москве⁴⁹ относит письмо Елизаветы к концу лета. Примерно тогда же Мария научилась писать самостоятельно,

³⁶ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 222. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 239. Л. 18, 19.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ Там же. Д. 222. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

⁴¹ Там же. Д. 239. Л. 17.

⁴² Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1633. Лл. 93, 128, 129.

⁴³ Там же. Ф. 647. Оп. 1. Д. 873. Л. 153.

⁴⁴ Там же. Ф. 666. Оп. 1. Д. 239. Лл. 13, 14.

⁴⁵ В пользу этой версии говорят следы от карандаша у буквы «р» в слове «теперь» и у «ь» в слове «Маминька».

⁴⁶ Следы карандаша заметны у буквы «а» в слове здравствуй, «н» – Папинька, «К» – Каменном, «л» и «к» – лапатки (так в тексте – прим. Е.Н.) и т. п.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 239. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Лл. 5, 16.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 239. Л. 5.

о чем поспешила сообщить отцу⁵⁰. И вслед за ее письмом было отправлено письмо Елизаветы, в котором она подчеркнуто заявила: «Мари сама писала. Я не умею писать ещё. Когда я буду учиться, я буду очень прилежна и мне не будут водить руку»⁵¹. Тем самым давая понять, что это еще не самостоятельное её письмо, как и следующее⁵². Говоря о ранних письмах Марии, можно предположить, что их настоящим автором была великая княгиня Елена Павловна, но в этом письме она спрашивала у отца про здоровье матери⁵³. Возможно, самостоятельное написание этого письма было инициировано отъездом великой княгини. Хотя уже в следующем письме, написанном также самостоятельно ближе к середине – концу лета 1830 года, Мария упоминает, что не может писать письма без матери⁵⁴.

Летом 1831 года все три дочери великого князя Михаила Павловича отправились в путешествие с матерью в Англию [Soroка, 2015, p. 101]. Содержание выявленных писем⁵⁵ позволяет датировать их именно этой поездкой. Мария начинала писать самостоятельно. В письме Елизаветы можно разглядеть следы карандаша⁵⁶, а Екатерине, скорее всего, водили руку. Таким образом, в этих письмах представлены все три способа создания писем великих княжон, которым на тот момент было соответственно шесть, пять и четыре года.

Результаты и их обсуждение

Таким образом выявленные письма относятся к периоду, когда великие княжны еще не умели самостоятельно писать и свободно излагать свои мысли, поэтому за каждым таким детским письмом стоял ещё один создатель. Так, дочь императора Николая I Александра Николаевна в письме от 1835 года упоминала, как Ольга Николаевна (на тот момент ей было 13 лет) помогала своим братьям Николаю и Михаилу писать письма. Она водила им руку, но текст письма, как и в случае, описанном Е.Е. Стакельберг, братья ей диктовали сами⁵⁷. К сожалению, в отношении почти всех анализируемых писем (кроме некоторых писем Елизаветы, выведенных рукою её гувернантки) не сохранилось указаний, кто конкретно за ними стоял. Можно лишь предположить по почерку, что всё-таки эти письма писались и водились рукой взрослого. Мы располагаем письмами к родителям, написанными за ребёнка, письмами, где ребёнку водят руку, и письмами, в которых ребёнок обводит написанный заранее шаблон. Все эти способы подразумевают участие взрослого человека, но самое важное – в этот письменный диалог включался ребёнок. Причем любым способом: как Александра, поставив свою подпись, или как Мария, приложив руку (пусть и водимую другим человеком) к написанию текста. Отсюда возникает вопрос – зачем всё это взрослым?

Первый и очевидный ответ – написание писем является частью образовательного процесса. В письменной культуре XIX века было естественно вести переписку, поэтому было важно с малых лет прививать ребёнку навыки письма. В письмах Марии и Александры несложно заметить четко выверенную структуру с приветствием, основной частью и прощанием. Но это не объясняет краткость писем Елизаветы и Екатерины, которые могут состоять из одного предложения или же ограничиться исключительно повествованием с подписью. Эти письма двух младших великих княжон демонстрируют большую детскость и, скорее, похожи на короткие записки для внутреннего домашнего общения.

Образовательная функция письма включает в себя воспитание культуры общения с родителями, например, обращения к ним в письменной форме. В ранних письмах Марии пери-

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 3.

⁵² Там же. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Лл. 11–12.

⁵⁶ Следы карандаша заметны у буквы «о» в слове *bonjour*, «М» – *Maman*, «N» – *nous*, «b» – *boie* и т. п.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 758. Оп. 1. Д. 1633. Л. 43.

ода поездки 1828–1829 гг. используется обращение «вы», в то время как в письмах Елизаветы, Екатерины, а затем и в письмах Марии 1831 г. используется при обращении к отцу «ты». В то время как в письмах Александры всё наоборот: письма, написанные примерно во время коронации в Польше, используют обращение на «ты» и одно письмо, предшествовавшее возвращению матери, обращается к ней на «вы». Так как в дальнейшем во всех письмах все великие княжны будут обращаться в переписке к родителям на «вы», можно заключить, что это была осознанная и приобретенная с возрастом установка этикета⁵⁸, что только усиливает наличие и значимость детского обращения в ранних письмах на «ты». В письмах Марии 1829 года, помимо описания повседневности, содержатся обещания отцу быть прилежной и хорошей. Это же обещание позже повторяется в нескольких письмах Елизаветы⁵⁹. Этот посыл обнаруживается в фразе: «Завтра я буду читать хорошо»⁶⁰ в письме Александры. В этом видится установка взрослого с помощью письма показать ребёнку паттерн поведения. Дети стремились в письме представить себя перед родителем в лучшем виде, убеждая себя и его, что будут прилежно учиться читать, вести себя хорошо, а даже если и нет, то обязательно исправятся, «чтоб папинька миня бы любил»⁶¹. Однако не стоит ограничиваться только образовательной функцией детских писем. Она не объясняет, почему большую часть писем великих княжон занимают рассказы о повседневной жизни.

Перед настоящими авторами детских писем стояла задача сделать письмо понятным адресату. Однако написать письмо полностью за великих княжон они не могли – тогда потерялась бы коммуникативная функция. Поэтому им было важно продемонстрировать то, что письмо отправлено было ребёнком, сознательно привнести в него «детское». В этих письмах делалось это двумя способами. Во-первых, детская подпись «Адина» в письме Александры должна была свидетельствовать о том, что, хотя письмо не было написано ею самостоятельно, именно она отправила его своей матери. Эту же функцию несёт «ведение руки» ребёнка. Не случайно Елена Павловна акцентировала это в сопроводительной записке мужа (зная, как он сильно любит своих дочерей). Ей было важно отметить, что к созданию письма приложила руку Мария. Во-вторых, в детских письмах повествуются события, центром которых становится сам ребёнок. Иногда упоминаются другие члены семьи, но в остальном они повествуют о том, что происходит с ними, представляя и описывая свойственный ребёнку эгоцентричный мир. Этот мир состоит из их обучения чтению и письму, но в большей мере он состоял из игр и увлечений: катания с горки⁶², кукол⁶³, прогулок⁶⁴, садоводства⁶⁵ и т. п. Могли быть и более значимые события: встреча с Принцем Мирзой⁶⁶, поход в церковь⁶⁷.

Заключение

Такое внимание к «детскому» со стороны взрослых обеспечено видовой уникальностью писем как способа коммуникации. В отличие от учебных текстов, которые априори несут в себе подчинённое положение ребёнка-ученика в отношении взрослого-учителя, письма подразумевают диалог между ребёнком и его родителем. Адресату таких детских писем важно было увидеть зафиксированный в тексте отпечаток личности своего ребёнка, сохранить в памяти этапы его взросления. Детские письма, созданные взрослыми, свидетельствуют о значимости детства в формировании личности в большой императорской семье. Великие княжны Мария, Александра

⁵⁸ Определить четкие даты такого возрастного перехода невозможно, но общий анализ переписки позволяет заключить, что это происходило примерно в возрасте семи лет.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 239. Л. 3, 12.

⁶⁰ Там же. Ф. 758. Оп. 1. Д. 1633. Л. 129.

⁶¹ Там же. Ф. 666. Оп. 1. Д. 226. Л. 12.

⁶² Там же. Д. 239. Л. 19.

⁶³ Там же. Д. 222. Л. 6.

⁶⁴ Там же. Д. 222. Л. 8; Там же. Ф. 758. Оп. 1. Д. 1633. Л. 128.

⁶⁵ Там же. Д. 239. Л. 15.

⁶⁶ Там же. Л. 17.

⁶⁷ Там же. Д. 226. Л. 12.

и Елизавета прожили недолгую жизнь, возможно, поэтому оставаясь свидетельством их взросления, их ранние письма бережно хранились родителями, потому что стали памятью, коей они очень дорожили. Благодаря этому эти письма «дожили» до наших дней в фондах императорской семьи и сейчас дают изучать ранее неизвестные аспекты истории детства.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 647 (Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская Фредерика-Шарлотта-Мария). Оп. 1. Д. 873 (Письма великой княгине Елене Павловне великого князя Михаила Павловича. На французском языке). Л. 153.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 666 (Михаил Павлович, великий князь, сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части). Оп. 1. Д. 222 (Письма великой княгини Екатерины Михайловны (дочери) великому князю Михаилу Павловичу. На русском и французском языках). Лл. 2, 4, 6, 8.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 666 (Михаил Павлович, великий князь, сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части). Оп. 1. Д. 226 (Письма великой княгини Марии Михайловны (дочери) великому князю Михаилу Павловичу). Лл. 9, 11, 12.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 666 (Михаил Павлович, великий князь, сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части). Оп. 1. Д. 239 (Письма великих княжон Марии Михайловны, Елизаветы Михайловны и Екатерины Михайловны (дочерей) великому князю Михаилу Павловичу). Лл. 3–5, 12–19.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 666 (Михаил Павлович, великий князь, сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части). Оп. 1. Д. 478 (Письма и ежедневные отчеты Штакельберг о поведении и здоровье детей великому князю Михаилу Павловичу. На французском языке). Л. 24.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 666 (Михаил Павлович, великий князь, сын императора Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части). Оп. 1. Д. 479 (Письма и ежедневные отчеты Штакельберг о поведении и здоровье детей великому князю Михаилу Павловичу. На французском языке). Л. 52.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728 (Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. Санкт-Петербург). Оп. 1. Д. 1633 (Письма великой княжны Александры Николаевны к императрице Александре Федоровне. На русском и французском языке). Лл. 43, 93, 128, 129.

Список литературы

- Александра Николаевна (вел. княжна). 2007. Дневник великой княжны Александры Николаевны. В кн.: Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. СПб., Союз-Дизайн: 181–184.
- Булгаков А.Я. 1901. Из писем А.Я. Булгакова к его брату. В кн.: Русский Архив. Историко-литературный сборник. 12: 545–589.
- Высочков Л.В. 2018. Николай I и его эпоха: очерки истории России второй четверти XIX века. М., Акад. Проект: 999.
- Лалаев М.С. 1898. Очерк жизни и деятельности в бозе почивающего великого князя Михаила Павловича. СПб.: 95.
- Новокрещенова Е.С. 2023. Великие княжны Мария, Елизавета и Екатерина Михайловны в Ораниенбауме в 1837 г. В кн.: Детство во дворце: Сборник статей по материалам XIII научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб. ГМЗ «Петергоф»: 69–78.
- Окулова А.А. 1896. Выдержки из записок А.А. Окуловой. В кн.: Русский архив. Историко-литературный сборник. 4: 606–613.
- Ольга Николаевна (вел. княгиня). 2017. Сон юности. Записки дочери Николая I. М., Алгоритм: 271.
- Сальникова А.А. 2011. «Детское письмо» и его специфика. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сборник научных статей и сообщений. Казань, Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета: 116–123.
- Сидорова А.Н. 2009. «Юность под кровом отцовской любви»: Воспитание великой княжны Ольги Николаевны. *Родина: исторический научно-популярный журнал*. 11: 95–97.

- Урок рисования: каталог выставки. 2006. СПб., Петроний, 143.
Grimm A.Th. 1870. Alexandra Fedorowna: Empress of Russia. Edingburgh: Edmondson and Douglas. V. 1–2.
Soroka M.E. 2015. Becoming a Romanov. Grand Duchess Elena of Russia and her world (1807–1873).
Western University, Canada. Surrey: Ashgate: 336.

References

- Nikolaevny. In: Dvorets i park Gatchiny v dokumentakh, pis'makh i vospominaniyakh. 1801–1881 [Gatchina`s Palace and Park in Documents, Letters and Memoirs. 1801–1881]. Saint-Petersburg, Soyuz-Dizayn: 181–184.
Bulgakov A.Ya. 1901. Iz pisem A.Ya. Bulgakova k ego bratu [From Letters of A.Ya. Bulgakov to his Brother]. In: Russkiy Arkhiv: Istoriko-literaturnyy sbornik. 12: 545–589.
Vyskochkov L.V. 2018. Nikolay I i ego epokha: ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX veka [Nicholas I and his Era: Essays on the History of Russia in the Second Quarter of the XIX Century]. M., Akad. Proekt: 999.
Lalaev M.S. 1898. Ocherk zhizni i deyatelnosti v boze pochivayushchego velikogo knyazya Mikhaila Pavlovicha [An Essay on the Life and Work of Grand Duke Mikhail Pavlovich who Reposed in the Lord]. Saint Petersburg: 95.
Novokreshchenova E.S. 2023. Velikie knyazhny Mariya, Elizaveta i Ekaterina Mikhaylovny v Oranienbaume v 1837 g. In: Detstvo vo dvortse: Sbornik statey po materialam XIII nauchno-prakticheskoy konferentsii GMZ «Peterhof» [Childhood in the Palace: A Collection of Articles Based on the Materials of the XIII Scientific and Practical Conference of The Peterhof State Museum-Reserve]. Saint Petersburg. GMZ «Peterhof»: 69–78.
Okulova A.A. 1896. Vyderzhki iz zapisok A.A. Okulovoy [Excerpts from the Notes of A.A. Okulova]. In: Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik. 4: 606–613.
Ol'ga Nikolaevna (grand duchess). 2017. Son yunosti. Zapiski docheri Nikolaya I [The Dream of Youth. Notes of the Daughter of Nicholas I]. M., Algoritm: 271.
Sal'nikova A.A. 2011. «Detskoe pis'mo» i ego spetsifika. Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii: sbornik nauchnykh statey i soobshcheniy [Childhood in Scientific, Educational and Literature: the Experience of Reading and Interpretation: Proceedings of Scientific Articles] Kazan', Izd-vo Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta: 116–123.
Sidorova A.N. 2009. "Yunost' pod krovom otsovskoy lyubvi": Vospitanie velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny ["Youth under the Roof of Fatherly Love": The Education of Grand Duchess Olga Nikolaevna]. *Rodina: istoricheskiy nauchno-populyarnyy zhurnal*. 11: 95–97.
Urok risovaniya: katalog vystavki [Drawing Lesson: Exhibition Catalog]. 2006. Saint Petersburg, Petroniy, 143.
Grimm A.Th. 1870. Alexandra Fedorowna: Empress of Russia. Edingburgh: Edmondson and Douglas. V. 1–2.
Soroka M.E. 2015. Becoming a Romanov. Grand Duchess Elena of Russia and her world (1807–1873). Western University, Canada. Surrey: Ashgate: 336.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Поступила после рецензирования 28.02.2024

Принята к публикации 29.02.2024

Received 20.02.2024

Revised 28.02.2024

Accepted 29.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новокрещенова Елизавета Сергеевна, специалист первой категории, Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Россия; магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0005-3507-2164](https://orcid.org/0009-0005-3507-2164)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta S. Novokreshchenova, Specialist of the First Category, Russian State Archive of Ancient Documents Russia, Moscow, Russia, student, HSE University, Moscow, Russia

УДК 94.47.082+083

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-135-147

Оригинальное исследование

Православные часовни Центрального Черноземья – памятники спасения императорской семьи 17 октября 1888 года

Козлов К.В. , Сергиенко М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: kozlov@bsu.edu.ru, sergienko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования истории строительства православных мемориальных часовен в память о спасении императорской семьи в железнодорожной катастрофе 17 октября 1888 г. Складывание традиции строительства мемориальных часовен было связано с формированием перечня событий из жизни царской семьи, которые подлежали сохранению в государственной и церковной политике памяти. Мемориальные часовни являлись одним из элементов коммеморативной практики. Их создание было делом частной инициативы. В этой связи локализация исследования территорией губерний Центрального Черноземья позволила установить наличие региональных особенностей в практике создания этого типа культовых зданий.

Ключевые слова: крушение царского поезда 17 октября 1888 г., memory studies, историческая память, часовня, Центральное Черноземье

Для цитирования: Козлов К.В., Сергиенко М.А. 2024. Православные часовни Центрального Черноземья – памятники спасения императорской семьи 17 октября 1888 года. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 135–147. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-135-147

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Orthodox Chapels of the Central Chernozem Region as Monuments of the Emperor's Family Rescue on October 17, 1888

Konstantin V. Kozlov , Marina A. Sergienko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: kozlov@bsu.edu.ru, sergienko@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the experience of preserving the historical memory of Emperor Alexander III and his family's rescue in a train accident on October 17, 1888 in Orthodox memorial chapels. The chapels were part of the traditional Orthodox architecture. In the Russian Empire at the beginning of the XVIII century, a ban was imposed on the construction of new chapels. The ban existed until the second half of the XIX century. The memorialization of significant events in the lives of the Russian emperors (Alexander II, Alexander III and Nicholas II) and their family members provoked the revival of chapel construction tradition in Russia. The rescue of the royal family on October 17 became one of such events, which was immortalized in the historical memory of the residents of two Central Chernozem region provinces – Kursk and Tambov – by the construction of memorial chapels. The creation of chapels was the result of the personal initiative of the clergy, churchwardens and parishioners. Memorial chapels became "places of remembrance" due to the fact that icons associated with the rescue of the royal family were donated to them and annual divine services were held on October 17.

Keywords: the Tsar's train wreck on October 17, 1888, memory studies, historic memory, the chapel, the Central Chernozem region

For citation: Kozlov K.V., Sergienko M.A. 2024. Orthodox Chapels of the Central Chernozem Region as Monuments of the Emperor's Family Rescue on October 17, 1888. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 135–147 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-135-147

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Крушение поезда, в котором ехали император Александр III и его семья 17 октября 1888 г., стало поводом для массового проявления в Российской Империи религиозно-патриотических чувств населения, как это называлось в официальной риторике, где говорилось о «многочисленных благотворительных и благочестивых делах и жертвоприношениях, должествующих служить для грядущего поколения постоянным воспоминанием о дне великой милости Божией, явленной русскому народу» [Всеподданейший отчет..., 1893, с. 1].

Одной из форм выражения этого патриотического подъема было строительство на частные пожертвования зданий религиозного назначения, в первую очередь православных храмов и приделов к ним, колоколен, часовен. Самым многочисленным типом построенных зданий из числа указанных были часовни. Так, за период 1890–1893 гг. в России в память об этом событии было построено 72 православных храма, 14 колоколен, 14 приделов и 199 часовен [Всеподданейший отчет..., 1893, с. 1–2].

Часовня в ментальной картине православного человека в первую очередь являлась «местом памяти» о каком-либо событии личной, местной или отечественной истории. В здании часовни не было алтаря, и поэтому там не могли совершаться христианские таинства. Богослужения осуществлялись не регулярно, обычно в определенные дни, связанные с практикой коммеморации значимого события для жителей населенного пункта – места нахождения часовни.

История мемориальных часовен получила освещение в рамках историко-этнографических исследований, выполненных на материале северных и северо-западных губерний [Пулькин, 2009; Платонов, 2011; Чернецова, 2014; Волоснов, 2015]. Исследования мемориальных часовен, посвященных 17 октября 1888 г., в исторической науке представлены многочисленными работами. Так, Е.Д. Королева исследовала историю создания часовни во имя Александра Невского в городе Троицк Оренбургской губернии [Королева, 2005]. П.К. Соловьев детально исследовал историю создания часовни в память 17 октября в с. Балаково Самарской губернии: установил предысторию, персоналии меценатов и архитектора, состав и работу инициативной группы [Соловьев, 2019]. А.Р. Будишиным в ходе исследования практики строительства часовен в честь царских особ на территории белорусских губерний Российской Империи были выявлены восемь часовен, построенных в память события 17 октября 1888 г. в Минской, Витебской, Гродненской и Виленской губерниях [Будишин, 2019].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является практика увековечивания спасения императорской семьи во время крушения железнодорожного поезда 17 октября 1888 г. в исторической памяти жителей Центрального Черноземья. Исследуется одна из форм коммеморации – строительство мемориальных православных часовен, посвященных этому событию. Данные мемориальные объекты рассматриваются как публичные «места памяти» в контексте культурных традиций православия. Особую значимость исследованию мемориальных часовен придает тот факт, что до настоящего времени из всех религиозных зданий часовен сохранилось меньше всего. Так, по данным «Единого государственного реестра объектов культурного

наследия народов Российской Федерации», в Центральном Черноземье на охранном учете состоит 13 часовен, в том числе в Белгородской области – 1, Брянской области – 4, в Курской области – 6, в Липецкой области – 1, в Орловской области – 1 [Единый...].

В этой связи рассмотрение этих мемориальных объектов может быть продуктивно не только в контексте исследования практики формирования исторической памяти о событии 17 октября 1888 г., но и реализации целенаправленной политики забвения сведений об имперском периоде российской государственности. Историческое исследование мемориальных часовен является возможностью определения и реконструкции культурных форм сохранения сведений об эпохе Александра III в исторической памяти жителей Центрального Черноземья и установления континуальной преемственности в контексте исторического дискурса. Особую актуальность этой проблеме и значимость результатам ее исследования придает то, что вероятность восстановления этих часовен на основании их прежнего мемориального статуса – сохранение сведений из жизни одного из российских императоров – ничтожна.

Исследование осуществлялось в рамках методологического подхода *memory studies* и представляет собой попытку рассмотреть мемориальные часовни как социальные медиаторы культурной памяти, созданные на основе частной инициативы, осуществлявшейся в рамках реализации государственной политики памяти.

Из числа конкретно-исторических методов были использованы:

– историко-генетический, при исследовании строительства мемориальных часовен как элемента складывания коммеморативной практики увековечивания памяти о событии 17 октября 1888 г. в конце XIX – начале XX в.;

– сравнительно-исторический, при рассмотрении региональных особенностей этого процесса в рамках отдельных губерний Центрального Черноземья – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской.

Результаты и их обсуждение

Часовня являлась традиционным христианским культовым зданием и стала частью православной зодческой традиции в России. Однако в начале XVIII века часовни оказались в фокусе пристального внимания государственной власти. Петр I указом от 25 ноября 1707 г. приказал разобрать все имеющиеся к этому времени в строящемся Петербурге часовни, а их имущество передать в приходские храмы. Это решение стало определяющим в последующей политике по отношению к строительству часовен и правовым прецедентом, на который ориентировались законодатели XVIII – первой половины XIX вв. В указе от 28 марта 1722 г. были развернуто сформулированы претензии власти к часовням, которые «всегда правильным церквам препятствием бывают, ибо некоторые невежды и суеверцы не так имеют прилежание к церквам святым, как в часовнях; а раскольником и противному их мнению не малой способ есть, ибо они, по своему невежескому упрямству и умовредной прелести, отчуждающиеся святых церквей, могут приходиться в те часовни, аки в некоторые свои мольбища, и отправляемую тамо, по своему суемнению, мольбу почитать за церковную» [Указ «О запрещении свещевозжения...», с. 158]. И постановляющая часть этого документа была безапелляционна: новые часовни строить запрещено, существующие деревянные часовни разобрать, а каменные – перепрофилировать в течение недели со дня получения этого указа, «поскольку так учинено в столице».

В 1723 г. было запрещено строить здания – «будки» – на кладбищах для чтения Псалтири по усопшим. А чтецам было определено место в приделе или притворе кладбищенского храма. Тем самым была пресечена практика строительства часовен на кладбищах [Указ «О непоставлении...», с. 216].

В 1727 г. было разрешено восстановить закрытые часовни: «которые часовни еще не разобраны, а обретаются в приличных местах, таким для моления быть по-прежнему, также

которые и разобраны, а будут просители, чтобы их паки возобновить и взятые из тех часовен святые иконы отдать» [Указ «О разрешении открыть...», с. 552]. В этом документе было три ключевых момента, которые легли в основу определения порядка открытия часовен в дальнейшем. Во-первых, определялся инициативный характер открытия часовен – «будут просители». Во-вторых, разрешалось открывать только православные часовни: «чтобы не было раскольником какого способа». В-третьих, решение вопроса об открытии часовни было отнесено к компетенции епархиального архиерея – «решение о построении таких часовен чинить архиереям, не утруждая о том впредь Синод» [Указ «О разрешении открыть...», с. 552].

В 1734 г. вновь было подтверждено действие петровского указа от 25 ноября 1707 г. о закрытии часовен: «нигде никому на новых и на старых местах, вместо старых, вновь часовен отнюдь не строить» [Указ «О нестроении...», с. 356]. И были определены санкции за самовольное строительство часовни.

В 1769 г. было обращено внимание на запрет совершения таинства венчания в часовнях. Исключение могло быть сделано для конкретных случаев, но опять же по решению епархиального архиерея [Указ «О воспрещении...», с. 611].

В Уставе духовных консисторий 27 марта 1841 г. были определен порядок ремонта и реставрации часовен, которые являлись объектами культурного наследия. В этом документе, во-первых, был подчеркнут инициативный характер строительства часовен «издревле построенные благочестивым усердием православных предков». И при этом определено ее обязательная принадлежность Церкви: «все часовни и молитвенные дома состоят в ведении духовного начальства и для того должны быть приписаны к монастырским или к приходским церквам и поручены наблюдению настоятелей или священников с церковными старостами». Во-вторых, были определены критерии отнесения часовни к объекту наследия, в том числе – ее мемориальный характер: «часовни в честь некоторых святых икон, или в благочестивое воспоминание событий церковных и отечественных». В-третьих, определены виды производимых работ: «должны быть сохраняемы, а потому и возобновляемы быть могут». В-четвертых, разрешение на проведение ремонтных работ было отнесено к компетенции епархиального архиерея, за исключением столичных городов, где для это требовалась санкция императора [Устав..., с. 68].

Кардинальные изменения в государственной политике в отношении порядка строительства православных часовен произошел во второй половине XIX в. В 1865 г. был определен новый порядок получения разрешений на строительство православных часовен. Главное в этом документе было разрешение строить новые часовни, причем не было введено каких-либо ограничений на определения субъекта этой инициативы. А также не был определен повод, по которому могли быть созданы новые часовни: «по достойным уважения причинам». Разрешение на новое строительство выдавал епархиальный архиерей, а в столице – император. К компетенции архиерея также было отнесено решение вопросов «об уничтожении или оставлении тех часовен, которые были построены или перестроены без разрешения духовного начальства» [Указ «О предоставлении...», с. 831]. Этот порядок был закреплен в Уставе духовных консисторий 1883 г. [Устав..., 1883, с. 25–26]. В 1883 г. было дано разрешение старообрядцам «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания» [Указ «О даровании...», с. 25–26].

В этой связи представляет интерес статья протоиерея К. Никольского «О часовнях», опубликованная в двух номерах официального синодального периодического издания «Церковный вестник» в 1889 г. Публикация этой статьи представляется важной вехой в деле включения часовни в качестве полноправного элемента в систему существующих культовых зданий в России, ее своеобразную реабилитацию. В первой части статьи было дано каноническое и историческое обоснование часовни как типа православного культового здания. Автор отсылает читателей к евангельской истории, указывая на предше-

стенницу часовни – отдельную комнату в жилом доме, куда христианин должен был удаляться для молитвы. Также приводились решения Вселенских соборов, которыми обосновывается канонический характер часовенного здания. В российской истории автор находит ранние аналогии часовне в молитвенных комнатах, которые были в домах зажиточных людей. Первая часовня на Руси, по его мнению, была построена в 1109 г. над могилой княжны Евпраксии в Печерском монастыре. Здание, в котором жил и совершал келейную молитву преподобный Сергей Радонежский, автор рассматривал как часовню, которая стала началом создания Троице-Сергиевой лавры.

Начало традиции устанавливать кресты на дорогах он связывал с императором Константином Великим, а на Руси – с Андреем Первозванным, который водрузил крест на месте, где позднее возник Киев и княгиней Ольга, которая устанавливала кресты на местах снесенных статуй языческих богов. Для удобства осуществления молитвы паломниками кресты, установленные на дорогах, накрывали навесом и окружали стенами. И, таким образом, на Руси сложился тип часовенного здания. Исторический экскурс автор завершил подробным рассмотрением российского законодательства, определявшего порядки строительства часовен.

Продолжение статьи с подзаголовком «Какого рода молитвословия совершаются в часовнях?», опубликованное в следующем номере было адресовано священнослужителям и носило методический характер. Автор описывал особенности богослужбной пастырской практики, связанные с часовней. Главное внимание автором было обращено на указание отличий часовни от храма. Разъяснялось, что часовня не имеет алтаря, и поэтому литургию там служить нельзя. В случае необходимости в часовне можно было совершать таинства крещения, миропомазания, причащения преждеосвященными святыми дарами, покаяния и елеосвящения, то есть как в любом другом гражданском общественном или жилом здании. Венчание в часовне допускалось только в особо отдаленных от храма населенных пунктах и только по благословению епархиального архиерея. В часовне могли совершаться вседневные богослужения: вечерня, повечерие, полунощница, утреня и часы с чином изобразительным, молебное пение, водоосвящение и панихида [Никольский, с. 251–254, 292–293].

Эволюция государственной политики в отношении строительства часовен дала свои результаты. Как указывает Р.Ю. Волоснов, на территории Алтая в XIX – начале XX в. сложились следующие типы мемориальных часовен, расположенных в сельской местности: часовни, построенные в память событий из жизни императорской семьи, в честь «чудесных избавлений» (от покушений и опасностей), о кончине императоров, в честь коронования царствующих особ, в память трагических природных стихий и эпидемий, в честь различных юбилейных дат, в память визитов и посещений известных лиц, в честь увековечивания памяти различных подвижников и «богоугодивших людей», в память трагических событий местной истории, в память о бывших местоположениях храмов и других памятных мест (поклонный крест, крест-часовня) [Волоснов, с. 102–104].

В этой связи пристального внимания требует история мемориализации событий, связанных с жизнью правящего императора и его семьи. Как удалось установить на основе анализа «Всеподданейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания», за период с 1865 по 1914 гг. в официальной политике памяти сложился перечень из 16 мемориальных событий, которые были включены в церковную политику памяти, связанную с членами императорского дома.

Нижняя граница была выбрана в связи с тем, что в 1865 г. было разрешено строить новые православные часовни. Верхняя – определялась вступлением России в мировую войну и в связи с этим значительными коррективами в официальной политике памяти.

Перечень мемориальных событий, связанных с членами императорского дома и его главой, представлен в таблице 1.

Таблица 1
 Table 1

Синхронизация мемориальных событий из жизни императорской семьи и количества часовен и молитвенных домов, располагавшихся в губерниях Центрального Черноземья в 1865, 1879–1914 гг.
 Synchronization of memorial events from the life of the imperial family and the number of chapels and prayer houses located in the provinces of the Central Chernozem region in 1865, 1879–1914

События из жизни императорской семьи, которые подлежали увековечиванию	Годы	Количество часовен и молитвенных домов			
		Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская
	1865	25	–	10	8
Покушение на жизнь Александра III 2 апреля и 19 ноября	1879	9	–	16	11
25-летие царствования Александра II, 22 мая – смерть императрицы Марии Александровны	1880	9	–	17	11
Убийство Александра II	1881	10	–	17	10
	1882	16	–	17	12
Коронация Александра III	1883	25	3	17	12
	1884	нет сведений			
	1885	29	4	16	16
	1886	24	4	15	16
Чудесное спасение 17 октября	1888	25	4	15	16
	1889	24	4	15	16
Спасение наследника Николая Александровича в Оцу 29 апреля, 25-летие со дня бракосочетания государя императора Александра III	1891	23	8	26	16
	1893	23	12	27	16
Смерть Александра III	1894	нет сведений			
	1895	23	10	137	16
Коронация Николая II	1896	нет сведений			
	1897	24	9	21	16
Рождение цесаревны Марии Николаевны	1898	22	12	21	–
Выздоровление Николая II	1900	22	12	36	8
Рождение цесаревны Анастасии Николаевны	1901	24	26	42	35
	1902	24	20	42	42
	1903	21	20	42	42
Рождение наследника цесаревича Алексея	1904	нет сведений			
	1905	24	20	42	42
	1906	24	20	42	11
Избавление Николая II от опасности заговора	1907	23	18	42	24
	1908	22	8	42	29
	1909	25	18	43	29
	1910	43	18	51	29
	1911	41	18	55	29
	1912	38	18	55	29
300-летие царствования дома Романовых	1913	41	18	57	29
	1914	58	18	58	29

Синхронистическое рассмотрение мемориальных событий и количества православных часовен и молитвенных домов является попыткой предварительного установления зависимости между реализацией официальной политики памяти и изменением количества

мемориальных объектов. Требуется оговорки то обстоятельство, что в ежегодных отчетах обер-прокурора Синода отдельный учет часовен и молитвенных домов не осуществлялся. Это, безусловно, осложняет подсчет количества именно часовен. С другой стороны, строительство часовен осуществлялось в течение нескольких лет, и поэтому данные цифры не могут напрямую соотноситься с конкретными мемориальными событиями, которые произошли в этом году. То есть время от мемориального события до освящения часовни могло составлять несколько лет. Однако представленные данные могут рассматриваться как основания для следующих наблюдений.

Во-первых, отсутствует прямая зависимость между мемориальными событиями и увеличением количества православных часовен. То есть рост количества с 1865 г. происходил постепенно, без резких скачков. Это может свидетельствовать о том, что строительство мемориальных часовен являлось результатом личной инициативы и не было связано с компанией по реализации официальной политики памяти в отдельном регионе. Это наблюдение солидаризируется с результатами исследования А.Р. Будишиным строительства часовен в честь царских особ на территории белорусских губерний. Первые часовни, связанные с императором, на территории белорусских губерний были построены в 1867 г. Он связывает это с «совершенно новым, ошеломляющим для русского общественного сознания явлением, как покушение на жизнь монарха» в апреле 1867 г., что и стало отправной точкой и началом традиции возведения памятных сооружений сакрального характера в честь царских особ. При этом, по его мнению, «это явление не было государственным идеологическим инструментом, а являлось стихийной общественной реакцией» [Будишин, с. 126–127].

Во-вторых, увеличение количества часовен в губерниях Центрального Черноземья на протяжении рассматриваемого периода происходило поступательно, и к 1914 г. количество часовен выросло в два-четыре раза по сравнению с 1865 г. Обращает внимание Курская губерния, в которой количество часовен увеличилось в двадцать раз, в связи с тем, что в 1865 г. на территории губернии не было не одной часовни.

В-третьих, наблюдается значительное различие в увеличении количества часовен в отдельных губерниях региона. Так, в 1883 г. произошло резкое увеличение количества часовен Воронежской и Курской губерниях, в 1891 г. – в Курской и Орловской, в 1900 – в Орловской, в 1901 г. – в Курской и Тамбовской губерниях, в 1910 г. – в Воронежской и Орловской, в 1914 г. – в Воронежской губернии. Это наблюдение может служить подтверждением тезиса об отсутствии практики жесткой реализации государственной идеологической политики памяти. Более того, создание мемориальных объектов было связано с местными православными традициями, и поэтому представляется продуктивным его дальнейшее рассмотрение в микроисторическом срезе.

В-четвертых, с известными оговорками можно утверждать, что увеличение числа часовен связано с практикой увековечивания событий из жизни императора и его семьи. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что рост количества часовен во всех губерниях Центрального Черноземья начинается с 1882 г. и продолжается вплоть до начала Первой мировой войны.

Мемориальные события, которые были включены в этот период в национальный календарь памятных дат, безусловно, способствовали увеличению количества часовен, поскольку создавалось основание для строительства часовни для жителей всех регионов. Вне зависимости от установления личной мотивации инициаторов строительства эти события создавали общероссийский повод для строительства часовни в условиях разрешения на их строительство. Более того, на наш взгляд, мемориальные события, связанные с императорским домом, способствовали активному включению часовни в перечень религиозно значимых мест для жителей Центрального Черноземья. Эти события являлись теми самыми «достойными уважения причинами» из указа 1865 г., которые могли стать основаниями для создания православной часовни в любом населенном пункте Российской Империи и тем самым актуализировали практику строительства мемориальных часовен.

Применительно к рассматриваемому событию – чудесному спасению императора Александра III и его семьи в железнодорожной катастрофе 17 октября 1888 г. – дополнительным фактором, способствовавшим строительству именно часовен, было то, что на месте крушения была построена часовня. Решение о строительстве часовни было принято на заседании Харьковской городской думы на следующий день после этого трагического события – 18 октября 1888 г. Часовня во имя Нерукотворного Спаса была заложена 17 октября 1891 г., а освящена в 1894 г. Пещерная часовня была построена на железнодорожной насыпи, на том месте, где находился разрушенный вагон, в котором царская семья была в момент крушения. На ее стене было помещено четыре мраморных доски с именами погибших в этой катастрофе [Храм..., с. 9, 10, 28]. Тем самым был создан смысловой прецедент в буквальном смысле мемориальной часовни, с одной стороны посвященной памяти о спасении царской семьи, а с другой – о погибших в этом крушении.

Как удалось установить, на территории Центрального Черноземья православные часовни в память о событиях 17 октября 1888 г. были построены в двух губерниях: Курской и Тамбовской, что представлено в таблице 2 [Высочайшая благодарность..., 1889, 4, с. 36–37; Высочайшая благодарность..., 1889, 33, с. 315; Высочайшая благодарность..., 1890, 10, с. 67–68; Высочайшая благодарность..., 1890, 18, с. 197; Высочайшая благодарность..., 1891, 37, с. 299–300; Высочайшая благодарность..., 1892, 11, с. 101; Высочайшая благодарность..., 1892, 34, с. 360; Высочайшая благодарность..., 1896, 7, с. 57; Высочайшая благодарность..., 1900, 26, с. 252].

Таблица 2
Table 2

Православные часовни, построенные в память 17 октября 1888 г. в Центральном Черноземье
 Orthodox chapels built in memory of October 17, 1888 in the Central Chernozem region

Уезд	Населенный пункт	Год	Месторасположение	Конструкция стен здания	Инициатор строительства
Курская губерния					
Белгородский	Белгород	1889	Успенско-Никольский храм	каменное	церковный староста, купец А. Нижегородцев
Дмитриевский	слобода Михайловка	1891	Никольская церковь	каменное	церковный староста, купец И.Т. Быстряков
Курский	слобода Ямская	1890	при ветви железной дороги	каменное	прихожане
Рыльский	деревня Любановка	1890	молитвенный дом	деревянный	крестьянин-собственник И. Зубарев
Суджанский	слобода Махновка	1889			священник и прихожане
Тимский	село Кривец	1890	в 1 версте от села, на роднике		прихожане
	станция «Солнцево»	1900	ж.-д. поселок		14 прихожан купеческого сословия (Быков, Алтухов, Поляков и др.)
Тамбовская губерния					
Елатомский	Сасово	1892		каменное	прихожане
Елатомский	село Квасьево	1896		каменное	церковный староста К. Черенков
Козловский	село Жидиловка	1890	близ села	каменное	губернский секретарь Л. Суховерков, прихожане
Липецкий	село Таволжанка	1892	ж.-д. поселок Александро-Мариинский		прихожане

Обращает внимание на себя следующее обстоятельство. Часовни были построены в населенных пунктах, в которых были приходские храмы. Так, в слободе Михайловке было три каменных храма 1753, 1774 и 1833 гг. постройки, в селе Махновка храм был построен в 1871 г., в селе Кривец – в 1881 г. И только в двух населенных пунктах Курской губернии – в слободе Ямской и станции Солнцево не было храмов на 1888 г. [Справочная книга..., с. 24, 74, 202, 216, 218]. Аналогичная ситуация была в Тамбовской губернии – в с. Жидиловка храм был построен в 1856 г., в с. Сасово – в 1815 г., в с. в Таволжанке – в 1843 г. [Справочная и памятная..., с. 80, 162, 262]. В с. Квасьево была деревянная холодная церковь, и в 1908 г. там был заложен каменный храм [Историко..., с. 755].

Это наблюдение солидаризуется с выводом, сделанным Е.В. Платоновым на основе исследования часовен Тихвинского уезда Новгородской губернии о том, что «наибольшая концентрация часовен, как правило, наблюдается в деревнях, непосредственно примыкающих к приходской церкви» [Платонов, с. 6]

Обращает на себя внимание история строительства часовен на железнодорожных станциях. В пригородной слободе Ямской часовня была построена в 1890 г. возле железнодорожной станции «Курск». Православный храм во имя иконы Богородицы «Споручница грешных» там был построен спустя девять лет – в 1899 г. Вокруг станции образовался железнодорожный поселок, в котором в 1908 г. проживало 150 человек [Справочная книга..., с. 24]. Купцы – жители станции «Солнцево» и соседнего села Никольского Тимского уезда Курской губернии в 1889 г. инициировали строительство часовни, а в 1900 г. построили. Приходской храм на станции – каменная Спасская церковь – был построен в 1903 г. как приписная к приходу соседнего села Никольское [Высочайшая благодарность..., 1889, с. 36–37; Высочайшая благодарность..., 1900, с. 248–252; Справочная книга..., 1909, с. 218]. История с созданием мемориальной часовни в селе Таволжанке дала название железнодорожному поселку «Александро-Мариинский» в честь святых покровителей императора и его супруги – святого Александра Невского и Марии Магдалины. Этот поселок относился в 1888 г. к приходу села Таволжанки, а позже вошел в состав г. Грязи [Историко-статистическое..., с. 459]. В селе Сасово также была одноименная железнодорожная станция [Историко-статистическое..., с. 791].

Н.И. Златоверховников указывал в 1902 г. на инициативу насельников Курской Коренной пустыни построить часовню в память 17 октября на железнодорожной станции «Коренная пустынь» [Златоверховников, с. 33]. Выбор железнодорожной станции для постройки часовни в память спасения царской семьи во время крушения поезда представляется обоснованной именно этим обстоятельством: профессиональной принадлежностью прихожан к миру железных дорог.

Представляет интерес и комплекс мемориальных икон, которые были пожертвованы создателями часовен, представленный в таблице 3.

Таблица 3

Table 3

Мемориальные иконы, пожертвованные в часовни их учредителями
Memorial icons donated to the chapels by their founders

Мемориальные иконы	Населенный пункт, где размещалась часовня
Нерукотворный образ Христа Спасителя, святых Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, Александра Невского, Марии Магдалины, Николая Чудотворца	село Махновка
Святых Александра Невского, Марии Магдалины и святых, имена которых носят члены императорской семьи	село Кривец
	Белгород
Святых Николая Чудотворца, Осии, Андрея Критского	Белгород
Неугасимая лампада	

Представленный перечень икон является понятным в контексте рассмотрения мемориального назначения созданных часовен. Все эти иконы были связаны с членами императорской семьи и произошедшим событием. Икона Спаса Нерукотворного находилась в вагоне, в котором царская семья оказалась в момент крушения. Святые Александр Невский и Мария Магдалина являлись небесными покровителями Александра III и его супруги Марии Федоровны. Святитель Николай Чудотворец был покровителем путешественников. Пророк Осия и преподобномученик Андрей Критский поминались Православной Церковью в день крушения – 17 октября. Икона Иоанна Предтечи, помещенная в часовне в селе Махновка, была связана с почитанием этого святого в данном населенном пункте. Приходской храм в этом селе был освящен во имя Иоанна Предтечи [Справочная книга..., с. 202].

Часовни рассматривались создателями и населением не только как мемориал, но и действующий культовый объект. И поэтому не только архитектурный облик часовен должен был напоминать о чудесном событии 17 октября, но совершаемые в них богослужения. В таблице 4 представлен перечень богослужений, которые должны были совершаться в часовнях по мысли их создателей.

Таблица 4
Table 4

Богослужения, которые должны были совершаться в мемориальных часовнях
 Services that were supposed to be held in memorial chapels

Богослужение	Населенный пункт					
	Белгород	Кривец	Любановка	Михайловка	Сасово	Солнцево
Молебен благодарственный						
17 октября	+	+		+	+	+
28 июля в день Смоленской иконы Божией Матери			+			
Молебен с чтением акафиста святителю Николаю Чудотворцу				+		
Всенощное бдение				+		
Панихида	+			+		+
Крестный ход		+				+
Водоосвящение		+				

Ежегодно в день чудесного спасения 17 октября совершался благодарственный молебен. Молебен с чтением акафиста святителю Николаю Чудотворцу, совершавшийся в часовне села Михайловка, также можно рассматривать как благодарственный небесному покровителю путешественников, по молитвам которого царская семья осталась жива. В связи с тем, что памятный день был посвящен железнодорожной катастрофе, в которой погибли люди, то ежегодно наряду с благодарственным молебном совершалась панихида.

С местными православными традициями связано совершение молебна в день Смоленской иконы Божией Матери в молитвенном доме д. Любановка и крестный ход в девятое воскресенье после Пасхи с освящением воды в с. Кривец, где часовня была построена на источнике, почитаемом его жителями.

Заключение

Традиция создания православных часовен претерпела различные модели отношения государственной власти в Российской Империи: от разрушения их зданий и прямого запрета на строительство новых часовен в XVIII – первой половине XIX в. до снятия всех ограничений на создание культовых зданий этого типа как для православных, так и старообрядческих

общин в 1865–1883 г. Во второй половине XIX века был достигнут синергичный эффект от двух обстоятельств, способствовавший увеличению количества часовен: во-первых, снятие ограничений на строительство часовен, во-вторых, складывание традиции мемориализации отдельных событий из жизни царской семьи и, соответственно, сохранения памяти о них в коммеморативной практике. Мемориальные события из жизни царской семьи, подлежащие увековечиванию в официальной политике памяти, способствовали легитимации в общественном сознании практики строительства часовен как мемориальных объектов. При этом строительство православных мемориальных часовен носило инициативный характер. В частности, об этом может свидетельствовать количество часовен и география их размещения в губерниях Центрального Черноземья. С созданием православных мемориальных часовен было связано формирование комплекса мемориальных икон, а также складывание традиции совершения богослужений, связанных с увековечиваемым событием.

Список источников

- Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1884–1914 г. 1886–1916. Санкт-Петербург.
- Высочайшая благодарность. 1889. Церковные ведомости, 4: 36–37; 33: 313–316.
- Высочайшая благодарность. 1890. Церковные ведомости, 10: 63–70; 18: 191–197.
- Высочайшая благодарность. 1891. Церковные ведомости, 37: 297–303.
- Высочайшая благодарность. 1892. Церковные ведомости, 11: 100–102; 34: 357–361.
- Высочайшая благодарность. 1896. Церковные ведомости, 7: 54–59
- Высочайшая благодарность. 1900. Церковные ведомости, 26: 248–252.
- Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 12.01.2024).
- Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1866–1883. 1867–1885. Санкт-Петербург.
- Никольский. О часовнях. 1889. Церковные ведомости. Прибавления. 10: 251–257; 11: 291–295.
- Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии за 1908 год. 1909. Курск: 253.
- Указ «О воспреещении духовенству совершать венчание в часовнях и о предписании Преосвященным разрешать такое венчание только в случае отдаленности церквей» от 15 августа 1769 г. 1910. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. 1762–1772. Т. 1. Санкт-Петербург: С. 611.
- Указ «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. 1886. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3. Т. 3, Санкт-Петербург: 219–221.
- Указ «О запрещении свещевозжения и отправления молебных служений пред иконами вне церквей на сонмищах и стогнах; о недозволении вновь строить часовен и о упразднении уже существующих» от 28 марта 1722 г. 1872. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. 1722. Т. 2. Санкт-Петербург: 156–158.
- Указ «О непоставлении над погребаемыми при церквях мертвецами никаких для чтения псалтири будок» от 30 октября 1723 г. 1875. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. 1723. Т. 3. Санкт-Петербург: 216.
- Указ «О нестроении нигде новых часовен и о смотреии за сим учреждением духовным властям» от 19 июня 1734 г. 1830. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 9: 355–356.
- Указ «О разрешении открыть для моления каменные и деревянные часовни, оставшиеся неразобранными, и соорудать на месте бывших часовен новые с разрешения Духовной Дикастерии и епархиальных епископов» от 5 мая 1727 г. 1881. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. 1725–1727. Т. 5. Санкт-Петербург: 551–552.
- Указ «О предоставлении епархиальным архиереям права самим разрешать постройку часовен как в селениях, так и в городах, кроме столиц, а также окончательно разрешать дела о самовольном построении или перестройке часовен» от 29 июля 1865 г. 1867. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XL: 831.

Устав духовных консисторий. 1871. Под ред. Ф.В. Ливанова. Санкт-Петербург: 448.
Устав духовных консисторий. 1883. Санкт-Петербург: 200.

Список литературы

- Будишин А.Р. 2019. Православные часовни, сооруженные в честь царских особ на территории Беларуси в XIX в.: формирование традиции. *Труды Минской духовной академии*. 16: 113–132.
- Волоснов Р.Ю. 2015. Мемориальные часовни в сельской местности Сибири XIX – начала XX вв. *Известия Алтайского государственного университета*. 3/1(87): 101–104.
- Златоверховников Н.И. 1902. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, Кур. губ. стат. ком. 98.
- Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Под ред. А.Е. Андриевского. 1911. Тамбов, Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 878.
- Королева Е.Д. 2005. Александро-Невская часовня. Православные храмы Троицка: сб. статей и материалов. Троицк: Комитет по культуре и делам молодежи администрации г. Троицка, 60.
- Платонов В.Е. 2011. Часовни Тихвинского уезда (конец XIX – начало XX вв.). Санкт-Петербург, Гуманитарная акад., 304.
- Пулькин М.В. 2009. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, Карельский науч. центр РАН, 442.
- Соловьев П.К. 2019. К истории строительства часовни во имя святого благоверного князя Александра Невского в с. Балаково. VI Мальцевские краеведческие чтения, посвященные 160-летию со дня рождения архитектора Федора Шехтеля. Международная конференция. 20–21 июня 2019. Балаково: 59–62.
- Храм Христа Спасителя и часовня Нерукотворного Спаса на месте события 17 октября 1888 года. 1894. Харьков, тип. Губ. правл., 43.
- Чернецова С.Б. 2014. Традиции часовенного строительства в центральных и северных уездах Ярославской губернии. *Казанская наука*. 9: 50–53.

References

- Budishin A.R. 2019. Pravoslavnyye chasovni, sooruzhennyye v chest' tsarskikh osob na territorii Belarusi v XIX v.: formirovanie traditsii [Orthodox Chapels Built in Honor of the Royal Persons on the Territory of Belarus in the XIX Century: Formation of Tradition]. *Trudy Minskoy dukhovnoy akademii*. 16: 113–132.
- Volosnov R.Yu. 2015. Memorial'nyye chasovni v sel'skoy mestnosti Sibiri XIX – nachala XX vv. [Memorial Chaples in Rural Areas of Siberia in XIX – Early XX Century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3/1(87): 101–104.
- Zlatoverkhovnikov N.I. 1902. Pamyatniki stariny i novogo vremeni i drugie dostoprimechatel'nosti Kurskoy gubernii [Monuments of Antiquity and Modern Times and Other Sights of the Kursk Province]. Kursk, Kur. gub. stat. kom. 98.
- Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoy eparkhii [Historical and Statistical Description of Tambov Diocese]. Edited by E.A. Andrievsky. 1911. Tambov, Tipo-lit. N. Berdonosova i F. Prigorina, 878.
- Koroleva E.D. 2005. Aleksandro-Nevskaaya chasovnya [Alexander Nevsky Chapel]. Pravoslavnyye khramy Troitska: sb. statey i materialov. Troitsk, Komitet po kul'ture i delam molodezhi administratsii g. Troitska 60.
- Platonov V.E. 2011. Chasovni Tikhvinskogo uezda (konets XIX – nachalo XX vv.) [Chapels of Tikhvin District (Late XIX – Early XX Centuries)]. Sankt-Peterburg, Gumanitarnaya akad., 304.
- Pul'kin M.V. 2009. Pravoslavnyy prikhod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. [Orthodox Parish and Government in the Middle of the XVIII – Early XX Century]. Petrozavodsk, Karel'skii nauch. tsentr RAN, 442.
- Solov'ev P.K. 2019. K istorii stroitel'stva chasovni vo imya svyatogo blagovernogo knyazya Aleksandra Nevskogo v s. Balakovo [On the History of the Construction of the Chapel in the Name of the Holy Prince Alexander Nevsky in the Village of Balakovo]. VI Mal'tsevskie kraevedcheskie chteniya, posvyashchennyye 160-letiyu so dnya rozhdeniya arkhitekтора Fedora Shekhtelya. Mezhdunarodnaya konferentsiya. 20–21 iyunya 2019. Balakovo: 59–62.

Khram Khrista Spasitelya i chasovnya Nerukotvornogo Spasa na meste sobytiya 17 oktyabrya 1888 goda. [The Cathedral of Christ the Savior and the Chapel of the Miraculous Savior at the Site of the Event on October 17, 1888]. 1894. Khar'kov, tip. Gub. pravl., 43.

Chernetsova S.B. 2014. Traditsii chasovennogo stroitel'stva v tsentral'nykh i severnykh uezdakh Yaroslavskoy gubernii [Traditions of Chapel Building in the Central and Northern Counties of Yaroslavl Province]. *Kazanskaya nauka*. 9: 50–53.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.01.2024

Received 18.01.2024

Поступила после рецензирования 14.02.2024

Revised 14.02.2024

Принята к публикации 16.02.2024

Accepted 16.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Козлов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6759-0904](https://orcid.org/0000-0001-6759-0904)

Konstantin V. Kozlov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](https://orcid.org/0000-0001-9142-9926)

Marina A. Sergienko, Candidate of Sciences in History, Head of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 929+910.4

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-148-161

Оригинальное исследование

Свадебное путешествие П.Е. Щербова в Японию в 1896–1897 гг.

Журавлева А.Г.

Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова,
Россия, 188300, Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Чехова, 4;
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Россия, 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10
E-mail: A.Zhura.vleva@yandex.ru

Аннотация. Оригинальность художника Павла Егоровича Щербова (1866–1938) проявлялась во всех сферах его жизни. Так, для свадебного путешествия он выбрал далекую Японию, именно благодаря этой поездке Щербов стал членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Его восточные путешествия только начинают изучаться, и они представляют интерес для специалистов в области истории, востоковедения и искусствоведения. Исследование посвящено изучению свадебного путешествия четы Щербовых в Японию в 1896–1897 года на основе выявленного фотоальбома художника из собрания РГО и российского паспорта Павла Егоровича, найденного в тайнике усадьбы художника в 2022 году. В статье также проанализированы существующие архивные материалы и предметы из музейного собрания РФ, построен маршрут и хронология путешествия из Санкт-Петербурга до Японии через Владивосток и Корею.

Ключевые слова: П.Е. Щербов, венчание, путешествия XIX века, Япония, Кобе, Киото, Оцу, Камакура, Корея, железные дороги Российской империи, карикатуры П.Е. Щербова

Для цитирования: Журавлева А.Г. 2024. Свадебное путешествие П.Е. Щербова в Японию в 1896–1897 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 148–161. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-148-161

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

P.E. Shcherbov's Wedding Trip to Japan in 1896–1897

Alexandra G. Zhuravleva

Historical and Memorial Museum-Estate of P.E. Shcherbov,
4 Chekhov St., Gatchina 188300, Leningrad Region, Russia
Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoe highway, Pushkin 196605, Saint Petersburg, Russia
E-mail: A.Zhura.vleva@yandex.ru

Abstract. The originality of the artist Pavel Egorovich Shcherbov (1866–1938) manifested itself in all spheres of his life. So, he chose faraway Japan for his honeymoon. This trip contributed to the admission of Shcherbov as a member of the Imperial Russian Geographical Society. His oriental travels are just beginning to be studied, and they are of interest to specialists in the field of history, Oriental studies, and art history. The work is devoted to the study of the Shcherbov couple's honeymoon to Japan in 1896–1897 based on the identified photo album of the artist from the collection of the Russian Geographical Society and Pavel Egorovich's Russian passport, found in the hiding place of the artist's estate in 2022. The article also analyzes existing archival materials, objects from the museum collection of the Russian Federation, periodicals and reference books published in the Russian Empire. The route and chronology of the journey from St. Petersburg to Japan via Vladivostok and Korea are constructed.

© Журавлева А.Г., 2024

Keywords: P.E. Shcherbov, wedding, travels of the XIX century, Japan, Kobe, Kyoto, Otsu, Kamakura, Korea, railways of the Russian Empire, cartoons by P.E. Shcherbov

For citation: Zhuravleva A.G. 2024. P.E. Shcherbov's Wedding Trip to Japan in 1896–1897. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 148–161 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-148-161

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Павел Егорович Щербов (1866–1938) – русский карикатурист рубежа XIX–XX веков, который путешествовал по Востоку почти 10 лет. Щербова по праву можно назвать и этнографом: материалы, привозимые из путешествий, он передавал безвозмездно Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО). За это он удостоивался наград, но именно после поездки в Японию Павел Егорович был принят в члены-сотрудники общества. В 1896 году Щербов совершил свое последнее дальнее путешествие – в Японию.

Русские туристы получили доступ к стране восходящего солнца лишь в середине XIX века, количество посещавших страну русских подданных было незначительным, хотя со временем ситуация изменилась. Самым известным и подробно описанным путешествием является Восточная поездка цесаревича Николая Александровича в 1890–1891 годах. Многочисленность визитов в Японию и воспоминаний о них актуализирует поездку Павла Егоровича Щербова. Также его художественный стиль часто вызывает ассоциацию с японскими гравюрами в стиле укиё-э⁶⁸, что, несомненно, повышает актуальность изучения этой темы. Поездка характеризовалась как свадебное путешествие, что являлось не типичным выбором для конца XIX века, хотя через несколько лет британский фотограф Адольф де Мейер (1868–1946) после свадьбы с Ольгой Карачоло (1871–1930) также отправится в медовый месяц в Японию и Гонконг [Saunders, 2018].

Японское путешествие Щербовых не попадало в поле зрения исследователей, хотя в некоторых работах оно упоминается. Профессор и доктор искусствоведения Алексей Николаевич Савинов в своей монографии зафиксировал поездку Щербова в Японию, указал несколько точек пребывания: Владивосток, Фузан, Кобе и Нагасаки без подробностей о маршруте, датах и особенностях путешествия [Савинов, 1969].

В 2017 году вышла статья С.В. Ляшенко [Ляшенко, 2017], где фиксировался факт путешествия в Японию, отмечался открытый лист Щербова по Японии из собрания Российской национальной библиотеки, но отсутствовал его перевод, что, на наш взгляд, является лишь частичным введением в научный оборот источника. Данное путешествие в статье не являлось объектом исследования.

В 2022 году вышло исследование А.Г. Журавлевой [Журавлева, 2022] о путешествиях Щербова на Кавказ и в Китай, где не затрагивалась тема поездки в Японию.

Объекты и методы исследования

Учитывая вышеизложенное, целью статьи является изучение особенностей поездки П.Е. Щербова в Японию, составление ее хронологии, выявление и введение в научный оборот новых фактов и построение гипотезы относительно цели поездки.

Объектом исследования выступает японское путешествие карикатуриста Павла Егоровича Щербова и его жены Анастасии Давыдовны в 1896–1897 годах, характеризующееся как свадебное. Методологической основой статьи являются историко-генетический метод, хронологический метод и метод реконструкции, которые позволили проследить весь маршрут поездки, датировать ее и выявить ее особенности. В статье также использованы общенаучные методы: анализ, синтез и индукция.

⁶⁸ Укиё-э – художественный стиль в искусстве Японии периода Эдо (1603–1868).

Для изучения путешествия Щербова в Японию были использованы в основном архивные источники и предметы из Музейного фонда Российской Федерации. К архивным источникам мы относим личную переписку художника 1896–1897 годов из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), документы биографического характера из фондов Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Российского государственного исторического архива (РГИА), альбом с японскими фотографиями П.Е. Щербова из научного архива Русского географического общества (РГО). Предметы из Музейного фонда РФ представляют личные документы и фотографии П.Е. Щербова, а также рисунки. Учитывая художественную деятельность Павла Егоровича, изобразительный материал является ценным источником, в котором зафиксирована окружающая его действительность. В своих работах он соблюдал портретное сходство, придерживался высокой детализации интерьеров, экстерьеров и персоналий. В работе также были использованы исторические карты, дореволюционные периодические и справочные издания.

Результаты и их обсуждение

По легенде, Павел Егорович Щербов увидел Анастасию Давыдовну Дармостук на службе в Казанском соборе. Как на самом деле произошло их знакомство, достоверно не известно, о самой избраннице Павла Егоровича сохранилось мало информации. В исследованиях в основном упоминается ее имя [Савинов, 1969, с. 40; Журавлева, 2021], а ранняя жизнь и причины ее переезда в Петербург из Мелитополя остаются неисследованными.

Анастасия Давыдовна⁶⁹ родилась в семье священника Давида Ивановича Дармостука. Ее отец на протяжении десятилетий был священнослужителем в различных городах Таврической губернии: Одесса [Адрес-календарь..., 1859, с. 282], Орехов [Гермоген, 1886, с. 9], Карасубазар, Бердянск [Перемены в составе лиц, служащих в Таврической Епархии, 1869, с. 48], Мелитополь; за время службы был отмечен скуфьей [Указом Святейшего Правительствующего Синода от 22 апреля сего года № 1022..., 1874, с. 334–335], камилавкой [Высочайшие награды, 1878, с. 482], наперсным крестом от Святейшего Синода и положен в сан протоиерея [Награды за службу по духовному ведомству Министерству Нар. Просв. и за пожертвование, 1883, с. 491]⁷⁰.

Точная дата рождения Анастасии Давыдовны неизвестна в связи с отсутствием метрических книг мелитопольских церквей за 1870-е годы. В одной записи без сносок на источники, сделанной сотрудниками Музея-усадьбы П.Е. Щербова в советские годы, фигурирует дата 20 апреля 1877 года⁷¹. Но эта дата вступает в противоречие с записью о браке в метрической книге, где указано, что на момент венчания в 1896 году Анастасии Давыдовне было 24 года⁷². Исходя из этого и учитывая, что на данный момент отсутствуют какие-либо другие источники, мы предлагаем принять датой ее рождения 20 апреля 1872 года.

Анастасия Давыдовна жила с отцом в Мелитополе до самой его смерти 11 сентября 1893 года⁷³. Относительно ее матери вопрос открытый, в записях о рождении старших братьев в 1860-е годы матерью указана Екатерина Яковлевна, вероятно, она являлась и матерью Анастасии Давыдовны.

Детей в семье Давида Ивановича было много, один из старших братьев Анастасии Давыдовны, Александр, был приписан к Корпусу военных топографов, чей штаб располагался в Петербурге. Именно к нему она и переехала после смерти отца. Александр Давидович служил в

⁶⁹ Несмотря на то, что в большинстве источников имя ее отца писалось как «Давид», в XX веке укоренилось написание отчества как «Давыдовна».

⁷⁰ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Фотография. Протоиерей Давид Иванович Дармостук – отец Щербовой А.Д. ГКМ КП-10363 V-3780.

⁷¹ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Папка с документами. Материалы из архивов и выписки из книг о П.Е. Щербове. ГКМ НВФ-1882.

⁷² Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 127. Д. 516. Л. 317 об. – 318.

⁷³ Все даты в статье приведены по старому стилю.

Корпусе военных топографов с 18 сентября 1892 по 16 мая 1895, после чего, согласно его послужному списку, был уволен в запас армейской пехоты⁷⁴, после увольнения Александр Давидович продолжал жить в Петербурге. Интересной деталью является то, что Александр Давидович учился в Академии Художеств с 1883 по 1886 год, поступил по отделению живописи и почти сразу же подал прошение на медальерное отделение со стипендией Монетного двора. Согласно его личному делу, в Академии Художеств он проучился всего лишь один год, в апреле 1884 года он подал прошение на отпуск по болезни и вернулся в Мелитополь. Из-за состояния здоровья он не смог вернуться в Академию и в апреле 1886 года направил в Академию Художеств просьбу об отчислении⁷⁵. Отметим, что с Павлом Егоровичем они в этот период не могли познакомиться, так как карикатурист подал прошение на поступление в Академию Художеств только летом 1886 года⁷⁶. Однако Александр Давидович, прибыв в Петербург в Корпус военных топографов в октябре 1892 года, вновь подал прошение в Академию Художеств допустить его к экзаменам для поступления вольнослушателем⁷⁷. Вероятно, просьба не была удовлетворена, поскольку никаких документов далее в личном деле нет. Но его стремление к искусству и нахождение Александра Давидовича в Петербурге могло способствовать случайному знакомству с Павлом Егоровичем на художественных встречах или в так называемых «кружках». Это, однако, не исключает возможности знакомства Павла Егоровича и Анастасии Давыдовны именно на службе в Казанском соборе. Вышеизложенное делает очевидным, что встреча будущей четы Щербовых произошла прямо или косвенно благодаря Александру Давидовичу.

Анастасия Давыдовна и Павел Егорович обвенчались в Петербурге в соборе Святого апостола Андрея Первозванного 15 мая 1896 года, оба первым браком. Поручителями по жениху выступили личный почетный гражданин Николай Андреевич Шперман и потомственный дворянин Александр Викторович Благовещенский, а по невесте – ее родной брат, поручик запаса Александр Давидович Дармостук, и студент Санкт-Петербургского университета Карл Густавович фон Бодутен⁷⁸. Свое венчание художник отразил в небольшой карикатуре⁷⁹ (рис.). Благодаря ей нам удалось установить дополнительные сведения. На карикатуре происходит шествие вокруг аналоя: впереди священник Александр Предтеченский, за ним идут Анастасия Давыдовна в светлом платье и Павел Егорович в клетчатом пиджаке и брюках в полоску, над женихом держит венец Стефан Никодимович Силиванович, а над невестой – предположительно, Карл Густавович фон Бодутен⁸⁰. Слева от аналоя стоят со свечами Мария Давыдовна, старшая сестра невесты, Александр Давидович и неустановленное лицо.

Запись о венчании подтверждает и бессрочный вид на жительство (далее – паспортная книжка), принадлежащий дворянину Павлу Егоровичу Щербову, обнаруженный в тайнике усадьбы в 2022 г., в котором стоит отметка о венчании с печатью собора⁸¹. После церемонии Щербовы отправились в свадебное путешествие в загадочную Японию.

Путь через Российскую империю был долгим и трудным. Но Павел Егорович был опытным путешественником, и всего за 5 лет до этой поездки, он преодолел почти всю страну, добравшись до города Верного, откуда отправился в путешествие по провинции Синьцзян [Журавлева, 2022].

⁷⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 18408. Л. 2–3.

⁷⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 11. 1883 г. Д. 127. Л. 1, 7–9, 12, 19, 28, 32, 37, 43.

⁷⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1886 г. Д. 140. Л. 2.

⁷⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1883 г. Д. 127. Л. 49.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 516. Л. 317 об. – 318.

⁷⁹ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Слайд с карикатуры П.Е. Щербова. Венчание. ГKM НВФ-1744/17.

⁸⁰ Атрибутирован по портретному сходству с фотографией брата; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43051. Л. 1.

⁸¹ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Бессрочный вид на жительство П.Е. Щербова, № 19790, № д. 13346/83. ГKM КП-13534 III-5577.

П.Е. Щербов. Венчание. 1896.
Музей-усадьба П.Е. Щербова. Слайд с карикатуры П.Е. Щербова. НВФ-1744/17
P.E. Shcherbov. The wedding. 1896.
Museum-estate of P.E. Shcherbov. Slide from P.E. Shcherbov's caricature. NVF-1744/17

Согласно его паспортной книжке, уже 18 мая 1896 года Щербов зарегистрировался в Казани. Учитывая, что еще 15 мая происходило венчание в Петербурге, то время в пути составило 2–3 дня. Соответственно, до Казани они добрались на поезде из Санкт-Петербурга через Москву [Карта пароходных сообщений. ..., 1896]. Далее молодожены проследовали на почтовых лошадях до Перми, где 24 мая 1896 года столоначальником Пермского городского полицейского управления сделана отметка о прибытии⁸². Из Казани в Пермь не проходила железная дорога, единственный путь пролегал по Сибирскому тракту по участку Казань – Малмыж – Дебёсы – Оханск – Пермь и составлял примерно 573 версты (около 611 км) [Карта пароходных сообщений. ..., 1896].

Из письма художника Александра Григорьевича Орлова к Щербову известно, что Павел Егорович направил Орлову письмо из Екатеринбурга, которое последний благополучно получил⁸³. Скорее всего, из Перми Щербовы добрались до Екатеринбурга на поезде.

Следующей остановкой молодоженов, согласно паспорту, был Томск. Если бы они отправились в путешествие в конце 1896 года, то из Перми они могли проехать на поезде до самого Томска, но учитывая, что они прибыли в Томск 17 июня 1896 года⁸⁴, то им пришлось ехать на перекладных.

Соответственно, добравшись из Перми до Екатеринбурга, Щербовы пересели на поезд до Челябинска. На этом участке уже было проложено железнодорожное полотно: временные и рабочие поезда двигались по маршруту с 1 декабря 1895 года [Первый поезд, 1896, с. 76–77]. Согласно расписанию пассажирских поездов, движение из Екатеринбурга в Челябинск происходило по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям в 00:01 минуту, время в пути составляло 20 часов 25 минут. Цена билета проезда I классом составляла 8 р. 82 коп., II классом – 6 р. 57 коп., III классом – 3 р. 33 коп., IV классом – 1 р. 80 коп., багаж – 36 коп. за каждый пуд [Движение пассажирских поездов..., 1896, с. 433]. От Челябинска в сторону Томска можно было уехать по Средне-Сибирской железной дороге, конечной станцией в июне

⁸² Там же.

⁸³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 925. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

⁸⁴ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Бессрочный вид на жительство П.Е. Щербова, № 19790, № д. 13346/83. ГКМ КП-13534 III-5577.

1896 года была станция Болотное (от Томска $73 \frac{3}{4}$ версты, ~79 км), время в пути 64 часа 09 минут [Средне-Сибирская железная дорога, 1896, с. 2]. Сама станция Томск была открыта для временного движения всего через несколько дней после прибытия Щербовых – 22 июля 1896 года [Встреча первого поезда с томской ветви, 1896, с. 2]. Из Болотного в Томск они добрались на почтовых лошадях, цена которых составляла по $1 \frac{1}{2}$ коп. за версту и лошадь [Гурьев, 1896, с. 15].

К сожалению, следующая запись в паспортной книжке фиксирует регистрацию Щербова 17 июля 1897 года в Санкт-Петербурге по адресу Васильевский остров, Тучкова наб., д. 12⁸⁵. Можно сделать вывод, что регистрации проставлялись лишь в городах, где Щербовы останавливались на какое-то время, чтобы ознакомиться с городом и окрестностями или встретится с кем-то. Все прочие остановки, которые должны были быть, расцениваются нами как ночевки по пути.

После Томска единственным путем был Большой Сибирский тракт, который проходил до Владивостока. По маршруту было достаточно городов и станций, первым из них после Томска являлся Красноярск, дорога к которому пролегла по гористой местности. В Путеводителе по Сибири и Туркестану отмечено, что эта дорога пролегла по двум губерниям, Томская часть дороги находилась в печальном состоянии, грязная и разбитая, а Енисейская – наоборот, была в прекрасном состоянии. Особо отмечено, что в Томской губернии нередко срезали задние чемоданы [Гурьев, 1896, с. 11–12]. Следующий участок с неплохим дорожным покрытием от Красноярска через Тулун до Иркутска также проходил по гористой местности. В Иркутске было два тракта: зимний через озеро Байкал и летний – в обход него, оба сходились на станции Мысовская. От Мысовской Щербовы проследовали по маршруту Верхнеудинск – Чита – Сретенск – Хабаровск – Иман. Причем между Сретенском и Хабаровском летом движение проходило на пароходах, а зимой – по льду, как и на участке Хабаровск – Иман [Гурьев, 1896. С. 12–15].

Иман являлся начальной станцией Южно-Уссурийской железной дороги, откуда можно было доехать на поезде до Владивостока.

В собрании Музея изобразительных искусств Республики Татарстан хранится альбом с набросками П.Е. Щербова. В альбоме сделано 20 рисунков, все они тематически связаны с дорогой: поездами, почтовыми лошадьми, кораблями и пассажирами, и, исходя из сюжетов, пейзажей и надписей, можно однозначно утверждать, что в нем отражены путевые наброски дороги Щербовых в Японию. Во-первых, на листе № 17⁸⁶ изображена лодка, в которой сидят четыре человека и гребец азиатской внешности с желтой кожей и узким разрезом глаз. При детальном рассмотрении заметно, что рисунок является продолжением работы «Прибытие семьи Щербовых во Владивосток» (далее – «Прибытие») из собрания Русского музея⁸⁷. Трое персонажей с «Прибытия» сидят в лодке, а именно: Щербовы и начальник станции. Щербов в той же шляпе, что и на «Прибытии», перед ним сидит начальник станции с длинными усами светлого цвета, прямым носом и массивными щеками в том же форменном пальто. Напротив начальника сидит неустановленная женщина, которой не было на «Прибытии», а вот за ней еле видна характерная черная кичка Анастасии Давыдовны. Здесь же видно и ее клетчатую накидку с капюшоном, в которой Щербова изображена на рисунке «Прибытие». Мы однозначно знаем, что единственное дальнейшее путешествие с женой на Восток Щербов совершил в 1896 году после свадьбы, а также достоверно известна атрибуция работы «Прибытие», что она отражает именно путь в Японию. Во-вторых, отметим лист № 16 с изображением рикши⁸⁸, что свойственно как Китаю, так и Японии. В-третьих, что особенно важно для дальнейшего хода исследования, на

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 17. В лодке между двумя утюгами. Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/17 Р-646.

⁸⁷ Государственный Русский музей. Щербов П.Е. Прибытие Щербовых во Владивосток. Шарж. КП-1927-60/23 Р-35900.

⁸⁸ Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 16. Рикши. Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/16 Р-645.

листе № 8 изображена карикатура на Южно-Уссурийскую железную дорогу⁸⁹, по которой и добирались к Владивостоку Щербов с женой.

Мы хотели бы остановиться на ней подробнее. Карикатура изображает начальника Южно-Уссурийской железной дороги полковника Дмитрия Леонидовича Хорвата (1858–1937) с хлыстом, перед ним ходит на руках предположительно Сергей Александрович Гарфильд (Гарин после 1917; 1873–1927). На стене висит желтый плакат с заголовком «Циркъ Ю. Усури» между словами заголовка изображен черный паровоз. Чуть ниже текст «Полковник Хорват выведет на свободе дрессированного мистера Гарфильда». Эта карикатура позволяет утверждать, что Щербовы проследовали по Южно-Уссурийской ж/д от Имана до Владивостока.

Следующей точкой путешественников был Владивосток, это подтверждает не только вышеописанная карикатура «Прибытие», но и письма друзей художника – А.А. Чикина и А.Г. Орлова, где идет речь о пребывании Щербовых во Владивостоке^{90,91}.

Из Владивостока Павел Егорович с женой отправились в Гензан (совр. г. Вонсан, КНДР) пароходом. На это указывает статья А.А. Чикина во «Всемирной иллюстрации» [Чикин, 1897, с. 485–487], Щербов отправил свои фотографии Кореи другу, который по просьбе издательства отрисовал их и написал короткую заметку «Гензанъ и Фузанъ». Отправку фотографий подтверждает письмо от 28 декабря 1897 года, где Чикин сообщает, что «фотографии Фузана получил»⁹². В журнальной заметке рассказано о регулярном сообщении между Владивостоком, Гензаном, Японией и Чифу (совр. г. Яньтай, КНР), которое осуществлялось японской пароходной компанией «Ниппон-Юзен-Койта» (совр. англ. Nippon Yusen Kabushiki Kaisha) и русской «Шевелёв и Ко». Статья сопровождалась иллюстрациями Чикина с пометками «С фотографий П.Г. Щербова», два снимка показывают загрузку пароходов в порту Гензана и в порту Фузана. Это указывает, что Павел Егорович был в обоих портах и проследовал пароходом по маршруту Владивосток – Гензан – Фузан – Кобе.

Статья Чикина содержит подробности о Гензане, скорее всего о них ему рассказывал в письмах Щербов; к сожалению, эти письма либо не сохранились, либо не выявлены. Павел Егорович увидел Гензан довольно маленьким городом, где насчитывалось около 30 торговых домов, в порту располагалась гостиница и таможня. Несмотря на активную торговлю, в городе проживало всего около 40 европейцев. Отталкиваясь от снимков в статье, Щербов осмотрел город и запечатлел интересные и колоритные для него пейзажи: вход в Гензанскую бухту, улочки Гензана, переносные лавочки, навьюченных быков, полицейский дом, модельню, японский поселок близ Гензана [Чикин, 1897, с. 485–487]. Не обошел он стороной и корейских женщин в национальном костюме ханбок, в то время довольно специфичном для русского и европейского взора. Ханбок состоит из длинной юбки чхима и кофты чогири, в конце XIX века чогири имела самую короткую длину и оголяла грудь. С началом XX века чогири стала удлиняться, и в современном мире костюм ханбок является закрытым и соответствует нормам общественной морали.

После Гензана Щербовы отплыли в Фузан (совр. Пусан, Республика Корея). Фузан несильно отличался по колориту от Гензана, но производил впечатление более крупного и оживленного города. В самом Фузане проживало около 2 000 человек, а население расположенного рядом японского поселка составляло примерно 5 000 человек. Японский посёлок содержался чище, освещался керосиновыми фонарями и имел подвод воды с гор. Справа от него на горе располагалось японское кладбище, отличающееся чистотой и обилием цветников, которое Щербов посетил и запечатлел на снимке. Статья проиллюстрирована и видами Фузана: городскими пейзажами, улицами и типажом местных жителей.

⁸⁹ Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 8. Полковник Хорват выведет на свободе дрессированного мистера Гарфильда. Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/8 Р-637.

⁹⁰ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 96. Л. 3, 7 об.

⁹¹ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 об.

⁹² РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.

Оставив Корею позади, Щербовы прибыли в страну восходящего солнца. В городе Кобе молодожены получили разрешение на поездки по внутренним районам империи сроком на 6 месяцев. Оригинал разрешения составлен на японском языке и подписан губернатором префектуры Хёго Суфу Кохэй⁹³ 31 октября 29 года Мэйдзи (1896)^{94,95}. В этом же разрешении указано, что Щербовы остановились в отеле Дзютэй, г. Кобе, Японская империя.

Александр Григорьевич Орлов в письме к Щербову представлял «их [Щербовых] жизнь в Кобе в стиле прерафаэлистов⁹⁶ или чуть раньше», а также сравнивал их со «святым семейством, только Иосиф, пожалуй, много курит, вместо того чтобы заниматься столярным ремеслом»⁹⁷. Идеологией художественного течения прерафаэлитов была борьба против условностей, академизма и подражания классическим образцам, что вполне укладывается и в художественную позицию самого Щербова, хотя, естественно, его стиль и работы не имеют отношения к прерафаэлитам. Интересно и сравнение Щербовых со «святым семейством», что, возможно, является отсылкой к работе одного из главных представителей этого течения Джона Эверетта Милле «Христос в родительском доме» (1850, Британская галерея Тейт, Лондон, Великобритания), где Иосиф занят работой за плотницким столом.

Из этого же письма известно, что Анастасия Давыдовна проводила время за шитьем⁹⁸. Орлов зафиксировал и настроение Щербова, оно характеризовалось падением духа, упоминанием смерти и «нытьем», все это вызывало беспокойство у Орлова. В свою очередь, он советовал поправлять нервы и волновался, что же будет с Павлом Егоровичем в Петербурге⁹⁹.

Павел Егорович со времен Академии Художеств увлекался фотографией и всегда брал в поездки свой Kodak, Япония не стала исключением. Альбом с японскими снимками сохранился и сейчас хранится в научном архиве РГО, но без атрибуции, что он выполнен и передан Щербовым. После его изучения мы однозначно утверждаем, что это альбом, переданный художником в РГО. Во-первых, на его форзаце проставлен штамп о поступлении в Императорское Русское географическое общество (ИРГО) от 15 января 1898 года¹⁰⁰, всего за 2,5 месяца до официальной благодарности. После возвращения Павел Егорович оформил привезенные им японские фотографии в альбом и передал его Императорскому Русскому Географическому обществу. После чего 3 марта 1898 года Совет ИРГО направил Его Высочородию Павлу Георгиевичу Щербову официальное письмо № 619 с благодарностями за передачу в дар альбома с фотографиями видов и типов Японии (количеством около 350 шт.) и дипломом на звание члена-сотрудника Императорского Русского Географического Общества с личной подписью Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского¹⁰¹. Во-вторых, на трех снимках¹⁰² изображена жена художника – Анастасия Давыдовна Щербова, в-третьих, в альбоме часть фотографий подписана рукой художника, в-четвертых, места съемок не противоречат известным документам и фактам о пребывании Щербовых в Японии. И последний косвенный факт – в архиве больше нет других фотоальбомов из Японии, а поскольку мы знаем, что Щербов передавал альбом, то этот факт тоже трактуется нами в пользу принадлежности альбома Щербову.

⁹³ Суфу Кохэй (1851–1921) возглавлял префектуру Хёго с 1891–1897.

⁹⁴ Перевод с японского языка выполнен старшим научным сотрудником ИВР РАН, канд. ист. наук Василием Владимировичем Щепкиным.

⁹⁵ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Ксерокопия с оригинала открытого листа (пропуска) по Японии П.Е. Щербова. ГКМ КП-10984 III-4462.

⁹⁶ Печатается по письму, с ошибкой.

⁹⁷ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

⁹⁸ Там же. Л. 3.

⁹⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰⁰ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Ф. 95. Оп. 1. Д. 12.

¹⁰¹ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Документ. Ксерокопия с оригинала письма № 619 Семенова-Тян-Шанского П.Е. Щербову. ГКМ КП-10983 III-4461.

¹⁰² НА РГО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 12. Л. 61, 146.

На данный момент внутри альбома 346 фотографий, из которых 73 выполнены лично Павлом Егоровичем Щербовым. Остальные снимки представляют из себя сувенирные фотографии японского фотографа Кусакабэ Кимбэй (1841–1932/4). Фотографии Щербова и Кимбэй перемежаются, поскольку альбом составлен с учетом географии, все снимки, относящиеся к одной местности, Щербов старался расположить рядом. Основываясь на фотографиях, сделанных именно Павлом Щербовым, нам удалось установить, где побывали молодожены.

Прибыв в Кобе, Щербовы задержались там надолго, о чем свидетельствует обширное количество снимков городской жизни Кобе и ближайших буддийских храмов. Сложно сказать, интересовался Павел Егорович самим религиозно-философским течением буддизма или же характерной для них архитектурой, нетипичной для Российской империи, но предполагаем, что его привлекала совокупность этих вещей.

В Кобе молодая семья посетила три буддийских храма. Один из них – храм Майазан Тэндзе-дзи (утрачен в 1975 г., восстановлен севернее и выше изначального места). Храм посвящен Майе, матери Будды, располагался на горе в префектуре Хёго. В англоязычной литературе известен как Лунный храм в связи с ежегодным фестивалем луны, во время которого прихожане поднимались в горный храм именно ночью. Щербов сделал 5 снимков¹⁰³, где запечатлел лестницы, ведущие в храм, типичные бронзовые и каменные фонари, каменные столбики-указатели с иероглифами и сам храм на вершине.

К достопримечательностям буддийских храмов Японии относятся Дайбуцу – огромные статуи Будды, являющиеся национальным достоянием Японии, хотя часть из них утрачена. Щербовы запечатлели целый ряд подобных статуй в храмах, в том числе в Кобе: бронзового Дайбуцу Амида (утрачен в 1945 г.) в храме Синко-дзи¹⁰⁴ и Дайбуцу Хёго (утрачен в 1944 г., восстановлен в 1991 г.) в храме Нофуку-дзи¹⁰⁵.

В храме Нофуку-дзи Щербов запечатлел и могилу японского политика и полководца Тайра-но Киёмори (1118–1181). Обелиск на могиле представлял из себя тринадцатиярусную каменную пагоду, вокруг которой расположены каменные фонари и ограда¹⁰⁶.

Внимание художника привлек и синтоистский храм Икута в Кобе, который запечатлен на одной из фотографий¹⁰⁷. Считается, что храм основан императрицей Дзингу в начале III в. н. э., но историки подвергают сомнению реальное существование императрицы, считая ее легендой и собирательным образом, в связи с чем датировка постройки храма является условной.

Известно и о восхождении Щербова на небольшую гору Футатаби в Кобе, недалеко от которой расположены водопады Нунобики. При восхождении Щербов сделал ряд снимков с заснеженными пейзажами¹⁰⁸, а фотография водопадов в альбоме – сувенирная, выполнена Кусакабэ Кимбэй¹⁰⁹. Мы склоняемся к тому, что Анастасия Давыдовна не сопровождала художника на Футатаби, но исключить этот факт полностью мы не можем. Спутником художника в этом восхождении стал некий мужчина европейской внешности. На одном изображении он снят крупным планом на фоне малой кумирни (дзиндзя) в горной местности¹¹⁰ с подписью от руки на русском: «Футатаби». Относительно мужчины можно предположить, что он из четы «английских знакомых» Щербова, которых упоминал в своей монографии А.Н. Савинов [Савинов, 1969, с. 40]. Алексей Николаевич ссылаясь на карикатуру из личного собрания Федора Федоровича Беренштама, архитектора и сына близкого друга Щербова – Федора Густавовича Беренштама. Установить, где сейчас находятся эта карикатура, не удалось. «Англичане» встречаются еще дважды на снимках из Киото.

¹⁰³ Там же. Л. 112–114.

¹⁰⁴ Там же. Л. 115.

¹⁰⁵ Там же. Л. 117.

¹⁰⁶ Там же. Л. 115.

¹⁰⁷ Там же. Л. 99.

¹⁰⁸ Там же. Л. 107–110.

¹⁰⁹ Там же. Л. 106.

¹¹⁰ Там же. Л. 109.

На одном из фото этот мужчина стоит в отдалении на фоне храма ¹¹¹. Предположительно, это храм из комплекса Фусими Инари-тайся, так как на переднем плане стоит указатель с японскими иероглифами, где указано, что храм построен в середине октября 17-го периода Мейдзи (1884). Павел Егорович, пребывая в Киото, сделал целый ряд снимков этого храмового комплекса. Фусими-Инари-тайся является главным храмом богини Инари и расположен в районе Фусими в городе Киото. Самые старые постройки храма датируются 711 годом, комплекс перестраивался и видоизменялся несколько раз. В альбом вклеено 9 фотографий ¹¹², сделанных художником здесь: статуи японской лисички-кицунэ у ворот храма, начало коридора из торий, общие виды и посетители храма. Особенно любопытен снимок стоящей Анастасии Давыдовны у подножья лестницы хайдэна ¹¹³ храма Фусими Инари. На этом же снимке на верху ступеней стоят ранее упомянутый мужчина и женщина, одетая на европейский манер.

Дальше Щербовы продолжили свое путешествие на восток острова. Перед отъездом с вокзала Киото они посетили находящийся рядом с ним храм Хигаси Хоган-дзи ¹¹⁴. Храм несколько раз за свою историю сгорал дотла и после восстанавливался, за год до приезда Щербовых закончилось очередное восстановление храма после пожара, были открыты зал Гэйдэ и зал Амида, остальные здания были восстановлены лишь в 1911 году. Их следующей остановкой стал город Оцу, местная железнодорожная станция примыкала к живописному озеру Бива. Павел Егорович запечатлел на снимке и саму станцию Оцу, и окрестности, в том числе мост Карахаши через реку Сета ¹¹⁵. Судя по снимкам, они провели какое-то время здесь, либо в ожидании поезда в сторону Камакура, либо вышли специально для осмотра достопримечательностей.

Относительно пребывания в Камакуре, относящейся к префектуре Канагава, установлено, что Щербовы посетили храм Котоку-ин школы дзёдо ¹¹⁶. Этот храм известен своей бронзовой статуей амитабхи Будды, так называемой Дайбуцу Камакура. Статуя попала в объектив Павла Егоровича дважды, причем на одном из изображений Анастасия Давыдовна внимательно рассматривает статую. Сохранился и снимок, где Анастасия Давыдовна удаляется от храма по главной дороге.

Ранее мы уже фиксировали, что в альбоме фотографии расположены в географическом порядке, а сами снимки Щербова и Кусакабэ Кимбей перемежаются. Мы обратили внимание, что в альбоме снимки только нескольких конкретных городов: Токио, Йокогамы, Камакура, Оцу, Киото, Осаки и Кобе. Отметим факт, что в альбоме нет фотографий Щербова из Токио, Йокогамы и Осаки, виды этих городов представлены только снимками Кусакабэ Кимбей. Хотя два кадра Павла Егоровича соседствуют с портретами императорской семьи и видами Токио. Места съемки установить не удалось, но, учитывая их соседство с Токио, возможно, они сделаны именно там. Выше озвученное натолкнуло нас на мысль, что Щербов покупал лишь фотографии тех городов, в которых был. Все изображенные города складываются в стройный маршрут от Кобе до Токио: Кобе – Осака – Киото – Оцу – Камакура – Йокогама – Токио. Относительно отсутствия снимков Токио, Йокогамы и Осаки предполагаем, что пленка могла быть повреждена или фотографии не вышли, тем более у Павла Егоровича уже случалось подобное в путешествии по Африке в 1888 ¹¹⁷.

Также Савинов упоминает, что Щербовы посетили Нагасаки [Савинов, 1969, с. 40], но документов, подтверждающих данный факт, не обнаружено. Нередко Савинов черпал информацию из личных бесед с теми, кто еще помнил Щербова, сразу после упоминания Нагасаки, в тексте идет отсылка к карикатурам из собрания Ф.Ф. Береншама (упоминалось ранее), возможно, именно от него он узнал о пребывании Щербовых в Нагасаки. В альбоме отсутствуют и виды Нагасаки, хотя в Японии в то время продавались снимки с его пейзажами. Это косвенно подтверждает высказанную выше гипотезу о наличии в альбоме снимков только тех

¹¹¹ Там же. Л. 110.

¹¹² Там же. Л. 61–62, 110.

¹¹³ Зал для молящихся в синтоистских храмовых комплексах.

¹¹⁴ Там же. Л. 151.

¹¹⁵ Там же. Л. 151.

¹¹⁶ Там же. Л. 146.

¹¹⁷ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Воспоминания Чикина. ГКМ КП-10520 III-4189.

мест, где Щербовы побывали. В дополнение отметим, что Нагасаки расположен на острове Кюсю, в то время как все остальные упомянутые города находятся на острове Хонсю.

Основываясь на снимках из альбома, можно сказать, что Щербова интересовали достопримечательности, культура и быт японцев. Множество снимков фиксирует улочки различных японских городов, торговые лавки, например, японского пива Asahi, местное население: корабельников, носильщиков, продавцов цветов, японок, особенности культуры – одежду, прически, оригами, игры детей, интерьеры домов. Присутствуют и пейзажи гор, а 11 фотографий Щербова изображают корабли и японские лодки в бухте. Установить точные места съемки некоторых фотографий затруднительно, так как строения типичны и не имеют характерных элементов привязки. Однако на одном из снимков на здании висит табличка на английском языке «Kobe Bazar», что отсылает к рынку в Кобе.

Виза Щербовых была открыта на 6 месяцев и заканчивалась к маю 1897 г. Возможно, Щербовы продлили бы ее и задержались в Японии, если бы не финансовый вопрос. Он проходил красной линией через все письма Орлова и Чикина в период пребывания Щербовых в Японии.

Осенью 1896 года Александр Андреевич Чикин пытался получить деньги в банке, но у него отсутствовали расписки. Мы считаем, что речь идет о счетах Щербова, с которых Чикину не удалось снять деньги для пересылки художнику. По просьбе Павла Егоровича, Чикин связывался с его младшей сестрой Екатериной Георгиевной¹¹⁸ по поводу высылки 1 500 рублей. Из контекста писем становится понятно, что сестра была должна брату деньги, причина долга не уточнялась. Но Екатерина не спешила их отдавать и сообщала, что денег у нее нет, займы больше 100 рублей ей не давали, рассчитывала занять их у одного богатого еврея, который на момент переписки уехал. В итоге сестра перестала отвечать на письма Чикина^{119, 120}.

24 декабря 1896 года Орлов писал, что Щербов в положении «Турецкого святого», и предлагал деньги на обратный проезд в Петербург в связи с тем, что Чикину не удалось нигде их достать¹²¹. Характеристика Щербова отсылает к фразеологизму «Гол, как турецкий святой», то есть бедствует и ничего не имеет [Михильсон, 1912, с. 159]. Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод, что Павел Егорович не рассчитал необходимую сумму на поездку и заранее не позаботился о возможности снять с его счетов деньги, что привело его в затруднительное положение.

30 января 1897 года Чикин выслал 100 фунтов стерлингов, которые ему передал Орлов¹²². Александр Григорьевич купил 100 фунтов за 945 р. 50 коп. и заплатил 85 коп. пошлины в Государственный банк¹²³, то есть в конце января 1897 года курс валют составлял примерно 9,5 рублей за 1 фунт стерлингов. Скорее всего, деньги Щербов получил только в конце марта – начале апреля, поскольку друзья жаловались в письмах, что в Японию письма идут по два месяца. Мы считаем, что на эти деньги были куплены обратные билеты.

Павел Егорович и Анастасия Давыдовна возвращались домой пароходом, поскольку Чикин советовал выбрать пароход, который не заходит в Индийские порты в связи с происходившей там эпидемией бубонной чумы¹²⁴. Друзья рассчитывали увидеть Щербовых в конце апреля – начале мая уже в Петербурге, но, исходя из штампов в паспортной книжке, Щербовы вернулись домой лишь к середине июля¹²⁵.

¹¹⁸ В метрической записи отец художника записан как Егор Васильевич, а у его младшей сестры – как Георгий Васильевич. Иногда в документах, в обращениях и у самого художника указано отчество Георгиевич, но чаще использовалось отчество Егорович. Егор является фонетическим вариантом имени Георгий.

¹¹⁹ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 96. Л. 3 – 3 об., 7.

¹²⁰ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 70. Л. 2 об.

¹²¹ Там же. Л. 2 об.

¹²² РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 96. Л. 9.

¹²³ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 70. Л. 4.

¹²⁴ РГАЛИ Ф. 925. Оп. 1. Д. 96. Л. 9.

¹²⁵ Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Бессрочный вид на жительство П.Е. Щербова, № 19790, № д.13346/83. ГКМ КП-13534 III-5577.

Заключение

Изученный материал дает представление о путешествии в Японию четы Щербовых. Молодожены Павел Егорович и Анастасия Давыдовна отправились в Японию сразу после венчания 16–17 мая 1896 года, первую часть пути проследовали на поезде по маршруту Санкт-Петербург – Казань – Пермь – Екатеринбург – Челябинск – Болотное, за исключением участка Казань – Пермь, где им пришлось следовать по почтовому тракту, первая часть пути заняла 3 месяца. Далее начинался их долгий путь по почтовым трактам по маршруту Болотное – Томск – Красноярск – Иркутск – Чита – Сретенск. Пересев в Сретенске на пароход, они продолжили свое путешествие через Хабаровск в Иман, где начиналась Южно-Уссурийская железная дорога, ведущая во Владивосток. В русском порту Владивостока Щербовы сели на пароход, следующий через Гензан и Фузан в Кобе.

В Японии Павел Егорович и Анастасия Давыдовна однозначно были в Кобе, Киото, Оцу и Камакуре, что подтверждается снимками и перепиской. С большой долей вероятности осматривали Осаку, Йокогаму и Токио, что имеет косвенные подтверждения. Относительно Нагасаки, мы склоняемся к выводу, что, скорее всего, Щербовы там не были, но, возможно, в порт Нагасаки заходил их пароход на обратном пути в Петербург. В общей сложности в путешествии Щербовы пробыли один год и два месяца.

Целью поездки, как и предыдущих путешествий художника, являлось расширение кругозора, личное знакомство с японской культурой, которая повлияла на его творчество. Одной из неочевидных, эмоциональных и предположительных причин являлась возможность показать молодой жене свои увлечения путешествиями, Востоком, новыми культурами. Фактически поделить часть своей природы и прошлой жизни, ведь предшествующие 8 лет перед свадьбой Павел Егорович провел в основном в путешествиях по Востоку. Как результат, в их совместной жизни восточная тема осталась навсегда – в поездках на Кавказ, в манере одеваться и говорить, в быту и в интересах дома.

Список источников

- Встреча первого поезда с томской ветви. Томский листок. 1896. № 157.
- Высочайшие награды. Таврические епархиальные ведомости. 1878. № 12.
- Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 8. Полковник Хорват выведет на свободе дрессированного мистера Гарфильда.... Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/8 Р-637.
- Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 16. Рикши. Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/16 Р-645.
- Государственный музей изобразительного искусства Татарстана. Щербов П.Г. Рисунок. Лист № 17. В лодке между двумя уютгами. Из альбома карикатур. ГМИИРТ КП-10745/17 Р-646.
- Государственный Русский музей. Щербов П.Е. Прибытие Щербовых во Владивосток. Шарж. КП-1927-60/23 Р-35900.
- Движение пассажирских поездов по Екатеринбург-Челябинской ж. дороге. Екатеринбургская неделя. 1896. № 20.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Бессрочный вид на жительство П.Е. Щербова, № 19790, № д. 13346/83. ГКМ КП-13534 III-5577.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Воспоминания Чикина. ГКМ КП-10520 III-4189.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Документ. Ксерокопия с оригинала письма № 619 Семенова-Тян-Шанского П.Е. Щербову. ГКМ КП-10983 III-4461.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Ксерокопия с оригинала открытого листа (пропуска) по Японии П.Е. Щербова. ГКМ КП-10984 III-4462.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Папка с документами. Материалы из архивов и выписки из книг о П.Е. Щербове. ГКМ НВФ-1882.
- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Слайд с карикатуры П.Е. Щербова. Венчание. ГКМ НВФ-1744/17.

- Историко-мемориальный музей-усадьба П.Е. Щербова. Фотография. Протоиерей Давид Иванович Дармоустук – отец А.Д. Щербовой. ГКМ КП-10363 V-3780.
- Награды за службу по духовному ведомству Министерству Нар. просв. и за пожертвование. Таврические епархиальные ведомости. 1883. № 11.
- Научный архив Русского географического общества. Ф. 95. Оп. 1. Д. 12.
- Первый поезд. Екатеринбургская неделя. 1896. № 4.
- Перемены в составе лиц, служащих в Таврической Епархии. Таврические епархиальные ведомости. 1869. № 2.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 925. Щербов Павел Георгиевич (1865–1938) – художник-график. Оп. 1. Д. 70.
- РГАЛИ. Ф. 925. Щербов Павел Георгиевич (1865–1938) – художник-график. Оп. 1. Д. 96.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии. Оп. 1. Д. 18408.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Академия Художеств МИДв. Оп. 11. 1883 г. Д. 127.
- РГИА. Ф. 789. Академия Художеств МИДв. Оп. 11. 1886 г. Д. 140.
- Средне-Сибирская железная дорога. Томский листок. 1896. № 132.
- Указом Святейшего Правительствующего Синода от 22 апреля сего года № 1022... Таврические епархиальные ведомости. 1874. № 11.
- Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Метрические книги. Оп. 127. Д. 516.
- Чикин А.А. Гензань и Фузань. Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 57. № 1477.

Список литературы

- Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 год: в 2 ч. Санкт-Петербург, типография Императорской Академии наук, 1859, ч. 1, 874 с.
- Гермоген, епископ Таврический. 1886. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии. Симферополь: Таврическая губернская типография, 274 с.
- Гурьев Н.А. 1896. Практический путеводитель по Сибири и Туркестану. Томск, Типография Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 99 с.
- Журавлева А.Г. 2021. П.Е. Щербов в мемуарах К.А. Куприной: проблема достоверности источника. В кн.: Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. В.В. Карпова, Санкт-Петербург, Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина: 198–202.
- Журавлева А.Г. 2022. Путешествия П.Е. Щербова на Восток в 1891–1893 гг. по документам тайника усадьбы художника. *История повседневности*. 3: 124–141. doi: https://doi.org/10.35231/25422375_2022_3_124
- Карта паромных сообщений железных и почтовых дорог Российской империи. Масштаб 1:4 200 000. Ежегодное издание. Санкт-Петербург, Картографическое заведение А. Ильина, 1896. URL: <http://retromap.ru/14189611> (дата обращения 17.12.2023)
- Ляшенко С.В. 2017. Современники Н.К. Рериха: художник-баталист Н.С. Самокиш и художник-карикатурист Е.П. Щербов. В кн.: Рериховское наследие: межд. конф. Отв. ред. В.Л. Мельников, Санкт-Петербург, Изд-во «Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры "Музей-институт семьи Рерихов"»: 381–393.
- Михильсон М.И. 1912. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Санкт-Петербург, тип. Брокгауз – Ефрон, 1149 с.
- Савинов А.Н. 1969. Павел Егорович Щербов. Ленинград, Художник РСФСР, 107 с.
- Saunders B. 2018. More Than a Honeymoon: The Influence of Japan on Adolf de Meyer's Photographs. New York, The Metropolitan Museum of Art. Available at: <https://www.metmuseum.org/blogs/now-at-the-met/2018/adolf-de-meyer-honeymoon-japan> (accessed: 17.12.2023)

Referenses

- Adres-kalendar'. Obshhaja rospis' vseh chinovnyh osob v gosudarstve na 1859–1860 god: v 2 ch. [The Address is a Calendar. General Painting of all Officials in the State for 1859–1860: in 2 parts]. Sankt-Peterburg, tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1859, Part 1, 874 p.
- Germogen, episkop Tavricheskij. 1886. Spravochnaja knizhka o prihodah i hramah Tavricheskoy eparhii [A Reference Book about the Parishes and Churches of the Tauride Diocese]. Simferopol': Tavricheskaja gubernskaja tipografija, 274 p.
- Gur'ev N.A. 1896. Prakticheskij putevoditel' po Sibiri i Turkestanu [A Practical Guide to Siberia and Turkestan]. Tomsk, Tipografija G.V. Prejsman i N. Ja. Beljaeva, 99 p.
- Zhuravleva A.G. 2021. P.E. Shherbov v memuarah K.A. Kuprinov: problema dostovernosti istochnika [P.E. Shcherbov in the Memoirs of K.A. Kuprina: The Problem of the Reliability of the Source]. V kn.: Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: Materialy XII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / Otv. red V.V. Karpova, Sankt-Peterburg, Leningradskij gos. un-t im. A.S. Pushkina: 198–202.
- Zhuravleva A.G. 2022. Puteshestvija P.E. Shherbova na Vostok v 1891–1893 gg. po dokumentam tajnika usad'by hudozhnika [P.E. Shcherbov's Travels to the East in 1891–1893 According to the Documents of the Hiding Place of the Artist's Estate]. *Istorija povsednevnosti*. 3: 124–141. doi: https://doi.org/10.35231/25422375_2022_3_124
- Karta parohodnyh soobshhenij zheleznyh i pochtovyh dorog Rossijskoj imperii. Masshtab 1:4 200 000. Ezhegodnoe izdanie [Map of Steamship Communications of Railways and Postal Roads of the Russian Empire. Scale 1:4,200,000. Annual Edition]. Sankt-Peterburg, Kartograficheskoe zavedenie A. Il'ina, 1896. URL: <http://retromap.ru/14189611> (accessed: 17.12.2023)
- Ljashenko S.V. 2017. Sovremenniki N.K. Reriha: hudozhnik-batalist N.S. Samokish i hudozhnik-karikaturist E.P. Shherbov [N.K. Roerich's Contemporaries: The Battle Artist N.S. Samokish and the Cartoonist E.P. Shcherbov]. V kn.: Rerihovskoe nasledie: mezhd. konf. / otv. red. V.L. Mel'nikov, Sankt-Peterburg, Izd-vo «Sankt-Peterburgskoe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury "Muzej-institut sem'i Rerihov"»: 381–393.
- Mihil'son M.I. 1912. Russkaja mysl' i rech': svoe i chuzhoe: opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij [Russian Thought and Speech: One's Own and Another's: The Experience of Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Parables]. Sankt-Peterburg, tip. Brokgauz-Efron, 1149 p.
- Savinov A.N. 1969. Pavel Egorovich Shherbov [Pavel Egorovich Shcherbov]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR, 107 p.
- Saunders B. 2018. More Than a Honeymoon: The Influence of Japan on Adolf de Meyer's Photographs. New York, The Metropolitan Museum of Art. Available at: <https://www.metmuseum.org/blogs/now-at-the-met/2018/adolf-de-meyer-honeymoon-japan> (accessed: 17.12.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Received 21.12.2023

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Журавлева Александра Геннадьевна, заведующая историко-мемориальным музеем-усадьбой П.Е. Щербова, Гатчина, Ленинградская область, Россия; аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

Alexandra G. Zhuravleva, Head of the Museum Historical and Memorial Museum-Estate of P.E. Shcherbov, Gatchina, Leningrad Region, Russia; Postgraduate Student A.S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia

[ORCID: 0009-0003-3981-6509](https://orcid.org/0009-0003-3981-6509)

УДК 94(47).084+351.741
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-162-171
Оригинальное исследование

Профессиональная подготовка сотрудников милиции в период с 1918 по 1942 гг. (на примере Воронежского региона)

Уланов Н.Д.¹ , Ситников К.А.²

¹ Воронежский институт МВД России,
Россия, 394065, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53;
² Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Россия, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: ulanov_95@inbox.ru, kirillsa@mail.ru

Аннотация. В статье проводится обобщение процессов формирования и трансформации на начальных этапах системы профессиональной подготовки советской милиции. Хронологические рамки работы охватывают период с 1918 по 1942 гг., связанный с функционированием НКВД и милиции, в частности в особых условиях (Гражданская война, начало Великой Отечественной войны). В качестве основы исследования взят опыт Воронежского региона, традиционно выступающего в качестве крупного образовательного центра (в том числе для органов полиции/милиции) от создания первых губернских милицеских курсов до функционирования Воронежской межобластной школы рабоче-крестьянской милиции (изначально называвшейся 3-й Воронежской областной школой младшего начсостава милиции). Авторами анализируется организационное построение образовательного процесса, а также его содержательная сторона, отмечается их взаимосвязь с объективными условиями функционирования милиции. В рамках проведенного исследования прослеживается очевидная тенденция к постепенной военизации милиции (формальной и содержательной), а также соответствующей системы профессиональной подготовки в 1930-е гг.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, особые условия, милиция, НКВД, милицеские курсы, 3-я Воронежская областная школа младшего начальствующего состава милиции, 6-я Воронежская школа административно-милицеских работников НКВД СССР

Для цитирования: Уланов Н.Д., Ситников К.А. 2024. Профессиональная подготовка сотрудников милиции в период с 1918 по 1942 гг. (на примере Воронежского региона). *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 162–171. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-162-171

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Professional Training of Militia Officers in the Period from 1918 to 1942 (On the Example of the Voronezh Region)

Nikita D. Ulanov ¹ , Kirill A. Sitnikov ²

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russia;
² V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
12 Akademik Volgin St., Moscow 12117997, Russia
E-mail: ulanov_95@inbox.ru, kirillsa@mail.ru

Abstract. The article summarizes the processes of formation and transformation stages of the professional training system of the Soviet police at the initial stages. The chronological framework of the work covers the period from 1918 to 1942, associated with the functioning of the NKVD and the militia, in particular, in special conditions (Civil War, the beginning of the Great Patriotic War). The research is based on the experience

of the Voronezh region, which traditionally acts as a major educational center (including for police/militia) from the creation of the first provincial militia courses to the functioning of the Voronezh Interregional School of Workers' and Peasants' Militia (originally called the 3rd Voronezh Regional School of Junior police officers). The authors analyze the organizational structure of the educational process, as well as its content side, noting their relationship with the objective conditions of the functioning of the police. Within the framework of the conducted research, there is an obvious trend towards the gradual militarization of the militia (formal and substantive), as well as the corresponding professional training system in the 1930s.

Key words: professional training, special conditions, militia, NKVD, militia courses, 3rd Voronezh Regional school of junior police officers, 6th Voronezh School of administrative and police officers of the NKVD of the USSR

For citation: Ulanov N.D., Sitnikov K.A. 2024. Professional Training of Militia Officers in the Period from 1918 to 1942 (On the Example of the Voronezh Region). *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 162–171 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-162-171

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Организация обучения личного состава правоохранительных органов в целом и полиции/милиции в частности (представители которой находятся в непосредственном соприкосновении с населением) во многом напрямую обуславливает степень эффективности реализации возложенных на них задач. Одновременно с этим правовые и институциональные аспекты профессиональной подготовки выступают не только в качестве результата, но и отражения тех объективных условий, в которых функционируют органы внутренних дел. Указанная проблема является важной для исторических и историко-правовых исследований, посвященных полицейским органам [Жадан, 2021, с. 224–232].

Отметим, что в период с 1918 по 1942 гг. профессиональное обучение и подготовка сотрудников Народного Комиссариата Внутренних Дел (далее – НКВД) была направлена на формирование кадрового состава, способного служить в постоянно меняющейся оперативной обстановке (особых условиях), под которыми следует понимать обострившиеся противоречия в обществе, вылившиеся в гражданскую войну, распространяемый бандитизм и совершение тяжких преступлений. Как покажет в дальнейшем практика, немаловажный вклад милиционеры внесут и в защиту Родины от внутренних и внешних угроз в годы Великой Отечественной войны.

Объект и методы исследования

Исследование, лежащее в основе статьи, направлено на выявление ключевых этапов становления и развития системы профессиональной подготовки милиционеров, оказывающей непосредственное влияние на функционирование данного элемента правоохранительной системы.

Методологическую основу диссертационного исследования составили принципы историзма (в контексте рассмотрения особенностей организации милиции и ведомственной подготовки в их динамике с учетом влияния конкретно-исторических условий), объективности (связан с изучением объекта на основе источников различной природы и содержания), системности (нашел свое выражение не только в процессе изложения материала, но и при его поиске, отборе и изучении).

В исследовании был задействован комплекс как общенаучных, так специальных методов. Так, методы количественного и качественного анализа применялись при изучении особенностей кадрового состава милиции Воронежа в указанный период. Хронологический и повествовательно-описательный методы помогли воспроизвести исследуемые исторические процессы полно и логично, но вместе с тем кратко. Активно использовались формально-юридический метод и метод правовой герменевтики при работе с историко-правовыми документами. На основе метода периодизации были выделены основные этапы развития профессиональной подготовки сотрудников милиции в период с 1918 по 1942 гг. на примере Воронежского региона.

Результаты и их обсуждение

По нашему мнению, следует согласиться с предложенной профессором В.М. Шама-ровым периодизацией развития милицейского профессионального образования в период с 1918 по 1930 гг., в рамках которой выделяется 3 основных этапа.

Начальный этап (с 1918 по 1921 гг.) характеризовался «стихийной и бессистемной» организацией милицейский курсов и школ на территории страны. Основная их функция сводилась к ликвидации неграмотности среди сотрудников милиции. В свою очередь, методическая база, используемая для обучения, отличалась краткосрочностью и слабостью. Данные проблемы были обусловлены в том числе и факторами объективного характера: социально-экономические и политические последствия революционных событий, а также дрящущая Гражданская война и продолжавшийся процесс формирования молодого советского государства, сказывавшиеся на всех сторонах общественной жизни.

Первой должным образом оформленной специализированной образовательной организацией стала Московская школа комсостава милиции, осуществившая первый выпуск в октябре 1918 года¹²⁶.

Отметим, что первыми воронежскими выпускниками вышеуказанной школы в октябре 1919 года стали Л.Д. Замуэль, В.В. Масквитис, О.Л. Левенберг и будущий начальник воронежской губернской милицейской школы И.П. Бородин¹²⁷.

На территории Воронежского края становление системы кадрового обучения началось в конце декабря 1919 года, поскольку к тому моменту губерния была освобождена от сил Белой армии. В результате их нападения, по утверждению местного руководства милиции, органы правопорядка были уничтожены «до основания», что не удивительно в условиях Гражданской войны. В связи с этим объективировалась острая потребность в создании соответствующих институтов заново [Нахимов и др., 2017а, с. 9–21].

О важнейшем шаге по решению сложившейся проблемы в регионе сообщалось циркуляром Губмилиции от 09 декабря 1919 года № 938: в нем говорилось об открытии милицейских курсов для того, чтобы сформировать такую милицию, которая «как народная охрана должна служить олицетворением Советской власти, не имея ничего общего с бывшей полицией, отошедшей в область предания и безвозвратности»¹²⁸. Последнее было связано не только с идеологическими установками новой власти, но и сформировавшимся социальным запросом, обусловленным недоверием к монархическим институтам. Таким образом, особые условия становления системы профессиональной подготовки диктовали следующие особенности ее форме содержанию:

- ускоренность обучения;
- военизованность с точки зрения организационного построения и наполнения курса обучения;
- формирование представления у народных масс о милиции как совершенно новом институте правопорядка (в том числе обеспечивающем революционную законность).

В феврале 1920 года в Воронеже впервые открылись губернские милицейские курсы, срок обучения на которых составлял два месяца. Из числа сотрудников уездной милиции поступило 100 человек. Курсы располагались в д. 33 по ул. Карла Маркса. Для проживания слушателей было выделено общежитие и денежные средства [Смирных, 2010, с. 32]. За основу для организации курсов брался армейский принцип: создавалась курсовая рота, делившаяся на взводы. От обучающихся требовалось поддержание уставного порядка.

На основе пензенского опыта в Воронеже была разработана собственная программа подготовки, включавшая 4 раздела:

- «Военное дело»;

¹²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р393. Оп. 6. Д. 20. Л. 14.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 15. Д. 16. Л. 66–72.

¹²⁸ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 736. Оп (8) 9. Д. 1. Л. 57.

- «Милицейское дело»;
- «Общеобразовательные дисциплины»;
- «Политическая подготовка».

Для реализации специальных дисциплин привлекались наиболее опытные сотрудники губернского управления милиции и губвоенкомата.

8 февраля 1921 года приказом по Губмилиции № 31 курсы были закрыты.

Второй этап (1921–1925 гг.) следует связывать с окончанием гражданской войны в европейской части России, а также совершенствованием и централизацией милицейского управленческого аппарата.

Важной «вехой» стало принятие 15 апреля 1921 года первого Положения о курсах командного состава при губернских и областных управлениях милиции. В соответствии с документом срок обучения должен был составлять три месяца. Одновременно на курсах могло находиться от 100 до 150 человек личного состава (в зависимости от специфики местных условий).

Обучение на курсах включало в себя освоение учебной и строевой части. Первая состояла из 3 блоков дисциплин:

- общие дисциплины: русский язык, география, арифметика, законоведение, положения Конституции, история рабочего движения в России;
- специальные дисциплины: общие сведения об НКВД, ВЧК и местных исполнительных органах власти, делопроизводство, организационно-правовые основы деятельности милиции;
- политические дисциплины: изучение Февральской и Октябрьской революций, экономических основ системы государства, политики в области просвещения и т. д.¹²⁹

Строевая часть включала в себя изучение воинских уставов, основ стрелкового, окопного и пулеметного дела, а также военную топографию¹³⁰.

Отметим, что к 1 января 1922 года на территории республики существовало 46 курсов комсостава милиции¹³¹. Вместе с тем стоит согласиться с высказыванием А.П. Нахимова, А.В. Кирноса и В.А. Колесникова, указавшими на то, что хотя вся территория РСФСР в данный период была покрыта сетью курсов и школ, но реально же «единой школьно-курсовой сети» все еще не было. Самая главная проблема заключалась в отсутствии завершенных единообразных правовых и институциональных механизмов в рассматриваемой сфере.

В Воронеже подобные курсы для подготовки комсостава милиции учреждались на основании приказа Губмилиции от 19 июля 1921 г. № 96 [Нахимов и др., 2017б, с. 163]. Примечательно, что уже в следующем году они были переименованы в губернскую милицейскую школу.

Первый их выпуск состоялся 17 февраля 1922 г. Востребованность организации была очевидной, однако в сложившихся условиях организация достаточного ее снабжения все также представлялась неразрешимой задачей.

Уже начиная с 1922 года руководством государства принимается решение о переводе финансирования нужд милиции на местные бюджеты, но, как оказалось, денег на местах катастрофически не хватало. В среднем по стране на подготовку милицейских кадров выделялось не более 7 % от необходимого количества¹³².

«Абсолютное отсутствия средств» в губмилиции на содержание школы привело к досрочному проведению ее третьего выпуска и последующей ликвидации учреждения с 1 декабря 1922 года.

¹²⁹ В самом начале формирования НКВД особую значимость имела политическая осведомленность сотрудников. Будущим специалистам в данной сфере закладывали определенную идеологию, инакомыслящие при этом к подобной работе допускались с малой долей вероятности. Прежде всего, сотрудники НКВД должны были быть преданными идеям коммунизма и революции. Это обязывало их быть готовыми к выполнению политических задач и достижению целей партии и государства.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 31. Д. 330а. Л. 2–3 об.

¹³¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 31. Д. 330б. Л. 5б.

¹³² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 51. Д. 12. Л. 30.

Не удивительно, что кадровый состав милиции сократился на 70 %. К началу 1924 года в стране осталось всего 13 губернских школ¹³³.

В сентябре 1924 года Центральным административным управлением (далее – ЦАУ) НКВД РСФСР впервые была организована комплексная проверка воронежской милиции. Согласно исследованию А.П. Нахимова, А.В. Кириоса и В.А. Колесникова, итоги инспектирования оказались неутешительными. Одна из наиболее значимых проблем заключалась в отсутствии в регионе специализирующихся на милицейском образовании структур. К этому моменту, по утверждению ученых, «не было ни школы младшего состава, ни даже резерва, где можно было получить сколь-нибудь систематическое милицейское образование» [Нахимов и др., 2022, с. 9–15].

Вместе с тем крайне неудовлетворительное положение в области кадрового обеспечения в лучшую сторону повлияло на будущие реформы на следующем этапе развития милицейского профессионального образования.

Таким образом, период до 1925 года характеризовался сложностями, возникшими в связи с отсутствием должного материального и финансового обеспечения.

Третий этап (с 1925 по 1928 гг.) следует рассмотреть на основе данных о деятельности 3-й Воронежской областной школы младшего начсостава милиции [Нахимов и др., 2019, с. 1–25].

С целью оптимизации процесса обучения многочисленного контингента младших командиров милиции руководством ведомства предполагался переход к созданию финансируемых из единого федерального центра областных или краевых школ: полагалось, что местное руководство должно больше внимания уделять подготовке кадров для охраны общественного порядка и оперативно-розыскной деятельности. Первоначально планировалось учреждение 15 таких школ, однако ряд финансовых и организационных затруднений не позволил воплотить данную задумку в полной мере.

В итоге, согласно приказу ЦАУ НКВД РСФСР от 17 сентября 1925 г. № 149, создавались три областные школы младшего состава рабоче-крестьянской милиции, в том числе 3-я в Воронеже¹³⁴.

В организационно-штатном отношении она структурно состояла из двух частей: учебно-строевой (непосредственная организация образовательного процесса) и административно-хозяйственной (обеспечительные функции: делопроизводство и счетоводство, уборка, приготовление пищи и т. п.). Личный состав делился на постоянный (руководство, административный и обслуживающий персонал) и переменный – курсантов [Нахимов и др., 2018а, с. 9–20].

В ходе проверок личный состав школы оценивался достаточно высоко: его качества «не вызывали сомнения в том, что как руководство школой, учебно-строевой и хозяйственными частями, так и обучение военному делу находятся в надежных руках»¹³⁵.

Отметим, что начиная с 1926 года преподавательский состав школы постоянно менялся, что было обусловлено занятостью его по основным местам работы, а также переводами на новые места службы. В контексте этого необходимо указать на то, что преподавательский состав школы являлся приглашенным руководством, однако к 1927 году сложился штат из постоянно занятых 17 преподавателей, имевших «высший образовательный ценз» (таблица 1)¹³⁶ [Нахимов и др., 2017а, с. 221].

Активным было и внеурочное взаимодействие курсантов и преподавателей школы. Должным образом был выстроен план проведения экскурсий и внеурочных бесед¹³⁷, а также работал кружок «Красный милиционер» им. И. Сталина, драматический и хоровой кружок.

¹³³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 44. Д. 20. Л. 5 об.

¹³⁴ Первая и вторая базировались в Свердловске и Саратове соответственно.

¹³⁵ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2 доп. Д.13. Л. 157.

¹³⁶ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 161.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп.78. Д. 56. Л. 25.

Таблица 1
Table 1

Преподавательский состав 3-й Воронежской школы младшего начсостава милиции
в 1926–27 учебном году
Teaching staff of the 3rd Voronezh school for junior police officers in the 1926–27 academic year

Фамилия, инициалы	Основная должность	Преподаваемый предмет
Александров И.К.	преподаватель рабфака	политграмота
Ватутин М.Т.	преподаватель 2-й ступени	русский язык
Гельднер Л.Л.	начальник 3-го отд. гормилиции	письмовод., делопроизв.
Глушков А.И.	преподав. рабфака	физика, химия
Григоров П.А.	преподаватель университета	естествознание
Драчев А.П.	инспектор адмотдела	организация милиции
Нахамкин Н.Я.	губпрокурор	конституция
Паршин М.	инструктор физкультуры	физкультура
Станкевич	зав. Губсобразом / бывший учитель	политграмота
Успенский О.В.	помощник начальника милиции	служба милиции
Фернебок И.И.	помощник губпрокурора	прохождение службы, дисциплинарный устав
Хромов	заместитель губпрокурора	политграмота
Чертков Д.Д.	помощник губпрокурора	советское право
Шушоров В.И.	бывший учитель	математика
Щемелинов Д.И.	преподаватель 2-й ступени	география
Щемелинов П.И.	начальник инсп. части адмотдела	советское право / кодексы
Юшков П.Н.	преподаватель рабфака	математика

Комплектование школы проводилось в соответствии с издаваемыми ЦАУ НКВД распоряжениями. Право на поступление в школу имели сотрудники милиции и уголовного розыска, отвечавшие следующим требованиям:

- стаж соответствующей службы от 6 месяцев и более;
- хорошая служебная аттестация;
- удовлетворительное состояние здоровья, отвечающее требованиям, предъявляемым к сотрудникам милиции;
- наличие знаний в объеме программы временных испытаний¹³⁸.

Таблица 2
Table 2

Сравнение распорядка дня, установленного в 3-й школе и установленного распоряжением ЦАУ НКВД [Нахимов и др. Образовательные организации..., 2017, с. 232]
Comparison of the daily routine established in the 3rd school and established by order of the Central Administration of the NKVD

Мероприятие	Время		Мероприятие	Время	
	3-я школа	ЦАУ		3-я школа	ЦАУ
Подъём	6.00	7.00	Обед и отдых	12.30–15.30	16.00–18.00
Умывание, чистка обуви и одежды	6.00–6.30	7.00–7.20	Классные занятия	15.30–17.40	
Проверка, гимнастика	6.30–7.20	7.30–7.40	Ужин	17.40–18.30	21.00
Чай	7.20–8.00	7.40–8.10	Кружки и подготовка	18.30–23.00	18.00–21.00
Классные занятия	8.00–11.30	10.00–16.00	Личное время		21.00–23.00
Строевые занятия	11.30–12.30	8.20–9.20	Отбой	23.00	23.00

¹³⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 78. Д. 56. Л. 34–35.

Предметы, изучавшиеся в школе на первом этапе ее функционирования, можно разделить на 4 цикла: общеобразовательно-политический, военный, правовой и милицкий. Наибольшее количество часов отводилось двум последним циклам. С появившимся вскоре уголовно-розыскным отделением были разработаны дополнительные программы, требовавшиеся для обучения соответствующей категории специалистов.

Таким образом, Воронежская школа милиции являлась ключевой образовательной организацией, осуществлявшей подготовку милиционеров на территории Центрального Черноземья. Рассмотренный период заложил основу для дальнейшего развития профессиональной подготовки служащих милиции¹³⁹ [Нахимов и др., 2018б, с. 9–22].

Дальнейшая трансформация системы профессионального обучения милиционеров (с переименования 3-й школы в 6-ую Воронежскую школу административно-милиецких работников НКВД СССР по 1942 г. – период, не охватываемый отмеченной периодизацией В.М. Шамарова) была связана с тенденцией к жесткой иерархизации и военизации милиции, централизации управления ею, включению ее в состав широкомасштабного репрессивного аппарата.

25 мая 1931 г. СНК утвердил новое «Положение о Советской рабоче-крестьянской милиции» – первое, которое стало единым для всех союзных республик.

Уровень политической грамотности стал одним из главных критериев отбора кандидатов и профессиональной пригодности милиционеров. Из числа членов партии и комсомольцев в 1930-е годы начинает формироваться «резерв кандидатов на пополнение высшей, старшей и средней школ РК милиции» [Нахимов и др., 2017а, с. 309].

Значительно усложнялась процедура приема кандидатов на обучение. Одновременно с этим начались репрессии, затронувшие личный состав воронежской милиции и функционировавшей в регионе ведомственной школы.

«Военизация» милиции привела не только к организационно-штатным изменениям в школах, но и трансформациям в образовательном процессе (в частности, к изменениям учебного плана), в том числе – к появлению новой организационной формы, заимствованной из опыта армии – летних лагерных «палаточных сборов». Проводились они и в Воронежской области.

Безусловно, не могла не сказаться на функционировании образовательной организации начавшаяся в июне 1941 года Великая Отечественная война. С началом военных действий школы милиции (в том числе и Воронежская) произвели ускоренный выпуск слушателей и курсантов.

Вторжение войск противника на территорию Воронежской области и начавшиеся в июле 1942 года ожесточенные бои за г. Воронеж обусловили прекращение работы школы милиции. Курсанты и преподаватели, частично оставшиеся в городе летом 1942 года, несли патрульную службу и в первые дни июля покинули правый берег реки Воронеж и отошли за Чернавский мост. Первоначально личный состав убыл в Анну, а в дальнейшем – в Борисоглебск, куда было эвакуировано и УРКМ НКВД СССР по Воронежской области [Смирных, 2010, с. 182–183].

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, в развитии профессиональной подготовки сотрудников милиции в период с 1918 по 1942 гг. (на примере Воронежского региона) можно выделить 4 условных этапа:

¹³⁹ На основании приказа НКВД РСФСР от 19 мая 1928 г. № 74 с октября того же года «в целях концентрации подготовки работников милиции и административных органов школ среднего и младшего начальствующего состава» 3-я Воронежская школа милиции была переименована в 6-ую Воронежскую школу административно-милиецких работников НКВД СССР. В дальнейшем она претерпела еще несколько переименований.

– начальный этап (с 1918 по 1921 гг.) характеризовался «стихийной и бессистемной» организацией милицейских курсов и школ на территории страны (в Воронеже впервые открылись губернские милицейские курсы);

– второй этап (с 1921 по 1925 гг.) связан с окончанием гражданской войны в европейской части России, а также совершенствованием и централизацией милицейского управленческого аппарата (для Воронежа этап ознаменован функционированием курсов для подготовки комсостава милиции, переименованных впоследствии в губернскую милицейскую школу);

– третий этап (с 1925 по 1928 гг.) следует рассмотреть на основе данных о начальном периоде деятельности областных школ младшего комсостава рабоче-крестьянской милиции (в Воронеже – 3-й Воронежской областной школы младшего начсостава милиции);

– четвертый этап (с 1928 по 1942 гг.) – прослеживается тенденция к жесткой иерархизации и военизации милиции, централизации управления ею, включению ее в состав широкомасштабного репрессивного аппарата (в рассматриваемом регионе функционировала 6-я Воронежская школа административно-милицейских работников НКВД СССР / 6-я межкраевая школа милиции / Воронежская школа рабоче-крестьянской милиции / Воронежская школа среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции / 17-я Воронежская школа рабоче-крестьянской милиции / Воронежская межобластная школа рабоче-крестьянской милиции).

При этом на всех этапах прослеживаются следующие базовые направления подготовки [Жадан, 2021, с. 224–225]: профессиональная деятельность (профессиональное обучение будущих специалистов в сфере обеспечения правопорядка в обществе включало в себя изучение и применение на практике методов охраны общественного порядка и проведения оперативно-розыскной работы)¹⁴⁰, политическое и идеологическое просвещение (обучение сотрудников проводилось строго с помощью основ и принципов марксизма-ленинизма, а также идеологии коммунистической партии), физическая и психологическая подготовка (образовательный процесс подготовки служащих НКВД включал в себя аспекты, формирующие физическую и моральную выносливость сотрудников; будущие кадры должны были быть готовы к выполнению серьезнейших, зачастую опасных мероприятий, которые требовали от их участников силы, стойкости, выносливости; с учетом постепенной военизации милиции немалое внимание уделялось строевой подготовке и т. п.).

В дальнейшем накопленный в предвоенный период опыт организации обучения служащих милиции (в том числе в Воронежском регионе) успешно применялся в восстановлении всего комплекса соответствующих институтов. Региональная система подготовки продолжила свое развитие, пройдя сложный нелинейный путь, который по сей день продолжают сотрудники, работники и обучающиеся Воронежского института МВД России.

Вышеизложенное помогает понять, что профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел – это достаточно сложный и трудоемкий процесс, требующий сил и выносливости от всех его участников.

Немаловажным является тот факт, что весь процесс подготовки варьируется в зависимости от конкретного периода и политической ситуации как внутри государства, так и за его пределами. Например, в период так называемых политических «чисток» и репрессий процесс обучения сотрудников НКВД был значительно ужесточен, в связи с чем к обучающимся предъявлялись повышенные требования.

Тем не менее практически во все времена и периоды развития государства профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел была направлена на формирование устойчивого и эффективного механизма по защите личности, общества и государства.

¹⁴⁰ Сюда же можно отнести и политическую пропаганду, и работу с агентурой. Будущий сотрудник НКВД должен обладать умением организовывать и проводить агентурную деятельность, которая зачастую включала в себя формирование и использование агентов-provokatorov, участие в политической пропаганде.

Исторический опыт наглядно свидетельствует, что правоохранительные органы только тогда смогут выполнить предназначенные им функции, когда они будут обладать высокопрофессиональными кадрами.

Список источников

- Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 736. Оп (8) 9. Д. 1. Л. 57.
ГАВО. Р-5. Оп. 2 доп. Д. 13.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р393. Оп. 6. Д. 20. Л. 14.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 15. Д. 16. Л. 66–72.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 31. Д. 330а. Л. 2–3 об.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 31. Д. 330б. Л. 56.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 44. Д. 20. Л. 5 об.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 51. Д. 12. Л. 30.
ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 78. Д. 56.

Список литературы

- Жадан А.В. 2021. Профессиональная подготовка сотрудников территориальных органов НКВД Дальнего Востока: 1941–1945 годы. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 4(73): 224–232.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2022. Материальное обеспечение и качественное состояние личного состава рабоче-крестьянской милиции Воронежской губернии в первой половине 1920-х гг. (по материалам инспекционных проверок). *Вестник ВИ МВД России*, 4: 9–15.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2018а. Начальствующий, административный и преподавательский состав 3-й Воронежской областной школы младшего начсостава милиции: особенности формирования и структурирования (1925–1928 гг.). *Вестник ВИ МВД России*, 1: 9–20.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2017а. Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.). Воронеж, Воронежский ин-т МВД России, 382 с.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2017б. Организация подготовки сотрудников воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции в 1919–1922 гг. *Вестник ВИ МВД России*, 3: 9–21.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2018б. Становление организационно-правовых и методических основ образовательного процесса в 3-й Воронежской областной школе младшего начсостава милиции во второй половине 1920-х гг. *Вестник ВИ МВД России*, 3: 9–22.
- Нахимов А.П., Киринос А.В., Колесников В.А. 2019. Третья школа младшего комсостава рабоче-крестьянской милиции в системе образовательных организаций НКВД РСФСР. Воронеж, Воронежский ин-т МВД России, 209 с.
- Смирных В.М. 2010. Люди тревожного времени: очерки истории воронежской милиции 20–30-х гг. XX в. Воронеж, Воронежская обл. тип. – изд-во им. Е.А. Болховитинова, 190 с.

References

- Zhadan A.V. 2021. Professional'naya podgotovka sotrudnikov territorial'ny`x organov NKVD Dal'nego Vostoka: 1941–1945 gody` [Professional Training of Employees of the Territorial Bodies of the NKVD of the Far East: 1941–1945]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 4(73): 224–232.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2022. Material'noe obespechenie i kachestvennoe sostoyanie lichnogo sostava raboche-krest'yanskoj milicii Voronezhskoj gubernii v pervoj polovine 1920-x gg. (po materialam inspektionny`x proverok) [Material Support and Quality Condition of the Personnel of the Workers' and Peasants' Militia of the Voronezh Province in the First Half of the 1920s (Based on the Materials of Inspections)]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4: 9–15.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2018a. Nachal'stvuyushhij, administrativny`j i prepodavatel'skij sostav 3-j Voronezhskoj oblastnoj shkoly` mladshego nachsostava milicii: osobennosti formirovaniya i struktirovaniya (1925–1928 gg.) [The Commanding, Administrative

and Teaching Staff of the 3rd Voronezh Regional School of Junior Police Officers: Features of Formation and Structuring (1925–1928)]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1: 9–20.

- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2017a. *Obrazovatel'ny'e organizacii sistemy` MVD / NKVD v Voronezhskom regione (1888–1942 gg.)* [Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs/ NKVD in the Voronezh region (1888–1942)]. Voronezh, Voronezhskii in-t MVD Rossii, 382 s.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2017b. *Organizatsiya podgotovki sotrudnikov voronezhskoi gubernskoi raboche-krest'yanskoi militsii v 1919–1922 gg.* [Organization of Training for Employees of the Voronezh Provincial Workers' and Peasants' Militia in 1919–1922.] *Vestnik VI MVD Rossii*, 3: 9–21.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2018b. *Stanovlenie organizacionno-pravovy`x i metodicheskix osnov obrazovatel'nogo processa v 3-j Voronezhskoj oblastnoj shkole mladshogo nachsostava militsii vo vtoroj polovine 1920-x gg* [The Formation of the Organizational, Legal and Methodological Foundations of the Educational Process in the 3rd Voronezh Regional School of Junior Police Officers in the Second Half of the 1920s.]. *Vestnik VI MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3: 9–22.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2019. *Tret'ya shkola mladshogo komsostava raboche-krest'yanskoi militsii v sisteme obrazovatel'ny`x organizacij NKVD RSFSR* [The Third School of the Junior Command Staff of the Workers' and Peasants' Militia in the System of Educational Organizations of the NKVD of the RSFSR]. Voronezh, Voronezhskii in-t MVD Rossii, 209 s.
- Smirny`x V.M. 2010. *Lyudi trevozhnogo vremeni: ocherki istorii voronezhskoi militsii 20–30-x gg.* 20 v. [People of an Anxious Time: Essays on the History of the Voronezh Militia of the 20–30s of the 20th Century]. Voronezh, Voronezhskaya obl. tip. – izd-vo im. E.A. Bolkhovitinova, 190 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.01.2024

Received 31.01.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2024

Revised 20.02.2024

Принята к публикации 22.02.2024

Accepted 22.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Уланов Никита Дмитриевич, преподаватель кафедры огневой подготовки, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0009-0002-4788-7481](https://orcid.org/0009-0002-4788-7481)

Nikita D. Ulanov, Lecturer at the Department of Fire Training, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

Ситников Кирилл Алексеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6247-969X](https://orcid.org/0000-0002-6247-969X)

Kirill A. Sitnikov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-172-181

Оригинальное исследование

Задачи электрификации Центрально-Черноземной Области РСФСР в середине – второй половине 1920-х годов

Прокофьева Е.Ю. , Галушко И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: prokofieva@bsu.edu.ru, galushko@bsu.edu.ru, kulabuhov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье поставлена цель рассмотреть особенности в уровне развития и в постановке задач электрификации на примере созданной в рамках процесса экономического районирования Центрально-Черноземной Области (ЦЧО), то есть административно-территориального укрупнения исторически сложившихся регионов страны с целью создания новых экономических районов для планового формирования единого народнохозяйственного комплекса страны. Вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что главная трудность электрификации обуславливалась не только огромными масштабами создаваемых в СССР экономических районов, существенно отличавшихся к тому же по географическим и климатическим условиям, но и существенными различиями в уровне социально-экономического развития этих территорий.

Ключевые слова: электрификация, Центрально-Черноземная Область (ЦЧО), Центрально-Промышленная Область (ЦПО), Главное Электротехническое Управление (ГЭУ), Высший Совет народного Хозяйства (ВСНХ), Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), областной совет народного хозяйства (ОблСНХ)

Для цитирования: Прокофьева Е.Ю., Галушко И.Г. 2024. Задачи электрификации Центрально-Черноземной Области РСФСР в середине – второй половине 1920-х годов. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 172–181. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-172-181

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Tasks of Electrification of the Central Black Earth Region of the RSFSR in the Mid – Second Half of the 1920s

Elena Yu. Prokofieva , Inna G. Galushko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: prokofieva@bsu.edu.ru, galushko@bsu.edu.ru, kulabuhov@bsu.edu.ru

Abstract. The article aims to consider the features in the level of development and in the setting the tasks of electrification on the example of the Central Black Earth Region created within the framework of the process of economic zoning. In December 1925 the XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) adopted a course for further accelerated growth of industry, transferring it to a modern high-tech production base with the aim of transforming the USSR into an advanced industrial power, which in turn required the transition of the country's productive forces to new energy capacities. In the political plans of the USSR leadership, this process was called electrification. Implementing the guidelines of the party congress, the USSR State Planning Committee began developing the first five-year plan for the development of the national economy, designed for 1928/29–1932/33. Authors come to conclusion that the main difficulty of electrification was determined not only by the enormous scale of the economic regions created in the USSR,

which also differed significantly in geographical and climatic conditions, but also by significant differences in the level of socio-economic development of these territories.

Keywords: electrification, Central Black Earth Region, Central Industrial Region, Main Electrotechnical Directorate, Supreme Council of National Economy, Ukrainian Soviet Socialist Republic, Regional Council of National Economy

For citation: Prokofieva E.Yu., Galushko I.G. 2024. Tasks of Electrification of the Central Black Earth Region of the RSFSR in the Mid – Second Half of the 1920s. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 172–181 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-172-181

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Центрально-Черноземная Область (ЦЧО), созданная в числе других крупных экономических областей в ходе процесса экономического районирования, развернувшегося в СССР в 1920-е годы, в административно-территориальных границах существовала с 1928 до 1934 гг. включительно. 9 мая 1925 г. в ВСНХ СССР на заседании секции по экономическому районированию отмечалось, что в составе РСФСР по намеченному плану будут, в частности, создаваться: Центрально-Промышленная, Северо-Западная, Северо-Восточная, Вятско-Ветлужская, Уральская, Нижне-Волжская, Центрально-Черноземная и Западная Области [Зыков, 1926, с. 130]. Создание ЦЧО, объединившей в своем составе четыре основные исторически существовавшие черноземные губернии России – Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и Орловскую с центром в г. Воронеже, хронологически совпало с началом реализации первой советской пятилетки (1928/29–1932/33 гг.).

Однако разработка первого пятилетнего плана развития народного хозяйства как в целом по СССР, так и по его регионам, начавшаяся в середине 1920-х годов, к 1928 г. все еще не была окончательно завершена и продолжала уточняться и дополняться, в том числе и в области электрификации. Так, выступая с докладом о положении советской промышленности на III Всесоюзном съезде Советов в мае 1925 г., Председатель Президиума ВСНХ Ф.Э. Дзержинский отмечал, что к 1925 году «в отношении электрификации страны мы перешагнули довоенное время» [Положение промышленности СССР..., 1925, с. 102]. Вместе с тем в резолюции по докладу было особо отмечено, что «III Съезд Советов Союза ССР вновь подтверждает, что во главу угла воссоздания советской промышленности должно быть поставлено выполнение плана электрификации Союза ССР. Выполнение этого плана должно быть ускорено, причем необходимо обратить внимание также на усиление мелкой электрификации для обслуживания сельского хозяйства и кустарной промышленности» [Резолюция по докладу..., 1925, с. 108]. В итоговой резолюции расширенного Совещания Президиума ВСНХ СССР от 25 мая 1925 г. вновь отмечалось, что необходимо «использование энергетических ресурсов страны, с особым развитием электрификации» [«О ближайших работах...», 1925, с. 127].

Планы перевода регионов СССР на новый энергетический уровень составлялись в контексте взятого руководством СССР общего курса на индустриализацию, техническую реконструкцию и технологическую модернизацию всего народнохозяйственного комплекса страны. Решение этих задач существенно усложнялось огромными масштабами и значительными отличиями в уровне социально-экономического развития союзного центра и национальных советских республик – бывших национальных окраин России, а также крупных экономических районов в составе РСФСР. Так, при характеристике динамики показателей ЦЧО (в контексте выработки задач планирования ее электрификации) авторы статьи в качестве сравнительного анализа приводят цифры по расположенной относительно близко к ЦЧО Центрально-Промышленной Области (ЦПО) с центром в г. Москве.

Важные сведения о положении дел с энерговооруженностью промышленности, сельской местности и в коммунальном хозяйстве городов ЦЧО и ЦПО, а также планированию их электрификации содержат такие источники, как «Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области» и «Материалы по пятилетнему плану электрификации ЦПО» [Материалы по изучению..., 1926; Материалы по электрификации..., 1926; Материалы по пятилетнему плану..., 1928]. Оригинальные эмпирические материалы, касающиеся состояния энерговооруженности ЦЧО, имеются в специализированных экономических журналах «Местная промышленность и торговля» [1925, № 7–8] и «Хозяйство ЦЧО» [1928, № 2, № 3; 1929. № 4(7), № 7–8], а также в материалах «Торгово-промышленной газеты» [1927, № 255/56 (1690/91)]. В целом они дают возможность выявить региональные особенности в постановке задач электрификации и определить недостатки и трудности в их реализации в ЦЧО во второй половине 1920-х годов.

Объект и методы исследования

В основу проведенного авторами публикации исследования легли принципы научности, объективности и историзма. Они позволили определить основные направления развития региона на пятилетнюю перспективу, особенности складывания народнохозяйственного комплекса в ЦЧО на базе постановки таких нетрадиционных для Черноземья задач, как индустриализация и электрификация. Для выявления трудностей при подведении новой энергетической базы под мелкую региональную промышленность, сельское и коммунальное хозяйство были применены сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и логический методы. По мнению авторов исследования, это позволило с большей достоверностью реконструировать особенности постановки и выбора приоритетных задач при планировании электрификации ЦЧО.

Результаты и их обсуждение

Проблема электрификации и в дореволюционной, и в советской России была чрезвычайно важной. Все электростанции страны в относительно благополучном предвоенном 1913 г. вырабатывали в год в общей сложности 630 млн кВт·ч электроэнергии. В 1920 г., крайне тяжело из-за разрухи Первой мировой и гражданской войн и последствий политики «военного коммунизма», – около 400 млн кВт·ч. В ходе восстановления хозяйства в годы нэпа показатели несколько улучшились: в 1924 г. среднегодовая выработка электроэнергии в СССР составляла уже около 900 млн, в 1925 г. – 1 млрд 130 млн, в 1926 г. – примерно 1,5 млрд, в 1927 г. – около 2 млрд кВт·ч [Меркулов, 1926, с. 9]. Но и этого объема было крайне недостаточно для наращивания темпов форсированной индустриализации. Поэтому при разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1928/29–1932/33 гг.) к концу 1933 г. планировалось приблизиться к среднегодовой выработке электроэнергии в целом по СССР не менее 10 млрд кВт·ч. Особое значение в развертывании «фронта энергетики» на территории европейской части СССР по плану пятилетки имела электрификация таких крупных, так называемых «старых», исторически сложившихся индустриальных районов России, как Центрально-Промышленный и Северо-Западный с центрами в Москве и Ленинграде соответственно, а также переданных советской властью из состава РСФСР Украине (УССР) Донбассе и Харьковско-Криворожском промышленном районе. Помимо «старых» районов, важнейшее значение в СССР придавалось строительству электростанций в создающихся новых промышленных центрах, прежде всего в союзных республиках – на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и Казахстане [Жоросташевский, 1927, с. 3].

Несмотря на то что в мае 1925 г. Президиум ВСНХ СССР по настойчивой просьбе регионального руководства принял специальное постановление «О содействии промышленности Центрально-Земледельческого района» (так до создания ЦЧО в СССР называлась

территория 4 губерний Центрального Черноземья), а Президиум ВСНХ РСФСР направил в Госплан представление «О перспективах развития Центрально-Земледельческого района» [«О содействии промышленности Центрально-Земледельческого района»..., 1925, с. 137; «О перспективах развития Центрально-Земледельческого района»..., 1925, с. 137], Центральное Черноземье РСФСР не числилось среди территорий, где планировалось бы приоритетное строительство крупных электростанций общесоюзного масштаба. При распределении ресурсов Москва зачастую игнорировала насущные потребности Черноземья в существенном увеличении энерговооруженности промышленности и особенно сельского хозяйства, инфраструктуры городов и поселков городского типа. Приоритет в планировании, финансировании и снабжении электростанций-новостроек оборудованием и стройматериалами отдавался центральной властью СССР не ЦЧО, а национальным республикам, в частности соседней с ЦЧО Украине. Именно за счет дотаций союзного Центра промышленная и энергетическая база УССР развивалась динамично, в то время как Черноземный Центр РСФСР оставался вплоть до начала индустриализации, по определению ВСНХ, «депрессивным регионом» [Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР].

На момент создания ЦЧО занимала площадь около 192 тыс. кв. км с населением примерно 11,4 млн человек. Географически ЦЧО находилась между Центрально-Промышленной Областью РСФСР (ЦПО) и Украиной (УССР). В указанный период плотность населения ЦЧО в 9 раз превышала среднюю плотность населения СССР, в то время как плотность населения ЦПО вместе с Москвой превышала средние показатели по Союзу в 8 раз [Кононович, 1928б, с. 76].

По данным ГЭУ ВСНХ СССР, совокупная мощность всех генераторов, вырабатывающих электроэнергию в ЦЧО в 1926/27 хозяйственном году, составляла примерно 14 600 кВт с общей среднегодовой выработкой электроэнергии около 30,4 млн кВт·ч. Тогда как годом раньше, в 1925/26 г., по ЦПО соответствующие показатели уже составляли 340 тыс. кВт и 700 млн кВт·ч соответственно [Материалы по пятилетнему плану..., 1928, с. 15, 10].

Приведенные цифры свидетельствуют, что в указанный период на 1 тыс. жителей ЦЧО имеющаяся мощность генераторов всех видов, вырабатывающих электроэнергию, составляла 1,28 кВт, в то время как по ЦПО – 21,2 кВт; среднегодовая выработка электроэнергии на 1 жителя ЦЧО равнялась примерно 2,6 кВт·ч, в ЦПО – 43,9 кВт·ч. Если же сравнивать показатели выработки электроэнергии в расчете на 1 кв. км территории, то по ЦЧО они составляли 0,076 кВт, а по ЦПО – 1,11 кВт соответственно. То есть ЦЧО, находясь в центре европейской части РСФСР, по сравнению с соседней ЦПО, в 1925–1927 гг. была снабжена электрооборудованием в расчете на душу населения в 16,5 раз, и в расчете на 1 кв. км территории – в 14,6 раз меньше. Среднегодовая выработка электроэнергии в ЦЧО в расчете на душу населения была в 16,9 раз меньше, чем в ЦПО [Материалы по пятилетнему плану..., 1928, с. 24]. Приведенные данные наглядно свидетельствуют об одной из наиболее острых и сложных по решению проблем, с которыми столкнулось руководство страны при выработке планов индустриальной реконструкции народного хозяйства СССР: наличием разноуровневых по социально-экономическим показателям территорий.

При разработке планов электрификации ЦЧО в середине 1920-х годов учитывалась исторически сложившаяся сельскохозяйственная специализация региона. В этой связи отмечалось, что Черноземье «не нуждается в таких количествах энергии, как ЦПО, но... недостаточность электроснабжения... диктует необходимость больших работ и значительных капиталовложений по этой линии» [Кононович, 1928б, с. 77]. При планировании развертывания процесса электрификации по принятой в 1920-е годы в СССР практике в расчет принималась, прежде всего, динамика энерговооруженности по трем основным показателям: по промышленности, коммунальному хозяйству и сельскохозяйственному производству [Минин, 1926, с. 97].

К началу пятилетки удельный вес ЦЧО в производстве валового объема промышленной продукции СССР составлял 2 %, ЦПО – 40,8 %.

Число рабочих, занятых в цензовой промышленности ЦЧО, не превышало 50 тыс. чел., в ЦПО – 800 тыс.

Среднегодовая выработка электроэнергии для нужд промышленности в ЦЧО составляла 11 млн 765,5 тыс. кВт·ч, в ЦПО – 485 млн кВт·ч. На 1 тыс. рабочих в ЦЧО приходилось 98 кВт установленной мощности электрооборудования со среднегодовой выработкой электроэнергии в расчете на 1 рабочего не более 235,3 кВт·ч. По ЦПО эти цифры составляли 380 кВт и 613,9 кВт·ч соответственно [Зыков, 1926б, с. 98, 109]. Имевшихся в Черноземье мощностей явно не хватало для удовлетворения нужд быстро восстанавливающейся в годы нэпа сельхозперерабатывающей и динамично развивающейся местной добывающей промышленности [Зыков, 1926а]. В результате Черноземье остро нуждалось в очень существенном повышении объема энерговооруженности промышленного производства.

В исследуемый период городское население ЦЧО (с учетом поселков городского типа) составляло примерно 1,06 млн чел. Обслуживало коммунальные и бытовые нужды этой категории населения в целом по ЦЧО 40 электростанций общей мощностью около 8 542 кВт, что позволяло вырабатывать электроэнергии в среднем в год около 17 402 тыс. кВт·ч. Для сравнения отметим, что в аналогичный период население городов в ЦПО (без Москвы) составляло около 2 млн чел. При этом имелось 117 электростанций, обслуживающих городское коммунальное хозяйство, их установочная совокупная мощность равнялась 22 тыс. кВт с общей среднегодовой выработкой электроэнергии около 40 млн кВт·ч. В среднем по ЦЧО на 1 тыс. городских жителей к началу первой пятилетки приходилось 8,05 кВт установленных мощностей электрооборудования, и на 1 городского жителя в среднем в год вырабатывалось электричества не более 16,4 кВт·ч. Тогда как по ЦПО эти показатели составляли 11 кВт и 20 кВт·ч соответственно. В региональных отчетах отмечалось, что большинство оборудования на городских электростанциях было крайне изношено, и к началу 1927/28 г. ЦЧО насчитывала лишь 4 станции, оснащенные современным по тем временам оборудованием переменного тока [Кононович, 1928б, с. 77].

Вместе с тем электрическое освещение даже в губернских городах использовалось крайне неравномерно. В исследуемый период только в Тамбове пользовалось электричеством 50,7 % населения. В Воронеже эта цифра составляла 26,3 %, в Курске – 14,6 %, в Орле – 27,4 %. Однако в примыкающих к городам слободах и на окраинах самих городов положение с обеспечением населения электричеством было гораздо хуже. Так, в пригородах Воронежа электричеством могли пользоваться лишь 10,7 %, Тамбова – 0 %, Орла – 2,6 %, Курска – 1,7 % жителей. Кроме того, из 47 городов ЦЧО жители 12 городов вообще были лишены электричества из-за отсутствия электростанций [Бергман, 1926а, с. 641–642; Бергман, 1926б, с. 70–71].

Среди важных потребителей электроэнергии в губернских городах были трамвай и водопровод. Трамвай как вид городского транспорта в 1920-е годы существовал лишь в 3 городах: в Орле и Курске (к 1925 г. имел протяженность узкоколейных линий 19 и 14 км соответственно); в Воронеже был запущен в 1926 г. и имел общую протяженность 8 км широкой колеи. В Орле и Воронеже трамваи получали электричество от центральных городских электростанций, а в Курске – от паровой установки. В городах Черноземья к водопроводу в 1920-е годы, прежде всего, были подключены государственные учреждения и весьма немногочисленные, как правило многоквартирные, национализированные дома. Вместе с тем подавляющая часть жилого фонда городов в Черноземье была «частновладельческой», и к водопроводу подключена не была. Всего же к водопроводу в регионе было подключено 6,4 % домовладений, в том числе в Воронеже – 15 %, в Тамбове – 11 %, в Курске – 10 %, Орле – менее 3 % [Прокофьева, 2010, с. 48–50].

Во второй половине 1920-х годов максимальное напряжение имевшегося в ЦЧО устаревшего оборудования на станциях постоянного тока (при трехпроводной системе) колебалось от 110 до 470 вольт, поэтому такие станции не могли стать энергоресурсными цен-

трами для снабжения электричеством окружающих городские поселения районов. В качестве примера можно привести электростанцию в заштатном городе Боброве, мощность которой не превышала 7 кВт. Станция такой мощности способна была освещать лишь здание горисполкома, находившийся при нем склад, не более десятка располагавшихся вокруг домовладений и снабжать электричеством располагавшуюся в 35 метрах от горисполкома киноустановку [Быханов, 1929, с. 291, 293, 295]. А в уездном Белгороде, который считался по меркам региона относительно крупным и развитым в промышленном отношении, даже к концу 1920-х годов центральные улицы освещались керосиновыми лампами, которые устанавливались на деревянных столбах, стоявших на небольшом расстоянии друг от друга. Лампы зажинал и гасил специально приставленный сторож [Белгород в воспоминаниях белгородцев, 2007, с. 200].

Главными причинами неразвитости водопровода в Черноземье и практически полного отсутствия городской канализации, помимо устаревших и незначительных по мощности электростанций городов, являлись значительная по масштабам разбросанность городской территории и сравнительно низкая населенность частновладельческих городских домовладений, что делало использование электричества слишком дорогим для жителей. Положение усугублял тот факт, что городские бюджеты в Черноземье в финансовом отношении были самыми слабыми в европейской части РСФСР. Так, в середине 1920-х годов в расчете на 1 жителя Черноземья доходы от работы всего коммунального хозяйства региона составляли 43 коп., в то время как в ЦПР (без г. Москвы) – 1 р. 26 коп. [Прокофьева, 2010, с. 51–52].

Расчеты показывали, что при имеющемся износе оборудования в регионе было не целесообразно осуществлять ремонт имеющихся машин постоянного тока, равно как и увеличивать мощность существующих станций за счет добавления количества таких машин. Предполагалось постепенно заменять старые машины новым оборудованием переменного тока, по своим техническим характеристикам позволяющим снабжать не только города, но даже крупные прилегающие к ним районы необходимыми объемами электроэнергии. То есть электрификация ЦЧО виделась как создание необходимой базы для снабжения промышленности края от крупных районных электростанций. Вместе с тем такой подход требовал коренной реконструкции всей энергетической сети ЦЧО, поскольку влек за собой необходимость полной замены электросетей и распределительных устройств в масштабах всего региона [Бергман, 1926б, с. 70–71].

К началу 1927/28 г. сельское население ЦЧО составляло примерно 10,34 млн чел., производя 7,9 % валового объема сельхозпродукции СССР. К этому времени 48 электростанций, расположенных в сельской местности региона, имели совокупную мощность 1 187 кВт и среднегодовую выработку электроэнергии около 1 млн 210 тыс. кВт·ч. Для сравнения – в ЦПО сельское население насчитывало около 12 млн чел., однако в области имелось 380 сельских электростанций общей мощностью 4950 кВт. со среднегодовой выработкой электроэнергии 6 млн 325 тыс. кВт·ч [Кононович, 1928б, с. 78].

Анализ приведенных цифр показывает, что в среднем по ЦЧО на 1 тыс. сельских жителей имелось всего 0,11 кВт мощности электрооборудования со среднегодовой выработкой 0,12 кВт·ч электроэнергии в расчете на 1 чел. По ЦПО аналогичные показатели составляли 0,41 кВт и 0,53 кВт·ч соответственно. Таким образом, несмотря на явно недостаточную энергооборуженность сельхозпроизводства и быта сельского населения в целом даже по Центрально-Промышленной Области, село ЦЧО отставало от ЦПО по имеющимся мощностям электрооборудования примерно в 3,7 раза, по выработке электроэнергии – в 4,4 раза [Материалы по пятилетнему плану..., 1926, с. 41; Кононович, 1928б, с. 78].

Расчеты плановых органов ЦЧО показывали, что для достижения необходимого уровня электрификации области, создающей энергетическую базу для реализации намеченных первым пятилетним планом развития народного хозяйства региона показателей, к имеющимся мощностям необходимо было добавить для нужд региональной промышленности дополнительно не менее 60000 кВт. В том числе 27600 кВт – на запланированных к

постройке новых предприятий. Среди них по плану числились нескольких крупных сахарных и маслособойных заводов; Липецкая и Воронежская группы горнодобывающих предприятий, включая цементные, меловые, кирпичные, фосфоритные заводы, крупный машиностроительный завод «Ревтруд» и др. [Кононович, 1928а, с. 80].

С учетом среднегодового прироста городского населения не менее 2 % за годы первой пятилетки число городских жителей ЦЧО должно было возрасти с 1,06 млн до 1,17 млн чел. Поэтому, помимо перечисленного, для обеспечения электроэнергией растущего коммунального хозяйства городов необходимо было увеличить имеющиеся мощности городских электростанций с 8 542 до 20 тыс. кВт. Кроме этого, заменить или отремонтировать значительную часть уже работающих генераторов [Бергман, 1926а, с. 641–642; Царев, 1928, с. 74–76].

При составлении планов пятилетки по выработке электроэнергии для бытовых нужд сельского населения ЦЧО (преимущественно освещения жилья) была принята норма установленной мощности в 40 ватт на 5 чел., что составляло (весьма условно) среднее число жителей на 1 усадьбу [Бергман, 1926а, с. 639]. Исходя из такой нормы, по подсчетам Плановой комиссии ЦЧО, для минимального удовлетворения в электричестве потребностей сельского населения ЦЧО только на освещение жилья к концу пятилетки (1933 г.) необходимо было увеличить среднегодовую мощность генераторов с 1 187 до 66 300 кВт [Кононович, 1928б, с. 79].

Необходимые объемы электроэнергии для нужд сельхозперерабатывающего производства ЦЧО в сельской местности рассчитывалось ГЭУ также весьма условно, с учетом усредненных затрат на переработку поступающих объемов сельхозсырья. С этой целью для ЦЧО были составлены и приняты к исполнению контрольные цифры роста валового объема сельхозпродукции, подлежащей промышленной переработке к концу пятилетки (то есть к 1933 г.). Одновременно в административном порядке, «сверху» ГЭУ устанавливала и нормы среднестатистического расхода электроэнергии по соответствующим видам работ.

Таким образом, валовой объем сельхозпродукции подсчитывался в регионе без учета того сырья, которое перерабатывалось относительно немногочисленными, но крупными, т. н. электрифицированными (то есть имеющими энергетические установки) предприятиями, в то время как подавляющее большинство мелких предприятий, расположенных в сельской местности, таких установок не имело. В результате при анализе расчетов центральных органов Госплана специалистами в ЦЧО отмечалось, что «переработка махорки и сахарной свеклы совершенно не отражается на планах сельскохозяйственной электрификации, а переработка льняного, конопляного и подсолнечного семени отражается только частично». Для того чтобы устранить эти пробелы, по уточненным данным региональных плановых органов, за годы пятилетки требовалось увеличение мощности сельских энергетических установок до 60 тыс. кВт [Кононович, 1928б, с. 83–84]. К этой цифре необходимо было добавить еще не менее 6 тыс. кВт для электрификации предприятий кустарной промышленности, расположенной в сельской местности [Старов, 1926, с. 138]. То есть, помимо городов и городской промышленности ЦЧО, для электрификации села в регионе за годы первой пятилетки необходимо было довести энергетические мощности сельских электростанций до 65–70 тыс. кВт [Медведев, 1926, с. 58].

Заключение

Таким образом, в целом по ЦЧО к окончанию первой пятилетки для удовлетворения в электроэнергии растущего промышленного производства, коммунального хозяйства и населения городов, а также значительного расширения объемов производства и переработки сельхозпродукции на селе, по расчетам местных плановых органов необходимо было довести уровень мощности работающего электрооборудования до 150 тыс. кВт, в том числе по крупной городской промышленности – до 60 тыс., по сельскому хозяйству – до 65–70 тыс., по предприятиям коммунального хозяйства – до 20 тыс. кВт.

Список источников

- «О ближайших работах по восстановлению основного капитала промышленности». Резолюция расширенного Совещания Президиума ВСНХ СССР по докладу А.М. Гинзбурга, утвержденная Президиумом ВСНХ СССР 25 мая 1925 г. *Местная промышленность и торговля*. 1925. 7–8: 127.
- «О перспективах развития Центрально-Земледельческого района». Представление Президиума ВСНХ РСФСР в Госплан СССР. В: ВСНХ и его управлениях. *Местная промышленность и торговля*. 1925. 7–8: 137.
- «О содействии промышленности Центрально-Земледельческого района». Представление Президиума ВСНХ СССР в Госплан СССР. В: ВСНХ и его управлениях. *Местная промышленность и торговля*. 1925. 7–8: 137.
- Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 1925. 25 сентября.
- Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной Области. 1926. Том 1. Под ред. А.Н. Татарчукова. Воронеж, [б. и.], 735 с.
- Материалы по пятилетнему плану электрификации Центрально-Промышленной Области (1927/28–1931/32 гг.). 1928. Москва, Главное Электротехническое Управление ВСНХ СССР (Главэлектро), 198 с.
- Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. 1926. Под ред. Н.Я. Медведева. Том 2. Воронеж, типо-лит. Г.С.Н.Х., 156 с.
- Положение промышленности СССР. Доклад Ф.Э. Дзержинского на Третьем Всесоюзном Съезде Советов 20 мая 1925 г. *Местная промышленность и торговля*. 1925. 7–8: 102–104.
- Резолюция по докладу т. Ф.Э. Дзержинского о положении промышленности СССР. *Местная промышленность и торговля*. 1925. 7–8: 108–109.

Список литературы

- Белгород в воспоминаниях белгородцев: 1900–1960-е годы. Сост. А.Н. Крупенков. Белгород, Константа, 2007. 279 с.
- Бергман М.М. 1926а. Города Центрально-Черноземной Области. Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной Области. Том I. Под ред. А.Н. Татарчукова. Воронеж, Труды плановой комиссии ЦЧО: 631–654.
- Бергман М.М. 1926б. Электрификация городов. Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. Том II. Под ред. Н.Я. Медведева. Воронеж: Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области: 65–96.
- Быханов Д. 1929. Электроснабжение г. Боброва за 9 лет. *Хозяйство ЦЧО*. 7–8: 291–295.
- Зыков Ф.И. 1926а. Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых Центрально-Черноземной Области и перспективы ее развития. Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной Области. Том I. Под ред. А.Н. Татарчукова. Воронеж, Труды плановой комиссии ЦЧО: 539–550.
- Зыков Ф.И. 1926б. Теплосиловое хозяйство промышленности Центрально-Черноземной Области в связи с ее электрификацией. Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. Том II. Под ред. Н.Я. Медведева. Воронеж, Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области: 97–136.
- Кононович С. 1928а. О возможности и целесообразности постройки электрокомбината на сахарном заводе имени Карла Либкнехта. *Хозяйство ЦЧО*. 2: 80–84.
- Кононович С. 1928б. Об электрификации ЦЧО (перспективы и возможности). *Хозяйство ЦЧО*. 3: 76–85.
- Коросташевский И. 1927. Электрификация СССР. *Торгово-промышленная газета*. 255/56 (1690/91): 3.
- Медведев Н.А. 1926. Энергетические ресурсы Центрально-Черноземной Области. Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. Том II. Под ред. Н.Я. Медведева. Воронеж, Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области: 33–65.
- Меркулов Н.А. 1926. Общая характеристика Области в связи с задачей электрификации. Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. Том II. Под ред. Н.Я. Медведева. Воронеж, Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области: 1–32.

- Минин А.Н. 1926. Перспективы сельского хозяйства Центрально-Черноземной Области. Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной Области. Том I. Под ред. А.Н. Татарчукова. Воронеж, Труды плановой комиссии ЦЧО: 95–106.
- Прокофьева Е.Ю. 2010. Труд и заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Центрального Черноземья: проблемы государственного регулирования в 1920-е годы. Белгород, Изд-во БелГУ, 512 с.
- Старов Н.Н. 1926. Кустарная промышленность Центрально-Черноземной Области. Материалы по электрификации Центрально-Черноземной Области. Том II. Под ред. Н.Я. Медведева. Воронеж, Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной Области: 137–156.
- Царев П. 1929. К постройке Воронежской электростанции. *Хозяйство ЦЧО*. 4(7): 74–76.
- Юрин П. 1929. К вопросу об энергетических ресурсах и организации торфяного дела в ЦЧО. *Хозяйство ЦЧО*. 4(7): 77–80.

References

- Belgorod v vospominaniyakh belgorodtsev: 1900–1960-e gody [Belgorod in the Memories of Belgorod Residents: 1900–1960s]. Sost. A.N. Krupenkov. Belgorod, Konstanta, 2007. 279 p.
- Bergman M.M. 1926a. Goroda Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Cities of the Central Black Earth Region]. Materialy po izucheniyu voprosa o vosstanovlenii khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Study of the Issue of Restoring the Economy of the Central Black Earth Region]. Tom I. Pod red. A.N. Tatarchukova. Voronezh, Trudy planovoi komissii TsChO: 631–654.
- Bergman M.M. 1926b. Elektrifikatsiya gorodov [Electrification of Cities]. Materialy po elektrifikatsii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Electrification of the Central Black Earth Region]. Tom II. Pod red. N.Ya. Medvedeva. Voronezh: Trudy Planovoi komissii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti: 65–96.
- Bykhanov D. 1929. Elektrosnabzhenie g. Bobrova za 9 let [Electricity Supply of Bobrov for 9 Years]. *Khozyaistvo TsChO*. 7–8: 291–295.
- Zykov F.I. 1926a. Promyshlennost' po dobyche i obrabotke poleznykh iskopaemykh Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti i perspektivy ee razvitiya [Industry for the Extraction and Processing of Minerals in the Central Black Earth Region and Prospects for its Development]. Materialy po izucheniyu voprosa o vosstanovlenii khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Study of the Issue of Restoring the Economy of the Central Black Earth Region]. Tom I. Pod red. A.N. Tatarchukova. Voronezh, Trudy planovoi komissii TsChO: 539–550.
- Zykov F.I. 1926b. Teplosilovoe khozyaistvo promyshlennosti Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti v svyazi s ee elektrifikatsiei [Thermal Power Industry of the Central Black Earth Region in Connection with its Electrification]. Materialy po elektrifikatsii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Electrification of the Central Black Earth Region]. Tom II. Pod red. N.Ya. Medvedeva. Voronezh, Trudy Planovoi komissii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti: 97–136.
- Kononovich S. 1928a. O vozmozhnosti i tselesoobraznosti postroiki Elektrokombinata na sakharnom zavode imeni Karla Libknekhta [On the Possibility and Feasibility of Building an Electric Combine at the Karl Liebknecht Sugar Factory]. *Khozyaistvo TsChO*. 2: 80–84.
- Kononovich S. 1928b. Ob elektrifikatsii TsChO (perspektivy i vozmozhnosti) [On the Electrification of the Central Black Sea Region (Prospects and Opportunities)]. *Khozyaistvo TsChO*. 3: 76–85.
- Korostashevskii I. 1927. Elektrifikatsiya SSSR [Electrification of the USSR]. *Torgovo-promyshlennaya gazeta*. 255/56 (1690/91): 3.
- Medvedev N.A. 1926. Energeticheskie resursy Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Energy Resources of the Central Black Earth Region]. Materialy po elektrifikatsii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Electrification of the Central Black Earth Region]. Tom II. Pod red. N.Ya. Medvedeva. Voronezh, Trudy Planovoi komissii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti: 33–65.
- Merkulov N.A. 1926. Obshchaya kharakteristika oblasti v svyazi s zadachei elektrifikatsii [General Characteristics of the Region in Connection with the Task of Electrification]. Materialy po elektrifikatsii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Electrification of the Central Black Earth Region]. Tom II. Pod red. N.Ya. Medvedeva. Voronezh, Trudy Planovoi komissii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti: 1–32.
- Minin A.N. 1926. Perspektivy sel'skogo khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Prospects for Agriculture in the Central Black Earth Region]. Materialy po izucheniyu voprosa o vosstanovlenii

khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Study of the Issue of Restoring the Economy of the Central Black Earth Region]. Tom I. Pod red. A.N. Tatarchukova. Voronezh, Trudy planovoi komissii TsChO: 95–106.

Prokof'eva E.Yu. 2010. Trud i zarabotnaya plata rabochikh na promyshlennykh predpriyatiyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya: problemy gosudarstvennogo regulirovaniya v 1920-e gody [Labor and Wages of Workers at Industrial Enterprises of the Central Black Earth Region: Problems of State Regulation in the 1920s]. Belgorod, Izd-vo BelGU, 512 p.

Starov N.N. 1926. Kustarnaya promyshlennost' Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Handicraft Industry of the Central Black Earth Region]. Materialy po elektrifikatsii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti [Materials on the Electrification of the Central Black Earth Region]. Tom II. Pod red. N.Ya. Medvedeva. Voronezh, Trudy Planovoi komissii Tsentral'no-Chernozemnoi Oblasti: 137–156.

Tsarev P. 1929. K postroike Voronezhskoi elektrostantsii [Toward the Construction of the Voronezh Power Plant]. *Khozyaistvo TsChO*. 4(7): 74–76.

Yurin P. 1929. K voprosu ob energeticheskikh resursakh i organizatsii torfyanogo dela v TsChO [On the Issue of Energy Resources and the Organization of Peat Farming in the Central Black Sea Region]. *Khozyaistvo TsChO*. 4(7): 77–80.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.11.2023

Поступила после рецензирования 25.01.2024

Принята к публикации 27.01.2024

Received 19.11.2023

Revised 25.01.2024

Accepted 27.01.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Прокофьева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-1188-9853](https://orcid.org/0009-0003-1188-9853)

Галушко Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](https://orcid.org/0000-0002-3547-8560)

Elena Yu. Prokofieva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Inna G. Galushko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94:625.1:614.48(47) «1941/1945»
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-182-191
Оригинальное исследование

Опыт российских железных дорог в борьбе против эпидемий в довоенные годы и в 1941–1945 гг.: специализированные поезда

Буряк Ю.Ю.¹ , Шаповалов В.А.²

¹⁾ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: yuriiburyak@mail.ru, Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Вопросы санитарно-бытового обслуживания бойцов регулярной армии приобретают особо важное значение в период боевых действий. Решая данные задачи, командование предотвращает либо купирует вспышки инфекций в вооруженных силах, оказывает положительное влияние на здоровье и психоэмоциональное состояние военнослужащих, а вместе с тем и на боеспособность армии. При этом отметим, что исследователями Великой Отечественной войны отводится изучаемым в данной статье вопросам второстепенное значение. Вышеуказанный тезис подтверждается весьма ограниченным кругом источников и литературы по работе банно-прачечно-дезинфекционных поездов (БПДП), обслуживавших офицеров и солдат нашей армии в 1941–1945 гг. Представленная работа является продолжением цикла научных статей, посвященного изучению санитарно-медицинского обслуживания РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны с целью воссоздания объективной картины прошлого с учетом ставшей доступной в последнее десятилетие информации по работе отечественного железнодорожного транспорта в рассматриваемый период. С учетом актуальности исследуемых вопросов во многом уникальный опыт применения рассматриваемой категории поездов может быть использован и в наше время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, Народный комиссариат путей сообщения, санитарно-бытовое обслуживание бойцов, банно-прачечно-дезинфекционные поезда

Для цитирования: Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А. 2024. Опыт российских железных дорог в борьбе против эпидемий в довоенные годы и в 1941–1945 гг.: специализированные поезда. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 182–191. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-182-191

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Experience of Russian Railways in the Fight Against Epidemics in the Pre-War Years and in 1941–1945: Specialized Trains

Yurii Yu. Buryak¹ , Vladimir A. Shapovalov²

¹⁾ V.G. Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: yuriiburyak@mail.ru, Shapovalov@bsu.edu.ru

Abstract. Issues of sanitary services for regular army soldiers become especially important during combat operations. By solving these problems, the command prevents or stops outbreaks of infections in the armed forces, has a positive impact on the health and psycho-emotional state of military personnel, and at the same time, on the combat effectiveness of the army. At the same time, we note that researchers of the Great Patriotic

War assign secondary importance to the issues studied in this article. The above thesis is confirmed by a very limited range of sources and literature on the work of bath and laundry disinfection trains (BLDT), which served officers and soldiers of our army in 1941–1945. The presented work is a continuation of a series of scientific articles devoted to the study of sanitary and medical services of the Red Army on the eve and during the Great Patriotic War. The research aims at recreating an objective picture of the past, taking into account the information that has become available in the last decade on the work of domestic railway transport during the period under review. Taking into account the relevance of the issues under study, in many ways the unique experience of using the category of these trains can be used in our time.

Keywords: The Great Patriotic War, Red Army, People's Commissariat of Railways, sanitary services for soldiers, bath and laundry disinfection trains

For citation: Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.A. 2024. The Experience of Russian Railways in the Fight Against Epidemics in the Pre-War Years and in 1941–1945: Specialized Trains. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 182–191 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-182-191

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Санитарно-бытовое обслуживание бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны – достаточно малоизученная тема ввиду того, что исследуемому в статье вопросу ранее отводилось второстепенное значение. Вместе с тем и ограниченно представлена информация о работе советских банно-праечно-дезинфекционных поездов. В 2010-е гг. исследователи получили доступ к ранее рассекреченным отчетам о работе железнодорожного транспорта СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. В отчетных материалах указаны схемы мостов, железнодорожных узлов, особенности функционирования систем, обеспечивающих бесперебойное движение поездов. Также в них отдельно представлены нормативные документы и обобщена информация по организации санитарных перевозок, а также санитарно-бытового обслуживания армии с учетом накопленного опыта в минувшей войне. Представленная работа является продолжением цикла научных статей, посвященного изучению санитарно-медицинского обслуживания РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны с целью воссоздания объективной картины прошлого с учетом ставшей доступной в последнее десятилетие информации по работе отечественного железнодорожного транспорта в рассматриваемый период [Буряк, 2021, с. 11]. Дополнительно отметим, что банно-праечные поезда используются и ныне Вооруженными Силами Российской Федерации в районах выполнения боевых задач, в частности в зоне Специальной военной операции [Грищенко. Как работает банно-праечный поезд в зоне спецоперации].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются банно-праечно-дезинфекционные поезда Советского Союза как эффективный инструмент в борьбе против распространения инфекционных заболеваний среди солдат и офицеров Красной Армии и населения СССР. В ходе исследования использовались специальные исторические методы: сравнительно-исторический, историко-системный, а также историко-генетический и проблемно-хронологический. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и систематизации. Научная новизна исследования состоит в том, что в научный оборот вводятся ранее засекреченные материалы, а также фактическое отсутствие научных публикаций по рассматриваемой теме.

Результаты и их обсуждение

Санитарно-гигиеническое обслуживание военнослужащих Красной Армии, как и в предыдущих войнах, имело важное значение в годы Великой Отечественной войны. В течение лета – осени 1941 г. росло число бойцов РККА, больных педикулезом (переносчик – платяная вошь), например, в отдельных подразделениях на Западном фронте достигнув 85 %, на Калининском – 96 % [Сарнов. Вшивый фронт: с педикулезом на войне боролись огнем и спецпоездами]. В отечественной армии обострились вспышки траншейной (вольнской) лихорадки и сыпного тифа. Начальник Главного управления тыла РККА А.В. Хрулев вспоминал, что на одном из совещаний с И.В. Сталиным в начальный период войны просил «... выпустить постановление ГКО, устанавливающее порядок санитарной обработки бойцов, следующих на фронт, в Москве... Поскольку у нас в Поволжье сыпной тиф, надо гарантировать от заноса на фронт эпидемии». И.В. Сталин долго не хотел с предложенной операцией соглашаться и приглашал руководителей медицинских ведомств СССР для консультации и опровержения гипотезы А.В. Хрулева. Только после единогласных подтверждений опасений Андрея Васильевича со стороны начальника Главного медицинского управления РККА Е.И. Смирнова и наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерёва глава ГКО согласился с А.В. Хрулевым.

К тому же в суровых климатических условиях на фоне начавшегося контрнаступления отечественных войск под Москвой в декабре 1941 г. наши войска нуждались в решении исследуемых вопросов со стороны командования, ведь профильные объекты социальной инфраструктуры на освобождаемой советской армией территории находились в разрушенном состоянии. Однако на обширных участках от Мурманска до Ростова линия советско-германского фронта проходила нередко вблизи железных дорог. Сложившаяся тревожная ситуация требовала от руководства СССР принятия мер по решению назревшей проблемы. Наиболее быстрым и эффективным было создание передвижных банных комплексов с использованием переоборудованного железнодорожного подвижного состава. Мобильность таких составов позволяла обеспечивать санитарно-бытовые нужды армии в условиях начавшегося контрнаступления войск и последовавшего изменения локаций боевых частей РККА. Кроме того, именно данный специализированный тип железнодорожных составов позволял быстро и качественно обслужить большое количество красноармейцев, что имело исключительное значение в условиях ожесточенной войны, когда главными задачами здравоохранения стали помощь раненым и больным воинам, медицинское обслуживание труженников тыла, охрана здоровья детей и широкие противоэпидемические мероприятия. Сложившаяся в значительной степени в годы войны стройная система противоэпидемических мероприятий, санитарно-гигиеническое обеспечение и обслуживание Красной Армии в 1941–1945 гг. привели к фактическому отсутствию эпидемий среди военнослужащих, что было невиданным результатом в истории войн [Куманев, 2005, с. 231; Сорокина, 2008, с. 515–516]. В ходе изучения рассекреченных материалов отметим, что рассматриваемая нами категория специализированных составов подразделялась на два вида: банно-прачечно-дезинфекционные поезда (БПДП) и банно-дезинфекционные поезда (БДП). Как первые, так и вторые предназначались для санитарной гигиенической обработки людей и стирки белья воинских частей РККА.

При этом создание поездов-бань не было изобретением времен Великой Отечественной войны. Первые подобные составы использовались нашей армией в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.) [Азанова, Бугров, Бурденков, 2022, с. 152]. На Дальнем Востоке передвижная баня обслуживала госпитали и лазареты. Специализированный поезд состоял из четырех вагонов, которые представляли из себя прачечные с ручными стиральными машинами и дезинфекционными камерами. Поездная бригада состояла из 14 человек, которые за 10 часов работы могли обработать до 400 кг белья. По тем временам это был внушитель-

ный объем. В целом банно-прачечные поезда себя хорошо зарекомендовали, поэтому исследуемая категория поездов интенсивно работала и в годы Первой мировой войны. Одним из инициаторов создания аналогичных составов в вышеуказанный период была императрица Александра Федоровна – супруга Николая II. Например, в 1914 г. был построен поезд-баня из 40 вагонов, который мог обслужить 1 200 человек в непрерывном потоке. БПДП получили высокую оценку генерала А.А. Брусилова [История государства. Поезд-прачечная Императрицы Александры Федоровны]. В годы Гражданской войны в России 1918–1922 гг. банно-прачечные поезда, построенные в дореволюционный период, также использовались. Однако в 1941–1945 гг. данная категория специализированных железнодорожных составов по числу функций и качеству обслуживания бойцов существенно отличалась от поездов-бань, использовавшихся нашими войсками в предыдущих войнах. В дополнение к вышесказанному укажем, что данные специализированные составы использовались только в армии Российской империи и Советского Союза [Жилин, Банно-прачечные поезда: вчера и сегодня].

Отметим, что к 1940 г. на сети железных дорог СССР насчитывалось 465 санитарных участков, 238 лабораторий, множество санитарных пропускников, дезотрядов, стационарных бань и т. д. [Павлов, Уздин, 1997, с. 229]. При этом в наличии было лишь 8 банно-прачечных поездов (БПП) с общим числом 20 классных вагонов и 88 товарных в двухосном исчислении. К ним были прикреплены 8 паровозов. 4 БПП находились в ведении Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, а еще 4 – Санитарного управления Красной Армии. Работали эти составы в районах с эпидемическими заболеваниями (зачастую в приграничных территориях). Накануне Великой Отечественной войны советское правительство изъяло 4 банных поезда у Общества Красного Креста и Красного Полумесяца и передало в ведение Главного военно-медицинского управления Красной Армии (далее ГВМУ РККА). Банно-дезинфекционных поездов в СССР в начале войны не было [Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.). Л. 34, 92].

При этом инициатива по созданию отдельных вагонов-бань в первые месяцы Великой Отечественной войны с учетом тесного взаимодействия и прямого общения отечественных железнодорожников и военнослужащих Красной Армии исходила «снизу». Нередко на добровольных началах тружениками стальных магистралей решались вопросы улучшения санитарно-бытового, а вместе с тем и противоэпидемиологического обслуживания армии. Например, осенью 1941 г., несмотря на приближение фронта к границам Северо-Донецкой железной дороги, сотрудники вагонной службы вместе с остальными подразделениями магистрали выполняли мероприятия по подготовке к работе в зимних условиях, а также задания от военного командования по оборудованию вагонов-бань. В вагоноремонтном пункте Родаково (узловая станция вблизи нынешнего Луганска) и вагонном депо (ВЧД) Купянск производились работы по оборудованию вагонов-бань по чертежам, составленным работниками вагонной службы Северо-Донецкой железной дороги. Вышеуказанные переоборудованные вагоны затем использовались, в частности, в работе стационарных изоляционно-пропускных пунктов (санпропускников – ИЗО). Вместе с тем в первом полугодии 1942 г. на Северо-Донецкой магистрали в ВЧД и ВРП отремонтировали 3 вагона-бани и оборудовали 1 вагон-баню в прифронтовых условиях работы¹⁴¹. Аналогичные работы производились и на других советских магистралях.

Во время эвакуации Северо-Донецкой ж/д в июне – июле 1942 г. все ценности медресудений, за исключением громоздкого инвентаря, были эвакуированы вглубь страны. Дезинфицирующие средства были уничтожены на месте, 2 вагона-бани, 2 вагона с дезинфицирующими камерами и 3 санитарных вагона были отправлены на Орджоникидзевскую железную дорогу (Северный Кавказ). Также отметим, что из 385 сотрудников санитарного

¹⁴¹ Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (далее СА ДонЖД). Ф. 32. Оп. 1. Д. 162. ЛЛ. 124, 224.

отдела магистрали 147 врачей и средний медперсонал санитарного отдела отправили в тыл на Кавказ, в Среднюю Азию и Западную Сибирь. На оккупированной территории остался лишь младший медперсонал обслуживающий персонал¹⁴².

Факты свидетельствуют, что изначально инициатива по созданию банных поездов, отдельных вагонов-бань исходила не от высшего военного командования, а от командования фронтов и воинских частей. Однако необходимость масштабного решения вопросов санитарно-гигиенического обслуживания военнослужащих РККА особую актуальность приобрела с началом осени 1941 г. и наступлением холодов. При этом системности в решении данной проблемы не было вплоть до декабря 1941 г., а производство целых банных составов представлено было единичными экземплярами.

К тому же большинство исследователей ранее указывало, что новые поезда-бани в годы войны появились лишь в самом конце 1941 г. В рамках исследования нами опровергнуто данное утверждение. Так, в вагонном депо Ясиноватая Южно-Донецкой магистрали осенью 1941 г. был оборудован в рекордно короткие сроки банно-прачечный поезд в составе 18 вагонов для нужд Южного фронта. Пропускная способность поезда достигала 1 500 чел. в сутки, а также 1 500 пар белья в сутки¹⁴³. В то же время генерал Р.Я. Малиновский, принимавший в Ворошиловграде (Северо-Донецкая ж/д) три новых бронепоезда, от всей души поблагодарил их создателей. Одновременно с бронепоездами в депо оборудовались банно-прачечные поезда, готовились запалы, взрыватели, гранаты, мины, бутылки с зажигательной смесью для партизанских отрядов [Ковалев, 1981, с. 104].

Также в сентябре-октябре 1941 г. вагонники, работники пассажирской службы и службы связи Ясиноватой, Красного Лимана, Славянска и Иловайска, других транспортных узлов Донбасса создавали банно-прачечные составы (в данном случае речь идет, вероятнее всего, и об отдельных вагонах-банных), в которых нуждался фронт. Начальник вагонной службы Северо-Донецкой магистрали А.М. Харитонов отмечал, что краснолиманцы за несколько дней создали банно-прачечный состав из 18 вагонов. При этом трудились железнодорожники в 3 смены. Построенные на Донбассе БПП отличались высоким качеством. Начальнику пассажирской службы Южно-Донецкой дороги В.А. Кочергину вручили орден Красной Звезды за проделанную работу на высоком уровне, отмеченную командованием воинских частей [Клименко, Алдакимов, 1992, с. 73–74].

16 декабря 1941 г. предложили создать поезда-бани железнодорожники Октябрьской магистрали, их инициативу поддержали труженики других железных дорог Советского Союза, в частности Восточно-Сибирской магистрали (центр управления которой находится в г. Иркутске). Было решено выйти на работу в выходной день 21 декабря 1941 г. и провести воскресник, а вырученные средства направить на строительство поездов-бань. Практически за 20 дней специализированный состав был оборудован, и 18 января 1942 г. работы были завершены. 19 февраля 1942 г. вагоны поезда-бани были отправлены в составе эшелона с подарками от тружеников Иркутской области со станции Иркутск-1 на станцию Вишера (Новгородская область) [Хобта. Легкий пар для бойцов РККА]. Так среди советских железнодорожников зародилось общественное движение по созданию банно-дезинфекционных поездов в помощь фронту.

В период битвы под Москвой работники станции Москва-Пассажирская Ярославской железной дороги отчислили из собственных средств на постройку поезда-бани около 12 тыс. руб. Патриотическое движение за постройку и ремонт поездов-бань для воинов Красной Армии ширилось с каждым месяцем войны. Только железнодорожники Московского узла построили и отремонтировали 6 поездов-бань [Куманев, 2007, с. 419, 423].

Со стороны правительства, вследствие роста перевозок воинских частей и скопления на станциях железных дорог большого количества эвакуируемого на восток населения и

¹⁴² СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 162. Л. 295.

¹⁴³ Там же. Оп. 384. Д. 235. Л. 147.

сложившегося дефицита количества ИЗО, для избегания возможных вспышек эпидемий решено было построить 12 БПДП. Так, в конце 1941 г. ГВМУ РККА ходатайствовало перед Правительством СССР создать дополнительные банные поезда с целью усиления санитарно-дезинфекционных мероприятий в воинских частях. Выполнение задачи по оборудованию 12 БПДП (с последующей их передачей ГВМУ РККА) возлагалось на Народный комиссариат путей сообщения (далее НКПС). Приказом № 697/Ц от 12 декабря 1941 г. наркомпуть обязал свои подведомственные вагоноремонтные заводы (ВРЗ) в течение 3 месяцев оборудовать и сдать в эксплуатацию вышеуказанное число специализированных составов. В результате патриотического подъема среди тружеников стальных магистралей СССР по выполнению задачи в соответствии с вышеуказанным приказом руководство комиссариата фактически через пару дней издает дополнительно новый приказ № 699/Ц от 15 декабря 1941 г., согласно которому ВРЗ, а также вагоноремонтные депо и паровозоремонтные депо отечественных железных дорог в двухмесячный срок на средства, собранные железнодорожниками, должны были оборудовать 45 БДП [Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.). Л. 92]. По факту количество предоставленных армии банно-дезинфекционных поездов превысило план практически на 27 % (57 поездов). Таким образом, сотрудники советских магистралей в течение трех месяцев оборудовали по заданию ГКО и НКПС СССР и передали в ведение ГВМУ РККА 57 БДП и 12 БПДП, суммарное число которых составило 69 единиц. Полностью задание по постройке спецпоездов было выполнено в апреле-мае 1942 г. Общее же число специализированных составов исследуемой категории, эксплуатируемых Красной Армией, к весне 1942 г. составляло 77 составов: 69 вновь сформированных и 8 поездов, имевшихся в СССР до начала войны. Были также подвижные бани фактически с момента организации и в составе каждой Особого резерва колонн паровозов (ОРКП) НКПС.

Каждое появление банно-прачечного поезда на фронте радовало воинов РККА. Вот так писала в те годы об одном из поездов фронтовая газета: «Далеко виден небольшой состав поезда. Вагоны блестят на солнце свежей краской. На одном из них написано «Поезд-баня для бойцов Красной Армии от рабочих Северной железной дороги и Вологодского паровозовагоноремонтного завода». Радуют глаз безукоризненная чистота и замечательные удобства. Нам предлагают раздеться. Обслуживающий персонал указывает порядок прохождения через этот поезд. Входим в парикмахерскую. Здесь тоже чисто, уютно. А вот и сама баня. Жарко натопленная. Достаточно удобная. А далее – вагон-душ. После душевого отсека – комната, где приготовлено чистое белье и верхняя одежда. В поезде-бане имелись комната отдыха, где ожидали товарищей. К услугам военнослужащих были газеты, шахматы и т. д. [Конарев, 1987, с. 353]. Альтернативное описание схемы БПДП выглядит следующим образом. Бойцы сначала входили в вагон-раздевальню, где избавлялись от грязного обмундирования, получали мыло и мочалки. Затем через утепленный тамбур проходили в вагон-парильню и вагон-душевую. Помывшись, красноармейцы переходили в вагон-одевальню, получали там продезинфицированную одежду, чистое бельё, подстригались, брились и заходили в вагон-клуб, где можно было почитать книги и газеты, информационные бюллетени, поиграть в настольные игры и просто пообщаться с товарищами. Пройдя через эти вагоны, прозванные фронтовиками «десятью кругами рая», человек получал запас бодрости и с новыми силами вступал в битву с неприятелем [Азанова, Бугров, Бурденков, 2022, с. 153]. Отметим хорошо продуманную схему расположения специально оборудованных вагонов в рассматриваемой категории поездов (хотя, как видно, некоторые отличия в описании схем составов были), сложившуюся фактически еще в дореволюционный период. Добавим, что пар подавался из котла паровоза в вагон-парильню, вода для поезда поступала из цистерны, входившей в состав БПДП. По свидетельствам очевидцев событий времен Великой Отечественной войны, К.К. Рокоссовский, будучи командующим фронтами, лично

регулярно интересовался, как кормят бойцов, давно ли военнослужащие мылись в бане, получают ли письма, как устроен быт командиров войск на переднем крае [Куманев, 2007, с. 422, 541].

Для того чтобы укомплектовать 12 БПДП, НКПС выделил 322 товарных вагона (по 27 вагонов для каждого состава) и 36 пассажирских вагонов (по 3 вагона для каждого состава). Аналогично для 57 БДП предоставлено было 969 товарных вагонов (по 17 вагонов в каждом поезде) и 57 – пассажирских (по 1 вагону в каждом поезде). Всего в составе 77 банных поездов работали 1 509 товарных вагонов (в двухосном исчислении). Важно отметить, что в годы Великой Отечественной войны на железнодорожной сети Советского Союза продолжали курсировать как устаревшие двухосные, так и более совершенные и безопасные (стандартные для нашего времени) четырехосные вагоны. Общее число пассажирских вагонов в банных поездах составляло 117 единиц (в физическом выражении). Передвижение исследуемой категории специализированных составов обеспечивали 77 паровозов, которые обслуживали 154 паровозные бригады в количестве 462 чел. Банные поезда, исходя из их стратегического значения для обеспечения боеспособности военнослужащих, находились в ведении Народного комиссариата обороны (НКО) на положении воинских учреждений. Поэтому их перемещение, режим работы и маршруты эксплуатации в достаточно ограниченном виде были известны НКПС и общественности. Добавим, что из 77 поездов 6 БДП обслуживали железнодорожные войска Главного военно-восстановительного управления, 2 БДП – части береговой обороны Военно-морского флота СССР.

В 1944 г. действовало 20 БПП в составе 60 классных и 480 товарных вагонов в двухосном исчислении и 37 БДП (74 классных и 592 товарных вагона в двухосном исчислении). Для их обслуживания использовались 37 паровозов [Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.). Л. 34]. Банные поезда ежегодно проходили плановый ремонт на базе ВРЗ и вагонных участков (ВЧ) НКПС СССР соответственно в 1943 г. – 42 БДП и 7 БПП, в 1944 г. – 40 БДП и 10 БПП, в 1945 г. – 42 БДП и 5 БПП. При этом стоимость ремонта БДП составляла от 35 000 руб. до 100 000 руб., а БПП – от 100 000 до 250 000 руб. За годы Великой Отечественной войны в результате воздушных налетов люфтваффе были уничтожены 4 БДП (№ 22, 51, 66, 75) и частично повреждены 5 поездов. Последние в ходе ремонта были полностью восстановлены [Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.). Л. 93].

Что касается режима работы и пропускной способности банных поездов, отметим, что БПП и БДП могли ежедневно обеспечить обмывку 800–900 чел. в каждом составе. Совокупно все банные поезда могли за сутки обеспечить обмывку 75 000 чел. и стирку 20–30 т белья. По данным ГВМУ РККА, за время войны 1941–1945 гг. в БДП и БПП обмылись 88 470 000 человек, персонал банных поездов перестирал и починил 10 296 т белья. Расценки на выполняемые БПДП услуги были следующими: стирка 1 кг белья – 1 руб., обмывка 1 чел. – 0,5 руб., дезинфекция 1 комплекта белья – 1 руб.

Как выше уже отмечалось, работа БПДП нередко была сопряжена с большим риском. Так, в годы войны железнодорожники Свердловской магистрали изготовили четыре банно-дезинфекционных состава. Наиболее прославившийся состав (БПДП № 38) был сформирован по инициативе работников вагонного и паровозного депо Тюмени. Поезд был оборудован всего за 25 дней. Поездную бригаду укомплектовали из числа добровольцев во главе со старейшим тюменским машинистом И. Садаковым. 14 февраля 1942 г. он отправился к линии фронта [Гусева Е. Сибирская баня на колесах]. По воспоминаниям санитарки В. Молодкиной, сотрудники специализированного поезда по пути питались в вокзальных столовых и кухнях. Под Кубинкой Московской области поезд попал под сильную бомбежку, ведь в боевых условиях поезда-бани множество раз шли под огнем противника. Однако повреждения быстро исправлялись, и поездная бригада вновь возобновляла оказание санитарно-гигиенических услуг военнослужащим в прифронтовых районах. Десять вагонов БПДП

№ 38 бойцы Красной Армии сравнивали с десятью кругами рая. За один час баня могла обслужить 100 человек. А всего через тюменский поезд-баню прошло около миллиона военнослужащих. Такой комбинат бытового обслуживания на колесах поднимал и физический, и моральный дух солдат. Спецсостав побывал на четырех фронтах, прошел полстраны (в том числе через Москву, Тулу, Елец, Сталинград, Брянск, Минск, Брест) и пол-Европы и доехал до Берлина. В ноябре 1945 г. поезд закончил свой славный боевой путь и был расформирован. В книге отзывов легендарного 38-го БПДП остались благодарности не только солдат, офицеров, но и маршалов – К.К. Рокоссовского и Г.К. Жукова [Десять кругов рая...].

Заключение

В годы Великой Отечественной войны вся полнота работы по выявлению и предотвращению распространения в населенных пунктах СССР инфекционных заболеваний легла на профильные подразделения железных дорог – мероприятия производились на самих станциях, через которые шли потоки гражданских и военнослужащих лиц. Вместе с тем проводились комплексные мероприятия по изоляции инфицированных лиц и оказанию неотложной медицинской помощи. Также командами исследуемой категории специализированных поездов за годы Великой Отечественной войны была проделана колоссальная работа, в полной мере выполнены возложенные на них функции. Высокую оценку их деятельности дали сами военнослужащие, многие из которых были спасены от эпидемических заболеваний. Что касается мирного времени, то военные и транспортные эксперты отмечают нецелесообразность содержания банных поездов на балансе министерств. Изъятие значительного количества подвижного состава на создание таких поездов, ремонт вагонов и внутреннего специального оборудования банных поездов, содержание большого штата сотрудников составов при возможности санитарно-дезинфекционной обработки военнослужащих отечественной армии в стационарных помещениях является растратой государственного бюджета. Поэтому в мирных условиях банные поезда существовать не должны. В итоге по распоряжению правительственных органов СССР к 1 ноября 1946 г. все БПДП были расформированы [Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.). Л. 94].

В целом реализуемые, в частности с помощью БПДП, противоэпидемиологические меры позволили не допустить в годы Великой Отечественной войны вспышек эпидемий в войсках, что было невиданным в истории войн результатом [Сорокина, 2008, с. 516; Роспотребнадзор. Основные принципы противоэпидемической работы среди населения...]. При этом Вооруженные Силы РФ и в наше время применяют успешно зарекомендовавшие себя в крупных конфликтах первой половины XX в. БПДП (например, в чеченских кампаниях и в районах проведения Специальной военной операции). Схема рассматриваемых составов и перечень оказываемых военнослужащим услуг в основном те же, что и в советский период. При этом используется современное оборудование и технологии, что повышает качество обслуживания российских солдат и офицеров.

Список источников

- Грищенко Н. Как работает банно-прачечный поезд в зоне спецоперации. *Российская газета*. 2022. 1 декабря. URL: <https://rg.ru/2022/12/01/bania-na-kolesah.html> (дата обращения 30.01.2024 г.)
- Гусева Е. Сибирская баня на колесах. *Уральская магистраль*. Выпуск 23. 17.11.2011 г. URL: <https://gudok.ru/zdr/181/?ID=669141&archive=27221> (дата обращения 02.05.2022 г.)
- Десять кругов рая. *Российская газета – Неделя – Урал*. 82(8136). URL: <https://rg.ru/2020/04/15/reg-urfo/vo-vremia-vojny-legendarnyj-tiumenskij-poezd-bania-doehal-do-berlina.html> (дата обращения 02.02.2022 г.)
- Жилин Г. Банно-прачечные поезда: вчера и сегодня. *Куйбышевский железнодорожник*. Выпуск 26. 06.07.2007. URL: <https://gudok.ru/zdr/177/?ID=624977&archive=25321> (дата обращения 02.02.2022 г.)

- История государства. Поезд-прачечная Императрицы Александры Федоровны. URL: <https://statehistory.ru/4641/Poezd-prachechnaya-Imperatritsy-Aleksandry-Fedorovny/> (дата обращения 29.01.2024 г.).
- Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.) в 4-х томах. Т. 2. Под общей редакцией директор-полковника движения В.В. Звонарева. – ЦВМО МПС СССР, 1947–1948 гг. – 244 л. URL: <https://rzd-museum.ru/expositions/archive> (дата обращения 25.02.2023 г.).
- Сарнов В. Вшивый фронт: с педикулезом на войне боролись огнем и спецпоездами // Версия. 2016. 19 октября. URL: <https://versia.ru/s-pedikulyozom-na-vojne-borolis-ognyom-i-specpoezdami> (дата обращения 29.01.2024 г.)
- Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (СА ДонЖД). Ф. 32. История Донецкой железной дороги. Оп. 1. Д. 162.
- Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (СА ДонЖД). Ф. 32. История Донецкой железной дороги. Оп. 384. Д. 235.
- Роспотребнадзор. Основные принципы противоэпидемической работы среди населения и в войсках Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://rospotrebnadzor.ru/history/victory/deyat4.php?type=special> (дата обращения 30.01.2024 г.)
- Хобта А. Легкий пар для бойцов РККА. Гудок. Восточно-Сибирский путь. 14.02.2020. URL: <https://gudok.ru/zdr/170/?ID=1493746> (дата обращения 24.10.2021 г.).

Список литературы

- Азанова Е.А., Бугров К.Д., Бурденков Е.А. и др. 2022. Эвакуация: величайшая из битв Второй мировой войны. Екатеринбург, АО «Печатный дом «Формат», 240 с.
- Буряк Ю.Ю. 2021. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Томского государственного университета. История*. 71: 11–19.
- Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. 2-е изд., доп. 1987. Под ред. министра путей сообщения Н.С. Конарева. М., Транспорт, 591 с.
- История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. 1997. Под общ. ред. В.Е. Павлова, М.М. Уздина. СПб., ОАО «Иван Федоров», 416 с.
- Клименко К.Х., Алдакимов Д.К. 1992. Пам'ятатимемо донбаські перегони: нариси. Донецьк: «Донбас», 303 с.
- Ковалев И.В. 1981. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., Наука, 480 с.
- Куманев Г.А. 2005. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, Русич, 632 с.
- Куманев Г.А. 2007. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., Собрание, 656 с.
- Сорокина Т.С. 2008. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. – 8-е изд., стер. М., Издательский центр «Академия», 560 с.

References

- Azanova E.A., Bugrov K.D., Burdenkov E.A. et al. 2022. Evakuaciya: velichajshaya iz bitv Vtoroj mirovoj vojny [Evacuation: The Greatest Battle of World War II]. Ekaterinburg, AO «Pechatnyj dom «Format», 240 s.
- Buryak Yu.Yu. 2021. Voenno-sanitarnye poezda SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Military Hospital Trains of the USSR on the Eve and During the Great Patriotic War]. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Istorija*. 71: 11–19.
- Zheleznodorozhniki v Velikoy Otechestvennoj vojne 1941–1945 [Railway Workers in the Great Patriotic War 1941–1945]. 2-e izd., dop. 1987. Pod red. ministra putey soobshcheniya N.S. Konareva. M., Transport, 591 s.
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuz. T. 2: 1917–1945 gg. [History of Railway Transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917–1945. 1997] 1997. Pod obshch. red. V.E. Pavlova, M.M. Uzдина. SPb., ОАО «Ivan Fedorov», 416 s.
- Klimenko K.Kh., Aldakimov D.K. 1992. Pam'yatatimemo donbas'ki peregoni: narisi [In Memory of the Donbass Haul: Draw]. Donets'k, «Donbas», 303 s.
- Kovalev I.V. 1981. Transport v Velikoy Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. M., Nauka, 480 s.

Kumanev G.A. 2005. Govoryat stalinskie narkomy [Stalin's People's Commissars Say]. Smolensk, Rusich, 632 s.

Kumanev G.A. 2007. Problemy voennoj istorii Otechestva (1938–1945 gg.) [Problems of the Military History of the Fatherland (1938–1945)]. M., Sobranie, 656 s.

Sorokina T.S. 2008. Istoriya mediciny: uchebnyk dlya stud. vyssh. med. ucheb. zavedenij. – 8-e izd., ster. [History of Medicine: a Textbook for Students. Higher Honey. Textbook Establishments]. – 8th ed., erased. M., Izdatel'skij centr «Akademiya», 560 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.02.2024

Received 01.02.2024

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Буряк Юрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7840-4975](https://orcid.org/0000-0002-7840-4975)

Yurii Yu. Buryak, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Sociology and Management, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93+398
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-192-202
Оригинальное исследование

Советская женщина и Великая Отечественная война в контексте народных частушек

Шаповалова С.П. , Истомина И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru, Istomina@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования фольклорных текстов, в частности народных частушек, в качестве аксиологического источника при изучении вопросов, связанных с социальным положением женщин в годы Великой Отечественной войны. Народная частушка как аксиологический источник до сих пор остается недооценённой современными исследователями. В редких работах фольклорные элементы присутствуют в качестве небольших иллюстраций. Возможность частушек как аксиологического источника значительно шире. Частушка – это мгновенное отражение действительности, выраженное в эмоционально-поэтической форме. Появившись в 60–70-х гг. XIX века, частушка является отражением всех сфер жизни народа и была особенно популярна в крестьянской среде. В годы Великой Отечественной войны частушка стала одним из самых массовых жанров фольклора. В настоящем исследовании рассматриваются и сопоставляются частушки политически выверенные, входящие в официальные фольклорные сборники и антисоветские частушки. Это дает возможность проанализировать ряд аспектов жизни советской женщины в условиях военного времени с противоположных точек зрения. Главное же – понять народные воззрения на роль женщины в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: фольклор, частушка, советская женщина, Великая Отечественная война, контраст оценок

Для цитирования: Шаповалова С.П., Истомина И.В. 2024. Советская женщина и Великая Отечественная война в контексте народных частушек. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 192–202. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-192-202

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Soviet Woman and the Great Patriotic War in the Context of Folk Ditties

Svetlana P. Shapovalova , Irina V. Istomina

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru, Istomina@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers the possibility of using folklore texts, in particular, folk ditties (chastushka) as an axiological source in the study of issues related to the social status of women during the Great Patriotic War. The folk chastushka, as an axiological source, still remains underestimated by modern researchers. In rare works, folklore elements are present as small illustrations. The possibility of ditties as an axiological source is much wider. A chastushka is an instant reflection of reality, expressed in an emotional and poetic form. Appearing in the 60–70s of the XIX century, the chastushka is a reflection of all spheres of life of the people and it was especially popular among the peasants. During the Great Patriotic War, chastushka became one of the most popular genres of folklore. This study examines and compares politically verified chastushkas included in official folklore collections and anti-Soviet ones. It gives a possibility to analyze a

number of aspects of Soviet women's life in wartime conditions from opposite points of view. The main task is to understand people's views on the role of women in the Great Patriotic War.

Keywords: folklore, chastushka, Soviet woman, Great Patriotic War, contrast of assessments

For citation: Shapovalova S.P., Istomina I.V. 2024. The Soviet Woman and the Great Patriotic War in the Context of Folk Ditties. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 192–202 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-192-202

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Положение советских женщин в годы Великой Отечественной войны в современной исторической науке изучено довольно подробно. В то же время в работах советских историков «наблюдался значительный крен в сторону идеологии, особенно это относилось к исследованиям духовной жизни общества. ... Так, практически не оставалось места исследованиям социальной психологии народа, нравственных начал его жизни» [Сенявская, 1995, с. 5]. То есть аксиологические сюжеты были фактически под запретом, если они не вписывались в канву советской идеологии. Современные публикации рассматривают и достаточно острые темы с точки зрения морали. Например, статья «Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945)» О.В. Будницкого, основанная в основном на источниках личного происхождения – дневниках, письмах, фольклоре, поднимает вопросы, связанные с падением нравственности под влиянием военного фактора.

В настоящем исследовании делается попытка рассмотрения официальных и неофициальных точек зрения на положение женщин в тяжелые военные годы через призму аксиологического восприятия событий 1941–1945 гг. Войны, которые вела Россия, а позже и СССР в первой половине XX века формировали специфический менталитет и образ жизни женщин, направленный на выживание в условиях военных лишений. Именно женщинам, когда их мужей забирали в армию или на войну, приходилось нести двойную тяжесть забот и обязанностей, обеспечивать минимальные потребности семьи, проявлять удивительную изворотливость и смекалку в добывании хлеба насущного и сохранении самого скромного достатка [Щербинин, 2004, с. 8]. Несомненно, важным для выявления социокультурного облика советских женщин в годы Великой Отечественной войны являются фольклорные и другие этнографические источники, в частности частушки, создаваемые в это время в большом количестве как неизвестными авторами, так и по заказу государства. Частушки содержали эмоциональную оценку восприятия военной жизни советскими женщинами, отражая реакцию на конкретные события военной поры. Частушки, которые вошли в фольклорные сборники, куплеты, распеваемые на передовой артистами и бойцами, были поэтически выверенными и законченными как фольклорный жанр. «Заветные», антисоветские частушки отличались грубым оскорбительным языком. Но и у них был свой слушатель. Таким образом, частушки являлись точным индикатором настроения людей. Они помогают выявить социопсихологические аспекты в положении советской женщины в годы войны.

Объект и методы исследования

«Изучение русского фольклора показывает, что русское народное творчество в сильнейшей степени насыщено историческим самосознанием», писал выдающийся советский фольклорист В.Я. Пропп [Пропп, 1976, с. 33]. Другой известный советский и российский литературовед и фольклорист А.А. Горелов большое внимание уделяет вопросу генезиса частушки. Он отмечает: «Частушка безусловна реалистична, ее реализм – это «конкретный реализм» (подчас – натурализм), отвечающий эмпиризму, конкретности мышления ее лирического героя... Способность частушки непосредственно откликнуться на «каждую малость жизни», т. е. быть остро современной» [Горелов, 1965, с. 10].

Объектом исследования в настоящей работе выступает один из жанров фольклора – народная частушка, предметом исследования – анализ официальных советских частушек о Великой Отечественной войне в сравнении с «заветными» запрещенными частушками, в которых нашли отражение темы положения женщины и влияния на нее военного фактора. Методология исследования основана на принципах научной объективности, историзма, позволяющих не допустить ангажированности в оценках и выводах. Для этого в работе были использованы общенаучные и специально-исторические методы: критический, сравнительного анализа, ретроспективный и метод исторической аналогии.

Результаты и их обсуждение

Перед непосредственным сравнительным анализом фольклорных текстов, в частности частушек, посвященных военной повседневности советских женщин, остановимся на проблеме психологии смеха и восприятию комического. Принято считать, что частушки – короткие песенки комического или сатирического содержания. В.Я. Пропп в своем исследовании «Проблемы комизма и смеха» поднял вопрос о видах смеха и приводит наиболее полное его перечисление: «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, ...наглый и робкий, дружественный и враждебный, бесстыдный и смущенный...» [Пропп, 1976, с. 15]. Частушки периода Великой Отечественной войны по большей части грустные и лирические, в них можно различить слезы и боль, но эти чувства показаны более легкими, чем являются в действительности. Это и есть особенность данного фольклорного жанра. Даже о самых трагических событиях рассказывать с небольшой долей иронии и смеха. Именно в годы тяжелых испытаний, связанных с войной советского народа против фашистских завоевателей, наиболее ярко проявилось народное песенное творчество. Известная собирательница военного песенного фольклора К.Г. Свитова отмечает: «Все это песнетворчество – традиционное и новое, профессиональное и народное, – слившись в один поток, взаимодействуя и обогащая друг друга, содействовало патриотическому подъему народа, то есть служило делу разгрому врага и победы над ним» [Незабываемые годы, 1985, с. 4]. Все это в полной мере относится и к частушкам, которые создавались под влиянием чувств и переживаний, переполнивших эмоциональную сферу людей и требовавших выхода и воплощения в песенном жанре. Частушки отразили события, связанные с началом войны, отправкой на фронт, кровопролитными боями, оккупацией части советской территории, борьбой в тылу врага, отступлением фашистов и победой над ними [Кулагина, 2009, с. 49].

Смех же в частушках «заветных» иного рода. Он носит совсем другой характер. Это безжалостно критичный ко всему и разрушительный смех. Для авторов этих частушек нет запретных тем, отдельные факты ими преподносились как массовые явления. Главное в этих сочинениях – оскорбить и унижить персонаж частушки. Наибольшее количество таких частушек посвящено началу войны, критике офицеров и командиров, трофеям и инвалидам и т. п.

Для сравнения официальных и «заветных» частушек остановимся на центральных аспектах данной проблемы – это первые месяцы войны, фронтовая переписка, тяготы войны, верность, похоронки, победа.

Рассмотрим, как в частушках, посвященных началу Великой Отечественной войны, отразилось эмоциональное состояние советских женщин, что тревожило их больше всего. Например, из сборника Ф.М. Селиванова:

Двадцать первого июня
Стал германец воевать.
Мне молоденькой девчонке,
Невесело гулять.

Распроклятая Германия
И Гитлер – сатана!
Раньше я гуляла с дrolечкой –
Теперь хожу одна [Частушки, 1990, с. 164–165].

На первый план выходит тема разлуки с «миленочком», «дролечкой», который ушел воевать. Девушка ощущает себя «сиротинкой». В то же время звучит сюжет, что женщина не желает оставаться одна и готова идти на фронт, чтобы не расставаться с милым: «Ты там немца будешь бить, а я патроны подносить», «дайте пулемет, буду пулеметчицей» [Частушки, 1990, с. 165–166].

В «заветных» частушках их собрания А.Д. Волкова тема начала войны звучит иначе:

Двадцать третьего июня
Мил уехал воевать –
Нашу хату-развалюху
И шесть соток защищать [Заветные частушки, 1999, с. 66].

В тексте данной частушки нет и намека на горе, связанное с расставанием с любимым человеком. На первый план выходит то обстоятельство, что и защищать-то нечего: «хата-развалюха» да клочок земли. Также в антисоветских частушках прослеживается сюжет о том, что женщина готова идти на фронт за любимым. Но главный посыл в них, что воюют не для победы, а чтобы хорошо жилось евреям и коммунистам. Нужно отметить, что антисемитский подтекст характерен для большинства частушек военной поры. Например:

Будем, милый, мы с тобою
Нашу землю защищать,
Чтоб евреи, коммунисты
Нас могли бы обдурять [Заветные частушки, 1999, с. 67].

Эти сюжетные линии показывают, что среди населения были распространены антисоветские настроения, даже когда враг пришел на его землю.

Одной из наиболее часто встречающихся тем в частушках периода Великой Отечественной войны является фронтовая переписка. Ожидание весточки от любимого в советских частушках переплетается с переживаниями о жизни и здоровье родного человека. Например, из сборника Ф.М. Селиванова:

На германской на границе
Кровь горячая кипит.
Письмеца не получаю, –
Видно, дrolечка убит.

Сколько писем ни писала,
От него ответа нет.
Наверное, ранен ягодиночка,
Положен в лазарет [Частушки, 1990, с. 174–175].

Печалью и тоской наполнены строчки частушек, связанных с неизвестностью: «не знаю, жив или убит», или «в плену находится», или «милый без вести пропал?» [Частушки, 1990, с. 177].

В «заветных» частушках теме переписке с фронтовиками внимание практически не уделяется. Но и в тех частушках, что посвящены данному вопросу, нет обычной печали, а есть унизительная насмешка над «милым», который попал на фронт:

Милый пишет: «Под Торжком
В окопе обморозился».
Если б не был дураком –
В тылу бы пристроился [Заветные частушки, 1999, с. 67].

Следующий аспект, который следует осветить в данной статье, – это как отражена тема тяготы войны в народном частушечном творчестве. В советских сборниках частушек этому сюжету уделяется значительное место. В частушках во всех женских бедах обвиняется «Гитлер-враг, зараза, кривопузый, косоглазый, косолапый»; «Распроклятая Германия» [Частушки, 1990, с. 185]. Частушки наполнены горечью по утраченной молодости: «А молодость пропала», по потерянной красоте: «Не от радости осеклась моя русая коса». Но главная мысль, на наш взгляд, была выражена одним четверостишием:

Продолжается война,
Я одна, одна, одна:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик [Частушки, 1990, с. 174–175].

О трудовом подвиге советских женщин написано огромное количество исследований. Женщины заменили ушедших на фронт мужчин в сельском хозяйстве и на предприятиях. Начиная с 1942 года женщины составляли уже более половины занятых на производстве. На предприятиях ряда отраслей было занято до 80 % женщин из семей военнослужащих, находившихся на фронте. Фактически от женщин зависело выживание нации, они своим трудом и повседневной самоотверженностью формировали основу жизнеобеспечения миллионов советских семей [Лившин, 2003, с. 9]. Женщины работали в шахтах, управляли тракторами. Например, из антологии Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной:

Я в колхозе под Полтавой
Шла в бригаде звеньевой.
А теперь я режу лаву,
С обушком хожу в забой.

За рулем сажу на тракторе,
А милый на войне.
Я боялась – не справлюсь,
А справилась вполне [Русские частушки, 1956, с. 372–373].

В частушках находим обширный материал о возрастании роли женщины в народном хозяйстве. В частушках перечисляются новые профессии, освоенные советскими работницами. Они трудились на заводе: «На заводе на своем заменяю милого», водили поезда: «Водит в бой залетка танки, а я – к фронту поезда». И за этот труд женщины были награждены орденами и медалями. Например:

Пишет милый мне в письме,
Что носит орден на тесьме.
А я в ответ пишу,
Что два ордена ношу [Русские частушки, 1956, с. 374].

В «заветных» частушках тема тяготы войны представлена в ином ракурсе. В данных текстах во всех женских бедах, помимо фашистской Германии, обвиняются отцы-командиры, которые отправляют в бой необученных солдат. Например:

Проводила я милёнка,
Он пошел фашистов бить.
Как с винтовкой обращаться –
Было некогда учить.

Скоро милому, хорошему
Винтовочку дадут,
Хоть стрелять и не научат –
В бой как с палкою пошлют [Заветные частушки, 1999, с. 70–71].

Критике подвергалось плохое снабжение солдат: «сухари солдат сосет», «если кухня не приедет, лошадь дохлую найдем». И это не художественный вымысел, а реалии первых лет войны. В фронтовых дневниках и мемуарах таких сюжетов достаточно. Например, известный искусствовед Н.Н. Никулин в своих записках о войне оставил следующую зарисовку: «Однажды миной убило проезжавшую мимо лошадь. Через двадцать минут от нее осталась лишь грива и внутренности, так как умельцы вроде меня моментально разрезали мясо на куски. Возница даже не успел прийти в себя, так и остался сидеть в санях с вожжами в руке» [Никулин, 2007, с. 16]. Солдаты были недовольны и деятельностью заградотрядов: «Неизвестно, кто страшнее – немцы или заградотряд?!» и штабным командованием. Например, из собрания А.Д. Волкова:

Не сидели бы в штабах
Глухие тетери –
Не несли бы мы в боях
Большие потери.

На шинели генерала
Красная подкладка,
Из-за тупости его
Солдатам не сладко [Заветные частушки, 1999, с. 75].

С социопсихологической точки зрения рассмотрим еще один аспект, который довольно долго не находился в поле зрения исследователей. Тема верности и женского достоинства в военных условиях практически не затрагивалась, так как находилась в плоскости нравственности, этики, морали. В последнее время появилось много работ по истории повседневности, расширилась база источников личного происхождения, что позволяет более подробно рассмотреть вопрос о положении женщины в военные годы и отношении к ней со стороны мужчин через призму фольклорного творчества. В официальных сборниках частушек тема верности даже не подлежит обсуждению. Женщина в частушках предстает эталоном непогрешимости и любви к ушедшему на фронт солдату. Главный лейтмотив – милого дождусь: «мой миленочек на фронте, его буду ждать» и буду любить до смерти: «буду дробечку любить до самой похоронные» [Русские частушки, 1956, с. 376–377]. Например, из антологии Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной:

Мой миленочек уехал
На фронт фашистов бить.
Буду я его, девчоночка,
Без изменушки любить.

Я по улице гуляла,
А на улице мороз.
Милый запер мое сердце
И ключи на фронт увез [Русские частушки, 1956, с. 376–377].

Совсем по-другому звучит тема верности в «заветных» частушках, она превращается в тему измены. В них женщина показана хитрой и изворотливой. Проводив любимого на фронт, она быстро находит ему замену, даже более выгодную: «А меня тут интендантки утешат как-нибудь», «А в тылу меня майор продуктами снабжает». И еще один сюжет в этих частушках – милый ничего не узнает. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Мой залеточка на фронте,
До победы буду ждать.
Ну а если не сдержуся –
Все равно не будет знать.

Треплют: «Бога не боюсь –
С парторгом изменяю».
Муж вернется – отряхнусь,
Мол, ничего не знаю [Заветные частушки, 1999, с. 75].

Следует отметить, что, на первый взгляд, данный вид творчества являлся пасквилем на советскую женщину. Но приведённые факты имели место, и подтверждений тому немало. Это в первую очередь касается источников личного происхождения – писем, фронтовых дневников, мемуарной литературы. В них отмечались разительные изменения, произошедшие в поведении женщин. В качестве примера можно привести фрагмент из дневника летчицы Г.И. Докутович, которая отдыхала в санатории в Ессентуках весной 1943 года. Она была явно разочарована поведением некоторых женщин, которых раненые на излечении бойцы называли «трофейными». Она записала: «Женщины совсем сходят с ума, на шею вешаются. Чуть утро – уже ходят под окнами. А вечером теряют всякий стыд, просто приходят к санаторию и приглашают мужчин в кино, в театр...» [Сенявская, 1995, с. 74].

Следующая тема, о которой не принято было писать, – это ППЖ, или походно-полевые жены. Особенно злословили об этих женщинах те, кто отсиживался подальше от передовой или вообще в тылу, именно они распространяли сплетни, сочиняли анекдоты и «заветные» частушки. Мы не можем утверждать, насколько этот процесс был распространен на фронте, но в частушках такие отношения высмеяны довольно зло. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Все над нами, ППЖами,
Любят посмеяться.
Прикажут быть со сволочами,
А куда деваться?

Фронтовые ППЖ,
Как вы преуспели:
Генерал, старик уже,
С девчонкою в постели [Заветные частушки, 1999, с. 78].

Высмеивали ППЖ не только за их легкомысленное поведение, но и за то, что после войны их жизнь изменится и они останутся одни, а «фронтовой муж» вернется к своей жене. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Мы победы дождались
Девятого мая.
У военных ППЖ
Будет жизнь плохая [Заветные частушки, 1999, с. 78].

Это может показаться частью художественного вымысла, но в женских письмах с фронта находим буквально дословное тому подтверждение. Так, в письме М.П. Анненковой к подруге рассказывается о ее сложных отношениях с женатым мужчиной. Заканчивается война, сходят на нет и их отношения. «Война идет к концу, а я, пожалуй, останусь «на бабах» и больше ничего» [Сенявская, 1995. С. 76].

Еще один сюжет, которого нет в официальных сборниках частушек, но который широко представлен в «заветных» частушках – это тема беременности на фронте. Женщин, которые возвращались домой забеременевшими не от мужей, жестко высмеивали: «Кто с войны привез трофеи, а моя – ребеночка», или «в брюхе «мина» завелась здоровенная» [Заветные частушки, 1999, с. 79]. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Милочка была на фронте,
И трофеи привезла:
Чтоб на них полюбоваться –
Девять месяцев ждала [Заветные частушки, 1999, с. 79].

Следующий сюжет, который нельзя обойти в рамках рассмотрения данного вопроса, – это тема похоронок. Это особенно трагичная сторона любой войны. Психологическое состояние женщин, узнавших о гибели родных, особенно остро передают частушки. Если в советских песнях времен Великой Отечественной войны лейтмотивом звучал призыв отомстить за родного человека, то в частушках – это прежде всего боль и безутешное горе. Тексты частушек звучат, как похоронные плачи: «Ягодиночка убит, убит – в могилушке лежит», «никогда я не забуду глазки его синие», «не найти того местечка, где зарыт мой дорогой» [Частушки, 1990, с. 181]. Например, из сборника Ф.М. Селиванова:

Получила, распечатала –
Бумага черная,
Треугольная печать...
От дроли похоронная.

Никогда не позабуду
Этот город Сталинград:
В этом городе погибли
Ягодиночка и брат [Частушки, 1990, с. 180].

Авторы частушек во всех своих бедах, в смерти любимых «никого не винят», кроме Гитлера, которому желают, чтоб он «окошел». Например, из сборника Ф.М. Селиванова:

У меня дrolечки не стало, –
Никого я не виню,
Виню Гитлера, заразу, –
Пуля ржавая ему! [Частушки, 1990, с. 182].

В «заветных» частушках тема похоронок почти не представлена. Либо это просто констатация факта: «Я его с победой жду – прислали похоронку». Либо во всем виноваты коммунисты: они «сидят жрут тушенку», а пособие «грошовое» [Заветные частушки, 1999, с. 81]. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Пришла в райком, там бугаи
Сидят – жрут тушенку.
Прислали мне с тремя детьми
На мужа похоронку.

Сложил милый буйну голову
За Родину свою –
За пособием грошовым
Я, как нищая, стою [Заветные частушки, 1999, с. 81].

В отличие от официальных частушек, в представленных текстах тема утраты и боли читается между строк: «Как жить дальше на грошовое пособие с детьми?»

И в заключение остановимся на самой главной теме Великой Отечественной войны – победе советского народа над фашистской Германией. В советских сборниках частушек эта тема представлена довольно широко. Здесь и радость от победы: «Я пою и веселюся – враг проклятый побежден», «все ребята веселятся, что отвоевались», и ожидание милого с фронта: «Ко мне миленький придет с тремя орденами», и боль от потери любимого: «У меня убили дролю, больше мне не видывать» [Русские частушки, 1956, с. 401]. Например, из сборника «Русские народные песни. Романсы. Частушки»:

Все ребята веселятся,
Что отвоевались.
И девчата тоже рады –
Женихов дождались.

Ой, подруга дорогая,
На границе – тишина.
Сорок пятого, девятого
Окончилась война [Русские народные песни..., 2009, с. 509–510].

В текстах «заветных» частушек на первый план выходят послевоенные трудности, связанные с жильем, работой, несправедливостью: «Вместо ордена мне ордер дайте хоть бы на чердак», «Когда стал искать работу: ”инвалиды не нужны“», «Издеваются над нами тыловые гниды» [Заветные частушки, 1999, с. 85]. Например, из сборника А.Д. Волкова:

Бойцы здорово дрались,
Гитлеровцев били,
А вернулись – и в землянки
Вновь их поселили.

На войне мил долго был,
Воевал, фашистов бил.
Инвалидом он пришел –
Попрошайничать пошел [Заветные частушки, 1999, с. 87].

Естественно, трудности после войны были значительные, но в «заветных» частушках они приобретают гротескные формы, именно на этих приемах и строятся такого рода фольклорные тексты.

Заключение

Таким образом, изучение темы, связанной с положением советской женщины в годы Великой Отечественной войны, может быть дополнено психологическим анализом к данной проблематике. В качестве аксиологического источника выступает такая малая форма фольклорного жанра, как частушка. Частушка в советское время стала выражать в поэтической форме интересы подавляющего большинства населения страны. Частушки были популярны, их создавали как анонимные авторы из народа, так и профессиональные поэты. В годы войны концертные бригады их исполняли перед бойцами на фронте. Частушка была частью советской пропаганды. Они были лаконичны и понятны каждому. Параллельно создавались так называемые «политические» или «заветные» частушки, за которые можно было получить реальный срок. Но несмотря на все запреты этот жанр частушек развивался, он имел своего слушателя. Используя весь массив созданных в этот период частушек, можно детализировать и расширить представления о конкретных событиях Великой Отечественной войны и роли советской женщины в это трудное время.

Список источников

- Заветные частушки. 1999. Из собрания А.Д. Волкова. Т. 2. Политические частушки. М., Ладомир, 500 с.
- Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны в записях К.Г. Свитовой. 1985. М., Советский композитор, 105 с.
- Никулин Н.Н. 2007. Воспоминания о войне. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 164 с.
- Русские народные песни. Романсы. Частушки. 2009. Сост. А. Кулагина. М., Эксмо, 736 с.
- Русские частушки. 1956. Сост. Н.И. Рождественская и С.С. Жислина. М., Художественная литература, 496 с.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. 2003. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., РОССПЭН, 472 с.
- Частушки. 1990. Библиотека русского фольклора. Сост. Ф.М. Селиванов. Т. 9. М., Советская Россия, 656 с.

Список литературы

- Будницкий О.В. 2011. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945). URL: <https://journals.openedition.org/monderusse/9342> (дата обращения: 20.02.2024).
- Горелов А.А. 1965. Русская частушка в записях советского времени. Частушки в записях советского времени. Москва – Ленинград, Наука, 486 с.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. Москва Искусство, 183 с.
- Пропп В.Я. 1976. Фольклор и действительность. Москва, Наука, 327 с.
- Сенявская Е.С. 1995. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. Москва, ИРИ, 87 с.
- Щербинин П.П. 2004. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, Юлис, 508 с.

References

- Budnitskii O.V. 2011. Muzhchiny i zhenshchiny v Krasnoi armii (1941–1945) [Men and Women in the Red Army (1941–1945)]. URL: <https://journals.openedition.org/monderusse/9342> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
- Gorelov A.A. 1965. Russkaya chastushka v zapisyakh sovetskogo vremeni. Chastushki v zapisyakh sovetskogo vremeni [Russian Ditty in Soviet Era Records. Chatushki in Soviet-Era Records]. M. - L., Nauka, 486 p.

- Propp V. Ya. 1976. Problemy komizma i smekha [Problems of Comedy and Laughter]. M., Iskusstvo, 183 p.
Propp V. Ya. 1976. Fol'klor i deistvitel'nost' [Folklore and Reality]. M., Nauka, 327 p.
Senyavskaya E. S. 1995. 1941–1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [1941–1945. Front Generation. Historical and Psychological Research]. M., IRI, 87 p.
Shcherbinin P. P. 2004. Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [The Military Factor in the Everyday Life of a Russian Woman in the 18th and Early 20th Centuries] Tambov, Yulis, 508 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.02.2024

Received 04.02.2024

Поступила после рецензирования 01.03.2024

Revised 01.03.2023

Принята к публикации 05.03.2024

Accepted 05.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Истомина Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1744-2468](https://orcid.org/0000-0002-1744-2468)

Irina V. Istomina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 355.48(470+510+520)«1945»

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-203-214

Оригинальное исследование

Боевые действия советских войск в ходе освобождения Северо-Восточного Китая от Квантунской армии в августе 1945 г.

Талтынова Е.В.

Воронежский государственный педагогический университет,

Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

E-mail: taltynova.e.v@gmail.com

Аннотация. Освобождение Северо-Восточного Китая от японской Квантунской армии на завершающем этапе Второй мировой войны в отечественной историографии освещается не столь широко, как боевые действия на советско-германском фронте. В статье предпринята попытка детально проанализировать условия вступления Советского Союза в войну против милитаристской Японии и хронологически изложить этапы Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск на Дальнем Востоке. Также в статье рассматривается японо-германское сотрудничество в период Второй мировой войны. Оккупация Северо-Восточного Китая и установление политического и экономического контроля над ним рассматривались японскими милитаристами как удобный плацдарм для агрессии против других районов Китая, Монгольской Народной Республики и СССР. В результате анализа документов российских архивов, научной литературы – как отечественной, так и зарубежной, среди которой монографии на японском языке, и ряда воспоминаний участников событий в статье реконструированы боевые действия советских войск и уточнен вклад СССР в победу над милитаристской Японией.

Ключевые слова: Маньчжурская стратегическая наступательная операция, Забайкальский фронт, Квантунская армия, Маньчжурия

Для цитирования: Талтынова Е.В. 2024. Боевые действия советских войск в ходе освобождения Северо-Восточного Китая от Квантунской армии в августе 1945 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 203–214. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-203-214

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Fighting of Soviet Troops During the Liberation of Northeastern China from the Kwantung Army in August 1945

Elena V. Taltynova

Voronezh State Pedagogical University,

86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

E-mail: taltynova.e.v@gmail.com

Abstract. The liberation of Northeastern China from the Japanese Kwantung army at the final stage of World War II is not covered as widely in Russian historiography as the fighting on the Soviet-German front. The article attempts to analyze in detail the conditions of the Soviet Union's entry into the war against militaristic Japan and chronologically outline the stages of the Manchurian strategic offensive operation of Soviet troops in the Far East. The article also examines Japanese-German cooperation during the Second World War. The occupation of Northeast China and the establishment of political and economic control over it were considered by Japanese militarists as a convenient springboard for aggression against other regions of China, the Mongolian People's Republic and the USSR. As a result of the analysis of documents

from Russian archives, scientific literature both Russian and foreign, including monographs in Japanese, and a number of memoirs of participants in the events, the article reconstructs the fighting of Soviet troops and clarifies the contribution of the USSR to the victory over militaristic Japan.

Keywords: Manchurian strategic offensive operation, Trans-Baikal Front, Kwantung Army, Manchuria

For citation: Taltynova E.V. 2024. The Fighting of Soviet Troops During the Liberation of Northeastern China from the Kwantung Army in August 1945. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 203–214 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-203-214

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

2 мая 1945 г. последние дни войны на европейском континенте, Красная армия штурмом взяла Берлин. 8 мая нацистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции, но Вторая мировая война на этом не завершилась. В Азии и на Тихом океане союзные войска вели ожесточенные бои с милитаристской Японией. Главной военной группировкой Японии являлась Квантунская армия, дислоцировавшаяся в Маньчжурии. Её численность достигала более 1 млн человек. Комплектовалась армия отборным офицерским и унтер-офицерским составом, который воспитывал своих солдат в духе крайнего шовинизма, избранности японской расы и ненависти к другим народам. Таким образом, у советских дальневосточных границ находилась крупная стратегическая группировка отборных японских войск, одной из главных задач которых являлось нападение на СССР. В воспоминаниях военного министра США Генри Л. Стимсона сказано, что война с японской армией вооруженными силами западных стран могла продлиться 5–7 лет [Зимонин, 2011, с. 108; Великая, 2013, с. 429; Stimson, 1948, p. 619]. Вступления Советского Союза в войну против Японии практически с самого начала боевых действий на Тихом океане добивались США и Великобритания. Особенно в этом были заинтересованы Соединенные Штаты, поскольку они несли основную тяжесть борьбы с военными силами Японии. В результате соглашения, достигнутые союзниками по антигитлеровской коалиции на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. и Ялтинской конференции в феврале 1945 г., гласили, что Советский Союз вступит в войну против Японии в течение трех месяцев после капитуляции Германии [Сборник, 1955, с. 81]. Со времени Тегеранской конференции советская армия на Дальнем Востоке стала наращивать свою военную мощь и 9 августа 1945 г., ровно через три месяца после капитуляции нацистской Германии, перешла границу и атаковала японские войска. По замыслу Маньчжурской стратегической наступательной операции необходимо было посредством нанесения трёх ударов окружить, рассеять на части и последовательно уничтожить войска Квантунской армии. Данный военный замысел был успешно реализован. Результаты наступательной операции ошеломили весь мир. Миллионная Квантунская армия была разгромлена за три недели – именно это и стало победоносным финалом Второй мировой войны. История боёв на Дальневосточном театре военных действий часто находится «в тени» зарубежной историографии. События Советско-японской войны 1945 г. претерпевали определенные переоценки. В западной литературе отрицается роль Маньчжурской стратегической наступательной операции как непосредственного фактора, который принудил Японию к капитуляции. В противовес этому в китайских учебниках по истории на конкретных примерах объясняется, что «Советский Союз разгромил японскую Квантунскую армию и оказал большую помощь китайскому народу в деле освобождения Северо-Восточных районов Китая» [《语文》第7册, 1949, 页面 122].

В условиях попыток западного сообщества переписать историю Второй мировой войны и умалить роль СССР в разгроме гитлеровской Германии и ее пособников важно

бережно хранить и популяризировать историческую правду о решающем вкладе Советского Союза в победу над милитаристской Японией. В настоящее время одной из важных задач государственной политики Российской Федерации является сохранение исторической памяти и противодействие попыткам фальсификации истории, данные задачи были утверждены Указом Президента Российской Федерации 9 ноября 2022 г. В настоящей статье предпринята попытка целостного рассмотрения событий 1945 г. по освобождению Северо-Восточного Китая от японских агрессоров. С привлечением архивных документов, воспоминаний участников тех событий и иностранной литературы произведен всесторонний анализ боевых действий советских войск против войск Квантунской армии на территории Северо-Восточного Китая в августе 1945 г. и описан решающий вклад Советского Союза в завершение Второй мировой войны.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является совокупность боевых действий советских войск против Квантунской армии на завершающем этапе Второй мировой войны 9 августа – 2 сентября 1945 г. Конкретным предметом изучения данной статьи выступают боевые действия советских войск в ходе освобождения Северо-Восточного Китая от Квантунской армии. Именно на территории Северо-Восточного Китая дислоцировалась главная группировка японских сухопутных сил – Квантунская армия, именно здесь японские милитаристы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое стало для Японии источником обогащения как природными, так и человеческими ресурсами. Вся маньчжурская экономика была поставлена под строгий контроль японского военно-административного аппарата. После оккупации северо-восточной части Китая японские военные стали осуществлять продвижение во внутренний Китай. Таким образом, тема исследования обусловлена её значимостью в вопросе общего изучения боевых действий советских войск против японской Квантунской армии на завершающем этапе Второй мировой войны.

В методологическом плане основой исследования выступили историзм и объективность. Применение данных методов при анализе, ранее не опубликованных на русском языке документов японского происхождения позволили заново оценить вклад Советского Союза в капитуляцию милитаристской Японии. Например, в настоящей статье задействована монография японского исследователя Оки Такеши «Трехсторонний союз Японии, Германии и Италии», в которой автор опирается на значительный пласт работ, существующих в Японии, по данной тематике. Более того, в книгу вошли дипломатические документы и мемуары Хироши Осима (посол Японии в Германии периода Второй мировой войны) и Ёсуге Мацуока (министр иностранных дел Японии, 1940–1941 гг.). При комплексном изучении документов русского и японского происхождения, руководствуясь принципом объективности, автор сопоставил воспоминания Х. Осима с отчетами начальника Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии А.П. Панфилова, который докладывал советскому руководству о «командировке» посла по оккупированным Германией территориям в 1942 г. Благодаря задействованному комплексу общенаучных и предметно-исторических методов: аналитический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный в исследовании восстановлена целостная картина рассматриваемых событий в их связи и обусловленности.

Результаты и их обсуждение

В период Второй мировой войны северо-восточный регион Китая оказался оккупирован и подвергся опустошительному влиянию японских милитаристов. Вражеские силы занимали эти территории и безжалостно грабили их ресурсы, оставляя за собой разрушение и хаос. В 1927 г. премьер-министр Гиити Танака представил императору Японии план завоевания мира, на пути к которому первым шагом являлся захват Китая. При этом премьер-

министр подчеркивал богатство ресурсов Маньчжурии, которые Японии необходимо начать осваивать, чтобы пополнить собственные национальные ресурсы, испытывающие недостаток [Захарова, 1990, с. 122; Vamba, 1972, р. 307–308].

Большая территория Маньчжурии, которая сегодня примерно в три раза превышает территорию Японии, была домом маньчжурского народа, основавшего династию Цин. Япония достигла быстрой вестернизации после Реставрации Мэйдзи. Едва одержав победу в русско-японской войне, Япония в 1905 г. приобрела права на железные дороги Маньчжурии и территории вдоль них, для защиты которых и была предназначена Квантунская армия. Но с падением династии Цин и наступлением эпохи военачальников Квантунская армия начала в одиночку пытаться поставить под свой контроль всю Маньчжурию. 18 сентября 1931 г. Квантунская армия устроила взрыв на железной дороге и оккупировала всю Маньчжурию во имя защиты проживавших там японцев. Так начался Маньчжурский инцидент. В марте 1932 г. было основано марионеточное государство Маньчжоу-Го. В разные годы численность Квантунской армии варьировалась от 200 тысяч до 1,2 миллиона человек [Великая, 1965, с. 525–545; Токусиро, 2000, с. 837]. Силами Квантунской армии планировалось оккупировать весь советский Дальний Восток до Урала. На судебном процессе над главными японскими преступниками в Токио в качестве доказательства обвинения была представлена запись беседы Х. Осима и Риббентропа от 18 апреля 1943 г. В беседе японский генерал заявлял, что на протяжении 20 лет Генеральный штаб вооруженных сил Японии разрабатывал план наступления на Россию [Рагинский, 1985, с. 62]. Таким образом, оба режима считали войну с СССР неизбежной. 25 ноября 1936 г. был подписан японо-германский Антикоминтерновский пакт, по которому договаривающиеся страны обязались поддерживать друг друга в установлении мировой гегемонии [Мировые войны XX века, 2005, с. 20–21]. В 1937 г. к данному договору присоединилась фашистская Италия. Так и возник пакт трех держав: Германии, Италии и Японии, который был подписан 27 сентября 1940 г. [Документы международных отношений, 1999, с. 104–105]. На следующий день после церемонии подписания, 28 сентября, японская газета «АсахиСимбун» сообщила о праздновании заключения Трехстороннего союза, состоявшегося в официальной резиденции министра иностранных дел, под заголовком «Клятва истории завершена» [大木毅, 2021, с. 184].

В честь подписания данного договора министр иностранных дел Ё. Мацуока провел грандиозное торжество в Токио, пригласив послов Германии и Италии, а также высокопоставленных лиц японского правительства. В марте 1941 г. Мацуока сам отправился в Берлин, где встретился с Гитлером. Профессор Киотского университета, историк и экономист Юзо Ямамото в своей монографии «Исследование экономической истории “Сферы совместного процветания Восточной Азии”» указывает, что Ё. Мацуока активно продвигал концепцию «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии» и тесно связывал внешнюю политику Японии с политикой японских фашистов за рубежом. Следует сказать, что данная работа японского профессора впервые объективно изображает полную картину «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии», так как автор раскрыл структуру и особенности колониальной экономики, формировавшейся в истории Японской империи на протяжении 50 лет. «Сфера совместного процветания Большой Восточной Азии» предполагала создание обширного блока стран в Восточной Азии с Японией в качестве лидера и включенными в неё регионами: Маньчжурией, Китаем, а также Юго-Восточной Азией, Индией и Океанией [山本有造, 2011, с. 12].

Министры второго кабинета Фумимаро Коноэ также призывали к созданию данного «Нового восточноазиатского порядка», что в комплексе и предопределило основу внешней политики милитаристской Японии. На доктрину японских милитаристов повлияла немецкая нацистская теория «Жизненного пространства», а термин «Сфера совместного процветания» ввел министр иностранных дел Мацуока. При заключении Трехстороннего пакта

между Японией, Германией и Италией Япония преследовала цель, чтобы Германия и Италия признали инициативу Японии в Азии, так называемый «Новый восточноазиатский порядок». Это позволило бы Японии вырваться из затянувшейся китайско-японской войны и контролировать США, установив связи с Германией и Италией. Для Японии было важно обеспечить безопасность нефти и других ресурсов в Юго-Восточной Азии. В то время представители японской военной верхушки считали, что победа Германии неизбежна, и поэтому стремились занять выгодную позицию после войны, заключив союз с Германией. Другими словами, в случае победы Германии существовал риск того, что Германия монополизует колонии Великобритании, Франции, Нидерландов и т. д., поэтому считалось необходимым заранее заключить союз с Германией, что позволило бы завоевать собственную репутацию Японии в Юго-Восточной Азии [石田勇治, 2015, с. 95].

Вторая мировая война началась удачно для милитаристской Японии. Японская императорская армия шла от победы к победе: нападение на Перл-Харбор, Филиппинская операция (1941–1942 гг.), Малайская операция, взятие Сингапура. В ходе японо-китайской войны (7 июля 1937 – 9 сентября 1945 г.) к 1941 г. японские войска контролировали большую часть Северного и Центрального Китая. Показания японских военных на Токийском и Хабаровском судебных процессах подтвердили, что японские милитаристы продолжали готовиться к агрессивной войне против СССР, строили планы преодоления прежних неудач массовым применением бактериологического оружия. Нехватка войск, воюющих на несколько фронтов, отдаляли этот момент, хотя на советской границе продолжались многочисленные провокации и демонстрации силы японской армии. Советский Союз, защищая собственные дальневосточные границы, на протяжении всей войны держал на Дальнем Востоке военные силы, которые составляли от 15 до 30 % от боевых сил и средств всех Вооруженных Сил СССР. Так, 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны, боевой состав советских войск на Дальнем Востоке составлял 723 119 человек, а к 9 августа 1945 г., к началу Советско-японской войны, – 1 747 465 человек [Боевой, 1994, с. 38]. Главная задача Советского Союза заключалась в том, чтобы не допустить открытой восточной агрессии, учитывая тот факт, что на западе к власти уже пришел Гитлер и его намерения были абсолютно понятными, важно было избежать войны на два фронта.

У японских милитаристов было несколько направлений ведения войны: северное и южное. В продвижении на север Советский Союз рассматривался как потенциальный враг. Целью южного направления было расширение в Юго-Восточной Азии и обеспечение безопасности при добыче нефти. Известный исследователь-востоковед профессор А.А. Кошкин в своей монографии «"Кантокуэн" – "Барбаросса" по-японски. Почему Япония не напала на СССР» на документальной основе утверждает, что для войны на севере были выделены отдельные японские силы, и они не включались в военные планы на юге. Доказывая данный тезис, ученый ссылается на документы, которые были представлены на Токийском судебном процессе, цитата: «К 5 декабря 1941 г. для нападения на СССР было подготовлено около 50 % японских пехотных дивизий, около 80 % кавалерийских частей, около 65 % танковых полков, половина артиллерии и сухопутных сил» [Кошкин, 2011, с. 208]. Чтобы оценить собственные силы в войне против Советского Союза, японцы начали совершать провокации на советской границе. Крупнейшая из них состоялась вблизи озера Хасан летом 1938 г. В одном из томов японской военной истории, изданном в 1969 г. под редакцией Национального агентства обороны Японии «Asakumo Shimbun», данный пограничный конфликт носит название «Первая битва, получившая боевое крещение в современной войне» (初めて近代戦の洗礼を受けた戦い) [関東軍, 1969, 図版. 344]. Это был первый масштабный военный конфликт между Советским Союзом и Японией, в котором советские войска одержали победу, а японская армия смогла понять силу противника. Следующая провокация была уже на советско-монгольской границе. 11 мая 1939 г. японские войска атаковали мон-

гольских пограничников в районе р. Халхин-Гол. Захват территории Монгольской Народной Республики (далее МНР) японские империалисты рассматривали как одно из решающих условий для реализации успешной войны против Советского Союза. В архивных документах, хранящихся в Государственном архиве РФ, зафиксировано, что в 1937 г. Японией было осуществлено 69 нарушений границы, в 1938 г. – 124¹⁴⁴.

События на р. Халхин-Гол стали одной из главных причин, побудивших Японию в апреле 1941 г. заключить с СССР пакт о нейтралитете. Для этого в Москву прибыл Ёсукэ Мацуока, подписавший в Кремле данный договор сроком на 5 лет [Известия, 1941]. Таким образом, японцы считали, что в сложившейся ситуации необходимо обезопасить свои границы в Китае, заключив договор с Советским Союзом. Для СССР данный договор был также необходим; зная об угрозе со стороны Запада, важно было исключить ведение войны на два фронта. Пакт о нейтралитете освободил вооруженные силы от пограничных споров, позволив Советскому Союзу сосредоточиться на борьбе с Германией, а Японии сосредоточиться на экспансии в Юго-Восточную Азию и Тихоокеанский регион.

22 июня 1941 г. нацистская Германия решила напасть на Советский Союз и началась самая масштабная военная операция в истории человечества. К концу лета вермахт захватил большую часть Украины, Белоруссии и Прибалтики и стал продвигаться к Москве. Следует отметить, что Гитлер никогда не упускал возможность склонить Японию к скорейшему нападению на СССР. Для того чтобы убедить союзника в правильности выбора и показать успехи Германии, которые она уже успела достичь в войне против Советского Союза, Гитлер устроил для японского посла Х. Осима в 1942 г. «экскурсию» по захваченным территориям СССР. О предстоящей поездке японского генерала стало известно советской военной разведке, которая добыла отчет Осима, направляемый им в Токио. Из отчета стало известно, что поездка была в период с 1 по 7 августа 1942 г. по маршруту: Берлин, Одесса, Николаев, Симферополь, Ростов, Киев, Краков, Берлин. Осима указывал, что немецкие генералы и офицеры открыто рассказывали о плане действий и расположении своих войск, уверяли японского союзника, что дела на фронте идут лучше, чем они ожидали, так как советское сопротивление сильно понизилось по сравнению с 1941 г. [Мировые войны, 2005, с. 252–253]. В целом в своём отчете Осима выразил уверенность в скорой победе Германии над Советским Союзом. Но после поражения войск вермахта под Курском японский план нападения на Советский Союз был окончательно отменён. Японские правящие круги перешли к составлению нового стратегического плана на 1944 г., в котором предусматривалось ведение оборонительных действий в случае начала войны с Советским Союзом.

Следует отметить, что президент США Франклин Д. Рузвельт сразу же после нападения Японии на Перл-Харбор просил у И.В. Сталина помощи в войне с Японией, но только в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции советский лидер пообещал американскому президенту вступить в войну с Японией. В ответ Рузвельт дал согласие на то, что СССР сможет вернуть в свой состав Южный Сахалин и Курильские острова [Сборник, 1955, с. 81]. Для американцев вступление СССР в войну против Японии было очень важным, так как они вели с ней тяжелую Тихоокеанскую войну. Фактически большая часть американского флота была потоплена. К концу войны на Тихом океане американцы встали перед вопросом штурма упорно обороняемых островов Японии, и было ясно, что борьба за японскую метрополию будет долгой и кровавой, даже если сбросить атомную бомбу. И здесь выступал на сцену очень важный экономический фактор – если Советский Союз нанесет сокрушительный удар Японской империи в Маньчжурии, где сосредоточена промышленная мощь Японии, то из-под контроля Японии будет выбита важная ресурсная база.

К лету 1945 г. Квантунская армия Японии была наибольшим и наилучшим военным формированием в Азии. Под командованием генерала Ямада Отодзо она демонстрировала

¹⁴⁴ ГАРФ, Ф. 7867, Оп. 1, Д. 275, Л. 172–173.

впечатляющую способность бороться и защищать свои позиции. Общая численность Квантунской армии составляла 1 миллион 320 тысяч солдат, в её состав входили 1-й фронт, который состоял из 3-й армии (Цзяньцао) и 5-й армии (Муданьцзян); 3-й фронт, состоящий из 30-й армии (Чанчунь), 44-й армии (Мукден), 4-й армии (Харбин) и 34-й армии (Канко)¹⁴⁵. На вооружении японской армии числилось 1 215 танков, 6 640 орудий и минометов, 1 907 боевых самолетов [История, 1985, с. 458]. При армии также действовала бригада специального назначения смертников камикадзе¹⁴⁶.

В июне 1945 г. войска Квантунской армии вступили в укрепленные районы вдоль советско-монгольской границы с целью замедлить наступление Красной армии. Каждый из опорных пунктов был рассчитан на ведение круговой обороны. Важно отметить, что на советско-монгольской границе насчитывалось приблизительно 17 укрепленных районов. Главные японские силы были сконцентрированы в центральных регионах Маньчжурии и планировали вынудить советские войска перейти на оборону. Позднее предполагалось совместными усилиями японских резервов из Китая и Кореи отбросить советские войска и осуществить контр-наступление. Территория дальневосточного театра военных действий – это в большей степени полупустыня, степь или гористая, холмистая местность, которую советским войскам пришлось преодолеть, чтобы успешно вести наступательные операции. Большие расстояния, как один из важнейших элементов особых условий, в которых действовали советские воины, сказались уже в период сосредоточения войск. Так, ввиду невозможности подвезти всю артиллерию усиления по железной дороге до конечных станций, 70 % ее должно было идти своим ходом на расстояния от 1 300 до 1 500 км. И только 30 % было выгружено в 300 км от района сосредоточения. Всю эту массу (более 200 дивизий) артиллерии нужно было встретить, обеспечить горючим, дать каждой части расчет движения и проследить за своевременным прибытием в назначенные пункты [Людников, 1967, с. 115]. Потребовалось колоссальное напряжение сил всех штабных офицеров и артиллерийских командиров, высокая слаженность и маневренность артиллерийских частей и подразделений. В этих условиях особенно необходима была крепкая воинская дисциплина и ясное понимание каждым военнослужащим – от солдата до генерала – своего воинского долга. А.М. Василевский, который являлся главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, дал характеристику плану перевозок в своих мемуарах, назвав его «поистине грандиозным» [Василевский, 1990, с. 245].

Но не все армии были переброшены на Дальний Восток. Было принято решение сосредоточиться на тех воинских соединениях, которые имели опыт ведения наступательных операций в конкретных географических и климатических условиях данного региона. Поэтому выбор был сделан в пользу 5-й, 39-й и 53-й армий, а также 6-й гвардейской танковой армии. Эти части были наиболее подготовленными и опытными, что позволяло рассчитывать на их успешное выполнение задач в рамках наступательных операций на Дальнем Востоке. Так как 5-я и 39-я армии во время Великой Отечественной войны участвовали в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, то в войне с милитаристской Японией они были направлены на прорыв в главных направлениях 1-го Дальневосточного фронта (5-я армия) и Забайкальского фронта (39-я армия). 53-я общевойсковая армия и 6-я гвардейская танковая армия, прибыв из Чехословакии, имели большой опыт военных действий в горностепной местности, поэтому вошли в состав Забайкальского фронта [История, 1980, с. 186].

Были сформированы три фронта: Забайкальский, 1-й Дальневосточный и 2-й Дальневосточный. Под командованием Александра Михайловича Василевского был составлен план действий против Японии, основанный на опыте Великой Отечественной войны. Стратегический замысел заключался в окружении с обходными маневрами и глубоким вторжением. Была разработана новая трехсторонняя наступательная стратегия. Продвигаясь вглубь Маньчжурии с трех направлений, 1-й Дальневосточный фронт и армии Забайкальского фронта

¹⁴⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 23. Оп. 916345. Д. 54. Л. 31–33.

¹⁴⁶ ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 99–104.

должны соединиться в районе Синьцзина и Цзилиня с обоих концов востока и запада, разделив тем самым Квантунскую армию на север и юг [Василевский, 1990, с. 120].

Было принято решение начать наступление без артиллерийской подготовки, для того чтобы это стало неожиданным для японцев. Из боевых донесений командующих фронтами главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке известно, что советские войска перешли в наступление утром 9 августа по всем фронтам: с севера танковые колонны Красной армии пробивались в Маньчжурию через горы малого Хингана, на востоке войска 1-го Дальневосточного фронта при поддержке Амурской флотилии форсировали реки Амур и Уссури, пройдя через густые приморские леса, советские части начали штурм укрепленного района Хутоу, который японцы строили 5 лет и считали неприступным¹⁴⁷.

Крепость Хутоу имела гарнизон из 1 200 человек, но, когда туда ворвались около 40 000 советских солдат, в живых осталось всего 100 человек. При первом нападении ущерб самой крепости был незначительным, но основные автомобильные и железные дороги, сети связи были быстро перерезаны, а связь со сторожевыми постами вблизи границы была потеряна [藤一利, 2002, с. 42]. После подавления японских огневых точек в бой шли смертники-камикадзе. Они незаметно подкрадывались к советским солдатам и подрывали себя среди них¹⁴⁸.

С территории Монголии, преодолевая пустыню Гоби и горы Большого Хингана, в Центральную Маньчжурию двигались войска Забайкальского фронта. Осложняла продвижение танкам заболоченная территория долин горных рек и крутых склонов сопок, иногда достигавшим угла наклона в 30 градусов. Этот сложнейший участок пути протяженностью в 200 км советские войска преодолели за двое суток, и 11 августа советские танки, выйдя на Маньчжурскую равнину, приблизились к городам Мукден и Чанчунь. Здесь важную роль сыграл фактор внезапности в плане преодоления географических и природных препятствий. В своих воспоминаниях командующий 39-й армией Иван Ильич Людников пишет: «Командующий Забайкальским фронтом Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский поставил нашей армии задачу: нанести главный удар шестью стрелковыми дивизиями, одной танковой дивизией и двумя танковыми бригадами в общем направлении на Солунь и в обход Халун-Аршанского укрепленного района с юга. Ближайшей задачей являлся выход на рубеж реки Урленчуй-Гол (глубиной 80–90 км). В дальнейшем стремительным ударом отрезать пути отхода на юго-восток солуньской группировки противника и на 15-й день операции овладеть районом Солунь, Таяхонера, станция Халахей на восточных склонах хребта Большой Хинган при выходе на Маньчжурскую равнину» [Людников, 1965, с. 68–69]. Итак, 39-я армия должна была выполнять свою задачу на двух самостоятельных расходящихся направлениях, промежуток между которыми достигал около 140 км на исходном рубеже, а к концу первого дня операции он мог увеличиться до 220 км. Главная задача командующего 39-й армией сводилась к тому, чтобы стремительным броском упредить противника в захвате хребта Большой Хинган и тем самым отрезать путь отхода на юг солуньской и хайларской группировок противника. Это повлекло за собой резкий перерасход горючего. И автотранспорт, и боевые машины тратили горючего в полтора раза больше, чем обычно. Доставка его, как, впрочем, и воды, в передовые части представляла крайне сложную проблему для органов тыла» [Людников, 1965, с. 73–74]. Несмотря на все эти трудности, обусловленные неблагоприятными природно-климатическими условиями, соединения армии к исходу первого дня операции достигли запланированных рубежей. В последующие дни весь личный состав проявил исключительную выносливость и упорство в преодолении горного хребта Большой Хинган. Таким образом, войска 39-й армии в период с 9 по 16 августа выполнили стоявшую перед ними задачу. Помог боевой опыт, приобретенный личным составом армии в борьбе против

¹⁴⁷ Правда. № 190. 10 августа 1945 г.; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 3. Л. 57; Д. 8. Л. 231–233; Ф. 234. Оп. 3213. Д. 459. Л. 11–13.

¹⁴⁸ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 459. Л. 70; Ф. 66. Оп. 3191. Д. 23. Л. 66–67.

гитлеровской Германии. Этот опыт был использован на маньчжурском театре военных действий. Высокие темпы продвижения обуславливались, прежде всего, тем, что противник не оказывал серьезного сопротивления советским войскам. Однако нельзя забывать, что советская пехота в трудных горных условиях, практически по бездорожью, на протяжении всей наступательной операции дала средний темп до 40 км в сутки. Подвижные и мощные в огневом отношении передовые отряды дивизий во взаимодействии с танковой дивизией и танковыми бригадами успешно решали задачи и обеспечивали маневр главных сил армии.

Японское командование не ожидало такого быстрого и стремительного наступления советских войск. 15 августа император Японии Хирохито произнес обращение к нации по радио и призвал японские войска капитулировать. Но не все командиры японских соединений безоговорочно исполняли этот приказ, в связи с чем наступление продолжалось, и 19 августа в крупные города центральной Маньчжурии высадился советский десант, перед которым стояла задача занять аэродромы, железнодорожные станции, перерезать связь и не дать японскому командованию покинуть города. Десантные отряды обезвреживали небольшие группы японских солдат и не вступали в бой с крупными группировками до подхода основных сил¹⁴⁹.

Таким образом, характеризуя наступательную операцию советской армии в Северо-Восточном Китае, важно выделить две черты: масштабность и высокие темпы наступления. Основные группировки Забайкальского фронта, среди которых танковые соединения 39-й армии, командующий И.И. Людников, уже в 1-й день операции продвинулись на 75–100 км, а стрелковые корпуса – на глубину 50–55 км. Соединения Забайкальского фронта на правом крыле и в центре продвинулись на отдельных направлениях до 50 км, а подвижными группами – на 120–150. Советские войска наносили удар по важнейшим узловым пунктам противника, благодаря чему Квантунская армия была расчленена в короткий срок на части.

Заключение

Завершилось окружение главных войск Квантунской армии к 20 августа – за 11 дней японцы потеряли 83 737 человек убитыми, в плен сдалось 640 276 человек японско-маньчжурских войск, из которых 609 448 человек японской национальности [Великая, 2010, с. 374–375]. В результате война вместо 5–7 лет без СССР, как считал Д. Макартур, закончилась буквально за три недели. Поэтому вступление Советского Союза в войну с Японией активно приветствовалось союзниками, которая была и в интересах СССР, потому что важно было ликвидировать окончательную угрозу со стороны Японии и показать то, что СССР не только поможет своим союзникам китайцам и в первую очередь монголам, но и вернет некогда освоенные территории. Китай встречал Красную армию как армию освободителей: писали благодарственные письма, жители встречали цветами [Русско-китайские, 2000, с. 199]. И это действительно была армия освободителей, которая в считанные дни разгромила огромную японскую группировку и принесла Победу. С приходом Красной армии закончился 14-летний период японской оккупации Северного Китая. Благодаря успешно реализованной Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск японские империалисты потеряли все свои плацдармы, которые они готовили десятилетиями как исходные для наступления на СССР. Историческое значение этой победы заключается в том, что она обеспечила возвращение нашей Родине территорий, отторгнутых ранее Японией, – Южного Сахалина и Курильских островов. Тем самым была укреплена безопасность дальневосточных границ СССР и Монгольской Народной Республики.

2 сентября 1945 г. Япония признала себя побежденной и подписала Акт о капитуляции, что означало конец Второй мировой войны. В результате милитаризм как самое опасное порождение империализма потерпел поражение на Востоке.

¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 459. Л. 95–96.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский трибунал). Оп. 1. Д. 275.
- Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). 1994. Эксп. группа: А.З. Давиденко, А.И. Круглов и др. М., ИВИ МО РФ, 1994. 334 с.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР. Оп. 11. Д. 54.
- РГВА. Ф. 4. Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР. Оп. 14. Д. 2030.
- РГВА. Ф. 4. Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР. Оп. 18. Д. 46.
- ЦАМО. Ф. 66. Главное Управление тыла Красной Армии. Оп. 178499. Д. 3.
- ЦАМО. Ф. 66. Главное Управление тыла Красной Армии. Оп. 178499. Д. 8.
- ЦАМО. Ф. 66. Главное Управление тыла Красной Армии. Оп. 3191. Д. 23.
- ЦАМО. Ф. 234. Дальневосточный фронт. Оп. 3213. Д. 459.
- ЦАМО. Ф. 238. Дальневосточный фронт. Оп. 1584. Д. 170.
- ЦАМО. Ф. 238. Дальневосточный фронт. Оп. 1584. Д. 159.
- Василевский А.М. 1990. Дело всей жизни. Кн. 2. М., Политиздат, 363 с.
- Документы международных отношений (1917–1945 гг.). 1999. Сост. И.А. Ахтамзян. М., МГИМО, 148 с.
- Известия. 1941. № 88, 15 апреля.
- Людников И.И. 1965. 39-я армия в Хингано-Мукденской операции. Военно-исторический журнал, 10 (октябрь): 68–74 с.
- Людников И.И. 1967. Через большой Хинган. М., Военное издательство, 120 с.
- Мировые войны XX века: Документы и материалы в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война. 2005. Отв. ред. М.Ю. Мягков. М., Наука, 677 с.
- Правда. 1945. № 190. 10 августа.
- Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Кн. 2. 2000. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., Памятники исторической мысли, 869 с.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 11. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года. 1955. СССР. Нар. ком. по иностр. делам. М., Издательство политической литературы, 198 с.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. № 17-37, 39, 41, 42. Отдел второй. 1936. Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров СССР. М., Советское законодательство, 878 с.
- Сборник законов СССР и Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. 1956. Сост.: М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. М., Госюриздат, 500 с.

Список литературы

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. 2013. Гл. ред. кол.: С.К. Шойгу. М., Кучково поле, 862 с.
- Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. 2010. Авт. коллектив: Г.Ф. Кривошеев (рук.) и др. М., Вече, 380 с.
- Джоуэтт Ф. 2003. Японская армия. 1931–1942. М., ООО «Издательство АСТ», 60 с.
- Захарова Г.Ф. 1990. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., Наука, 266 с.
- Зимонин В.П. 2011. Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. Смоленск, Министерство обороны РФ, 160 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. 1956. Редакционная комиссия: П.Н. Поспелов (председатель), А.П. Андреев, А.И. Антонов и др. М., Воениздат, 652 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6 т. Т. 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии

- (1945 г.). 1963. Редакционная комиссия: П.Н. Поспелов (председатель), А.П. Андреев, А.И. Антонов и др. М., Воениздат, 652 с.
- История Второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 т. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. 1980. В.И. Ачкасов (руководитель), Г.К. Плотников, М.А. Алексеев и др. М., Воениздат, 495 с.
- История США. в 4 т. Т. 3. 1918–1945. 1958. Г.Н. Севостьянов и др., сост. И.В. Галкина. М., Наука, 672 с.
- Кошкин А.А. 2011. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., Вече, 400 с.
- Рагинский М.Ю. 1985. Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., Юридическая литература, 360 с.
- Хаттори Такусиро. 2000. Япония в войне. 1941–1945. Спб., ООО «Издательство Полигон», 880 с.
- Bamba N. 1972. Japanese Diplomacy in a Dilemma; New Light on Japan's China Policy, 1924–1929. Kyoto, MINERVA PRESS CO LTD, 440 p.
- Kwantung Army (War Preparations against the Soviet Union / Nomonhan Incident) «War History Series». 1969. Edited by War History Office, Defense Training Institute, Defense Agency, Asagumo Shimbunsha. 751 p.
- Stimson H., Bundy M. 1948. On Active Service in Peace and War. New York, Harper, 698 p.
- Takeshi Oki. 2021. Japan-Germany-Italy Tripartite Alliance: The End of Groundless Confidence and Irresponsibility (Kadokawa Shinsho). Kadokawa Shinsho, 264 p.
- Yuji Ishida. 2015. Hitler and Nazi Germany. Kodansha «Kodansha Gendai Shinsho», 320 p.
- Kazutoshi Hando. 2002. Summer when the Soviet Union invaded Manchuria. BunshunBunko, 384 p.
- Yuzo Yamamoto. 2011. Greater East Asia Co-Prosperity Sphere Economic History Research. Nagoya University Press, 120 p.

Referenses

- Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War 1941–1945]. V 12 t. T. 5. Pobednyy final. Zavershayushchie operatsii Velikoy Otechestvennoy voyny v Evrope. Voyna s Yaponiyey [Victorious Finale. The Final Operations of the Great Patriotic War in Europe. War with Japan]. 2013. Gl. redkol.: S.K. Shojgu. M., Kuchkovo pole, 862 p.
- Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti. Knigapoter'. Noveyshee spravochnoe izdanie [The Great Patriotic War Without the Classification of Secrecy. Book of Losses. Latest Reference Publication]. 2010. Avt. kolektiv: G.F. Krivosheev (ruk.) i dr. M., Veche, 380 p.
- Dzhouett F. 2003. Yaponskaya armiya. 1931–1942 [Japanese Army. 1931–1942]. M., ООО «Izdatel'stvo AST», 60 p.
- Zakharova G.F. 1990. Politika Yaponii v Man'chzhurii. 1932–1945 [Japanese Policy in Manchuria. 1931–1945]. M., Nauka, 266 p.
- Zimonin V.P. 2011. Prinuzhdenie agressora k miru: Sovetskiy Soyuz i pobednaya tochka vo Vtoroy mirovoy voyne [Forcing the Aggressor to Peace: The Soviet Union and the Victory Point in the Second World War]. Smolensk, Ministerstvo oborony RF, 160 p.
- Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. V 6 t. T. 6. Itogi Velikoy Otechestvennoy voyny [Results of the Great Patriotic War]. 1956. Redakcionnaya komissiya: P.N. Pospelov (predsedatel'), A.P. Andreev, A.I. Antonov i dr. M., Voениzdat, 652 p.
- Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. V 6 t. T. 5. Pobedonosnoe okonchanie voyny s fashistskoy Germaniyey. Porazhenie imperialisticheskoy Yaponii (1945 g.) [The Victorious End of the War with Nazi Germany. Defeat of Imperialist Japan (1945)]. 1963. Redakcionnaya komissiya: P.N. Pospelov (predsedatel'), A.P. Andreev, A.I. Antonov i dr. M., Voениzdat, 652 p.
- Istoriya Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg. [History of the Second World War 1939–1945]. V 12 t. T. 11. Porazhenie militaristskoy Yaponii. Okonchanie Vtoroy mirovoy voyny [Defeat of Militaristic Japan. End of World War II]. 1980. V.I. Achkasov (rukovoditel'), G.K. Plotnikov, M.A. Alekseev i dr. M., Voениzdat, 495p.
- Istoriya SShA [US history]. V 4 t. T. 3. 1918–1945. 1958. G.N. Sevost'yanov i dr., sost. I.V. Galkina. M., Nauka, 672 p.

- Koshkin A.A. 2011. «Kantokuen» – «Barbarossa» po-yaponski. Pochemu Yaponiya ne napala na SSSR ["Kantokuen" – "Barbarossa" in Japanese. Why Japan Didn't Attack the USSR]. M., Veche, 400 p.
- Raginsij M.Yu. 1985. Militaristy na skam'e podsudimyh: po materialam Tokijskogo i Habarovskogo processov [Militarists in the Dock: Based on Materials from the Tokyo and Khabarovsk Trials]. M., Yuridicheskaya literatura, 360 p.
- Khattori Takusiro. 2000. Yaponiya v voyne. 1941–1945 [Japan is at War. 1941–1945]. SPb., OOO «Izdatel'stvo Poligon», 880 p.
- Bamba N. 1972. Japanese Diplomacy in a Dilemma; New Light on Japan's China Policy, 1924–1929. Kyoto, MINERVA PRESS CO LTD, 440 p.
- Kwantung Army (War Preparations against the Soviet Union / Nomonhan Incident) «War History Series». 1969. Edited by War History Office, Defense Training Institute, Defense Agency, Asagumo Shimbunsha. 751 p.
- Stimson H., Bundy M. 1948. On Active Service in Peace and War. New York, Harper, 698 p.
- Takeshi Oki. 2021. Japan-Germany-Italy Tripartite Alliance: The End of Groundless Confidence and Irresponsibility (Kadokawa Shinsho). Kadokawa Shinsho, 264 p.
- Yuji Ishida. 2015. Hitler and Nazi Germany. Kodansha «Kodansha Gendai Shinsho», 320 p.
- Kazutoshi Hando. 2002. Summer when the Soviet Union invaded Manchuria. BunshunBunko, 384 p.
- Yuzo Yamamoto. 2011. Greater East Asia Co-Prosperity Sphere Economic History Research. Nagoya University Press, 120 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.02.2024

Received 03.02.2024

Поступила после рецензирования 04.03.2024

Revised 04.03.2024

Принята к публикации 06.03.2024

Accepted 06.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Талтынова Елена Владимировна, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Elena V. Taltynova, Postgraduate Student of the Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0009-0008-6513-5578](https://orcid.org/0009-0008-6513-5578)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 329.05 (430)

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-215-229

Оригинальное исследование

Специальная военная операция РФ на территории Украины в оценках германских политических партий

Спасский Е.Н.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Россия, 680021, г. Хабаровск, улица Серышева, 47

E-mail: srs2@festu.khv.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению установок политических партий ФРГ в отношении проведения специальной военной операции. Цель исследования – изучение содержания оценок германских партий украинского кризиса 2014 г. и специальной военной операции. Актуальность исследования состоит в необходимости изучения идеологических позиций германских партий в отношении СВО, что позволяет эксплицировать логику их развития, вооружая внешнеполитическую российскую стратегию новым экспертным знанием. Научная новизна заключается в выявлении особенностей и механизмов формирования установок германских партий относительно проведения специальной военной операции. В ходе исследования установлено, что оценки СВО стали продолжением германской партийно-политической рефлексии украинских событий 2014 г. Сделан вывод о том, что специальная военная операция привела к формированию антироссийского консенсуса в германской партийной системе. Исключением остаётся точка зрения «Альтернативы для Германии».

Ключевые слова: Специальная военная операция, германские политические партии, бундестаг, правящая коалиция, парламентская оппозиция

Для цитирования: Спасский Е.Н. 2024. Специальная военная операция РФ на территории Украины в оценках германских политических партий. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 215–229. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-215-229

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Special Military Operation of the Russian Federation on the Territory of Ukraine in the Assessments of German Political Parties

Evgeny N. Spassky

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia,
47 Serysheva St., Khabarovsk 680021, Russia

E-mail: srs2@festu.khv.ru

Abstract. The article is aimed to review the attitudes of the German political parties regarding the conduct of a special military operation. The purpose of the study is to examine the content of the German parties assessments concerning the 2014 Ukrainian crisis and the special military operation. The relevance

of the research lies in the need to reveal the ideological positions of the German parties in relation to their own, which makes it possible to explicate the logic of their emergence and contribute new expert knowledge to the Russian foreign policy strategy. The scientific novelty consists in the identification of the features and mechanisms of developing the attitudes of the German parties to a special military operation implementation. In the course of the study, it was found that the assessments of the special military operation became a continuation of the German party-political reflection on the Ukrainian events of 2014. It is concluded that the special military operation led to the formation of anti-Russian consensus in the German party system. The exception remains the point of view of the «Alternative for Germany».

Keywords: Special military operation, German political parties, Bundestag, ruling coalition, parliamentary opposition

For citation: Spassky E.N. 2024. The Special Military Operation of the Russian Federation on the Territory of Ukraine in the Assessments of German Political Parties. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 215–229 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-215-229

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

События, развернувшиеся на Украине на рубеже 2013–2014 гг., и начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция стали эпохальными водоразделами современной международной политики. Геополитической доминантой этих мирополитических процессов стало противостояние России и Запада, ключевым европейским актором которого выступает Германия. Как известно, ФРГ является классическим партийным государством, несущую политическую конструкцию которого составляют парламентские партии. Именно последние, в первую очередь правящие, определяют вектор германского внешнеполитического курса. Немаловажную роль в этом процессе играет и парламентская оппозиция, которая артикулирует собственные партийные позиции и настроения своих избирателей. Учитывая вышесказанное, важным становится изучение установок ведущих политических партий относительно актуальных мировых проблем и процессов. Начало и ход специальной военной операции РФ на территории Украины являются осевым процессом современной геополитической трансформации, поэтому исследование её оценок со стороны германского политикума актуально и значимо как для внешнеполитической стратегии РФ, так и для отечественного научно-экспертного сообщества.

Учитывая временной лаг рассматриваемой проблематики, стоит отметить, что научные работы, посвящённые непосредственному исследованию позиций германских партий по отношению к СВО, в российской политологии отсутствуют, хотя само изучение их установок по отношению к России в отечественной литературе является традиционным [Басов, 2014; Растворцева, 2022]. Несмотря на это, проблематика, связанная с отношением к СВО, косвенно присутствует в многочисленных трудах российских германистов и политологов. Речь идёт, прежде всего, об аналитических работах Центра германских исследований Института Европы РАН и ИМЭМО РАН. Так, в статьях В.Б. Белова уделяется внимание реакции официального Берлина на начало специальной военной операции [Белов, 2022б], анализу антироссийской санкционной политики ФРГ [Белов, Котов 2022], влиянию внешнеполитической повестки, затрагивающей отношение к России в условиях проведения СВО, на партийные стратегии на земельном уровне [Белов, 2022в]. В работах В.И. Васильева анализируются вопросы «новой восточной» политики канцлера О. Шольца и СДПГ в целом, которая в условиях проведения СВО пронизана антироссийскими нарративами и ориентирована на кардинальное свёртывание отношений с Россией [Васильев, 2022; Васильев, 2023]. В контексте специальной военной операции исследователями затрагиваются такие темы, как поставка Германией вооружения на Украину [Синдеев, 2023], смена векторов энергетической политики Германии в свете антироссийских санкций [Хорольская, 2022], проблема «канселинга» (отмены) российской культуры за рубежом, в частности в Германии [Артамонова, Рустамова, 2023].

В целом можно констатировать, что обобщающего исследования, посвящённого рассмотрению вопроса об отношении германских партий к специальной военной операции РФ на территории Украины, в отечественной политологической литературе не представлено. Таким образом, актуальность авторской постановки проблемы состоит в комплексном рассмотрении установок парламентских партий ФРГ к специальной военной операции. Цель исследования – изучение оценок германских политических партий в отношении специальной военной операции. Задачи исследования: анализ политических точек зрения германских партий на события на Украине на рубеже 2013–2014 гг. и их влияния на формирование отношения к СВО; аналитическая дифференциация идеологических позиций парламентских партий по поводу начала и проведения специальной военной операции; изучение влияния партийных оценок в отношении СВО на политическую конкуренцию в партийной системе ФРГ.

Объекты и методы исследования

Исходя из формулировки актуальности и цели исследования его объектом выступают германские политические партии. Предметом исследования являются оценки политических партий Германии в отношении специальной военной операции РФ на территории Украины. Для достижения целей исследования и решения его задач использовались следующие методы: анализ документов (правительственные заявления, протоколы заседаний бундестага, предвыборные партийные программы, резолюции парламентских фракций, решения руководящих партийных органов), ивент-анализ (выстраивание событийного ряда), сравнительный анализ (сопоставление партийных позиций и оценок).

Результаты и их обсуждение

Политическая реакция на проведение СВО со стороны парламентских партий Германии стала отражением их позиций по отношению к России, которые сформировались ещё до её начала. Цензурой, определившей современные политические установки германских партий в отношении РФ, стали события 2014 года на Украине – государственный переворот, крымский референдум, провозглашение независимости республик на Донбассе, их вооруженное противостояние с новой украинской властью. В целом указанные события также стали водоразделом в отношениях России и Запада, ключевым европейским актором которого является ФРГ. Главной внутривнутриполитической площадкой, на которой происходила артикуляция позиций ведущих германских партий в отношении украинских событий и политического курса РФ, стал германский бундестаг. Дебаты, развернувшиеся на его заседаниях в феврале-марте 2014 года, стали отправной точкой в формировании их политических взглядов на указанные события, предопределившие впоследствии отношение к начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операции.

Партии правящей коалиции – ХДС/ХСС и СДПГ – выступили единым фронтом, квалифицировав референдум в Крыму как нарушение международного права, а действия России – как посягательство на целостность и суверенитет Украины. Правительственные позиции нашли своё выражение, прежде всего, в официальных выступлениях главы правительства. По словам А. Меркель, Россия в период ослабления Украины выступила не как её партнёр для поддержания стабильности, а как государство, использующее слабость соседа, поставив «свои односторонние геополитические интересы выше взаимопонимания и кооперации» [1, s. 1519]. В этом контексте канцлер заявила также о введении ступенчатых санкций в отношении РФ со стороны Евросоюза, согласованных с руководителями входящих в него стран [Павлов, 2021]. Позиции социал-демократов не отличались от точки зрения их старших партнёров по коалиции. Представители СДПГ выступали с осуждением действий России, обвиняя её в эскалации ситуации на Украине, отказе от конструктивной позиции в ходе переговоров об украинской ассоциации с ЕС, говоря о разочаровании в рядах тех, кто ранее призывал учитывать интересы РФ [7, s. 1527].

Взгляды парламентской оппозиции образца 2014 г. на события на Украине и действия России – Союза 90 / зеленых и Левой – кардинально отличались. Если первые целиком поддерживали политику действующего правительства, используя антироссийскую риторику, то вторые репрезентировали кардинально иную точку зрения на украинский кризис, нежели остальные парламентские партии.

«Зелёные», квалифицировав референдум в Крыму как «не имеющую силы легитимацию противоречащей международному праву аннексию» [7, s. 1528], первыми среди политических партий сделали акцент на необходимости избавления от российского сырьевого импорта. Впоследствии в специальной резолюции руководства партии по ситуации на Украине, принятой в апреле 2014 г., «зелёные» требовали от РФ «дистанцироваться от применяющих насилие сепаратистов, поддержать их скорейшее разоружение и освобождение занятых ими зданий органов власти, прекратить провокационные военные манёвры и перемещения войск на границе с Украиной» [3]. Впоследствии руководство партии усилило антироссийскую риторику, используя её для извлечения внутривосточных дивидендов и выступая против сотрудничества с Россией [Ровинская, 2019; Хорольская, 2021].

Как отмечалось, «Левая» при обсуждении украинского кризиса в германском бундестаге осталась в одиночестве. Квинтэссенция партийной позиции на события в Украине была представлена одним из давних лидеров «Левого» Грегором Гизи, вступившим в жёсткую полемику с правительством по поводу их понимания и трактовки. В своей речи на заседании бундестага 13 марта 2014 г. Г. Гизи упрекнул Президента РФ в том, что он стремится разрешить украинский кризис военным путём, используя те же средства, что применялись Западом в отношении Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии. Вместе с тем он призвал увидеть его истинные причины [7, s. 1522]. Он указал на три стратегические ошибки со стороны Запада, приведшие впоследствии к эскалации и конфронтации на Украине. Первая – отказ от роспуска НАТО, когда прекратила существование ОВД. Вторая – отказ от обещания не расширять НАТО в период объединения Германии. Третья – размещение системы ПРО в Польше и Чехии. Это затронуло интересы безопасности РФ. Также Г. Гизи отметил, что НАТО неоднократно нарушало международное право в ходе войны в Югославии. Сербия не нападала на другую страну, а решения Совета Безопасности ООН о начале операции в Югославии не было. Ссылаясь на пример Косова, он подчеркнул, что его признание «открыло ящик Пандоры». Что было разрешено в Косово, должно быть также разрешено и во всех других странах. Нарушение международного права посредством обычного права создаёт новое международное право. Поэтому, по мнению Г. Гизи, отделение Крыма в той же степени является его нарушением, как и отделение Косова. Переходя к противоречиям между Россией и Европейским Союзом на Украине, Г. Гизи отметил, что возникновение альтернативы – либо договор с ЕС, либо Таможенный союз с РФ – было ошибочной политикой как со стороны европейского, так и со стороны российского руководства. Вместе с тем ЕС стоило учитывать опасения России в том, что усиление его связей с Украиной приведёт её в НАТО. В своём выступлении Г. Гизи указал на то, что руководство ЕС и НАТО совершенно упускает из виду историю взаимоотношений Украины и России, не понимает значимость Крыма для последней, не видит существующего со времён Второй мировой войны до наших дней исторического раскола между Восточной и Западной Украиной – первая тяготеет к России, вторая к Западной Европе. Важным моментом выступления Г. Гизи была юридическая оценка процедуры отстранения от власти Президента Украины В. Януковича в Верховной Раде. Г. Гизи квалифицировал её как неправомочную, так как за прекращение президентских полномочий проголосовало менее 75 % депутатов. Характеризуя новое, переходное правительство Украины, он отметил, что в его состав вошло много фашистских элементов, которые заняли там важные посты. Говоря о санкциях в отношении России, Г. Гизи, подчеркнул, что санкционная стратегия не является продуктивной. В заключение своего выступления он предложил следующее. Во-первых, Западу необходимо признать

интересы безопасности России в Крыму. Должен быть определён такой его статус, который бы устроил и Россию, и Украину, и Запад. России нужно гарантировать то, что Украина не вступит в НАТО. Во-вторых, перспектива Украины состоит в том, что она должна быть мостом между Евросоюзом и Россией. В-третьих, на Украине должен быть налажен процесс взаимопонимания и примирения между западом и востоком, может быть, через создание федеративного или конфедеративного статуса, возможно, через учреждение двух президентских постов. Безопасность в Европе не может быть без России, а только с ней [7, s. 1523–1525].

Подводя итог парламентской полемике относительно украинских событий периода февраля-марта 2014 г., можно констатировать, что позиция «Левой» была встречена воинствующей критикой и жёстким неприятием со стороны остальных партий, а самому Г. Гизи был адресован упрёк в поддержке своих бывших союзников из России, намекавший на его «гэдээровское» прошлое.

Свободные демократы, не попавшие в 18-й бундестаг, сформулировали свою позицию по «украинскому вопросу» в отдельной резолюции на очередном партийном съезде, состоявшемся в мае 2014 г. [4]. Несмотря на внешне миролюбивый тон документа, подчёркивание в нём особой роли России для европейской безопасности, в целом он был солидарен с оценками правящих партий и «зелёных» в отношении как крымского референдума, так и действий РФ. В резолюции отмечалось, что «аннексией Крыма Россия разрушила императивную норму международного права, так как, в отличие от Косово, русскоязычное большинство не подвергалось там насильственным репрессиям, последним средством против которых стало бы отделение. Либералы не допускают право сильного. Украина имеет право самостоятельно определять своё будущее и своё конституционное устройство. Это не дело Запада или России – определять путь Украины. Её суверенные решения не должны дестабилизироваться влиянием извне. Мы напоминаем России о её обязательстве, содержащемся в Будапештском меморандуме 1994 г., гарантировать территориальную целостность Украины» [4].

Политическая партия «Альтернатива для Германии» была организована за год до начала политического кризиса на Украине, в феврале 2013 г. В период развёртывания украинских событий она только набирала своё политическое влияние, попав в парламент осенью 2017 г. и став в 19-м германском бундестаге третьей по величине фракцией. Хотя АдГ представляла правый фланг германского политического спектра, она, подобно «Левой», выступала с принципиально иных позиций по отношению к крымскому референдуму, политике РФ, санкциям Запада в отношении России, нежели остальные политические партии. В разгар событий на Украине, спустя неделю после референдума в Крыму, в Эрфурте состоялся съезд АдГ. В принятой на съезде резолюции отмечалось, что партия с большой обеспокоенностью относится к событиям в Украине. В интересах международного мира АдГ настоятельно рекомендует вести дипломатические переговоры со всеми сторонами. В них должны быть представлены все стороны – ЕС, США, Россия, украинское правительство, легитимное с 25 мая 2014 года, а также украинские оппозиционные группы и представители правительства Крыма – без оговорок и предварительных условий. В этой нестабильной ситуации крайне важно не вводить санкции и не предпринимать никаких дальнейших действий по интеграции Украины или ее частей в ЕС или Российскую Федерацию. Цель должна состоять в том, чтобы найти решение, которое обеспечило бы мир в Европе, уважало бы права народов и, в частности, населения Крыма и украинского народа на самоопределение и было бы приемлемым и безупречным с точки зрения международного права. АдГ выступает против любого расширения НАТО на восток» [2]. Стоит подчеркнуть, что выступивший на съезде с докладом о положении на Украине В. Геден призвал федеральное правительство воздержаться от каких-либо санкций в отношении России, а также дистанцироваться от США, которые хотят ввергнуть Россию и Германию в войну [2]. В дальнейшем в партийной программе к выборам в бундестаг 2017 г. отмечалось, что «ослабление напряжённости в

отношении России АдГ считает предпосылкой для установления долгосрочного мира в Европе. В интересах Германии привлечь Россию в общую структуру политической безопасности, не оставляя без внимания собственные интересы и интересы наших союзников. АдГ выступает за прекращение санкционной политики. Экономическое сотрудничество с Россией нужно всемерно углублять» [18].

Таким образом, подводя итог анализа взглядов основных германских партий на украинский кризис, референдум в Крыму, официальную политику РФ, антироссийские санкции, можно констатировать, что накануне начала специальной военной операции на партийной сцене Германии сложились чёткие идеологические диспозиции, которые представляли, с одной стороны, христианские партии, социал-демократы, «зелёные» и либералы, с другой – «Левая» и АдГ. Если первые выступали с жёстких антироссийских позиций, то вторые представляли альтернативную точку зрения на украинские события. Политические установки последних квалифицировались их оппонентами как пророссийские, а политики, их представлявшие, в современном германском политическом лексиконе получили наименование «Putin-Verstehers» (ставшие на точку зрения Президента РФ, «понимающие, оправдывающие его действия»).

Также следует отметить, что, несмотря на антироссийские позиции официального Берлина, а также сворачивание двухсторонних связей в условиях введения пакетных санкций против РФ, в 2017 г. объём российско-германской торговли вновь стал расти, а в 2018 г. возобновились контакты на высшем уровне [Павлов, 2019].

Специальная военная операция застала у власти в ФРГ уникальное по партийно-политическому сочетанию правительство. Его формирование стало следствием трансформации германской партийной системы и результатом выборов в 20-й бундестаг [Басов, 2021; Белов, 2021; Хорольская, 2021; Спасский, 2023]. Впервые в него вошли СДПГ, Союз 90 / Зелёные и СвДП. Альянс ХДС/ХСС по итогам выборов перешёл в оппозицию, в составе которой находились также «Левая» и АдГ. Официальная правительственная позиция на российско-германские отношения и события на Украине была сформулирована в коалиционном договоре, согласованном правящими партиями в ноябре 2021 г. В нём подчёркивалось, что «германско-российские отношения глубоки и многообразны. Кроме того, Россия является важным международным актором. Мы понимаем значение субстанциональных и стабильных связей между нашими странами и стремимся к их развитию. Мы готовы к конструктивному диалогу». Отдельный абзац документа был посвящён положению на Украине. В документе, в частности, выдвигалось требование о «немедленном отказе от попыток по дестабилизации Украины, прекращении насилия на востоке страны и противоречащей международному праву аннексии Крыма». При этом указывалось, что «путь к мирному разрешению конфликта в Восточной Украине и отмена введённых из-за этого санкций зависит от полного выполнения Минских соглашений» [16]. Что касается главной оппозиционной силы – блока ХДС/ХСС, то накануне начала СВО в его руководстве произошли кардинальные изменения. После ухода из большой политики А. Меркель и поражения на парламентских выборах 2021 г. ХДС возглавил Фридрих Мерц. Хотя новый лидер демохристиан придерживался жёсткой позиции в отношении России, в то же время призывал к сдержанности в применении экономических санкций [Белов, 2022а]. На низкую эффективность антироссийских санкций ссылался и глава ХСС Маркус Зёдер, подчёркивая, что они вредят и самой Европе [15].

Специальная военная операция была воспринята всеми без исключения парламентскими политическими партиями негативно. Первая межпартийная дискуссия по поводу начала СВО была проведена на заседании бундестага 27 февраля 2022 г. С правительственным заявлением о текущем положении выступил канцлер О. Шольц, квалифицировав СВО как «нападение на Украину, ничем не спровоцированную агрессивную войну, которую хладнокровно начал президент Путин с целью лишить украинцев свободы с помощью собственного режима, который основан на подавлении» [8, s. 1350]. Квалифицируя намерения

и действия Президента РФ, канцлер утверждал, что он хочет «создать русскую империю», «кардинально перестроить отношения в Европе согласно своим представлениям, не опасаясь использовать военную силу» [8, s. 1352]. По словам Шольца, отныне наступила новая эпоха, которая ставит вопрос о том, «должна ли сила разрушить право, если мы позволим Путину перевести часы назад во времена великих держав XIX столетия, или мы найдём силы остановить поджигателей войны, таких как Путин» [8, s. 1352]. Он сформулировал пять ключевых задач, которые нужно решить правительству. Во-первых, необходимо поддержать Украину поставкой вооружений. Во-вторых, совместно с руководством других стран Евросоюза ввести новые экономические и технологические санкции против России. В-третьих, противодействовать распространению военных действий в Европе, усилив сплочённость стран-членов НАТО. В-четвёртых, укрепить обороноспособность самой Германии, модернизирував бундесвер. В-пятых, гарантировать энергообеспеченность Германии, преодолев её импортозависимость от единственного поставщика, для чего необходим немедленный переход к новым видам энергии [8, s. 1351–1353]. Вместе с тем было подчёркнуто, что не нужно отказываться от диалога с Россией, держа открытыми его каналы [8, s. 1354]. В заключение канцлер отметил, что «все фракции бундестага едины в решительном осуждении российского нападения на Украину, определяя его как ничем не оправданное посягательство на независимую страну, мирный порядок в Европе и мире» [8, s. 1354].

Партнёры по правительственной коалиции выступили единым фронтом с канцлером. Министр иностранных дел и одна из лидеров «зелёных» А. Бербок заявила, что «война заставляет нас изменить основы наших внешнеполитических действий» [8, s. 1359]. В прошлом «мы сдержанно относились к вопросам экспорта оружия и военного участия, исходя из наших глубоких убеждений. В этот исторический час перед лицом жестокой агрессии против Украины мы решительно выступаем в её поддержку, которая наряду с экономическими и гуманитарными мерами должна включать отправку военного снаряжения и оружия» [8, s. 1359]. В русле заявления канцлера она сформулировала три элемента дальнейшей германской внешней политики. Во-первых, введение таких антироссийских санкций, которые бы поразили бы сами основы «системы Путина», которые бы показали ему, что «эта война разрушит страну» [8, s. 1360]. Санкции должны затронуть «банки, олигархов, членов их семей», а также платёжную систему SWIFT. Во-вторых, поддержка союзников по НАТО, которая является гарантом безопасности и свободы. В-третьих, проявление твёрдости в отстаивании международного права и международных правил. Поэтому необходимо вести диалог с международным сообществом. «Ни одна страна мира не должна соглашаться с тем, что её суверенитет будет поставлен под сомнение, если этого хочет её сильный сосед. В противном случае Путин был бы в выигрыше» [8, s. 1360]. Лидер свободных демократов К. Линднер, занимающий пост министра финансов в действующем правительстве, также выступил в унисон с официальной позицией. Представляя свою, либеральную версию начала СВО, он заявил, что «Путин напал на Украину, потому что суверенное государство в свободном самоопределении высказалась за то, чтобы идти своей собственной дорогой на Запад». Нападение на Украину – это «нападение на ценностный порядок, нападение на всех нас» [8, s. 1362]. В русле своей компетенции в правительстве он сосредоточился на финансовой составляющей антироссийских санкций, заявляя о том, что их негативное влияние на Германию есть «цена свободы». Особое внимание К. Линднер уделил вопросам финансирования бундесвера, для чего, помимо расходов текущего бюджета, учреждается особый фонд в размере 100 млрд евро, статус которого должен был закреплён конституционно [8, s. 1363].

Несмотря на то, что общим знаменателем для всех парламентских фракций стало неприятие и осуждение СВО, в оценках оппозиционных партий, как и в период начала украинского кризиса, не было единого мнения.

Позиция ХДС была представлена его главой Ф. Мерцем. Как было отмечено, его риторика и прежде отличалась жёсткой антироссийской направленностью, что наглядно показало выступление в бундестаге. Не связанный рамками правительственной этики, оппозиционный политик позволил в своей речи оскорбительный тон по отношению к Президенту РФ и руководству страны. Особенностью выступления председателя ХДС стало то, что наряду с российским руководством он призвал к ответу тех, кого в Германии называют «Путин-ферштеерс», или друзьями России, которые не «оставляют попыток вести бизнес с этой системой, пытаясь всё это преподнести общественности в качестве благих начинаний» [8, s. 1356]. «Их можно охарактеризовать как «полезных идиотов», в ленинском смысле слова, и это ещё вполне безобидная характеристика таких действий здесь, в Германии» [8, s. 1356]. Говоря о положении России после начала СВО, Ф. Мерц заявил, что она всё больше оказывается в международной изоляции, всё больше подвергаясь санкциям, оговариваясь, впрочем, что они «оказывают влияние не только на Россию, но и на нас» [8, s. 1356]. Внутриполитический смысл позиции ХДС, которую представил Ф. Мерц, состоял в том, что ведущая оппозиционная сила полностью поддержала заявление канцлера и правящую коалицию относительно действий Германии после начала СВО, предложив правительству свою всемерную поддержку.

Сходных взглядов со своей сестринской партией придерживался ХСС. Заместитель объединённой парламентской фракции ХДС/ХСС А. Добриндт, представляющий социальных христиан, также всецело поддержал политику правительства, призвав, равно как и Ф. Мерц, к поставкам вооружений для Украины, а также к переоснащению бундесвера. Именно всесторонняя военная помощь Украине является, по его мнению, залогом будущих мирных переговоров. Предприняв патетическую попытку представить ценностный смысл украинского конфликта, он утверждал, что «Европейский Союз и НАТО обеспечивают своим членам свободу и благосостояние, поэтому страны бывшего восточного блока стремятся присоединиться к нам. Они делают это потому, что понимают разницу между партнёрством с ЕС и НАТО и партнёрством с Путиным: мы хотим, чтобы наши друзья и партнёры могли крепко стоять на своих ногах, осознавая свою свободу, Путин же хочет стереть их в порошок» [8, s. 1368].

Отношение «Левой» к проведению СВО представила руководитель её парламентской фракции Амира Мохамед Али. В целом спикер левых поддержала позиции остальных политических партий, квалифицировав действия России как «противоречащую международному праву агрессивную войну» [8, s. 1363]. Характеризуя реакцию «Левой» на начало СВО, А. Мохамед Али отметила, что она застала партию врасплох, которая ошиблась в своих оценках «замыслов русского правительства» [8, s. 1364]. Подобно представителям правительственных партий и блока ХДС/ХСС, она выступила с жёсткой характеристикой в отношении Президента РФ, высказав решительную поддержку населению Украины. Солидаризируясь с мнением других фракций в отношении СВО, представитель «Левой» вместе с тем отметила, что «при всех переосмыслениях и новых оценках сложившегося положения мы по-прежнему глубоко убеждены в том, что путь к миру заключается в разоружении и дипломатии» [8, s. 1364]. Ввиду этого фракция «Левой» не поддержала инициативу правительства о создании особого фонда в размере 100 млрд евро для перевооружения бундесвера и его конституционного закрепления. Особое мнение было также высказано по поводу антироссийских санкций. А. Мохамед Али отметила, что санкции коснутся не только российского руководства, но и населения страны, поэтому к ним нужно подходить дифференцированно. Кроме того, спикер «Левой» усомнилась в эффективности санкций в отношении российской бизнес-элиты [8, s. 1365]. Оценивая официальную реакцию «Левой» на проведение СВО, можно заключить, что партия была фрустрирована её началом, фактически поддержав правительственное заявление. От полного одобрения позиции правительства и присоединения к совместной резолюции в его поддержку фракций СДПГ, ХДС/ХСС, Союза 90 / Зелёных и СвДП партийную фракцию «Левой» удержало наличие требований о конституционном закреплении положений об установлении особого фонда

для финансирования бундесвера и повышении расходов на оборону до 2 % ВВП. Также левые выступили против поставок германского оружия в зону конфликта. В специальном заявлении группы левых депутатов бундестага относительно голосования по указанной резолюции отмечалось, что этот процесс «дался левой фракции нелегко» [12, s. 1388].

Единственной парламентской партией, выступившей с особой позицией в условиях начавшейся СВО, стала «Альтернатива для Германии». Квалифицируя специальную военную операцию в качестве агрессивной войны против соседней страны, разрушающей международное право, представители АдГ вместе с тем призвали увидеть причины, обусловившие её начало. Так, по мнению А. Вайдель, сейчас «украинский народ расплачивается за разрушение Россией международного права, за иллюзии собственного руководства, за фальшивые обещания Запада» [8, s. 1360]. «В течение почти двух десятилетий было очевидным, что членство Украины в НАТО было красной линией, пересечение которой Россия не могла бы предотвратить, как это было в случае с произошедшими раундами восточного расширения НАТО» [8, s. 1360]. По словам А. Вайдель, жёсткая позиция по перспективам вступления Украины в НАТО и высокомерный отказ считаться с Россией в качестве великой державы нанесли ей оскорбление, что стало исторической ошибкой Запада [8, s. 1361]. Также она отметила, что антироссийские санкции нанесут больше вреда собственным гражданам, чем тем, против кого они задумывались, и не положат войне конец. В целом негативно воспринимая СВО, А. Вайдель заключила, что понимание всех её причин станет предпосылкой для поиска будущих решений. Лидер АдГ Т. Хрупалла, присоединяясь к высказанным в бундестаге оценкам СВО, также охарактеризовал её как нападение на Украину. Тем не менее он напомнил о вкладе России в процесс объединения Германии, призвав сохранить уважительное отношение к ней, и высказался в пользу поиска компромиссов при разрешении данного конфликта. Необходимо отойти от мышления в стиле противостояния между Востоком и Западом и сесть за стол переговоров. Он выступил против санкций, разрушающих мосты на восток, что не в интересах Германии, а также против отправки вооружений в зону конфликта [8, s. 1367]. Также руководитель АдГ предостерег от следования идеологизированной политике «отмены культуры» и диффамации по отношению к российским гражданам в Германии [Артамонова, Рустомова, 2023]. По мнению П. Быстроны, свою долю ответственности за начало военного конфликта несёт и Германия, которая, восемь лет финансируя Украину, не увязала свою экономическую помощь с тем, чтобы заставить выполнять её Минские соглашения. По его словам, «тогда речь шла только лишь об автономии¹⁵⁰. Сейчас вопрос об автономии уже не стоит, теперь мы имеем войну, и за это мы несём свою часть ответственности» [8, s. 1375]. Также он напомнил, что Президент России, выступая и в бундестаге, и на Мюнхенской конференции в 2007 г., неоднократно предлагал строить общую архитектуру безопасности. Всё это было отвергнуто. Результатом стала война в Европе, которая толкает Россию, которая всегда была европейской державой, в объятия Китая [8, s. 1376].

Консолидированная официальная позиция большинства парламентских партий в отношении СВО была сформулирована в проекте резолюции бундестага относительно заявления правительства, касающегося текущего положения, которое огласил канцлер на его заседании 27.02.2022 [11]. Данный документ, подписанный руководителями всех парламентских фракций бундестага, исключая «Левую» и АдГ, синтезировал антироссийские оценки и обвинения, которые уже долгие годы звучали в политической риторике германских партий. В нём, в частности, утверждалось, что и «прежде Россия существенно вредила европейскому мирному порядку, признав вопреки международному праву Абхазию и Южную Осетию, а также осуществив противоречащую ему аннексию Крыма» [11, s. 1]. При этом украинский майдан 2013–2014 гг. интерпретировался авторами резолюции как борьба за «наши общие европейские ценности и принципы», а Президенту РФ вменялось в вину, что он стремится силой одолеть «дух евромайдана и свободное украинское общество» [11,

¹⁵⁰ Речь идёт об автономии Донбасса.

s. 1]. Также составители резолюции возлагают на российского Президента всю вину за то, что кризис на Украине не нашёл мирного, дипломатического разрешения. «Федеральное правительство в тесной координации со своими партнёрами и союзниками по Евросоюзу, НАТО и G7 в прошедшие месяцы использовали все средства, чтобы дипломатическими средствами найти мирное решение созданного Президентом Путиным кризиса. В свете сказанного вновь стало ясным, что трансатлантическое партнёрство и дружба с США являются центральной опорой нашей международной политики и нашей безопасности в Европе. Российское руководство безответственным образом отвергло предложения о переговорах и встало на путь военной агрессии» [11, s. 2]. В резолютивной части документа речь шла о введении широкомасштабных антироссийских санкций в экономической и финансовой сферах, всесторонней помощи и поддержке Украины, помощи беженцам, модернизации бундесвера, организации международного давления на Россию, приостановлении членства РФ в Европейском Совете [11, s. 3–4]. Отдельную резолюцию по заявлению правительства представила парламентская фракция «Левой». Фактически она стала кратким вариантом решения, представленного партийным пулом парламентского большинства. Как отмечалось выше, от полного одобрения этой резолюции и присоединения к ней левых удержали требования о создании особого фонда для финансирования германской армии и увеличении расходов на оборону, которые содержались в заявлении О. Шольца. В документе, представленном фракцией «Левой», это несогласие нашло выражение буквально в двух строках, где отмечалось, что следует «воздержаться от поставок вооружений и отправки дополнительных частей бундесвера, так как это стало бы дальнейшим шагом гонки вооружений в Европе» [10].

Последующий ход событий не внёс коррективов в позиции германских партий по отношению к проведению СВО и внешнеполитическому курсу РФ. Правящая коалиция и христианские партии продолжали сохранять единство в решимости поддерживать Украину усилением антироссийских санкций и наращиванием военной помощи. В официальных партийных документах СДПГ, Союза 90 / зелёных, СвДП, ХДС/ХСС, касающихся международных отношений и событий на Украине, неизменно присутствовали тезисы о «захватнической войне» России и «нарушении международного права» [5, 6, 13, 17]. Одним из немногих разногласий в этом ряду между правительством и оппозицией в лице ХДС/ХСС были колебания и медлительность канцлера при отправке на Украину наступательных видов оружия и размещении в Германии военных заказов [9, s. 9953].

Внутри «Левой» существуют различные точки зрения по отношению к СВО [Белов, 2023б], однако её официальный тон в оценках специальной военной операции не отличался от риторики правительственных партий и ХДС/ХСС [13, s. 49]. В то же время партия выступала против поставок оружия в зону конфликта и за его дипломатическое урегулирование. Как отмечалось руководством «Левой», «милитаристскому туннельному видению нужно противопоставить гражданские альтернативы» [19; 20, s. 7].

АдГ продолжала последовательно выступать против любого вмешательства своей страны в противостояние на Украине, полагая, что поставки ей тяжелого вооружения фактически делают Германию «стороной военного конфликта» [9, s. 9958]. В программных тезисах к грядущим выборам в Европарламент, принятых на партийной конференции в Магдебурге (август 2023 г.), АдГ призывала к дипломатическому разрешению конфликта, настаивая на прекращении антироссийских санкций и восстановлении «Северного потока» [14, s. 49].

Заключение

Подводя итог рассмотрению позиций германских политических партий в отношении специальной военной операции, можно констатировать, что они в своей основе сложились на начальном этапе украинского кризиса на рубеже 2013–2014 гг. В то время как христианские партии, социал-демократы, «зелёные» и либералы трактовали свержение официаль-

ного киевского режима как народную революцию, референдум в Крыму называли российской аннексией, разрушившей принципы международного права, а донбасское сопротивление как сепаратистское движение, поддерживаемое Россией, то «Левая» и «Альтернатива для Германии» представляли иной взгляд на украинские события. Левые в русле своих антимилитаристских принципов видели причины украинского кризиса в сохранении НАТО, её расширении на восток, что создавало угрозу для России, которая, поддержав крымский референдум, нарушила международное право в той же мере, в которой его не соблюдали до этого США и их союзники. АдГ изначально, ещё в марте 2014 г., выступала за взвешенный подход в отношении событий на Украине, учёт интересов всех участников внутривосточного процесса – украинского правительства, украинских оппозиционных групп и представителей правительства Крыма – без оговорок и предварительных условий. Впоследствии АдГ неизменно выступала против антироссийских санкций, за расширение всестороннего сотрудничества с Россией, при этом её представители не раз посещали Крым.

Специальная военная операция привела к формированию антироссийского консенсуса в германской партийной системе. Единственным исключением остаётся позиция «Альтернативы для Германии», которая, квалифицируя СВО как вторжение РФ на Украину, возлагает ответственность за её начало не только на Россию, но и на Запад. При этом партия по-прежнему выступает против антироссийских санкций, полагая, что они вредят интересам Германии, а их выгодоприобретателем являются США. «Левая», в отличие от 2014 г., фактически присоединилась к антироссийскому консенсусу большинства германских партий в оценке СВО. При этом партия призывает к дипломатическому разрешению конфликта, выступая против поставок оружия Украине.

Таким образом, проведённое комплексное исследование оценок германских партий позволяет структурировать их идеологические позиции в отношении проведения специальной военной операции. Выводы исследования послужат экспертно-аналитическим вкладом при практической реализации российской внешнеполитической стратегии.

Sources

- Abgabe einer Regierungserklärung durch die Bundeskanzlerin: zum Treffen der Staats- und Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. Plenarprotokoll 18/20. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btp/18/18020.pdf> (accessed: 29.08.2023) (in Germ).
- AfD komplettiert Bundesvorstan. Junge Freiheit 23.03.2014. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://jungefreiheit.de/politik/deutschland/2014/liveticker.-afd-parteitag-erfurt> (accessed: 27.09.2023) (in Germ).
- Beschluss des Parteirats zur Situation in der Ukraine. 28.04.2014. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.gruene.de/beschluesse-und-programme> (accessed: 30.08.2023) (in Germ).
- Beschluss des 65. Ord. Bundesparteitages der FDP, Dresden, 11. Mai 2014. Frieden in Europa, Freiheit für die Ukraine, Dialog mit Russland. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: https://www.fdp.de/uebersicht/beschluesse?search_terms=&sort=created_desc&language=de&type=resolution&field_themen=all&field_gremium=all&page=31 (accessed: 20.09.2023) (in Germ).
- Beschluss der 48. Ordentliche Bundesdelegiertenkonferenz Bonn, 14–16. Oktober 2022. Dringlichkeitsantrag: In Zeiten fossiler Inflation: sozialen Zusammenhalt sichern, Wirtschaft stärken. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.gruene.de/artikel/parteitag-die-grundlage-gruener-politik-ist-gerechtigkeit> (accessed: 30.08.2023) (in Germ).
- Beschluss des Bundesvorstands der FDP, Berlin, 16. Januar 2023. Auch Russland steht nicht über dem Völkerrecht – Eine liberale Antwort auf den russischen Angriffskrieg. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.fdp.de/beschluss/beschluss-des-bundesvorstandes-auch-russland-steht-nicht-ueber-dem-voelkerrecht-eine> (accessed: 30.08.2023) (in Germ).

- Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. Plenarprotokoll 18/20. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btp/18/18020.pdf> (accessed: 29.08.2023) (in Germ).
- Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 19. Sitzung Berlin, Sonntag, den 27. Februar 2022. Plenarprotokoll 20/19. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20019.pdf> (accessed: 27.08.2023) (in Germ).
- Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 84. Sitzung Berlin, Mittwoch, den 8. Februar 2023. Plenarprotokoll 20/84. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20084.pdf> (accessed: 02.02.2024) (in Germ).
- Entschließungsantrag der Fraktion DIE LINKE zur Abgabe einer Regierungserklärung durch den Bundeskanzler zur aktuellen Lage. 27. Februar 2022. Drucksache 20/845. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/008/2000845.pdf> (accessed: 08.10.2023) (in Germ).
- Entschließungsantrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP zur Abgabe einer Regierungserklärung durch den Bundeskanzler zur aktuellen Lage. 27. Februar 2022. Drucksache 20/846. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/008/2000846.pdf> (accessed: 08.10.2023) (in Germ).
- Erklärung nach § 31 GO der Abgeordneten Amira Mohamed Ali, Jan Korte, Susanne Hennig-Wellsow und Janine Wissler (alle DIE LINKE) zu der Abstimmung über den Entschließungsantrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP zur Abgabe einer Regierungserklärung durch den Bundeskanzler zur aktuellen Lage (Drucksache 20/846) // Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 19. Sitzung Berlin, Sonntag, den 27. Februar 2022. Plenarprotokoll 20/19. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20019.pdf> (accessed: 08.10.2023) (in Germ).
- GEMAINSAM geht es besser – Solidarisch in die Zukunft. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/1Mai2023AurufSPDBeschluss240423.pdf> (accessed: 27.09.2023) (in Germ).
- Leitantrag der Bundesprogrammkommission. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 10. Europäischen Parlament zur Europawahlversammlung der AfD in Magdeburg 29. bis 30. Juli 4. bis 6. August 2023. MESSE Magdeburg. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.afd.de/programm-für-die-wahl-zum-10-europäischen-parlament> (accessed: 27.09.2023) (in Germ).
- Markus Söder im Interview: „Russland ist kein Feind Europas“. 22.01.2022. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/markus-soeder-russland-ist-kein-feind-europas-17744426-p3.html> (accessed: 25.09.2023) (in Germ).
- Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/die Grünen und FDP (2021). Elektronische Ressource. Erhältlich bei: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-025.pdf (accessed: 25.03.2023) (in Germ).
- Mit klarem Kurs durch die Krise. Wir schützen Bayern. Für eine starke Zukunft. Leitantrag. 88 Parteitag der Christlich-Sozialen Union 28/29. Oktober 2022 Augsburg. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.csu.de/common/politik/download/Leitantrag-CSU-Parteitag22-Beschluss.pdf> (accessed: 27.09.2023) (in Germ).
- Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.afd.de/programmparteitag> (accessed: 27.09.2023).
- Wir brauchen zivile Alternativen zum militärischen Tunnelblick. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.links-bewegt.de/de/topic/3.debatte.html> (accessed: 02.02.2024) (in Germ).
- Zeit für Gerechtigkeit. Zeit für Haltung. Zeit für Frieden. Programm zur Europawahl 2024. Elektronische Ressource. Erhältlich bei: <https://www.die-linke.de/europawahl2024/wahlprogramm-zur-europawahl> (accessed: 03.02.2024) (in Germ).

Список литературы

- Артамонова У.З., Рустамова Л.Р. 2023. «Отмена» России: последствия для культурной дипломатии. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(4): 123–131. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131> (дата обращения: 31.01.2024).

- Басов Ф.А. 2014. Россия в установках политических партий ФРГ. *Мировая экономика и международные отношения*, 4: 56–61. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-4-56-61> (дата обращения: 30.01.2024).
- Басов Ф.А. 2021. Трансформация партийной системы Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(2): 29–36. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36> (дата обращения: 01.02.2024).
- Белов В.Б. 2021. Десять дней нового коалиционного правительства Германии. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 4: 37(267): 63–71. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics43720216371> (дата обращения: 27.03.2023).
- Белов В.Б. 2022а. Новый председатель ХДС Ф. Мерц – новые перспективы для партии? *Аналитические записки Института Европы РАН*, 1:16 (268): 5–13. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics1120220513> (дата обращения: 01.02.2024).
- Белов В.Б. 2022б. Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 1:8 (275): 56–62. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics1820225662> (дата обращения: 31.01.2024).
- Белов В.Б. 2022в. Земельные выборы в Германии как индикатор партийно-политических тенденций на федеральном уровне. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 2: 17(284): 43–51. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics21720224351> (дата обращения: 01.02.2024).
- Белов В.Б. 2023а. Актуальные взлёты и падения популярности эстаблированных партий ФРГ. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 3: 18(315): 33–40. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics31820233340> (дата обращения: 01.02.2024).
- Белов В.Б. 2023б. Партийный проект Сары Вагенкнехт – новая протестная альтернатива? *Аналитические записки Института Европы РАН*, 4: 28(325): 43–48. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics42820234348> (дата обращения: 15.01.2024).
- Белов В.Б., Котов А.В. 2022. Антироссийская санкционная политика ФРГ: промежуточные итоги и ответные меры. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 4: 27(294): 37–42. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics42720223742> (дата обращения: 01.02.2024).
- Васильев В.И. 2022. Политика канцлера О. Шольца в условиях глобальной трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(6): 62–78. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-62-78> (дата обращения: 30.01.2024).
- Васильев В.И. 2023. Германская социал-демократия в неопределённой реальности. *Мировая экономика и международные отношения*, 67(9): 31–47. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-31-47> (дата обращения: 02.02.2024).
- Павлов Н.В. 2019. Германия – Россия – ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? *Мировая экономика и международные отношения*, 65(9): 69–78. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-67-75> (дата обращения: 31.01.2024).
- Павлов Н.В. 2021. Россия и Германия: назад в будущее? *Мировая экономика и международные отношения*, 63(5): 67–75. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-63-5-67-75> (дата обращения: 31.01.2024).
- Растворцева А.Н. 2022. Позиции партий бундестага в дебатах о присоединении Крыма и введении санкций против Российской Федерации в 2014 г. *Россия и современный мир*, 1(114): 135–156. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.01.08> (дата обращения: 31.01.2024).
- Ровинская Т.Л. 2019. «Зеленые» в политическом поле Западной Европы (последние тенденции). *Мировая экономика и международные отношения*, 63(3): 40–48. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48> (дата обращения: 02.02.2024).
- Синдеев А.А. 2023. Германия и будущее поставок немецких тяжёлых вооружений Украине. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 1: 2(299): 11–16. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.15211/analytics1220231116> (дата обращения: 31.01.2024).
- Спасский Е.Н. 2023. Политические партии ФРГ на современном этапе. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 29(2): 196–204. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-2-196-204> (дата обращения: 02.02.2024).

- Хорольская М.В. 2021. Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в бундестаг. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(9): 25–33. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33> (дата обращения: 30.01.2024).
- Хорольская М.В. 2022. Новые векторы энергетической политики Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(10): 56–64. [Электронный ресурс]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-56-64> (дата обращения: 30.01.2024).

References

- Artamonova U.Z., Rustamova L.R. 2023. «Отмена» России: posledstviya dlja kul'turnoj diplomatii. [Russia's "Cancellation": Implications for Cultural Diplomacy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 67(4): 123–131. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131> (accessed: 31.01.2024).
- Basov F.A. 2014. Rossija v ustanovkah politicheskij partij FRG [Russia in the Attitudes of Political Parties in Germany]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 4: 56–61. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-4-56-61> (accessed: 30.01.2024).
- Basov F.A. 2021. Transformacija partijnoj sistemy Germanii [Transformation of the German Party System]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 65(2): 29–36. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36> (accessed: 01.02.2024).
- Belov V.B. 2021. Desyat' dneij novogo koalicionnogo pravitel'stva Germanii [Ten Days of the New German Coalition Government]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4: 37(267): 63–71. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics43720216371> (data obrashcheniya: 27.03.2023).
- Belov V.B. 2022a. Novyj predsedatel' HDS F. Merc – novye perspektivy dlja partii? [New CDU Chairman F. Merz – New Prospects for the Party?]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1: 16(268): 5–13. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics1120220513> (accessed: 01.02.2024).
- Belov V.B. 2022b. Reakcija Germanii na special'nuju voennuju operaciju RF na territorii Ukrainy [Germany's Reaction to the Special Military Operation of the Russian Federation on the Territory of Ukraine]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1: 8(275): 56–62. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics1820225662> (accessed: 31.01.2024).
- Belov V.B. 2022c. Zemel'nye vybory v Germanii kak indikator partijno-politicheskij tendencij na federal'nom urovne [Land Elections in Germany as an Indicator of Party-Political Trends at the Federal Level]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 2: 17(284): 43–51. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics21720224351> (accessed: 01.02.2024).
- Belov V.B. 2023a. Aktual'nye vzljoty i padenija populjarnosti jetablirovannyh partij FRG [Current Ups and Downs in the Popularity of Established Parties in Germany]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 3: 18(315): 33–40. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics31820233340> (accessed: 01.02.2024).
- Belov V.B. 2023b. Partijnyj proekt Sary Vagenkneht – novaja protestnaja al'ternativa? [Sarah Wagenknecht's Party Project – a New Protest Alternative?]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4: 28(325): 43–48. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics42820234348> (data accessed: 15.01.2024).
- Belov V.B., Kotov A.V. 2022. Antirossijskaja sankcionnaja politika FRG: promezhutochnye itogi i otvetnye mery [Anti-Russian Sanctions Policy of Germany: Intermediate Results and Response Measures]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4: 27(294): 37–42. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.15211/analytics42720223742> (accessed: 01.02.2024).
- Vasil'ev V.I. 2022. Politika kanclera O. Shol'ca v uslovijah global'noj transformacii [The Policy of Chancellor O. Scholz in the Context of Global Transformation]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 66(6): 62–78. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-62-78> (accessed: 30.01.2024).
- Vasil'ev V.I. 2023. Germanskaja social-demokratija v neopredel'jonnoj real'nosti [German Social Democracy in an Uncertain Reality]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 67(9): 31–47. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-31-47> (accessed: 02.02.2024).

- Pavlov N.V. 2019. Germanija – Rossija – ES: treugol'nik sotrudnichestva ili protivorechij? [Germany – Russia – EU: a Triangle of Cooperation or Contradictions?]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 65(9): 69–78. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-67-75> (accessed: 31.01.2024).
- Pavlov N.V. 2021. Rossija i Germanija: nazad v budushhee? [Russia and Germany: Back to the Future?]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 63(5): 67–75. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78> (accessed: 31.01.2024).
- Rastvorceva A.N. 2022. Pozicii partij bundestaga v debatah o prisoedinenii Kryma i vvedenii sankcij protiv Rossijskoj Federacii v 2014 g. [Positions of the Bundestag Parties in the Debate on the Annexation of Crimea and the Introduction of Sanctions Against the Russian Federation in 2014]. *Rossija i sovremennyy mir*, 1(114): 135–156. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.01.08> (accessed: 31.01.2024).
- Rovinskaja T.L. 2019. «Zelenye» v politicheskom pole Zapadnoj Evropy (poslednie tendencii) [“Greens” in the Political Field of Western Europe (Latest Trends)]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 63(3): 40–48. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48> (accessed: 02.02.2024).
- Sindeev A.A. 2023. Germanija i budushhee postavok nemeckih tjazholyh vooruzhenij Ukraine [Germany and the Future of Supplies of German Heavy Weapons to Ukraine]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 1: 2(299): 11–16. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.15211/analytics1220231116> (accessed: 31.01.2024).
- Spasskij E.N. 2023. Politicheskie partii FRG na sovremennom jetape [Political Parties in Germany at the Present Stage]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 29(2): 196–204. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-2-196-204> (accessed: 02.02.2024).
- Horol'skaja M.V. 2021. Vedushhie nemeckie partii v preddverii vyborov v bundestag [Leading German Parties Ahead of the Bundestag Elections]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 65(9): 25–33. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33> (accessed: 30.01.2024).
- Horol'skaja M.V. 2022. Novye vektory jenergeticheskoj politiki Germanii [New Vectors of German Energy Policy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 66(10): 56–64. [Elektronnyj resurs]. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-56-64> (accessed: 30.01.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Received 10.02.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2024

Revised 20.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Спасский Евгений Новомирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия

Evgeny N. Spassky, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Philosophy, Sociology and Law Department, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

[ORCID: 0000-0003-3280-2844](https://orcid.org/0000-0003-3280-2844)

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-230-239

Оригинальное исследование

«Закат» Шенгена как результат неэффективной миграционной политики ЕС

Бистрина М.Г.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
Россия, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: bistrina_mg@pfur.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу недавнего вхождения Болгарии и Румынии в так называемый воздушный Шенген и стратегическому выбору этих двух стран ЕС, который ставит под вопрос их безопасность и суверенитет. Вместо решения проблемы интеграции беженцев, «единый» Евросоюз лишь усугубляет ситуацию, позволяя ей перерасти в разрушительный конфликт межгосударственного характера. В исследовании выявлены ключевые угрозы, непосредственно угрожающие европейской безопасности, интеграции и взаимопониманию между странами, возникающие в ходе выполнения Дублинского регламента и политики принятия мигрантов на территории ЕС. Автором сделаны основные выводы о том, что вхождение в Шенген станет долгожданным событием для Болгарии и Румынии, так как они уже 13 лет ждут полноправного членства. Но решение Совета ЕС от 31 декабря 2023 г. можно рассматривать с различных позиций. С одной стороны, это частичный успех, достигнутый в непростое время, когда почти все важные для Евросоюза вопросы решаются крайне сложно, потому что зачастую несогласные с теми или иными европейскими решениями страны накладывают на них своё вето. С другой – частичное вступление Болгарии и Румынии в Шенген дорого им обойдётся, а важный вопрос сухопутных границ останется нерешённым и будет отложен на неопределённый срок.

Ключевые слова: Шенген, ЕС, политика принятия мигрантов, Болгария, Румыния

Для цитирования: Бистрина М.Г. 2024. «Закат» Шенгена как результат неэффективной миграционной политики ЕС. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 230–239. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-230-239

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

«Sunset» of Schengen as a Result of Ineffective EU Migration Policy

Mariya G. Bistrina

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
6 Miklukho-Maklay St., Moscow 117198, Russia

E-mail: bistrina_mg@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of recent events regarding the entry of Bulgaria and Romania into the so-called «Schengen air» and the strategic choice of these two EU countries, which calls into question their security and sovereignty. The «unified» European Union, instead of giving priority to solving complex issues of refugee integration, aggravates the situation and turns them into an ever-destroying interstate conflict. The study identifies key menaces that directly threaten European security, integration and mutual understanding between countries that arise during the implementation of the Dublin Regulation and the policy of accepting migrants into the EU. The author made the main conclusions that joining Schengen is a long-awaited event, since Bulgaria and Romania have been waiting for full membership for 13 years. But the event of December 31, 2023 can be viewed in two ways. On the one

hand, this is a partial success that was achieved on a long-standing issue, and in a difficult time, when almost all important issues for the European Union are extremely difficult to resolve, because countries that often disagree with certain European decisions impose their veto. On the other hand, the partial accession of Bulgaria and Romania to Schengen will be expensive, and the most important issue of land borders remains unresolved and is postponed indefinitely.

Keywords: Schengen, EU, immigrant integration policy, Bulgaria, Romania

For citation: Bistrina M.G. 2024. “Sunset” of Schengen as a Result of Ineffective EU Migration Policy. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 230–239 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-230-239

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В канун нового года Председательство Испании в Совете ЕС объявило о включении Болгарии и Румынии в Шенген (единая европейская зона без границ) по воздуху и морю с 31 марта 2024 г. Шенгенская зона была создана 26 марта 1995 г. Изначально в неё входили семь европейских государств – Франция, Бельгия, Германия, Люксембург, Нидерланды, Испания и Португалия, но со временем их количество разросло до 27. Шенгенский регламент отменил пограничный и таможенный контроль, осуществляемый на внутренних границах этих стран.

В последние месяцы 2023 г. произошло немало событий, важных не только для болгарского правительства, но и для ЕС в целом. В октябре 2023 г. болгарское Народное собрание неожиданно утвердило плату за импорт и транзит российского газа через болгарскую газотранспортную сеть и возложило её на российский «Газпром». Первой против этих планов выступила Венгрия, которая даже подала жалобу в Брюссель. ЕС начал обсуждение того, чем можно «заманить» болгарскую политическую элиту, чтобы та отказалась вводить налог. Спустя два месяца, перед новым годом на повестку дня вышел вопрос о вхождении Болгарии и Румынии в Шенген. Некоторые европейские страны сразу возразили и наложили вето (Венгрия, Нидерланды и Австрия), тем самым показывая своё политическое преимущество над периферией. Одним из условий, поставленных Австрией для снятия своего вето, являлось то, что Бухарест и София должны немедленно принять на своих территориях всех лиц, запрашивающих убежище, и беженцев, за которых они несут ответственность, но которые продолжили своё путешествие в Австрию без каких-либо ограничений. Причём это относится не только к афганским, но и к сирийским гражданам. Таким образом, наблюдается практическое использование «теории политического реализма, согласно которой государство как главный актор международных отношений, руководствуясь исключительно своими интересами, может нарушить любое международное соглашение или правило членства в альянсе равно как и любую моральную норму, чтобы защитить себя» [Измествев, 2016, с. 151]. В данном случае некоторые европейские страны успели «сторговать» свои национальные интересы. «Сегодня можем говорить о том, что миграционный кризис положил начало изменению миграционного, визового законодательства ЕС, законодательства о предоставлении убежища, а также законодательства о границах» [Войников, 2017, с. 150].

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает принятие Болгарии и Румынии в «воздушный Шенген» в условиях нестабильной мигрантской политики Евросоюза и последующие культурные и социальные угрозы для этих двух стран. Методологическая основа исследования заключается в системно-структурном и институциональном подходе к изучению предло-

женной проблематики. Исследование выполнено в соответствии с принципами, предполагающими комплексное рассмотрение ряда процессов с учётом ключевых факторов их развития. Автор также использовал общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и систематизация.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы спасти свою репутацию, в декабре 2023 г. лидер болгарской партии ГЕРБ выступил перед народом со словами: «Мы уже достаточно близки к Шенгену и обдумываем любой расклад, который может подставить нас в последний момент, поэтому решили применить так называемый европейский подход», – пояснил Б. Борисов, который также является председателем комитета по внешней политике в болгарском парламенте [Петкова, Тошкова, 2023]. Он отметил, что София откажется от транзитного налога на газ и в замену ожидает конкретную дату полного членства в Шенгенской зоне, поскольку это важно для транспортного сектора. Высказывание Б. Борисова о том, что с этим решением болгары сохранят добрососедские отношения и что европейские страны их партнеры, а Болгария – часть европейской семьи, не вызвали никакой реакции у болгарского народа, поскольку Б. Борисов давно выступает за сохранение европейских и западных ценностей. Но народ должен правильно проанализировать слова Б. Борисова: «Мы отступаем, чтобы следовать европейскому подходу» [Петкова, Тошкова, 2023]. Любое политическое решение принимается в пользу европейского угодничества, зачастую игнорируя собственные национальные интересы. «Все происходящее очень трудно понять рядовому гражданину Евросоюза, который испытывает непосредственно все тяготы миграционного кризиса. Все большую актуальность приобретает вопрос – в состоянии ли Европейский союз нести ответственность перед своими гражданами на основе декларируемых фундаментальных принципов?» [Потемкина, 2016, с. 40].

Несомненно, тема налога на импорт и транзит российского газа обсуждалась с ЕК в течение нескольких недель. Возражения Венгрии тоже оказали давление, и ЕС принял решение предложить болгарам отказаться от дополнительной платы на газ в обмен на долгожданную возможность войти в «воздушный Шенген». Получается, что Евросоюз «замылил» им глаза, поскольку дата полного вхождения в Шенген так и не была указана в официальном документе. Более того, она привязана к конкретным дополнительным обязательствам, которые Болгария не сможет выполнить и которые только нанесут сильный вред стране.

В настоящее время болгарская правящая коалиционная партия ПП-ДБ и их лидер Кирил Петков успокаивают себя тем, что: «Мы откладываем введение налогов на газ и работаем вместе с ЕК. Когда она даст нам комплексный механизм, тогда он и будет реализован» [Минчева, 2023]. Все прекрасно понимают, что Австрия принудила Болгарию согласиться на обязательства по приёму беженцев, которых австрийская сторона уже решила вернуть назад.

Таким образом, европейские технократы объясняют, что выгоды для болгар и румын будут значимыми и им больше не придется ездить из терминалов в третьи страны и стоять в длинных очередях на паспортном контроле в аэропортах других стран союза. Однако Австрия обменяла это на пять дополнительных условий, которые ещё не обсуждаются болгарским правительством публично. Было лишь сказано, что ход выполнения этих условий рассмотрят перед возможным очередным обсуждением отмены «наземных проверок» в 2024 г.

Представительство Испании в Совете ЕС подтвердило информацию о том, что государства-члены Европейского Союза одобрили постепенное вступление Румынии и Болгарии в Шенгенскую зону свободной торговли. Австрия, последняя страна ЕС, выступившая против этой меры, сняла свое вето, но взамен потребовала гарантии того, что Болгария откажется не только от налога на транзит газа, но и подпишет дополнение к основному соглашению. С 31 марта 2024 г. внутренний воздушный и морской пограничный контроль с этими двумя странами будет отменён, при этом Австрия, Болгария и Румыния также обязались согласовать более позднюю дату прекращения наземного контроля. Не исключено, что

к тому моменту Австрия уже снимет своё воздушное и морское вето, но соглашение о сухопутном вступлении Болгарии и Румынии в 2024 г. выглядит маловероятным. Таким образом, мы можем утверждать, что окончательное решение Евросоюза снова будет принято единогласно, а болгарский народ поставят перед фактом. Министерство иностранных дел Румынии сообщило, что румынские граждане смогут свободно путешествовать по воздуху внутри Европейского Союза и в других странах Шенгенской зоны (Исландия, Лихтенштейн, Королевство Норвегия и Швейцарская Конфедерация), учитывая отмену внутреннего воздушного пограничного контроля между Румынией и этими странами. Также в соответствии с официальным решением Совета ЕС о вступлении Румынии в Шенген отменён морской пограничный контроль.

«Мы продолжим активно поддерживать Министерство внутренних дел и другие национальные учреждения в усилиях по завершению процесса полной реализации Шенгенских достижений путём отмены контроля на сухопутных границах», – говорится в заявлении Министерства иностранных дел Румынии [Премьер-министр Румынии, 2023]. Премьер-министр Румыния Марчел Чолаку сообщил, что «после 13 лет неудач и унижений правительство во главе со мной начало процесс, который сегодня является необратимым. В следующем году мы продолжим наши усилия, чтобы окончательно закрыть эту главу, сняв контроль и на сухопутных границах» [Официальная страница в Twitter, 2023].

Вхождение в Шенген станет долгожданным событием для Болгарии и Румынии, так как они уже 13 лет ждут полноправного членства. Но решение Совета ЕС от 31 декабря 2023 г. можно рассматривать с различных позиций. С одной стороны, это частичный успех, достигнутый в непростое время, когда почти все важные для Евросоюза вопросы решаются крайне сложно, потому что зачастую несогласные с теми или иными европейскими решениями страны накладывают на них своё вето. С другой – частичное вступление Болгарии и Румынии в Шенген дорого им обойдётся, а важный вопрос сухопутных границ останется нерешённым и будет отложен на неопределённый срок. В подписанном соглашении предусматривается расширение операции Frontex в Румынии и Болгарии. Таким образом, обе страны получают больше финансирования от ЕС для реализации надежной защиты внешних границ союза. Уже существует соглашение об увеличении присутствия Frontex в Румынии и Болгарии. Frontex – Европейское агентство пограничной и береговой охраны – было создано Регламентом (ЕС) 2016/1624 от 14 сентября 2016 г. о Европейской пограничной и береговой охране для оказания помощи государствам-членам ЕС и ассоциированным государствам Шенгенской зоны в защите внешних границ зоны свободного передвижения ЕС [Frontex]. Европейское агентство пограничной и береговой охраны, которому поручена расширенная роль, трансформировалось из миграционного контроля в управление границами, а за последние годы возросла его функция по борьбе с трансграничной преступностью. На сегодняшний день Frontex признан одним из краеугольных камней сферы свободы, безопасности и справедливости в ЕС. Агентство играет все более значимую роль в возвращении беженцев, которые не имеют права оставаться на территории ЕС, в страны их происхождения. Агентство помогает государствам-членам Евросоюза в координации и финансировании операций по возвращению беженцев, а также может начать операции по собственной инициативе. Для этой цели Frontex может совершать чартерные рейсы и резервировать места на коммерческих рейсах. Кроме того, агентство помогает репатриантам получить необходимые проездные документы и предоставляет экспертов для оказания помощи в операциях по возвращению. Основная проблема заключается в том, что окончательный текст решения Совета ЕС включает в себя некоторые условия Австрии для частичного снятия вето. К ним относятся развертывание дополнительных сил пограничного агентства ЕС Frontex в Румынии и Болгарии, а также финансовая поддержка со стороны Комиссии ЕС для защиты внешних границ в этих странах. В дополнение к ним включены усиление контроля на сухопутных границах и принятие беженцев, запрашивающих убежище, из Австрии (в основном население афганского и сирийского происхождения) в Румынию и Болгарию [Balleix, 2016; Trauner, 2016]. Причина кроется в том, что Австрия хочет начать возвращать беженцев со своей территории и

максимально сократить поток их приёма в стране. Пять условий, с которыми согласились Болгария и Румыния, для частичного вступления в Шенген:

1. Усиление (минимум в три раза) пограничного контроля с Турцией и Сербией.
2. Более интенсивный контроль на сухопутных границах между Румынией – Венгрией и Болгарией – Румынией. Необходимо отметить, что фактическое усиление пограничного контроля между Болгарией и Румынией ещё больше усугубит ситуацию на и без того перегруженных границах, которые по-прежнему заблокированы большегрузными транспортными средствами. По факту, при неисполнении этого обязательства страны могут не получить конкретную дату отмены пограничного контроля, а ужесточение контроля приведёт к ещё большим экономическим потерям.

3. Ускорение рассмотрения документов и принятия лиц, запрашивающих убежище, въезжающих в Румынию или Болгарию (в соответствии с Дублинским регламентом). В 2007 г. был подписан Дублинский регламент, а в 2013 г. в него были внесены правки [Peers, 2016]. Согласно данному регламенту, беженцы, выдворенные из Германии, Австрии или других стран, будут отправлены в первую страну ЕС, границу которой они пересекут. Именно там они должны зарегистрироваться, а страна должна рассмотреть их заявление о предоставлении убежища [Battjes, 2006; Zaun, 2017]. В данном случае Болгария является внешней границей Евросоюза, через которую проезжают беженцы. Стоит отметить, что срок действия Дублинского регламента истекает в марте 2024 г., но уже с 2020 г. ведется активная работа по построению нового общеевропейского миграционного пакта – не единого договора, а системы соглашений. Угроза для Болгарии существует, и она кроется в возможности стать крупнейшим лагерем беженцев в Европе.

4. Возможные неожиданные проверки в аэропортах Австрии для путешественников из Болгарии и Румынии. Это условие в принципе не является препятствием, пока эти проверки не станут регулярными и смысл так называемого «воздушного Шенгена» не потеряет своё значение.

5. Обязательство обсудить дальнейшее функционирование Шенгена в 2024 г. Обсуждение даты отмены сухопутных границ в 2024 г. будет основываться на прогрессе в выполнении этих пяти дополнительных требований, с которыми согласились правительства Болгарии и Румынии. Австрия настаивает на этом с прошлого года, и, по мнению страны, Шенгенская зона не функционирует надлежащим образом и нуждается в реформировании. Риск здесь состоит в том, что Вена в очередной раз столкнётся с тем, что, пока эффективность Шенгенской зоны не повысится, дальнейшее сухопутное расширение будет лишено смысла.

В Соглашении чётко прописано, что Совет будет стремиться принять решение об отмене проверок лиц на внутренних сухопутных границах. Это решение будет принято Советом единогласно в соответствии со статьей 4(2) Акта о присоединении Республики Болгария и Румыния 2005 г. Национальные визы краткосрочного проживания, выданные Болгарией и Румынией до 31 марта 2024 г., будут считаться действительными в течение срока их действия и для целей транзита через территорию других государств-членов или планового пребывания на их территории, не превышающего 90 дней в течение периода 180 дней, если эти страны признают краткосрочные визы для заявленных целей в соответствии с Решением № 565/2014/ЕС¹⁵¹ [Interinstitutional File, 2023, p. 7]. Применяются условия, изложенные в настоящем решении. Вышеупомянутые пять условий могут оказаться камнем преткновения, а обязательство оценить прогресс по ним до следующих переговоров о полной ликвидации Шенгенских барьеров окажет Болгарии медвежью услугу.

¹⁵¹ Решение № 565/2014/EU Европейского Парламента и Совета от 15 мая 2014 г., вводящее упрощенный режим контроля лиц на внешних границах, который основан на одностороннем признании Болгарией, Хорватией, Кипром и Румынией определенных документов, эквивалентных их национальным визам для транзита или планового пребывания на их территории, не превышающего срока в 90 дней в течение 180-дневного периода, а также для отмены Решений № 895/2006/ЕС и № 582/2008/ЕС. См.: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-17132-2023-INIT/en/pdf> p. 7.

Что реально запланировано в ЕС на 2024 г.? Необходимо отметить, что с 1 января 2024 г. председательство в Совете ЕС перешло к Бельгии, для которой расширение Шенгена категорически не будет приоритетом. В Австрии приближаются тяжелые парламентские выборы, на которых, как ожидается, будет преобладать евроскептицизм, нежели ранний еврооптимизм. Если добавить к этому предстоящие европейские выборы в 2024 г. и блокировку работы институтов минимум на один год, то вопрос, похоже, сместится с повестки дня ЕС. Во второй половине года пост Председателя возьмет на себя Венгрия, которой до этого предстоит решить другие важные проблемы, и вряд ли от Будапешта можно ожидать какой-либо помощи в укреплении европейской интеграции. Венгрия первая сигнализировала Евросоюзу и даже была на грани блокирования вступления Болгарии в Шенген из-за трансфертного налога на российский газ, который болгарское правительство пыталось ввести с начала 2024 г. Но больше всего смущает то, о чём молчат европейские технократы [The future, 2011]. Речь идёт о дополнении к соглашению. Там чётко прописано, что Болгария обязуется быстро и тщательно реализовать Дублинское законодательство, немедленно обеспечив всех, запрашивающих убежище, за которых несут ответственность в Болгарии и Румынии. Они должны осуществить это без каких-либо ограничений, особенно в отношении количества людей, которые должны быть возвращены в течение месяца, возвращая лиц, пользующихся международной защитой в Болгарии и Румынии, а также гарантируя быстрый (максимум 3 дня) ответ на возвращение. На данный момент это затрагивает в основном беженцев из Сирии и Афганистана, которые ищут убежище.

Разница в том, что до сих пор никто с этим не считался, а теперь болгары обязуются брать на себя обязательство соблюдать эти требования в одностороннем порядке по отношению к Австрии. Самое страшное, что эти договорённости уже включены в решение ЕС и теперь любая страна может предъявить подобные претензии в сторону Болгарии. В период с 2019 по 2022 г. через Болгарию официально прошло около 30 тысяч мигрантов, которые потенциально могут быть возвращены обратно. Все болгарские оппозиционные партии уже выступают перед парламентом и высказывают своё недовольство. Но в ответ болгарский премьер-министр Николай Денков назвал «фальшивыми» заявления оппозиции и различных аналитиков о том, что после подписания соглашения с Австрией Болгария обязалась принимать всех мигрантов, находящихся на австрийской территории, но зарегистрированных первоначально в Болгарии. «Это фальсификация, которую очень активно продвигают различные партии и отдельные лица, потому что они хотят напугать болгарских граждан», – сказал Николай Денков. «В настоящее время мы соблюдаем Дублинский регламент. У нас нет договорённости для дополнительных обязательств. Единственное, что мы взяли на себя в качестве обязательства, это «лучше охранять границы», – добавил болгарский премьер и напомнил, что в этом году Австрия вернула только 113 беженцев [Нов скандал, 2024].

Председатель болгарской партии «Има такъв народ» – Тошко Йорданов – показал документ, в котором чётко указано, что Австрия запрашивала Болгарию принять обратно более 9 тысяч мигрантов. Так что можно утверждать, что число беженцев превышает не сотни, а тысячи, которых Болгария и Румыния теперь точно должны принять обратно после подписания нового соглашения.

Из доклада агентства по предоставлению убежища ЕС за 2023 г. следует, что за 2020 год в Болгарии подано 3 525 заявлений о предоставлении убежища, за 2021 год их количество возросло на 11 000, за 2022 год – 20 390, а 2023 год – уже 22 213 [Доклад, 2023]. На национальном уровне Германия и Франция продолжают получать наибольшее количество решений по своим заявлениям, и на них приходится более 3/5 общего количества заявлений на территорию ЕС. Как и в предыдущие годы, Италия вынесла наибольшее количество решений из всех европейских стран по заявлениям в соответствии с Дублинским регламентом в целом. Однако впервые Австрия и Болгария выделяются как вторая и третья страны, принявшие наибольшее количество решений, опередив Германию и Грецию [Доклад, 2023, с. 17].

Итоги и выводы

В заключение можно добавить, что европейская сделка о «воздушном Шенгене» нанесёт колоссальный ущерб Румынии и Болгарии не только в социальном, но и в культурном плане. Возвращение большого количества беженцев в Болгарию и Румынию в будущем может привести к увеличению межкультурных браков, а в последствии и к ассимилированию местного населения. На сегодняшний день наблюдается глобальная тенденция социального расслоения общества, в связи с чем нерегулируемый поток беженцев, несомненно, приведёт к межкультурной ненависти. На этой почве не исключено увеличение конфликтов между местными и беженцами, увеличение преступности и несоблюдение законов в принимающих странах, а это прямая угроза суверенитету. «Ослабление контроля над расселением претендентов на убежище из одной страны в другие государства-члены облегчает проникновение террористов вглубь континента» [Потемкина, 2015, с. 34]. Уголовные преступления формируют у людей фобию, чем пользуются радикальные популистские движения. Кризисные ситуации, вызванные неконтролируемой миграцией, также влияют на внутриполитическую ситуацию в Европе – число противников мигрантов резко возрастает, а авторитет и власть действующих правительств падает. Этим умело пользуются национально-популистские движения в ряде стран ЕС для укрепления своих позиций, что угрожает европейскому сотрудничеству [Бистрина, 2019, с. 53].

Игнорирование политики интеграции мигрантов в ЕС обернулось снижением уровня толерантности в обществе, ростом межэтнической напряженности, отчуждением мигрантов, их самоизоляции, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением [Ионцев, 2014, с. 131]. Болгария и Румыния выполнили все требования для равноправного членства в Шенген ещё 13 лет назад, и новые условия, повторно выдвигаемые европейскими странами, наглядно показывают несоблюдение основных европейских принципов – о единстве и равенстве всех членов Евросоюза. Главный минус для болгар и румын заключается не в том, что написано в декларации о «воздушном Шенгене», а в отсутствии в декларации ранее заключённой договорённости. С 2015 г. и по сей день Европа принимает неограниченный поток беженцев, но сейчас, в 2024 г., она решила вернуть их обратно – в периферию ЕС, заключив для этого сделку о «воздушном Шенгене» с Болгарией и Румынией. Только время покажет, договорились ли страны принять на свою территорию неограниченное количество мигрантов. Но одно мы можем утверждать наверняка – до сих пор не получен ответ на принципиально важный вопрос: находятся ли Болгария и Румыния внутри Шенгена, хотя и с определёнными ограничениями, или страны находятся вне Шенгена, но с долгожданными обещаниями о «счастливом» будущем?

Список литературы

- Бистрина М.Г. 2019. Миграционная политика Европейского союза. PolitBook, 1: 49–61.
- Войников В.В. 2017. Реформа законодательства Европейского союза об убежище как ответ на миграционный кризис в Европе. Труды Института государства и права РАН, 12(5): 149–169.
- Доклад за убежището за 2023 г. Резюме. Агенция на Европейския съюз в областта на убежището (EUAA), 2023 г. Доклад за убежището за 2023 г.: Резюме | European Union Agency for Asylum (europa.eu). URL: <https://euaa.europa.eu/bg/publications/doklad-za-ubezhischeto-za-2023-g-rezuyume> (дата обращения: 20.01.2024).
- Изместъев И.П. 2016. Шенгенская зона в условиях кризиса с беженцами в Европе. Международный научный журнал «Инновационная наука», 4: 150–154.
- Ионцев В.А. 2014. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе. Вопросы управления, 1(26): 127–132.
- Минчева К. 2023. Отлагаме таксите за транзитен пренос на газ заради Шенген, обявиха Петков и Борисов. URL: <https://offnews.bg/politika/otlagame-taksite-za-tranziten-prenos-na-gaz-zaradi-shengen-obiaviha-p-814256.html> (дата обращения: 20.01.2024).

- Нов скандал! Тошко Йорданов показа документ за хиляди мигранти. 2023. URL: <https://www.standartnews.com/balgariya-politika/nov-skandal-toshko-yordanov-pokaza-dokument-za-hilyadi-migranti-548054.html> (дата обращения: 26.01.2024).
- Официальная страница премьер-министра Румынии в Twitter. URL: <https://twitter.com/CiolacuMarcel/status/1741218783048479191> (дата обращения: 22.01.2024).
- Петкова Д., Тошкова В. 2023. България отлага таксата за транзит на руски газ, сделка за «Лукойл» ще трябва да мине през парламента. URL: <https://www.investor.bg/a/518-energetika/385894-balgariya-otlaga-taksata-za-tranzit-na-ruski-gaz-sdelka-za-lukoil-shte-tryabva-da-mine-prez-parlamenta> (дата обращения: 20.01.2024).
- Потемкина О.Ю. 2015. «Европейская повестка дня по миграции» – Новый поворот в иммиграционной политике ЕС? Современная Европа, 4(64): 28–40.
- Потемкина О.Ю. 2016. Миграционный кризис и политика Европейского союза. Актуальные проблемы Европы, 4: 38–60.
- Премьер-министр Румынии Марчел Чолаку надеется завершить переговоры о вступлении в «воздушный Шенген» за два дня. URL: <https://www.aex.ru/news/2023/12/15/265328/> (дата обращения: 22.01.2024).
- Balleix C. 2016. What Type of Reform of the Common European Asylum Regime are we Heading Toward? // Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. European Issue № 400. 11.07.2016. Available at: <http://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0400-what-type-of-re-form-of-the-common-european-asylum-regime-are-we-heading-toward> (accessed: 24.01.2024).
- Battjes H. European Asylum Law and International Law. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344131411_European_Asylum_Law_and_International_Law (accessed 25.01.2024). doi:10.1163/ej.9789004150874.i-689
- Frontex – European Border and Coast Guard Agency. Available at: <https://www.frontex.europa.eu/> (accessed: 22.01.2024).
- Interinstitutional File: 2010/0820(NLE). Council Decision on the Full Application of the Provisions of the Schengen Acquis in the Republic of Bulgaria and Romania. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-17132-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 25.01.2024).
- Peers S. 2016. The Dublin Regulation: Is the End Nigh? Where should Unaccompanied Children Apply for Asylum? EU Law Analysis. Expert Insight into EU Law Developments. Available at: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2016/01/the-dublin-regulation-is-end-nigh-where.html> (accessed 24.01.2024).
- The Future of Asylum in the European Union. Problems, Proposals and Human Rights. 2011. Goudappel F., Raulus H. (eds.). The Hague, T.M.C. Asser Press, pp. 216.
- Trauner F. 2016. Asylum Policy: the EU's 'Crises' and the Looming Policy Regime Failure. *Journal of European Integration*, 38(3): 311–325. doi: 10.1080/07036337.2016.1140756
- Zaun N. 2017. EU Asylum Policies: A Case of Lowest Standard and Race to the Bottom Dynamics? *EU Asylum Policies*, 79–121. doi:10.1007/978-3-319-39829-7_4

References

- Bistrina M.G. 2019. The European migration policy. *PolitBook*, 1: 49–61 (in Russian).
- Voynikov V.V. 2017. Reforma zakonodatel'stva Evropeyskogo soyuza ob ubezhishche kak otvet na migratsionnyy krizis v Evrope [Reform of European Union Asylum Legislation as a Response to the Migration Crisis in Europe]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 12(5): 149–169.
- Doklad za ubezhishceto za 2023 g. 2023. Rezyume. [Asylum Report 2023]. EU Agency for Asylum (EUAA) (in Bulgarian).
- Izmestiev I.P. 2016. Shengenskaya zona v usloviyakh krizisa s bezhentsami v Evrope [The Schengen Area in the Conditions of the Refugee Crisis in Europe]. *International scientific journal «Innovative Science»*, 4: 150–154.
- Iontsev V.A. 2014. Integratsiya migrantov – effektivnyy put' ustraneniya neravenstva i ksenofobii v primamayushchem obshchestve [Migrants' Integration is an Effective Way for Elimination of the Inequality and Xenophobia in the Host Country]. *Management issues*, 1(26): 127–132.

- Mincheva K. 2023. Otlagame taksite za tranziten prenos na gaz zaradi Shengen, obyavikha Petkov i Borisov [We Are Postponing the Fees for the Transit Transfer of Gas because of Schengen, Announced Petkov and Borisov] (in Bulgarian). Electronic resource. Available at: <https://offnews.bg/politika/otlagame-taksite-za-tranziten-prenos-na-gaz-zaradi-shengen-obiaviha-p-814256.html> (accessed: 20.01.2024).
- Nov skandal! Toshko Yordanov pokaza dokument za khilyadi migrant 2023 [A New Scandal! Toshko Yordanov Showed a Document about Thousands of Migrants] (in Bulgarian). Electronic resource. Available at: <https://www.standartnews.com/balgariya-politika/nov-skandal-toshko-yordanov-pokaza-dokument-za-hilyadi-migranti-548054.html> (accessed: 26.01.2024).
- Ofitsial'naya stranitsa prem'er-ministra Rumynii v Twitter [Official Page of the Prime Minister of Romania on Twitter] (in Bulgarian). Electronic resource. Available at: <https://twitter.com/CiolacuMarcel/status/1741218783048479191> (accessed: 22.01.2024).
- Petkova D., Toshkova V. 2023. Bulgariya otlaga taksata za tranzit na ruski gaz, sdelka za «Lukoil» shche tryabva da mine prez parlamenta [Bulgaria Postpones the Fee for the Transit of Russian Gas, a Deal for «Lukoil» Will have To Go Through the Parliament] (in Bulgarian). Electronic resource. Available at: <https://www.investor.bg/a/518-energetika/385894-balgariya-otlaga-taksata-za-tranzit-na-ruski-gaz-sdelka-za-lukoil-shte-tryabva-da-mine-prez-parlamenta> (accessed: 20.01.2024).
- Potemkina O.Yu. 2015. «Evropeyskaya povestka dnya po migratsii» – Novyy povorot v immigratsionnoy politike ES? [«European Migration Agenda» – New Twist in EU Immigration Policy?]. *Modern Europe*, 4(64): 28–40.
- Potemkina O.Yu. 2016. Migratsionnyy krizis i politika Evropeyskogo soyuza [Migration Crisis and European Union Policy]. *Current problems of Europe*, 4: 38–60.
- Prem'er-ministr Rumynii Marchel Cholaku nadeetsya zavershit' peregovory o vstuplenii v «vozdushnyy Shengen» za dva dnya [Romanian Prime Minister Marcel Ciolacu Hopes to Complete Negotiations on Joining the «Air Schengen» in Two Days] (in Russian). Electronic resource. Available at: <https://www.aex.ru/news/2023/12/15/265328/> (accessed: 22.01.2024).
- Balleix C. 2016. What Type of Reform of the Common European Asylum Regime are we Heading Toward? // *Foundation Robert Schuman. The Research and Studies Centre on Europe. European Issue* № 400. 11.07.2016. Available at: <http://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0400-what-type-of-re-form-of-the-common-european-asylum-regime-are-we-heading-toward> (accessed: 24.01.2024).
- Battjes H. *European Asylum Law and International Law*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344131411_European_Asylum_Law_and_International_Law (accessed 25.01.2024). doi:10.1163/ej.9789004150874.i-689
- Frontex – European Border and Coast Guard Agency. Available at: <https://www.frontex.europa.eu/> (accessed: 22.01.2024).
- Interinstitutional File: 2010/0820(NLE). Council Decision on the Full Application of the Provisions of the Schengen Acquis in the Republic of Bulgaria and Romania. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-17132-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 25.01.2024).
- Peers S. 2016. The Dublin Regulation: Is the End Nigh? Where should Unaccompanied Children Apply for Asylum? *EU Law Analysis. Expert Insight into EU Law Developments*. Available at: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2016/01/the-dublin-regulation-is-end-nigh-where.html> (accessed 24.01.2024).
- The Future of Asylum in the European Union. Problems, Proposals and Human Rights. 2011. Goudappel F., Raulus H. (eds.). The Hague, T.M.C. Asser Press, pp. 216.
- Trauner F. 2016. Asylum Policy: the EU's 'Crises' and the Looming Policy Regime Failure. *Journal of European Integration*, 38(3): 311–325. doi: 10.1080/07036337.2016.1140756
- Zaun N. 2017. EU Asylum Policies: A Case of Lowest Standard and Race to the Bottom Dynamics? *EU Asylum Policies*, 79–121. doi:10.1007/978-3-319-39829-7_4

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.02.2024

Поступила после рецензирования 26.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Received 14.02.2024

Revised 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бистрина Мария Георгиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5676-506X](https://orcid.org/0000-0001-5676-506X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya G. Bistrina, Candidate of Sciences in Politics, Senior Lecturer of Department of Public Administration, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia

УДК 329
DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-240-249
Оригинальное исследование

Изменение политической риторики испанской партии «VOX» («Голос») по вопросам миграции и общественной безопасности с марта 2020 по декабрь 2023 года

Цымбалова А.Е.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23
E-mail: tsymbalova.n@gmail.com

Аннотация. Данное исследование посвящено изменениям, которые произошли в риторике испанской ультраправой партии «Голос» с марта 2020 по декабрь 2023 года, а также ключевым событиям, повлиявшим на политический дискурс. Разбираются причины популярности партии, которые способствовали ее успеху на парламентских выборах 2019 года, а также выявлены наиболее популярные темы в политических заявлениях ее членов с марта 2020 года. Проанализированы проблемы, с которыми испанское правительство столкнулось в сфере общественной безопасности и подверглось наибольшим нападкам со стороны членов «Голос» после ограничений, связанных с COVID-19. Далее подробно изучается отражение проблем миграционной сферы в заявлениях членов партии и их влияние на общественное мнение. Кроме того, миграционный вопрос освещается и в контексте политической борьбы между ведущими испанскими партиями накануне внеочередных парламентских выборов 2023 года.

Ключевые слова: ультраправый, политическая риторика, «VOX» (Голос), общественная безопасность, нелегальная миграция, пандемия, Сантьяго Абаскаль, испанское правительство

Для цитирования: Цымбалова А.Е. 2024. Изменение политической риторики испанской партии «VOX» («Голос») по вопросам миграции и общественной безопасности с марта 2020 по декабрь 2023 года. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 240–249. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-240-249

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Political Rhetoric Change of the Spanish Party «VOX» Concerning Migration and Public Security from March 2020 to December 2023

Anna E. Tsymbalova

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: tsymbalova.n@gmail.com

Abstract. The changes that occurred in the rhetoric of the Spanish far-right party «VOX» from March 2020 to December 2023 is the core problem of the article. The key events that influenced this political discourse are examined as well. The roots of the party's popularity that contributed to its success in the 2019 parliamentary elections are examined, and the most popular themes in the political statements of its members since March 2020 are identified. The document base for the undertaken analysis contributes to the numerous party members' statements published by the leading Spanish media, together with the materials on «VOX» official website. We can notice a shift from the traditional rhetoric that brought

popularity to the party in 2019. After the March 2020 pandemic outbreak the harsh government criticism and the ineffectiveness of its actions against the pandemic became one of the most popular themes among the politicians of «VOX». Moreover, the reflection of migration issues in the statements of party members and their impact on public opinion is studied in detail. In addition, the migration issue is also highlighted in the context of the political struggle between the leading Spanish parties on the eve of the early parliamentary elections in 2023.

Keywords: far-right, political rhetoric, VOX political party, public security, illegal migration, pandemic, Santiago Abascal, Spanish government

For citation: Tsymbalova A.E. 2024. Political Rhetoric Change of the Spanish Party «VOX» Concerning Migration and Public Security from March 2020 to December 2023. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 240–249 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-240-249

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В связи с распространением нового вируса с 14 марта 2020 года в Испании [Real Decreto 463/2020], как и во многих других странах, был введен режим «состояния угрозы», ограничивающий свободу передвижения граждан, выезд и въезд за пределы страны, а также предусматривающий приостановку работы всех предприятий и учреждений, за исключением продовольственных магазинов и аптек. Принятые меры стали одними из самых жестких в Европе, однако это не спасло от большого количества заразившихся и умерших, по этой причине «состояние угрозы» неоднократно продлевалось и действовало до 21 июня 2020 года [Cronología del estado..., 2020]. Данные события особенно остро затронули вопросы общественной безопасности и обнажили большое количество проблем в сфере здравоохранения, серьезно пострадала экономика Испании, прежде всего из-за высокого удельного веса туристического сектора.

Еще одной проблемой, которая нашла свое отражение в политическом дискурсе уже в период с 2022 по 2023 годы, стала массовая нелегальная миграция. По данным Министерства внутренних дел на 31 декабря 2023 года, общая численность мигрантов, прибывших на территорию страны, составила 56 852 человека, что на 25 633 больше, чем в предыдущем году. Интересно отметить, что 98 % прибыло на территорию Испании морским путем, а самый массовый наплыв мигрантов произошел в конце октября, когда на территорию Канарских островов приплыло 39 910 человек [Inmigración irregular, 2023]. Данные события вызвали большую волну недовольства и критику центрального правительства со стороны провинций, которые испытали максимальную миграционную нагрузку. Многие из них отметили плохую координацию, так как автономные сообщества информировались о прибытии мигрантов достаточно поздно, а некоторые мэры отметили недостаток финансовых средств и условий для временного содержания мигрантов, наиболее острая критика традиционно последовала со стороны ультраправой партии «VOX» (Голос) [El reparto de..., 2023].

Объект и методы исследования

Принимая во внимание актуальность и масштаб произошедших событий, в рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть изменения, произошедшие в период с марта 2020 по декабрь 2023 года, в политической риторике ультраправой партии «Голос» в сфере миграции и общественной безопасности. Основной источниковой базой для анализа стали многочисленные заявления членов партии, публикуемые ведущими испанскими СМИ, а также материалы, которые «Голос» размещает на своем официальном сайте. Применение контент-анализа позволило выявить наиболее часто встречающиеся высказывания, определить их эмоциональную окраску и выявить список наиболее популярных тем в политической риторике членов

партии в сфере общественной безопасности и миграции. Для реализации этих задач также были использованы такие общенаучные методы, как синтез, аналогия, обобщение и сравнение, что позволило сделать выводы об общем характере политической риторики и провести сравнительный анализ с политической риторикой партии в предыдущие годы.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем остановиться на анализе заявлений представителей партии «VOX», хотелось бы кратко осветить основные идейные постулаты ее политической программы и риторики в допандемийный период. Центром общественного внимания партия стала в апреле 2019 года, когда она впервые попала в парламент по итогам выборов, набрав рекордные для себя 10,26 % голосов, а в ноябре того же года получила уже 15,09 %, став третьей по представительству партией парламента. Таким образом, в течение считанных месяцев на политическом горизонте появилась новая сила, которая опирается на идеологическую платформу, в целом ряде пунктов кардинально отличающуюся как от программы консервативной «Народной партии», так и более левых формаций [Терещук, 2020]. Стремительный рост популярности объяснялся следующими пунктами предвыборной кампании: борьба с нелегальной миграцией, защита общенационального языка, культуры и традиционных семейных ценностей, унитарность Испании и недопустимость регионального сепаратизма, сокращение бюрократического аппарата и расходов на него за счет тотального сокращения администраций автономных сообществ, возвращение к обсуждению законодательства о домашнем насилии, об абортах, об исторической памяти.

Особый упор партия «Голос» делает на возвращении права жить, работать и получать образование на испанском языке (*castellano*) на всей территории Испании, а данная проблема сейчас довольно актуальна в Каталонии. Такая позиция является достаточно смелой, так как ряд правых партий, опасаясь быть обвиненными во франкизме, ничего не предприняли в защиту испанского языка. В целом испанское общество изначально довольно настроенно отнеслось к «Голосу», опасаясь возврата франкизма в том или ином виде, но запрос у консервативно настроенных граждан на противодействие левому популизму, сепаратизму и проблемам нелегальной иммиграции оказался очень высок [Астахова, 2020, с. 40]. Многие голоса партия получила благодаря стремлению депортировать нелегальных иммигрантов и исключить их проникновение в Испанию с территории Африки, построив стену на границе между испанскими анклавами Сеутой, Мелильей и Марокко [Хенкин, 2020, с. 29].

Политическая система Испании претерпела ряд изменений, после того как в январе 2020 года Испанская социалистическая рабочая партия и «Вместе мы можем» сформировали коалиционное правительство, и теперь немаловажную роль в принятии решений в Конгрессе стали играть малые партии [PSOE y Unidas Podemos..., 2020]. Для риторики «Голос» характерны антикоммунистические лозунги, направленные не только против «Вместе мы можем» и объединенных левых, но и против ИСПП. Особенным нападкам подвергалось социалистическое правительство Х.Л. Родригеса Сапатеро в период с 2004 по 2011 гг., когда были приняты, по мнению «Голос», «одиозные» и «направленные против бастиона общества – семьи» законы: о разводе, легализации аборт, однополых браков [Астахова, 2020, с. 43].

В начале апреля 2020 года Педро Санчес обратился к основным партиям, профсоюзам, предпринимателям и организациям гражданского общества с призывом сформировать «национальное единство» по аналогии с «пактами Монклоа», действовавшими с октября 1977 г. по декабрь 1978 г., когда страна в обстановке острого социально-экономического кризиса переходила от франкизма к представительной демократии [Хенкин, 2021]. Однако правоцентристская Народная партия и ультраправая партия «Голос» не поддержали данную инициативу. Более того, в октябре 2020 года Сантьяго Абаскаль инициировал голосование о недоверии правительству П. Санчеса и выдвинул себя кандидатом на замену его на посту

президента испанского правительства, заявив, что его правительство было «худшим за последние восемьдесят лет» и что оно было хуже, чем правительство франкистов. Заместитель официального представителя «Голос» Игнасио Гаррига упомянул «фальсификацию выборов», обвинил правящую коалицию в «участии в перевороте», в тоталитарной идеологии и в «криминальном управлении» кризисом. Он также использовал эту речь, чтобы обвинить «нелегальных иммигрантов» в нападениях, запугивании и воровстве. Несмотря на столь эмоциональные призывы, в процессе голосования выяснилось, что «Голос» никто не поддержал, в том числе и Народная партия, также резко критиковавшая правительство [La moción de censura..., 2020].

Интересно отметить, что с марта 2020 года некоторые из обычных тем в манифестах «Голос», такие как идеализация Испании, территориальные проблемы, религия и традиционные ценности, стали уже не столь популярны и были заменены прямыми нападениями на правительство. По этой причине в постпандемийный период политическая риторика ультраправой партии «Голос» базировалась на жесткой критике действий испанских властей, предпринятых для обеспечения общественной безопасности в период пандемии, что находило поддержку определенной части населения.

Пользуясь тем, что Испания переживала пандемию острее, чем любая другая западноевропейская страна, лидеры «Голос» жестко критиковали правительство и его санитарные службы в неэффективности действий по борьбе с вирусом. Критика правительства Испании со стороны Сантьяго Абаскаля, как правило, носит более общий характер, поскольку далеко не всегда в своих выступлениях он вдаётся в подробности той или иной ситуации или конкретных мер, предпринятых в борьбе с COVID-19. Скорее он пытается делегитимизировать своих политических оппонентов, обвиняя их в дезинформации и скрытых мотивах, таких как разрушение единства Испании и попытки установить авторитарный коммунистический режим [Olivas Osuna J.J., 2021]. Также в числе наиболее частых обвинений правительства звучат: «сокрытие правды о начале распространения заболевания и его тяжести», «безответственность» и «умышленное утаивание средств и ресурсов, необходимых для борьбы с пандемией» [Vox se lanza a..., 2020].

Еще в марте 2020 года партия потребовала от правительства действий не только по охране общественного здоровья, но также экономических и социальных мер, например, устранение последствий убытков, которые могут понести некоторые компании, особенно в секторе услуг. Основной задачей, по их мнению, было преодоление влияния кризиса, который привел как к закрытию границ, так и необходимости соблюдения изоляции дома. Тем не менее даже относительно этих мер в дальнейшем следовала критика их плохой реализации и запаздывания [Vox critica las..., 2020]. Продолжая свой антииммигрантский дискурс во время своего выступления в Конгрессе, парламентская группа «Голос» предложила, что в связи с перегруженностью системы здравоохранения все иностранцы, не имеющие вида на жительство, не должны получать медицинскую помощь бесплатно [La extrema derecha, 2020].

Так, в июне 2020 года «Голос» отказалась участвовать в «дани памяти жертв коронавируса», организованной правительством Санчеса, подтвердив свою позицию и в 2021 году, поскольку, по мнению С. Абаскаля, «лучшая дань уважения – это искать истину, брать на себя ответственность и предлагать решения, чтобы Испания не оказалась снова втянутой в это халатное управление эпидемией» [VOX rechaza el falso..., 2021]. А в январе 2021 года «Голос» обвинила правительство Педро Санчеса в сокрытии информации о смертности во время пандемии, которая, по последним данным Национального института статистики (INE), составила 83 706 смертей, в то время как Правительство Санчеса предоставляет данные о 51 000 смертей от пандемии, подсчитывая только смертельные случаи с положительным результатом теста ПЦР. Национальный институт статистики напротив выявляет увеличение смертности в 2021 году по сравнению с предыдущим годом. Однако в очередной

раз данные Минздрава расходятся с информацией, публикуемой различными ведомствами [El Gobierno oculta..., 2021].

Стоит отметить, что партия выступает за защиту конституционных прав и свобод испанцев, против введения ковидных паспортов [Pasaporte Covid у..., 2021], а также считает неприемлемым разглашение информации об иммунизации. Так, в сентябре 2021 года С. Абаскаль в своем интервью радиостанции «esRadio» подтвердил ранее обозначенную позицию о том, что не обязан оглашать публично информацию о состоянии своего здоровья и вакцинации. Кроме того, он подчеркнул, что отстаивает возможность добровольного выбора в вопросе вакцинации и апеллирует к свободе, «которой остается в Испании все меньше и меньше» [Abascal rechaza decir..., 2021].

В июле 2021 года стали появляться статьи с громкими заголовками о том, что введение режима «состояния угрозы» было «наибольшим нарушением прав человека в истории», по мнению представителей партии «Голос». Заявления о «неконституционности всеобщего заключения» со стороны партии последовали после того, как Конституционный суд Испании признал незаконным строгий карантин, включающий запрет на передвижение людей, введенный в Испании с 14 марта 2020 года, без введения режима чрезвычайного положения [Estas son las claves..., 2021]. Далее в социальных сетях С. Абаскаль неоднократно подчеркивал, что только «Голос» использовала возможность защищать права и свободы испанцев в Конституционном суде, в то время как остальные партии поддержали «нелегитимное правительство». Далее лидер партии потребовал отставки правительства и всеобщих выборов, а также аннулирования всех штрафов, выписанных в этот период за нарушение режима самоизоляции, и выплаты компенсации пострадавшим [Vox afirma que..., 2021].

Также партия «Голос» обратилась в Конституционный суд с иском о незаконности решения президиума Конгресса депутатов от 19 марта 2020 года о приостановке деятельности парламента. Итогом данного обращения стала еще одна победа партии, когда 5 октября 2021 года Конституционный суд признал, что введение «состояния угрозы» в любом случае не может прервать функционирование любой из ветвей власти. Данное решение приостановило на время рассмотрение парламентских инициатив, лишив депутатов права на участие в политическом процессе [El TC dictamina que..., 2021].

Прослеживается определенная взаимосвязь тематики борьбы с коронавирусом и нелегальной миграции, которая стала рассматриваться как дополнительная угроза, способствующая распространению вируса. Так, в январе 2021 года партия «Голос» призвала правительство ограничить въезд в Испанию через все пограничные посты людей из Бразилии, которые не являются гражданами Испании или не проживают в Испании, с целью защиты от варианта COVID-19, распространившегося в Амазонии на севере этой страны, особенно в Манаусе. Данная мера оправдывается тем, что еще не изучено влияние, которое может иметь этот вариант вируса на тяжесть заболевания или эффективность уже одобренных вакцин [Vox pide prohibir..., 2021].

В последние годы в своих заявлениях представители партии достаточно резко высказываются и о миграционной политике правительства, особенно это касается увеличения размера государственных расходов на Центры временного пребывания иммигрантов в Сеуте и Мелилье. Конгрессмен партии Росио де Меер заявил, что «правительство – предатели своего народа», потому что только предатели могут расходовать государственные средства на улучшение системы приема мигрантов, которых Марокко использует в своих интересах [VOX Melilla..., 2021]. Кроме того, в 2022 году партия «Голос» еще раз заявила, что требует «завершить работы по укреплению и модернизации физической границы» между Сеутой, Мелильей и Марокко [Vox reclama expulsar..., 2022]. Стоит также отметить, что за рассматриваемый период тема преступности среди мигрантов поднимается в выступлениях членов

партии довольно часто, они любят рассматривать вопросы личной и общественной безопасности в контексте наплыва мигрантов, представляя их одной из главных угроз для стабильности и безопасности в обществе [Homicidios, agresiones sexuales..., 2021].

Миграционный вопрос для Испании в 2023 году стал особенно острым и актуальным по целому ряду причин. Первая из них связана с тем, что именно в этом году в Испанию прибыло рекордное число иммигрантов. В октябре 2023 года генеральный секретарь партии «Голос» Игнасио Гаррига приравнял нелегальную иммиграцию к «терроризму», а сквоттинг – к преступности, заверив, что, когда нет контроля над миграционным потоком, «приезжают люди, которые могут совершать преступления, грабежи и теракты». При этом он подчеркнул, что вместо того чтобы помочь испанским семьям, «которые не могут свести концы с концами», деньги выделяются только что прибывшим нелегалам [Entrevista en TVE..., 2023]. Также депутаты партии предложили «усилить присутствие сил и органов правопорядка в испанских районах, где безопасность находится под наибольшей угрозой из-за массовой или неконтролируемой нелегальной иммиграции» [Vox despliega su..., 2023]. Однако категоричность и жесткость выражений зачастую вызывает резкую критику со стороны других партий, вплоть до призывов подать на партию «Голос» в суд за разжигание межэтнической ненависти, расизм и ксенофобию [El reparto de inmigrantes..., 2023]. В качестве примера также можно привести слова президента Канарских островов Фернандо Клавихо, который сказал, что не может согласиться с термином «вторжение» и с попыткой связать отсутствие безопасности или преступность с миграцией, упрекнув депутата «Голос» в «легкомысленном» подходе к иммиграционному кризису и заключая, что в этом вопросе «надо быть в первую очередь людьми, а не демагогами». Интересно привести слова социолога Даниэля Гаинза, который отметил влияние подобных высказываний на рост ксенофобии в обществе. Д. Гаинза считает, что граждане и другие политические лидеры должны потребовать, чтобы «эти выступления, которые так свободно обращаются к общественному мнению, были каким-то образом ограничены и наказаны» [Vox despliega su..., 2023].

Вторая причина роста актуальности миграционного фактора в политической риторике испанских партий была связана с тем, что в июле прошли внеочередные парламентские выборы. Почти каждая партия постаралась включить миграционный вопрос в свои политические программы. Краткий сравнительный анализ показал, что такие партии, как Испанская социалистическая рабочая партия, Народная партия, «Мы можем» и Объединенные левые наиболее часто говорят о борьбе с ксенофобией, расизмом и дискриминацией, а также о необходимости создания условий для эффективного управления миграционными потоками и последующей адаптации мигрантов в принимающее общество. В то время как политическая риторика партии «Голос» включает в себя такие пункты, как немедленная депортация на родину нелегальных мигрантов, а также тех, кто повторяет мелкие преступления или совершает тяжкие; лишение всех нелегальных мигрантов возможности получения помощи и льгот со стороны государства; предпочтение группам мигрантов, которые имеют общий язык и культуру [Las propuestas de..., 2023]. Поскольку в борьбе за голоса мигрантов важную роль играют союзы с латиноамериканскими правыми, интересно отметить особые связи, которые «Голос» активно налаживает с выходцами из Латинской Америки, особенно это касается тех, кто покинул Венесуэлу, Кубу и Колумбию по политическим соображениям и негативно воспринимающих социалистические идеи. Незадолго до выборов в начале июля 2023 года на YouTube появился канал «Латиноамериканцы за Абаскаля», там же была выложена предвыборная песня. Кроме того, в октябре 2020 года партия «Голос» взяла на себя обязательства защищать права мигрантов в Испании от идей социализма и стала инициатором создания Мадридской хартии, являющейся основополагающим документом альянса правых политических партий и организаций со всей Латинской Америки и Испании. К Хартии присоединились такие политики, разделяющие идеи партии «Голос»,

как бывший депутат Национальной ассамблеи Венесуэлы Мария Корина Мачадо, лидер Чилийской республиканской партии Хосе Антонио Каст, мэр Лимы Рафаэль Лопес Алиага и кубинский политик Гильермо Фариньяс [Vox se lanza a..., 2023].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что в связи с началом пандемии с марта 2020 года можно заметить некоторый отход от традиционной риторики, которая принесла партии популярность в 2019 году, и много внимания в выступлениях уделялось проблемам каталонского сепаратизма, защите традиционных ценностей и борьбе с нелегальной иммиграцией. Лидер партии Сантьяго Абаскаль указал на неспособность правительства справиться с пандемией, что также помогло ему представить правительство как враждебное испанскому народу. Драматизируя свои выступления, он осознавал, что средства массовой информации будут способствовать распространению его подстрекательских заявлений. Члены партии не сдерживают себя как в оценке деятельности правительства в целом, так и в отношении отдельных его членов, высказывая зачастую довольно резкие и оскорбительные эпитеты, что также должно способствовать большей эмоциональной вовлеченности сочувствующих. Помимо политической риторики, члены партии «Голос» активно отстаивают свои интересы в суде, что только добавляет популярности партии и может способствовать привлечению новых сторонников.

Особенность феномена популизма заключается в том, что он довольно грамотно играет на тех или иных экономических, политических или социальных кризисах, которые открывают возможности для критики действующих политических институтов, а также служат оправданием для радикальных мер. Обе эти тенденции можно проследить на примере партии «Голос», которая воспользовалась ограничениями, принятыми в период пандемии, чтобы попытаться дискредитировать правительство, получить известность и политическую поддержку со стороны недовольных граждан. Драматизация политического кризиса с преувеличенными обвинениями соответствует популистской стратегии, которая направлена на то, чтобы противопоставить «народ» правящей коалиции и извлечь выгоду из этого недовольства. В то же время сложная ситуация служит обоснованием для дальнейшего ужесточения миграционной политики, что также прослеживается в последних заявлениях представителей партии.

Данная тенденция подтверждается и событиями 2023 года, когда большой приток иммигрантов стал довольно серьезным вызовом для национальной безопасности и одновременно одной из основных тем в выступлениях членов партии. Политическая риторика партии «Голос» также максимально обостряет все негативные последствия нелегальной иммиграции, формирует устойчивый образ мигранта преступника, поддерживая высокий градус напряжения в обществе и выстраивая свою политическую аргументацию на базе мигрантофобии. В данном случае массовые наплывы иммигрантов используются как удачный пример для подтверждения и демонстрации своей позиции. В настоящий момент сложно спрогнозировать, насколько вырастет поддержка партии на волне миграционного кризиса, но сейчас партия «Голос» – единственная политическая сила, выступающая за жесткий поход в отношении нелегальных иммигрантов, поддерживающая растущую латиноамериканскую диаспору в Испании и отстаивающая интересы самих испанцев в сфере этнополитической безопасности. Можно предположить, что, если ситуация с прибытием мигрантов будет усугубляться и действующее правительство Педро Санчеса не справится с ней, популярность партии «Голос» будет расти, несмотря на популистский характер многих заявлений и частые обвинения партии во франкистской риторике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Abascal rechaza decir si se ha vacunado y se lleva un reproche de Federico Jiménez Losantos. 17.09.2021. El Diario. URL: https://www.eldiario.es/rastreador/no-contestar-pregunta-abascal-rechaza-revelar-si-vacunado-covid-19_132_8312456.html (accessed: 17 December 2023).
- Cronología del estado de alarma: 98 días de coronavirus que cambiaron la historia de España. 20.06.2020. Lasprovincias.es. URL: <https://www.lasprovincias.es/sociedad/cronologia-estado-alarma-20200620084732-nt.html> (accessed: 17 December 2023).
- El Gobierno oculta 32.000 fallecidos a causa del Covid-19. 13.01.2021. Voxespana.es. URL: <https://www.voxespana.es/actualidad/el-gobierno-oculta-18-000-fallecidos-a-causa-del-covid-19-20210113> (accessed: 25 November 2023).
- El reparto de inmigrantes por sorpresa y sin contar con las CCAA crea alarma y rechazo en 16 provincias. 27.10.2023. El Espanol. URL: https://www.elespanol.com/espana/20231027/reparto-inmigrantes-sorpresa-sin-contar-ccaa-crea-alarma-rechazo-provincias/804919919_0.html (accessed: 17 December 2023).
- El TC dictamina que el cerrojazo del Congreso durante la pandemia vulneró los derechos de los diputados. 05.10.2021. El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2021/10/05/615c022821efa07c318b4573.html> (accessed: 27 November 2023).
- Entrevista en TVE Vox equipara la inmigración ilegal al «terrorismo» y pide «garantizar las fronteras». 27.10.2023. RTVE.es. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20231027/vox-equipara-inmigracion-ilegal-terrorismo-pide-proteger-fronteras/2459423.shtml> (accessed: 10 December 2023).
- Estas son las claves de la sentencia del TC que declara inconstitucional el confinamiento del estado de alarma. 16.07.2021. El Periodico. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20210716/claves-tc-inconstitucional-confinamiento-estado-de-alarma-11916005> (accessed: 27 November 2023).
- Homicidios, agresiones sexuales y apuñalamientos: VOX denuncia la nueva oleada de crímenes cometidos por inmigrantes ilegales. 07.12.2021. Voxespana.es. URL: https://www.voxespana.es/grupo_parlamentario/actividad-parlamentaria/homicidios-agresiones-sexuales-y-apunalamientos-vox-denuncia-la-nueva-oleada-de-crimenes-cometidos-por-inmigrantes-ilegales-20211207 (accessed: 7 December 2023).
- Inmigración irregular. 2023. Informe Quincenal. Datos acumulados del 1 Enero al 31 Diciembre. Ministerio del Interior. URL: https://www.interior.gob.es/opencms/export/sites/default/galleries/galeria-de-prensa/documentos-y-multimedia/balances-e-informes/2023/24_informe_quincenal_acumulado_01-01_al_31-12-2023.pdf (accessed: 10 January 2024).
- La extrema derecha trata de expandirse aprovechando la pandemia y saca la artillería contra el Gobierno. 24.03.2020. El Diario. URL: https://www.eldiario.es/politica/vox-coronavirus-gobierno-criticas_1_1008018.html (accessed: 15 November 2023).
- La moción de censura de Vox es derrotada con el menor apoyo de la democracia. 22.10.2020. El País. URL: <https://elpais.com/espana/2020-10-22/la-mocion-de-censura-de-vox-es-derrotada-con-el-menor-apoyo-de-la-democracia.html> (accessed: 27 November 2023).
- Las propuestas de los partidos nacionales sobre racismo y migración en sus programas para el 28-M. 23.05.2023. Newtral.es. URL: <https://www.newtral.es/propuestas-racismo-partidos-28m/20230523/> (accessed: 17 December 2023).
- Pasaporte Covid y vacunas a menores: la batalla que enfrentará a Vox y PP en otoño. 07.08.2021. Vozpopuli. URL: <https://www.vozpopuli.com/espana/pasaporte-covid-vox.html> (accessed: 27 November 2023).
- PSOE y Unidas Podemos ponen en marcha el primer gobierno de coalición en la historia reciente de España. 07.01.2020. RTVE.es URL: <https://www.rtve.es/noticias/20200107/psoe-unidas-podemos-ponen-marcha-primer-gobierno-coalicion-historia-reciente-espana/1994920.shtml> (accessed: 27 November 2023).
- Real Decreto 463/2020, de 14 de marzo, por el que se declara el estado de alarma para la gestión de la situación de crisis sanitaria ocasionada por el COVID-19. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2020-3692> (accessed: 14 December 2023).

- Vox afirma que el estado de alarma fue la «mayor vulneración de derechos de la historia» y el PP defiende que ya lo advirtió. 14.07.2021. El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2021/07/14/60eee301fdddffd0aa8b45bf.html> (accessed: 30 November 2023).
- Vox critica las «inexistentes» medidas del Gobierno contra el coronavirus y pide restringir el movimiento de personas. 09.03.2020. Infosalus. URL: <https://www.infosalus.com/actualidad/noticia-vox-critica-inexistentes-medidas-gobierno-contra-coronavirus-pide-restringir-movimiento-personas-20200309185157.html> (accessed: 30 November 2023).
- Vox despliega su agenda ultra en Canarias por la inmigración. 23.07.2023. Cadena SER. URL: <https://cadenaser.com/canarias/2023/10/19/vox-despliega-su-agenda-ultra-en-canarias-por-la-inmigracion-radio-club-tenerife/> (accessed: 17 December 2023).
- VOX Melilla: «El Gobierno está perdido en una ineficacia, incapaz de distinguir entre gastos públicos y políticos, y que llevará a la misma ruina de nuestra nación». 28.11.2021. Voxespana.es. URL: <https://www.voxespana.es/noticias/vox-melilla-el-gobierno-esta-perdido-en-una-ineficacia-incapaz-de-distinguir-entre-gastos-publicos-y-politicos-y-que-llevara-a-la-misma-ruina-de-nuestra-nacion-20211128> (accessed: 9 December 2023).
- Vox pide prohibir la entrada a España de personas procedentes de Brasil ante la nueva variante del Covid. 27.01.2021. Notimerica. URL: <https://www.notimerica.com/economia/noticia-vox-pide-prohibir-entrada-espana-personas-procedentes-brasil-nueva-variante-covid-20210127180432.html> (accessed: 5 December 2023).
- VOX rechaza el falso homenaje del Gobierno a las víctimas del Covid del próximo jueves. 13.07.2021. Voxespana.es. URL: <https://www.voxespana.es/actualidad/vox-rechaza-el-falso-homenaje-del-gobierno-a-las-victimas-del-covid-del-proximo-jueves-20210713> (accessed: 30 November 2023).
- Vox reclama expulsar de España a todos los inmigrantes ilegales. 13.07.2022. La Vanguardia. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20220713/8406629/vox-reclama-expulsar-espana-todos-inmigrantes-ilegales.html> (accessed: 10 December 2023).
- Vox se lanza a la conquista del millón y medio de votos latinos. 21.07.2023. El Confidencial. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2023-07-21/vox-lanza-conquista-voto-hispano_3700399/ (accessed: 17 December 2023).
- Vox se lanza a la yugular del Gobierno, aunque eso le lleva a caer en contradicciones. 08.04.2020. La Vanguardia. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20200408/48384447192/vox-criticas-gobierno-sanchez-crisis-coronavirus.html> (accessed: 18 November 2023).

Список литературы

- Астахова Е.В. 2020. Особенности дискурса партии Vox и причины ее успеха. Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. П.П. Яковлев, А.А. Куракина-Дамир. М., ИЛА РАН: 35–44.
- Терещук А.А. 2020. Языковая идеология испанской партии «VOX». Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 30(5): 828–836. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-828-836
- Хенкин С.М. 08.01.2021. 2020. Испания в тисках коронавируса. Портал МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/2020-ispaniya-v-tiskakh-koronavirusa/> (дата обращения: 20 December 2023).
- Хенкин С.М. 2020. Метаморфозы в правом лагере. Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. П.П. Яковлев, А.А. Куракина-Дамир. Москва, ИЛА РАН: 27–35.
- Olivas Osuna J.J., Rama J. 18.06.2021. COVID-19: A Political Virus? VOX's Populist Discourse in Times of Crisis. *Frontiers in Political Science*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2021.678526/full> (accessed: 30 November 2023).

References

- Astahova E.V. 2020. Osobennosti diskursa partii Vox i prichiny ee uspekha [Features of the Discourse of the Vox Party and the Reasons for its Success]. *Ispaniya v novej nacional'noj i mezhdunarodnoj real'nosti*. Otv. red. P.P. Yakovlev, A.A. Kurakina-Damir. M., ILA RAN: 35–44.

- Tereshchuk A.A. 2020. Yazykovaya ideologiya ispanskoj partii «VOX» [Linguistic Ideology of the Spanish party «VOX»]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya. 30(5): 828–836. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-828-836.
- Henkin S.M. 08.01.2021. 2020: Ispaniya v tiskah koronavirusa [2020: Spain in the Grip of Coronavirus]. Portal MGIMO. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/2020-ispaniya-v-tiskakh-koronavirusa/> (accessed: 20 December 2023).
- Henkin S.M. 2020. Metamorfozy v pravom lagere [Metamorphoses in the Right Camp]. Ispaniya v novoj nacional'noj i mezhdunarodnoj real'nosti. Otv. red. P.P. Yakovlev, A.A. Kurakina-Damir. M., ILA RAN: 27–35.
- Olivas Osuna J.J., Rama J. 18.06.2021. COVID-19: A Political Virus? VOX's Populist Discourse in Times of Crisis. Frontiers in Political Science. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpos.2021.678526/full> (accessed: 30 November 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.01.2024

Received 10.01.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2024

Revised 20.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цымбалова Анна Евгеньевна, доцент кафедры истории и теории международных отношений, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Anna E. Tsymbalova, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Senior Researcher of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3673-0641](https://orcid.org/0000-0002-3673-0641)

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262

Оригинальное исследование

Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи

Захаров С.М.

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Россия, 127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49
E-mail: zakharov1201@rambler.ru

Аннотация. В статье проводится анализ постов в социальных медиа, публикаций СМИ, текстов официальных документов, посвященных Второй мировой войне, Великой Отечественной войне, мероприятиям в честь празднования Дня Победы. Автор выделяет российский и зарубежный дискурсы, посвященные данной теме, стремящиеся за счет выдвигаемых нарративов трансформировать историческую память и скорректировать историческое сознание в выгодном для себя ключе. Целью исследования является определение трендов российского и зарубежного дискурсов. В работе используется контент-анализ, дающий возможность проанализировать содержание российских и зарубежных источников, дискурс-анализ, позволяющий оценить степень влияния создаваемого контента на историческую память и сознание, а также исторический метод, создающий условия для сопоставления выдвигаемых нарративов с историческим контекстом. В процессе изучения автор приходит к выводу, что в особой зоне риска находится молодежь, на историческое сознание и самоидентификацию которой заинтересованные акторы, за счет манипуляций фактами и информацией, могут оказывать значительное влияние.

Ключевые слова: война, День Победы, дискурс, молодежь, парад, Путин, СССР

Для цитирования: Захаров С.М. 2024. Медиадискурс Дня Победы: риски для современной молодежи. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 250–262. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Media Discourse of Victory Day: Risks for Modern Youth

Sergey M. Zakharov

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
49 Timiryazevskaya St., Moscow 127434, Russia
E-mail: zakharov1201@rambler.ru

Abstract. The article critically examines the portrayal of the Second World War, the Great Patriotic War, and Victory Day in social media, media outlets, and official documents. The author sheds light on both Russian and foreign discourses surrounding this subject, emphasizing how these discourses employ specific narratives to reshape historical memory and manipulate historical consciousness to serve their own interests. The study aims to identify prevailing trends in both Russian and foreign discourses through the utilization of content analysis to scrutinize the content of sources, discourse analysis to gauge the impact of the created content on historical memory and consciousness, and the historical method to juxtapose the presented narratives with the historical context. Through this comprehensive approach, the author concludes that young people are particularly vulnerable to the influence of interested actors who, by manipulating facts and information, seek to shape their historical consciousness and self-identification. The study underscores the significance of understanding and critically evaluating the narratives propagated in these discourses, especially in relation to their potential impact on the historical perspectives of the younger generation.

Keywords: war, Victory Day, discourse, youth, parade, Putin, USSR

For citation: Zakharov S.M. 2024. The Media Discourse of Victory Day: Risks for Modern Youth. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 250–262 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-250-262

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

События Второй мировой войны являлись поворотным моментом для мировой истории, затронувшим жизни людей на всех континентах. Для людей постсоветского пространства война стала частью личной истории, определив на многие десятилетия систему мировоззрения. Со сменой поколений и хронологическим отдалением от описываемых событий трансформировалась историческая память, вскрывались новые факты, происходила их интерпретация, построенная не всегда на принципах исторической объективности, но и на идеях ревизионизма, инспирированной политической конъюнктурой.

Определяя в качестве проблемы исследования необходимость сохранения исторической объективности и предотвращения искажений исторических событий под воздействием смены времен и политических интересов, тема исследования требовала комплексного анализа с использованием социологических, политологических и культурологических подходов. В этой связи интерес представляют исследования А.А. Синютина, И.М. Пушкаревой, Т.П. Емельяновой, А.В. Мишариной, О.В. Головашиной, А.А. Линченко, Д.А. Аникина, изучающие вопросы исторической памяти, сознания, идентичности различных групп населения через их восприятие празднования Дня Победы и событий Великой Отечественной войны. Также следует обратить внимание и на работы К.А. Фесик, К.Г. Челлини, А.С. Антоненковой, С.С. Лаухиной, Р.А. Юрченко, А.Н. Курицына и других, посвященных изучению российского и зарубежного медиаконтента по теме исследования.

Объект и методы исследования

Можно считать, что российские и зарубежные дискурсивные практики, посвященные теме Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, а также празднованию Дня Победы являются одним из проявлений информационного внешнеполитического противостояния, в рамках которого происходит борьба за молодежь. Изучение данного аспекта в современных реалиях представляется достаточно актуальным, поскольку позволяет понять, как различные акторы интерпретируют и используют исторические события в своих целях. В свою очередь, понимание различий между российским и зарубежным дискурсами по данной теме может помочь в разрешении конфликтов и улучшении международных отношений.

Учитывая актуальность темы, объектом исследования выступает российский и зарубежный медиаконтент, посвященный теме Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, а также проведению Дня Победы.

Цель исследования – определить тренды развития и характер трансформации российского и зарубежного дискурсов, посвященных заданной теме.

Рассуждая о методологической основе исследования, можно отметить, что автор проводит вторичный анализ постов в социальных медиа и публикаций в СМИ, используя метод контент-анализа для выявления ключевых тем, нарративов, тенденций обсуждения Второй мировой войны и празднования Дня Победы. Это позволило выделить основные тренды и дискурсы, присутствующие в российских и зарубежных источниках. Для выявления стремлений трансформировать историческую память и корректировать историческое сознание автор прибегает к методу дискурсивного анализа. Этот подход позволяет выявить лингвистические и семиотические признаки манипуляции сознанием через нарративы и выражение определенных точек зрения. Также используется исторический метод, дающий возможность контекстуализировать обсуждаемые нарративы.

Результаты и их обсуждение

С разрушением советской идеологической модели перед властью стояла задача поиска новых нарративов, которые обеспечивали бы демократический транзит, сохраняя принципы единства многонационального и многоконфессионального народа Российской Федерации как правопреемницы СССР. На это обращал внимание А.А. Синютин, отмечая, что распад СССР вызвал «глубокий кризис идентичности, определил необходимость поиска знакового исторического события, которое можно трактовать как основу для укрепления единства общества. При этом данное событие в этом качестве не должно вызывать противоречивых толкований и оценок у всех политических акторов и во всех социальных слоях общества. Таким общепризнанным событием являлась победа СССР над фашизмом. Масштаб этого события и жертвенность народа были столь велики, что не требовали специальных усилий по интерпретации. А историческая очевидность данного события, закреплённая в международных юридических документах, предотвращала какие-либо иные его трактовки» [Синютин, 2021, с. 3–4].

Осознавая необходимость демонстрации своей легитимности, власть уделяла большое значение собственной репрезентации, реализация которой была возможна в рамках мероприятий, проводимых 9 мая, и, прежде всего, Парада Победы. На это указывала И.М. Пушкарева, отмечая, что «стабильность государства, отражение его культурных ценностей получает выражение и подкрепляется в государственном церемониале, который служит «маркером» государственности, фактором наличия в нем традиций и преемственности, имеет идеологическое и эстетическое воздействие на общество» [Пушкарева, 2019, с. 164].

При этом современное российское общество в аспекте восприятия Дня Победы не является однородным. Несмотря на позитивные оценки, демонстрируемые большинством граждан, встречаются и мнения о чрезмерном расходовании средств или формализме проводимых праздничных мероприятий. В свое время на это обращали внимание Т.П. Емельянова и А.В. Мишарина, придя к заключению на основе структурированного интервью (n = 50) о межпоколенческом разрыве: «для всех события войны имеют высокую эмоциональную значимость, но если оценки и впечатления неработающих пенсионеров достаточно согласованны и однозначны, то поколение современной молодежи демонстрирует высокую степень скепсиса по отношению к существующим традициям, сомнения и неуверенность в своих знаниях о событиях войны» [Емельянова, Мишарина, 2014, с. 228].

Следует отметить, что исследовательские выводы корреспондируются с данными, полученными ВЦИОМ во время опроса 5 мая 2021 г. (n = 1 600), в ходе которого большинство (69 %) россиян отметили День Победы 9 мая как самый важный для себя праздник (табл. 1, табл. 2) [День Победы..., 2021].

Таблица 1
Table 1

Популярность Дня Победы – 9 мая: распределение по возрасту (в %)
The popularity of Victory Day – May 9: distribution by age (in %)

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
57	65	63	70	78

Таблица 2
Table 2

Популярность Дня Победы – 9 мая: распределение по населенному пункту (в %)
The popularity of Victory Day – May 9: distribution by locality (in %)

Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500–950 тыс. жителей	100–500 тыс.	Менее 100 тыс.	Сёла
62	66	64	73	71	70

Полученные данные свидетельствуют о том, что более трепетно к празднику Дня Победы 9 мая относится старшее поколение, проживающее в средних и небольших городах, а также сельской местности. При этом можно предположить, что эта позиция экстраполируется и на молодежь, которая находится с ними в едином провинциальном пространстве и культуре. В свою очередь, молодежь мегаполисов, городов-миллионников, крупных городов, несмотря на лояльность к празднику, уже не демонстрирует такого пиетета к событиям минувшей эпохи.

В этой связи мы можем согласиться с мнением ряда исследователей, которые отмечали «ощутимый рост неосведомленности младшего поколения россиян. Это свидетельствует о переходе коммуникативной памяти о войне в память культурную. Молодежное историческое сознание в последние годы демонстрирует явную тенденцию к трансформации от статуса прошлого как важного элемента практической деятельности к прошлому как объекту познавательного интереса» [Головашина, Линченко, Аникин, 2017, с. 129].

Столь разнообразное отношение к Дню Победы в современном российском обществе может таить в себе некоторые риски. Во-первых, отсутствие однородного восприятия может привести к разногласиям внутри общества, создавая напряжение между теми, кто рассматривает этот день как значимое и торжественное событие, и теми, кто воспринимает его скептически. Кроме того, возникает риск снижения значимости Дня Победы, если определенная часть населения будет считать его простой формальностью. Через какое-то время это потенциально способно подорвать память о жертвах, принесенных во время войны, и важность чествования ветеранов и павших солдат.

В этом контексте особое значение приобретает медиадискурс Дня Победы, в рамках которого происходит транслирование определенных коннотаций и рефлексий субъектов, включенных в происходящий процесс.

Интерес в аспекте освящения Дня Победы представляют публикации в зарубежных СМИ, акценты в которых, в зависимости от политической конъюнктуры, с течением времени менялись. Заметим, что данная тема уже привлекала внимание исследователей, что дает нам возможность за счет вторичного анализа определить тренды интерпретаций повторяющегося из года в год события.

Обзор публикаций в зарубежных СМИ, приуроченных к празднованию 65-летия Победы, проведенный К.Г. Челлини, позволяет указать на то, что статьи касались как исторического контекста, так и описания праздничных мероприятий. Поднималась тема исторической памяти, в рамках которой краеугольным камнем являлась фигура И.В. Сталина, а также интерпретация его образа в сознании населения – от признания преступлений до реабилитации. Это давало повод вспомнить проводимые чистки в Генштабе и офицерском корпусе, а также советско-германский пакт Молотова – Риббентропа, что позволяло искать сходства или ассоциировать тоталитарные режимы. При этом вклад СССР в разгром нацистской Германии не подвергался сомнению. В свою очередь, значительное внимание уделялось проведению Парада Победы, поиску смыслов и посылов, свойственных этому символическому действию. Так, участие солдат стран блока НАТО в параде интерпретировалось как политическое сближение с Западом, при этом разнообразие демонстрируемой военной техники – как претензия России на статус сильной военной державы. Присутствие на трибунах лидеров многих государств трактовалось как интеграция России в мировое сообщество, а нахождение по обе стороны от Д. Медведева А. Меркель и Ху Цзиньтао при отсутствии других мировых лидеров у могилы Неизвестного солдата – как примирение России и Германии, так и демонстрация КНР в качестве ключевого внешнеполитического партнера [Челлини, 2010, с. 122–127].

Заметим, что авторы публикаций пытались найти некий отрицательный фон описываемых событий: живучесть традиции отмечать праздник Победы объяснялась ностальгией

политической элиты по советскому прошлому, подразумевая имперские амбиции; демонстрация военной техники на параде сопровождалась комментариями о существующих проблемах в армии и военно-промышленном комплексе; Победа в войне корреспондировалась с деятельностью И.В. Сталина и его репрессивного аппарата. Это дает основание считать, что публикации были отчасти направлены на формирование неких комплексов у определенных групп российских читателей и определенного взгляда зарубежной публики на российскую действительность.

70-я годовщина Победы получила широкое освящение в зарубежных СМИ. Проведенный анализ публикаций, реализованный посредством метода политической медиаметрии, дал повод А.С. Антоненковой прийти к следующим выводам:

- «Общий уровень отрицательной тональности по теме, связанной с Великой Отечественной войной, в СМИ США, Британии, Германии превалирует. ...<...>...
- Преобладающей формой освещения событий является аналитическая статья, используются приемы: смещение акцентов, риторика, искажение или замалчивание фактов, откровенная русофобия. ...<...>...
- Медийная фигура В.В. Путина лидирует по количеству упоминаний в заголовках представленных изданий и оказывается главной мишенью информационных атак СМИ стран Запада» [Антоненкова, 2019, с. 619–620].

Отрицательный фон, на который указывала А.С. Антоненкова, обеспечивался за счет ранее используемых в зарубежном политическом дискурсе клише. Одно из них – сравнение Путина и Сталина («Путин, к счастью, очень бледная имитация своего героя»). В свою очередь, гости, принявшие приглашения посетить парад в Москве, несмотря на изменение геополитической ситуации, наделялись характеристиками под стать конструируемому образу российского лидера («Диктаторы присоединяются к Параду Победы Путина»). Характеристики Президента Российской Федерации корреспондировались с представлением о России как «региональном акторе» с претензией на мировое господство. Образ подавался в противовес Китаю, сближение с которым воспринималось негативно. В описании проводимых торжественных мероприятий, которые характеризовались как «победное шоу», призванное повысить рейтинг Кремля, отмечались невыигрышные ракурсы. В частности, поломка нового танка Т-14 Армата во время репетиции парада («Супертанк Путина сломался накануне Парада Победы», «Не совсем страшное оружие, на которое надеется Путин! Новый современный российский танк ЛЮМАЕТСЯ, когда его впервые демонстрируют... и военачальники даже не могут его отбуксировать»). Таким образом, прямое или косвенное упоминание В.В. Путина в зарубежных СМИ можно интерпретировать как попытку поднять вопрос о персонифицированной ответственности за происходящие процессы как внутри страны, так и в мире.

Мероприятиям в честь 75 лет Победы также уделялось значительное внимание в зарубежных СМИ. С.С. Лаухина и Р.А. Юрченко, проанализировав 275 публикаций из 7 государств, сделали следующие выводы:

- «В оценке прессой парада выделяется несколько смысловых акцентов: «парад и пандемия», «парад и голосование за поправки в Конституцию», «парад и демонстрация военной силы», «парад и защита исторической правды», «парад и патриотизм».
- Основной стратегией западных СМИ в материалах о Параде Победы становится стратегия дискредитации, реализующаяся в тактиках обвинения, гиперболизации, иронично-пренебрежительной тональности высказывания.
- В общей оценке Парада Победы в современном медиапространстве наметились некоторые положительные тенденции. ...<...>... В частности, в высказываниях СМИ не прослеживается откровенной русофобии» [Лаухина, Юрченко, 2021, с. 164].

Тональность публикаций во многом являлась продолжением позиций государств по отношению к России, при этом их проблематика не претерпела серьезных изменений, лишь

скорректировавшись под влиянием пандемии. В этой связи показательным выглядит мнение, высказанное Д. Макдауэлом, которое, вероятно, заключало в себе практически весь набор дискурсов, характерный для зарубежных СМИ на тот момент.

Парад Победы по праву является большим, символически важным праздником для российского народа, поскольку он представляет собой одно из немногих однозначно положительных достижений Советского Союза. При этом выбор времени парада служит явно заметной предвыборной цели.

В настоящее время ущерб экономике и общественному здравоохранению от пандемии и неравномерная реакция правительства ясно видны большинству россиян, и есть признаки того, что она подрывает общественную поддержку В.В. Путина. Парад в честь Дня Победы – это впечатляющее зрелище, наглядная демонстрация российской военной мощи, призванная вызвать как национальную гордость, так и уважение за путинское восстановление «сильной» России, которая развеет опасения по поводу путинского управления внутренней экономикой [Ellyatt, 2020].

Следует отметить, что традиционно в фокус зарубежных СМИ попадали присутствующие на Параде Победы, что давало повод выстраивать предположения о характере взаимоотношений между государствами на определенном этапе. Коронавирус в определенной мере завуалировал эти расклады, позволив лидерам ряда государств, несмотря на приглашение, отказаться от визита, сославшись на пандемию и перенос парада. В свою очередь, мы можем согласиться с мнением К. Путц, которая отмечала, что, если бы пандемия не вмешалась, первоначально запланированный парад и его участники подчеркнули бы, насколько Россия и Запад разделились за последние годы. Парад – это, конечно, всего лишь парад, но то, кого приглашают на такое мероприятие и кто действительно появляется, говорит нам кое-что о природе лежащих в основе отношений. Россия поддерживает самые четкие и тесные связи с государствами бывшего Советского Союза независимо от того, есть пандемия или нет [Putz, 2020].

Западные СМИ не обошли вниманием и Парад Победы 2023 г., в освещении которого исторический контекст события был вытеснен политической повесткой, которая была сфокусирована на вооруженном конфликте России и Украины. Как отмечал Л. Лейрос, «крупные СМИ распространяют информацию о том, что Россия организовала сокращенное мероприятие, потому что ее военный потенциал подорван конфликтом и в настоящее время у страны низкая боевая мощь, мало солдат и оружия» [Leiroz, 2023].

Проведенный анализ показал, что при освещении праздничных мероприятий в честь Дня Победы историческая составляющая события наполнялась актуальными на тот момент политическими коннотациями, тем самым превращая его в инструмент для формирования и поддержания определенных политических установок и ценностей, что отражало сдвиг в политической культуре и восприятии исторических событий в контексте современной общественной жизни. В свою очередь, акт слияния коммеморации с современными политическими коннотациями актуализирует необходимость критического анализа политических нарративов в исторической сфере, учитывая присущую исторической памяти гибкость и восприимчивость к манипуляциям в политических целях.

Исследовательский интерес вызывают интернет-комментарии пользователей сети, изучение которых дает основание судить о социологических характеристиках и настроениях акторов, а также линии поведения модерлируемых площадок в зависимости от их позиции и аффилиации. Такой анализ был проведен К. Фесик 24–26 июня 2020 г. на основании комментариев к новостным постам в группах ряда СМИ в ВКонтakte. В результате автор отмечала, что в группах, «отличающихся либеральными взглядами – «Дождь» [включен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента], «РБК», «Медуза» [включен в реестр иностранных средств массовой информации,

выполняющих функции иностранного агента] – преобладают комментарии негативного характера. Все пользователи в этих пабликах авторизованы, аккаунты активны. В группах, поддерживаемых государством («Российская газета», «АиФ», «RT»), сравнительно меньше комментариев в целом, наблюдаются заблокированные или удаленные аккаунты, присутствуют удаленные комментарии» [Фесик, 2021, с. 1111].

Преобладание в большинстве групп критических комментариев, на что указывает автор исследования, вполне укладывается в логику фиксируемого более скептического отношения к Дню Победы у молодежи, а также ее большей пользовательской активности в сети, которая на отдельных площадках корректируется редакционной политикой. Кроме этого, влияние оказывает и психологический аспект, в рамках которого актер склонен найти свое комьюнити, а не вести постоянные споры с оппонентами. Тем самым происходит погружение в так называемую эхо-камеру, где пользователи постоянно подвергаются воздействию информации и мнений, которые подтверждают и укрепляют их существующие убеждения, что может приводить к нежеланию рассматривать альтернативные точки зрения. Ограничивая воздействие иной информации, люди в эхо-камерах искажают восприятие реальности, поскольку они защищены от противоречивых мнений и с меньшей вероятностью критически оценивают свои собственные убеждения. Феномен эхо-камеры способствует и политической поляризации, поскольку люди становятся более укорененными в своих убеждениях и менее открытыми для диалога и компромисса с теми, кто их не разделяет.

В ходе другого исследования, где было проанализировано более 4,7 млн сообщений, авторы отмечали: «Постоянный и значительный рост количества публикаций с недостоверными фактами о событиях Великой Отечественной войны. ...<...>... Активную роль в распространении публикаций играют зарубежные аккаунты. Происходит «импорт повестки». ...<...>... Фальсификации и манипуляции историческими фактами используются в политических и геополитических целях» [Курицын и др., 2020, с. 12].

Проведенный вторичный анализ комментариев пользователей позволяет говорить, что они во многом являлись продолжением заданных теми или иными СМИ трендов. Кроме того, комментарии могут расширять, дополнять, исказить информацию, предоставленную в медиа, что свидетельствует о влиянии медиaprостранства на формирование общественного мнения и поведение людей.

Источниками, развивающими дискурс вокруг Дня Победы, также выступают публикации/интервью первых лиц государства, которые сочетают в себе как личное отношение, так и декларируемую позицию государства по тем или иным аспектам. В нашем случае некоторые из них можно расценить как реакцию на публикуемые западными институциями документы, в которых давались оценки политическому режиму, существовавшему в СССР, а также определялись причины начала Второй мировой войны.

В резолюции «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», изданной в 2009 г., отмечалось, «что в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушение прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества» [Вильнюсская декларация..., 2009, с. 53].

В последующем интервью, вышедшем в преддверии Дня Победы 2010 г., Д.А. Медведев уделял особое внимание исторической правде, сквозь призму которой необходимо освещать события. Исторический объективизм должен был обеспечиваться за счет введения в научный оборот новых архивных материалов, при этом дискуссии не должны оспаривать факты, не требующие доказательств, – самоочевидные или закрепленные в международных документах, в частности вопрос о том, кто начал войну и кто повинен в ней, ответ на который кроется в материалах Нюрнбергского процесса, документах, памяти огромного количества людей.

Рассуждая о И.В. Сталине, Президент России отмечал, что «Великую Отечественную войну выиграл наш народ, не Сталин и даже не военачальники при всей важности того, чем они занимались. ...<...>... Если говорить о государственной оценке, о том, как оценивается Сталин руководством страны в последние годы, с момента возникновения нового Российского государства, то здесь оценка очевидная – И.В. Сталин совершил массу преступлений против своего народа» [Дмитрий Медведев..., 2010].

Проведенное сопоставление позиции, выработанной в зарубежном дискурсе, и реакции официальных российских властей давали возможность говорить, что западные оценки сталинского режима не оспаривались Президентом России. Это подтверждало тренд на продолжавшийся в постсоветской России демократический транзит, в рамках которого исторические переоценки формируют общественный дискурс и политические решения.

В резолюции Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», изданной в 2019 г., декларировалось, что «23 августа 1939 года Коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали пакт о ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа, и его секретные протоколы, которые разделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, составили из них сферы интересов, подготовили почву для начала Второй мировой войны» [Importance of European..., 2019].

Комментируя резолюцию Европарламента, А. Макаркин отмечал, что в ней находит свое отражение «мейнстримная западная трактовка истории XX века ...<...>... СССР – это тоталитарная страна, а Сталин почти столь же одиозен, как Гитлер. ...<...>... Подвига советских солдат в рамках этой трактовки не отрицают, но не распространяют этого положительного отношения на сталинскую политику “железного занавеса” и экспансии на территории соседних стран. Да и решающую роль за СССР в войне также не признают – Сталинград находится в общественном восприятии на одном уровне с Эль-Аламейном» [Макаркин, 2019].

Принятая резолюция спровоцировала широкую реакцию в российских СМИ, а также послужила поводом для заявлений Президента России В.В. Путина на различных мероприятиях. В итоге в 2020 г. на страницах американского журнала «The National Interest» появилась обстоятельная статья «The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II», опирающаяся на архивные материалы и отвечающая, по сути, на каждый из предъявленных выпадов.

К слову заметим, что тезисы, представленные в рамках данного материала в развернутом виде, ранее уже озвучивались В.В. Путиным в статье «Karty historii – powód do wzajemnych pretensji, czy podstawa pojednania i partnerstwa?», вышедшей в 2009 г. на страницах польского издания «Wyborcza» [List Putina..., 2009].

В противовес заявленной в рамках резолюции позиции, В.В. Путин высказывал два тезиса: «глубинные причины Второй мировой войны во многом вытекают из решений, принятым по итогам Первой мировой. ...<...>... Мюнхенский сговор послужил тем спусковым крючком, после которого большая война в Европе стала неизбежной» [Путин, 2020]. Тем самым Запад характеризовался как субъект, с чьего согласия или попустительства Германия обрела силу и развязала войну. СССР, в свою очередь, выступал как актер, действия которого были обусловлены сложившимися обстоятельствами.

Представление этих концепций давало повод говорить о принципиальных различиях во взглядах, культивируемых в западном и российском дискурсах. Это отражалось и на используемой в текстах лексике, которой оппоненты описывали одни и те же события. В частности, в резолюции говорилось, что коммунистический Советский Союз [«annexed»] *аннексировал* независимые республики Литву, Латвию и Эстонию [Importance of European..., 2019], при этом В.В. Путин интерпретировал это как «Советский союз начал процесс *инкорпорации* Латвии, Литвы и Эстонии. Их вступление в СССР было реализовано на договорной основе, при согласии избранных властей. Это соответствовало нормам международного и государственного права того времени» [Путин, 2020].

В. Путин в своей статье вовсе не использовал слово «тоталитарный», в противовес тексту резолюции, который во многом был построен на этом термине («totalitarian» и «totalitarianism» использовались 28 и 5 раз соответственно).

Рассуждения Президента России затрагивали и моральную сторону вопроса, которая заключалась в мужестве СССР признать, в отличие от коллективного Запада, свои ошибки. «Советский союз дал правовую и моральную оценку так называемому Пакту Молотова – Риббентропа. В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 года официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти», никак не отражавший «волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор». Вместе с тем другие государства предпочитают не вспоминать о соглашениях, где стоят подписи нацистов и западных политиков. Не говоря уже о юридической или политической оценке такого сотрудничества, в том числе молчаливого соглашательства некоторых европейских деятелей с варварскими планами нацистов вплоть до их прямого поощрения» [Путин, 2020].

Справедливости ради отметим, что декларируемая «коллективным Западом» позиция не имела единогласной поддержки. В частности, министр иностранных дел ФРГ Х. Маас и глава Института современной истории А. Виршинг отмечали: «Предпринимаемые в последние месяцы попытки переписать историю столь позорным образом требуют от нас разъяснений, которые, возможно, и не нужны, учитывая непреложные исторические факты: Германия в одиночку развязала Вторую мировую войну, напав на Польшу. И только Германия несет ответственность за преступление против человечности, совершенные в Холокосте. Кто сеет сомнения в этом и толкает другие народы на преступную роль, тот несправедливо поступает с жертвами. Он использует историю как инструмент и раскалывает Европу» [Maas, Wirsching, 2020].

В свою очередь, «в российском обществе мы наблюдаем иную ситуацию ввиду отсутствия «культуры вины» и постоянных отсылок то к гордости за выигранную войну, то к горечи безвозвратных и во многом неоправданных потерь. При этом отсутствие социального консенсуса приводит к резкой смене оценок от патриотизма до ущемлений национальной гордости» [Головашина, Линченко, Аникин, 2017, с. 130].

В свою очередь, мы можем согласиться с мнением Д.И. Булдаковой, которая отмечала, что «обе стороны – как российская, так и западная – упрекают друг друга в намеренном искажении фактов и попытках добиться их переоценки. Целью этих действий является создание такого образа событий конца 1930–1940-х годов, который соответствовал бы современной политической прагматике каждой из сторон. Впрочем, этот прецедент не является уникальным и характеризует не столько специфику исторической ситуации периода Второй мировой войны, сколько нынешнюю напряженность в отношениях между Россией и Западом» [Булдакова, 2021, с. 220].

Таким образом, вепонизация истории является стратегическим инструментом, используемым странами для достижения геополитических целей. Конфронтация между Россией и Западом часто проявляется в так называемых «войнах памяти», когда исторические события и памятные даты становятся полем битвы для конкурирующих нарративов. Превращение истории в оружие становится очевидным в символической политике, используемой обеими сторонами для утверждения своего морального авторитета и делегитимации другой стороны.

Окончательная фиксация позиции российских властей сопровождалась изменениями в Федеральном законе, в котором закреплялся «запрет публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы» [Федеральный закон...].

Сближают интервью Д.А. Медведева и статью В.В. Путина истории о своих родных, что придает сдержанным текстам элементы личного, располагая к себе читателя. Поистине откровенной получилась статья В.В. Путина о его родителях «Жизнь такая простая штука и жестокая» [Путин, 2015], рассказывающая историю одной из миллионов семей, в чью судьбу вмешались ужасы войны.

Публикация президента попала в фокус зарубежных СМИ, дав повод для статьи «Putin, diesmal angeblich persönlich» («Путин, на этот раз якобы лично»). Ее автор К. Холм отмечала, что статья В.В. Путина написана высокопрофессионально, в стиле записанного устного повествования. С паузами и ассоциативными вставками, чего никогда бы не позволили себе кремлевские спичрайтеры. Она разительно контрастирует с государственной пропагандой ненависти, развязанной самим В.В. Путиным, и истерической демонстрацией военной мощи.

Президент указывал на такие черты своих родителей, как жертвенность и прощение, что в интерпретации К. Холм выглядело как попытка канонизации семьи В.В. Путина.

Однако ключевой темой статьи, рассчитанной на зарубежную аудиторию, являлось раскручивание инсинуаций о том, что В.В. Путин был воспитан в приемной семье.

В итоге делался вывод, что В. Путин, очевидно, хочет создать себе новый имидж с помощью своей истории [Holm, 2015].

Формальный повод, чтобы упрекать В.В. Путина в стремлении получить имиджевые дивиденды, был, поскольку выход статьи в 2015 г. совпал с первым участием Президента России в набирающем популярность и одобрение среди населения шествии «Бессмертный полк». Однако подобная точка зрения в полной мере не выглядит справедливо. Критически настроенные лица воспринимают подобную активность субъекта как проявление сконструированного образа, игнорируя человеческие, личностные характеристики и переживания.

Заключение

Исторический дискурс Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, а также современный дискурс о праздновании Дня Победы представляет собой важный аспект противостояния России и Запада, особенно в контексте их основной аудитории – молодежи, которая является проекцией будущего общества. Если старшее поколение, имеющее в большинстве своем сформированную картину мира и навыки критического мышления, а также личный опыт взаимодействия с участниками войны, в меньшей степени подвержено воздействию заинтересованных сил, то молодежь, учитывая отсутствие четко сформулированной в силу возраста и бэкграунда позиции, может стать объектом для манипуляций. Понимание этого присутствует как в российском, так и зарубежном дискурсе. Этим объясняются содержащиеся в текстах Резолюций рекомендации по разработке и совершенствованию учебных пособий, программ и мероприятий, а также призывы по формированию общей культуры исторической памяти у молодого поколения в контексте продвигаемых на Западе концепций. В свою очередь, в России тема Великой Отечественной войны является основополагающей в концепции патриотического воспитания молодежи.

Российские и зарубежные пользователи социальных медиа, а также СМИ посредством дискурсивных практик способствуют распространению разделяемых ими идей, обеспечивая трансформацию исторической памяти у определенной аудитории. При этом заинтересованные акторы не всегда руководствуются принципами исторического объективизма, допуская репрезентацию событий в выгодном для политической конъюнктуры свете, тем самым создавая посредством предлагаемых нарративов предпосылки для социальной амнезии. В свою очередь, запущенные трансформационные процессы оказывают существенное влияние на историческое сознание, определяющие принципы самоидентификации и влияющие на модели поведения в современных социально-политических условиях.

Проведенный анализ показывает, что развивающиеся на Западе концепции активно экспортируются и на российскую аудиторию, делегитимируя в определенной степени российский дискурс о Великой Отечественной войне и мероприятия, посвященные Дню Победы, которые предлагает власть. При этом российские медиа практически не имеют возможности влиять на западную аудиторию, да еще и сохраняют риски потерять контроль над своей, в первую очередь молодежной аудиторией. Эта ситуация не может не вызывать опасения у власти, вынуждая ее прибегать к ограничительным мерам.

Список источников

- Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. 2009. Вильнюс: 77.
- День Победы: как его отметят в России. 2021. ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-kak-ego-otmetjat-v-rossii> (дата обращения: 29.10.2023)
- Федеральный закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ред. от 01.07.2021). Законодательство Российской Федерации. Режим доступа: <https://zrf.su/zakon/1995-05-19-n-80-fz/st-6.1.php> (дата обращения: 16.11.2023)
- Importance of European remembrance for the future of Europe. European Parliament. 2019. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (accessed: 12.11.2023)

Список литературы

- Антоненкова А.С. 2019. Зарубежные СМИ о Великой Отечественной войне в контексте информационного противоборства. Вопросы теории и практики журналистики, 8(3): 608–624. doi: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).608-624
- Булдакова Д.И. 2021. Резолюция Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в осмыслении российских СМИ 2019 г. Россия и современный мир, 1: 220–236. doi: 10.31249/rsm/2021.01.13
- Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. 2017. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян. Социологические исследования, 3: 123–133.
- Дмитрий Медведев: «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали». 2010. Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/news/361448> (дата обращения: 11.11.2023)
- Емельянова Т.П., Мишарина А.В. 2014. Ознаменованье Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп. Знание. Понимание. Умение, 4: 220–229.
- Курицын А.Н., Лемэр Л.Г., Ашманов И.С., Гребенюк А.А. 2020. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М., Первое экономическое издательство: 52.
- Лаухина С.С., Юрченко Р.А. 2021. Дискурс в зарубежных СМИ и интернет-блогах о параде Победы в контексте информационной войны. П.Е. Кобзарь. Трансформация войны в условиях глобализации мира: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Омск, 23 апреля 2021 г.) Омск, ОАБИИ: 158–164.
- Макаркин А. 2019. Локализация истории: почему Владимир Путин возвращается к 1939 году. РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/12/2019/5e05c89a9a7947d9b7caa165> (дата обращения: 12.11.2023)
- Путин В.В. 2015. «Жизнь такая простая штука и жестокая». Русский пионер, 55. Режим доступа: <https://ruspioner.ru/cool/m/single/4655> (дата обращения: 16.11.2023)
- Путин В.В. 2020. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. Президент России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 14.11.2023)
- Пушкарева И.М. 2019. Роль государственного церемониала России в формировании современной культурной идентичности. Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. Диалог культур и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 марта 2019 г. М.: Московский государственный лингвистический университет: 163–168.

- Синютин А.А. 2021. День Победы как ритуал интеграции российского социума. Мир науки. Социология, филология, культурология, 3. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/34SCSK321.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).
- Фесик К.А. 2021. Историческая память о Великой Отечественной войне: отношение россиян к Параду Победы (на материалах Рунета и соцопросов). А.Н. Попов. Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики: междунауч.-методич. конф. 23 марта 2021 г. Самара – Оренбург – Нижний Новгород, СамГУПС, ОрИПС, Филиал СамГУПС в Нижнем Новгороде: 1108–1112.
- Челлини К.Г. 2010. 65 лет Великой Победы (обзор СМИ). Мир перемен, 2: 122–127.
- Ellyatt Н. 2020. Russia is Holding a Massive Show of Military Might in Moscow, and it's Crucial for Putin. CNBC. Available at: <https://www.cnbc.com/2020/06/24/russia-victory-day-parade-2020-why-it-matters.html> (accessed: 08.11.2023)
- Holm К. 2015. Putin, diesmal angeblich persönlich. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/wer-waren-die-eltern-des-russischen-praesidenten-putin-13584564.html> (accessed: 16.11.2023)
- Leiroz L. 2023. Western Media Spread Lies about Russia's Victory Parade. infoBRICS. Available at: <https://inosmi.ru/20230512/parad-262853901.html> (accessed: 15.03.2023)
- List Putina do Polaków – pełna wersja (Putin W. Karty historii – powód do wzajemnych pretensji, czy podstawa pojednania i partnerstwa?). 2009. Wyborcza.pl. Available at: https://wyborcza.pl/7,75399,6983945,list-putina-do-polakow-pełna-wersja.html#S.embed_link-K.C-B.1-L.1.zw (accessed: 26.03.2023)
- Maas Н., Wirsching А. 2020. Keine Politik ohne Geschichte. Der Spiegel. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3?fbclid=IwAR2HAnKuScyszpvWOiwREuM0I0TJHxTGfTvrONXZxIkUMzS8yXHxOUSlkeM> (accessed: 15.11.2022)
- Putz С. 2020. Russia's Victory Day Guests. The Diplomat. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/russias-victory-day-guests/> (accessed: 9.11.2022)

Reference

- Antonenkova А.А. 2019. Foreign Media About the Great Patriotic War in the Context of Information Confrontation. Theoretical and Practical Issues of Journalism, 8 (3): 608–624. doi: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).608-624 (in Russian).
- Buldakova D.I. 2021. The Resolution of European parliament «On the importance of European Remembrance for the Future of Europe», as Construed in the Russian Mass Media, 2019. Russia and the Contemporary World, 1: 220–236. doi: 10.31249/rsm/2021.01.13 (in Russian).
- Golovashina O.V., Linchenko A.A., Anikin D.A. 2017. Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians. Sociological Studies, 3: 123–133 (in Russian).
- Dmitrij Medvedev: «Nam ne nado stesnjat'sja rasskazyvat' pravdu o vojne – tu pravdu, kotoruju my vystradali» [Dmitry Medvedev: «We don't have to be shy about telling the truth about the war – the truth that we suffered»]. 2010. Izvestija. Available at: <https://iz.ru/news/361448> (accessed: November 11, 2023)
- Emelianova T.P., Misharina A.V. 2014. Commemoration of Victory in the Great Patriotic War as Perceived by Various Social Groups. Knowledge. Understanding. Skill, 4: 220–229 (in Russian).
- Kuricyн А.Н., Lemjer L.G., Ashmanov I.S., Grebenjuk А.А. 2020. Velikaja Otechestvennaja vojna. Fal'sifikacija istorii. Manipuljacija v social'nyh media [Great Patriotic War. Falsification of History. Manipulation in Social Media]. М., PRIMEC Publishers LLC: 52.
- Laukhina S.S., Yurchenko R.A. 2021. Victory Parade Discourse in Foreign Media and Internet-Blogs in Information War Context. P.E. Kobzar. Transformacija vojny v uslovijah globalizacii mira: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 23 aprelja 2021 g.) Omsk, OABII: 158–164.
- Makarkin А. 2019. Lokalizacija istorii: pochemu Vladimir Putin vozvrashhaetsja k 1939 godu. [Localization of History: why Vladimir Putin Returns to 1939]. RBC. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/28/12/2019/5e05c89a9a7947d9b7caa165> (accessed: November 12, 2023)

- Putin V.V. 2015. «Zhizn' takaja prostaja shtuka i zhestokaja» [“Life is so simple and cruel”]. *Russkij pioner*, 55. Available at: <https://ruspioner.ru/cool/m/single/4655> (accessed: November 16, 2023)
- Putin V.V. 2020. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II. President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed: November 14, 2023) (in Russian).
- Pushkareva I.M. 2019. The Role of the Russian State Ceremonial in the Formation of Modern Cultural Identity. С.В. Daletsky, А.Yu. Platko. *Dialog kul'tur i civilizacij. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 15–16 marta 2019 g. Moscow: Moscow State Linguistic University: 163–168* (in Russian).
- Sinyutin A.A. 2021. Victory Day Celebration as a Ritual of Integration of the Russian Society. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/34SCSK321.pdf> (дата обращения: 12.11.2023) (in Russian).
- Fesik K.A. 2021. Istoricheskaja pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: otnoshenie rossijan k Paradu Pobedy (na materialah Runeta i socoprosov) [Historical Memory of the Great Patriotic War: the Attitude of Russians to the Victory Parade (Based on Materials from Runet and Opinion Polls)]. A.N. Popov. *Nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: mezhdun. nauch.-metodich. konf. 23 marta 2021 g. Samara – Orenburg – Nizhny Novgorod, Samara State Transport University: 1108–1112*.
- Cellini K.G. 2010. 65 let Velikoj Pobedy (obzor SMI) [65 Years of the Great Victory (Media Review)]. *Mir Peremen*, 2: 122–127.
- Ellyatt H. 2020. Russia is Holding a Massive Show of Military Might in Moscow, and it's Crucial for Putin. *CNBC*. Available at: <https://www.cnn.com/2020/06/24/russia-victory-day-parade-2020-why-it-matters.html> (accessed: 08.11.2023)
- Holm K. 2015. Putin, diesmal angeblich persönlich. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/wer-waren-die-eltern-des-russischen-praesidenten-putin-13584564.html> (accessed: 16.11.2023)
- Leiroz L. 2023. Western Media Spread Lies about Russia's Victory Parade. *infoBRICS*. Available at: <https://inosmi.ru/20230512/parad-262853901.html> (accessed: 15.03.2023)
- List Putina do Polaków – pełna wersja (Putin W. Karty historii – powód do wzajemnych pretensji, czy podstawa pojednania i partnerstwa?). 2009. *Wyborcza.pl*. Available at: https://wyborcza.pl/7,75399,6983945,list-putina-do-polakow-pełna-wersja.html#S.embed_link-K.C-B.1-L.1.zw (accessed: 26.03.2023)
- Maas H., Wirsching A. 2020. Keine Politik ohne Geschichte. *Der Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/keine-politik-ohne-geschichte-a-d74deffe-c0f3-4ff7-a6af-dc713e74c6f3?fbclid=IwAR2HAnKuScyszpvWOiwrEuM0I0TJHxTGfTvrONXZxIkUMzS8yXHxOUSlkeM> (accessed: 15.11.2022)
- Putz C. 2020. Russia's Victory Day Guests. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/russias-victory-day-guests/> (accessed: 9.11.2022)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.02.2024

Поступила после рецензирования 27.02.2024

Принята к публикации 28.02.2024

Received 15.02.2024

Revised 27.02.2024

Accepted 28.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Сергей Михайлович, ассистент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия

 [ORCID 0000-0002-1160-1157](https://orcid.org/0000-0002-1160-1157)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Zakharov, Assistant of the Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia